

СВЛ

*ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ХУЛИГАН
ИОСИФ РАСКИН*

Нина Краснова

СУДЬБЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ

Нина Краснова

*ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ХУЛИГАН
ИОСИФ РАСКИН*

Иосиф Раскин

**1935
♦
2015**

Серия книг

**СУДЬБЫ
ВЫДАЮЩИХСЯ
ЛЮДЕЙ**

*Основана в 2018 году
Е. Степановым и М. Раскиным*

**С
В
Л**

ВЫПУСК

2

Нина Краснова

**ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ
ХУЛИГАН
ИОСИФ РАСКИН**

*Книга памяти об Иосифе Раскине, знаменитом
книжнике, книгоноше, собирателе анекдотов,
частушек, афоризмов, забавных историй, авторе
бестселлера «Энциклопедия Хулиганствующего
Ортодокса»*

Вест-Консалтинг
Москва
2018

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)
К78

Автор-составитель Краснова Н. П.

К78 Ортодоксальный хулиган Иосиф Раскин.
Серия — Судьбы выдающихся людей (СВЛ) —
М.: «Вест-Консалтинг», 2018 — 416 с., илл.

ISBN 978-5-91865-525-2

Эта книга посвящена памяти Иосифа Раскина, знаменитого книжника, собирателя анекдотов, баек, частушек, куплетов, афоризмов и крылатых выражений, автора бестселлера «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», защитника «великого, могучего, свободного и правдивого русского языка» и неотъемлемой части этого языка — неподцензурной лексики.

В книгу включены воспоминания об Иосифе его родных и друзей, и стихи о нем, и интервью с ним, и репортажи творческих вечеров с его участием и участием медийных лиц, а также материалы о вечерах памяти главного героя, и много чего еще, в том числе и его любимые анекдоты.

Из всего этого вырисовывается яркий, нестандартный, живой образ Иосифа Раскина, уникального деятеля культуры, который вошел в историю и занял там свою почетную нишу, пустовавшую до него.

*В книге использованы фотографии из архива автора
и из архива Иосифа Раскина.*

© Краснова Н., 2018
© Яхонтов А., предисловие, 2018
© Степанов Е., название серии, 2018
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

О ХУЛИГАНСТВУЮЩЕМ ИОСИФЕ РАСКИНЕ, знаменитом «Клубе «12 стульев» «Литературной газеты», Бенедикте Сарнове и Марлене Кораллове

Иосиф Раскин — шумный, массивный, непредсказуемый, громкоголосый... Бесподобный! Он жил разбросанно, широко. Даже странно, что сумел собрать, укомплектовать свой богатейший опыт в ограничительные рамки книг...

Книг очень интересных, необычных, как и создавший их автор. Эти книги — на видном месте в моей библиотеке, я постоянно беру их с полки, перелистываю...

Но сперва о том, где и при каких обстоятельствах мы познакомились.

Сатирический клуб «12 стульев» не мог существовать вне атмосферы «Литературной газеты». Розыгрыши, репризы, анекдоты были воздухом, которым дышали сотрудники лучшего, наиберальнейшего (насколько было возможно при цензурной давиловке) издания. «Газета интеллигенции» — так называли «ЛГ». Из пятнадцати лет, отданных мною «Литгазете», пять я стоял во главе удивительного сатирически-мебельного комбината, учрежденного по образу и подобию романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Ух, какая лихая жизнь кипела в этом оазисе свободы — посреди регламентированной всезапрещенности, какие страсти бушевали на конвейерном производстве шуток!

Поразительные люди приходили в «ЛГ» и в Клуб: столпы и пророки, мудрецы и весельчаки... Непревзойденный Ана-

толий Рубинов — фронтовик-летчик и прирожденный пересмешник. Он придумал рассказ о телефонной трубке, которая транслирует слова собеседника еще некоторое время после окончания разговора. Представляете, чего наслушался герой этого произведения?

Однажды я получил письмо: «Дорогой Андрей! Увидел вашу фамилию в афише. Вы названы молодым писателем. Но для меня вы не молодой писатель. Я давно вас читаю. В моем собрании автографы Булгакова, Зощенко, Хармса. Не могли бы и вы, дорогой Андрей, прислать ваш автограф?». Подпись: «Павел Соломонович Шпринтинбед». Пишу: «Дорогой Павел Соломонович! Для меня большая честь...»

Через два дня в буфете «Литературной газеты» Анатолий Рубинов интересуется: «Андрюша, знаете, как переводится с немецкого «Шпринтинбед»? Прыгай в кровать!» Конечно, он меня разыграл! Уникальный, не втаптывающий, не унижающий, а возвышающий прикол! Разыгрывают ли так сегодня?

(Между прочим, в редакцию поступило письмо от литературного критика Юрия Минералова с жалобой: его статью «маринуют» слишком долго. Из редакции (неофициально) ответили: «У нас Рубинов и Яхонтов ждут очереди, так что вы, Минералов, не первый претендент». За словом в карман в «Литгазете» не лезли.) Зато Марлена Кораллова всегда печатали, что называется, с пылу с жару, «с колес»...

Рубинов оказался провидцем: в кабинете Виктора Веселовского, главного администратора «Клуба ДС», куда мне пришлось переместиться из отдела русской литературы, висели на стене в самодельных рамках портреты перечисленных Рубиновым выдающихся классиков веселья.

Я не хотел становиться администратором. Тем более, главным. Над юмором не может быть начальников. Когда в просторной комнате Клуба собирались авторы и начинали хохмить, ерничать, острить, среди них не было начальников. Все были на равных. О чем мы балакали? Обо всем на свете!

...Работник отдела внешней политики Яков Боровой проводит политинформацию о международном положении в кор-

ректорском бюро. Яшу спрашивают: «Почему в магазинах нет наволочек и простыней?» Он находит ответ: «Говорим о международных делах». Девочка-корректорша: «Спрошу иначе: почему в Англии есть постельное белье?»

На конференции «Дружба народов — дружба литератур» в Баку участников потчуют грушами: «Очень вкусный сорт — бери-я». Фотокорреспондент «ЛГ» Саша Карзанов: «Уже давно в Андропова переименовали!»

Блистательный Аркадий Ваксберг, вернувшись от министра Щёлокова, рассказывает: «Николай Анисимович меня похвалил: «Вы с братом даете... Такие детективы пишете!» (Министр спутал журналиста с детективистами братьями Вайнерами.)

(Забегая вперед: прикованный, как Прометей к скале, к больничной койке — капельницами, Аркадий Ваксберг не мог поверить, что умирает, сорвал больничные катетеры и нашлепки, сбежал из палаты.) Комическое и душераздирающее шагают рука об руку...

Пародист Вадим Бабичков (помню его, высоченного, с грушеподобным добрым носом) приносил в «Клуб «12 стульев» стихи и эпиграммы, которые, как правило, публиковались. Но одно небольшое четверостишие было бессмысленно предлагать начальству. В пуританские времена оно было, как тогда говорили, «непрохонже».

*Как я хотел бы, видит Бог,
Провести всю жизнь у ваших ног.
Лелея слабую надежду
Когда-нибудь попасть и между.*

Цитирую по памяти, может быть, неточно. Делаю это с единственной целью: предать бумаге, зафиксировать. Ибо ненапечатанное может кануть, а напечатанное вдруг да разыщут позднейшие исследователи...

Фотографировали Александра Чаковского, главного редактора «ЛГ» и автора романов «Победа» и «Блокада», чтобы поместить его портрет на обложке «Роман-газеты». Снимок появился. На нем Александр Борисович сидел за письменным столом, а перед ним, поверх рукописи, лежали большие ножницы. Не ручка, не карандаш, даже не скрепка, а ножницы... То есть: он создавал свои произведения с помощью... ножниц? Вырезал, компилировал... Скандал разразился огромный. В Клубе потешались и над тем, кто защищал сатириков в самых высоких инстанциях...

В доме творчества «Дубулты», где Чаковский отдыхал в самые лучшие летние месяцы, писатели порой часами дежурили возле лифтов, чтобы проехать с ним в одной кабине и успеть попросить о рецензии или публикации в «ЛГ», успеть подарить книжку — разумеется, для отзыва на страницах газеты. Но однажды Александр Борисович изменил своему правилу и поехал отдыхать в санаторий ЦК партии. А там строжайшие нормы: для членов политбюро — отдельные коттеджи, для кандидатов в члены политбюро — коттеджи похуже, для членов ЦК — свой корпус, для кандидатов в члены ЦК — свой. Получалось, Чаковский, кандидат в члены ЦК, находился на самой низшей ступеньке социальной лестницы. В писательских домах он был одной из главных фигур, от него все зависели, а тут ходил, приседая от неуверенности. Больше он в цековские санатории не ездил.

Альберт Беляев, замзавотдела культуры ЦК КПСС, признавался (а в Клубе изгалялись): главное в его работе — иметь крепкий позвоночник: постоянно приходится сидеть в президиумах, а держаться надо прямо.

Мишенью стал и Виктор Веселовский. У него усугублялся напряг в семье. Жена решила разрядить обстановку и воцарить в доме теплую, уютную атмосферу. Знала: вечером по ТВ футбол, поставила в холодильник бутылку водки, приготовила бутерброды. Виктор расположился напротив экрана, она внесла яства в комнату. С удивлением он взирал на этот непривычный антураж. А жена решила еще и поддержать ква-

лифицированную беседу. Как раз в этот момент комментатор произнес: «Бил Колотов»...

Ах, если бы жена не владела английским...

«Как странно, правда? — сказала она. — Имя Билл, а фамилия русская — Колотов...»

Виктор разразился непередаваемой тирадой...

* * *

Если скажу, что в Клубе собирались лучшие острословы Советского Союза, погрешу перед истиной. Приходили звезды первой величины и не самые известные авторы. Но именно от них удавалось услышать самое заковыристое: «Как получать деньги и не ходить на работу? Очень просто! Пишешь записку: «В моей смерти прошу никого не винить», принимаешь две пачки пургена и вызываешь «неотложку». Врачи кричат: «От пургена еще никто не умирал!». А ты: «Прощайте, братья!». Везут в психушку, начисляют 32 рубля ежемесячной пенсии». (Улавливаете, откуда пошла примочка об одновременном приеме слабительного и снотворного? Нынешние мастодонты жанра вышли, как из голевской «Шинели», из недр Клуба.)

...Хорошо помню заветную дверь, ведущую в Клуб (почти как в каморке старого Карло) — обтянутую старым дерматином, из прорех торчат клочья ваты. Студентом журфака я принес сюда свой первый рассказ, отдал его Илье Суслову... Буквально в каждом эпизоде юмористы находят смешное! Жива легенда: на партбюро Сулову давали характеристику для поездки в Болгарию. Евгений Дмитриевич Федоров, директор библиотеки, бывший чекист, спросил: «Илья, не хочешь быть болгариним? Не останешься в Болгарии?» Илья ответил: «Я русским хочу быть».

Когда мне предложили возглавить Клуб, моя редакционная подруга Таня Архангельская взялась отговаривать: «Зачем? Ты — серьезный человек». (Нужно было прожить жизнь, чтобы понять, насколько я несерьезен.) Таня организовала встречу с Юрием Верченко — одним из руководителей Союза писателей. Я искренне верил: кто-то может принять решение вместо меня. Верченко ска-

зал: «Ну и вопросы ты задаешь! Если бы спросил: пи... дить, бл... юг американцев, я бы ответил: пи... дить! (Как видим, времена поворачиваются. — А. Я.) А идти ли тебе в клоуны, не знаю».

Хочу заметить: все, что цитирую, имеет прямое и непосредственное отношение к главному герою моего повествования. Иосифу Раскину. Лишенная ханжества жизнь течет вокруг, с матерком, разговаривают даже руководители Союза писателей (уж не говорю о рядовых членах). Иосиф Раскин в своих книгах воспроизводит именно такую неприукрашенную, неди- стиллированную жизнь!

Уговорила меня возглавить Клуб замечательный журналист Валя Помазнёва. Она сказала: «Люди живут тяжело, а тебе поручают и доверяют дарить радость и веселье. Разве от такого отказываются?»

Кстати, после того, как я согласился вселиться в опустевший кабинет Веселовского, ЮрНик Верченко через Таню передал свой вклад в «Толковый словарь» «Клуба ДС»: «Мелиоратор — докладчик». Всем нравился «Клуб «12 стульев», все начинали читать «Литературную газету» с последней, 16-й страницы, но сатиры опасались, чурались, побаивались, ее обходили стороной. Верченко лестно было поучаствовать в состязании балаганщиков, но печатать свою «блестку» он не разрешил. Я опубликовал ее значительно позже — в «Московском комсомольце», когда Юрия Николаевича уже не стало.

* * *

Среди приходивших в Клуб был и книгоноша Иосиф Раскин. По началу он присматривался и жался в сторонке. (Было от чего и от кого оробеть.) Хотя обозначения «жаться» и «сторонка» — не о Раскине. Он привык быть хозяином положения, привык повелевать, подчинять и быть на стрежне. (Передо мной приказы начальников книжных магазинов, где работал Иосиф Залкиндович. Сплошь — благодарности и выговора. За перевыполнение плана и превышение полномочий, за доблестный труд на благо читателей и за самоуправство, за творческий подход к делу и грубую нецензурщину.)

Где, как не в «Клубе «12 стульев», такому неординарному са­моуправцу было обосноваться и развернуться? Раскин быстро пообвыкся и обрел авторитет. Он внимательно слушал ораторов, запоминал их перлы, творческое осмысление услышанного впоследствии послужило основой его будущих фолиантов.

В «Клуб «12 стульев» Иосифа Раскина привел его ближай­ший друг — пародист Борис Брайнин. Борю можно смело на­звать классиком юмористического жанра, причем скромным классиком, что нетипично для популярного и любимого народом искусства увеселения. Борис не предпринимал усилий, что­бы раздуть свой имидж, имя его не гремело, однако для знатоков и подлинных почитателей и ценителей невульгарного смеха оно звучало как пароль и воспринималось бесспорным камертоном. Бессменный автор «Клуба «12 стульев» и лауреат премии «Зо­лотой теленок», он в анонимном состязании пародистов поло­жил на лопатки великого (не только ростом) ведущего передачи «Вокруг смеха» Александра Иванова. Выпустил несколько книг: «Слово предоставляется», «Прошу высечь», «Роли исполняют», «Прибамбасы в шампанском»...

Я побывал у него незадолго до его смерти и не думал, что видимся в последний раз. Спросил, каковы творческие успехи. Борис произнес: «Ночью он глядел на звезды и думал: страшно далеки они от народа...» Я расхохотался. В сближении, каза­лось, несочетаемого был он весь. На протяжении жизни Брай­нин ни слова не произносил в простоте, каждую фразу и репли­ку стремился превратить в репризу, «довернуть» до каламбура. На одной из подаренных мне книг сделал надпись: «Собрату по перу», а потом приписал о том, что и в Перу на недельку не мешало бы смотаться. В жилах его, казалось, текла не кровь, а бур­лило шутовство.

Ему принадлежит знаменитое четверостишие:

*Пикуль вешаться готов!
Что за наказание!
Говорят, Иван Шевцов
Сделал обрезание!*

(Несведущим поясню: после того, как Иван Шевцов в одном из своих романов устами героя заявил — стихи в журнале «Юность» разбивают шестиконечными звездочками, и патетически воскликнул: «Каждому светят свои звезды!» — на редакцию молодежного издания обрушились гонения. Одна за одной приходили проверочные комиссии. Разбивку велели делать «пятиконечными», патриотическими. Шестиконечные, «сионистские», на типографском языке называвшиеся «снежинками», отменили.)

* * *

Калейдоскопично вспоминаю: Борис, братья Вайнеры и я в ЦДРИ отмечаем пародию Бориса «Сестрица Алenuшка и братья Вайнеры», в ЦДЛ презентуем первую независимую сатирическую газету «Балда», справляем 50-летний юбилей Бориса в ресторане «Узбекистан», и рядом с ним — Иосиф Раскин... Загулять любили тот и другой... Могли променять любое серьезное мероприятие на застолье с друзьями.

Но так ли весела жизнь тех, кто потешает других?

Едва я был назначен руководить 16-й страницей «ЛГ», пришлось выручать Брайнина из беды: в творческой командировке в дуэте со звездным артистом Леонидом Марковым Борис позволил себе злоупотребить горячительным, чем сильно ухудшил впечатление о себе зрительской аудитории. Ситуация совпала с попыткой внедрения «сухого закона». Была спущена команда: не печатать произведений презренного нарушителя. Но я мало-помалу начал протаскивать опального неблагонадежца на полосу. Следом за «Литгазетой», законодательницей мод в области пересмешничанья и подтрунивания над идиотизмами жизни, Брайнина стали печатать и остальные.

* * *

И вот: напротив моего письменного стола висели портреты Хармса, Зощенко, Булгакова и смотрели за каждым моим движением, наблюдали, какие материалы я подписываю в печать, какие бракую. Я работал над 16-й полосой, а она работала надо

мной. Я был по тогдашним меркам молод: 33 года! Бессонными ночами планировал сверхсмелые публикации. Не все мне позволяли. (Ах, какой дивный фельетон Лиходеева был зарублен!) Но многое из высмеивающей литературы удавалось пробить и напечатать.

Напряженная страда закончилась тяжелейшим воспалением легких. Врачи не могли сбить температуру, заподозрили туберкулез. Если бы не международные связи «ЛГ», меня, быть может, не спасли бы. Редкий антибиотик привезли из Индии. Один из авторов, по профессии медик, успокаивал: «Отправят лет на десять в санаторий, на свежий воздух. Будешь получать пенсию 32 рубля, благодать!» Улавливаете переключку с пургеном? Рифмы жизни, рифмы юмора!

...Работа на 16-й полосе «Литературной газеты» оказалась счастливейшей полосой моей жизни. В том числе и потому, что познакомила меня с Иосифом Раскиным. И со сколькими еще поразительными современниками!

Каждую среду раздавался звонок Никиты Богословского. Он драконил те выпуски, в которых не обнаруживал своего имени. Звонил начальству, говорил, как плохо я тружусь. Я возненавидел Богословского. Лишь в последние годы его жизни мы сблизились, и я узнал, какой он добряк. Приезжал к нему в высотку на Котельническую набережную, мы подолгу разговаривали, он рассказывал о таких своих розыгрышах, про которые не знал никто. Они были небезобидны: приехал к известному писателю, тот чувствовал себя плохо, ждал курьера из поликлиники, приготовил анализ... Богословский подменил бутылку и налил в нее пиво. Больного срочно госпитализировали: жидкость в лаборатории проверяют не на вкус и цвет, а на химический состав. Состав привезенной влаги был несовместим с жизнью.

Никита Владимирович не общался, сыном, моим тезкой. Огромная трагедия! Не могу забыть повесть, которую в молодые годы написал Андрей. Ее герой, работник морга, влюбившийся в красивую девушку, видит ее привезенный труп.

Кто еще входил в ареопаг? Гениальный Леонид Зорин — автор «Царской охоты», «Диона», «Покровских ворот»... Отваж-

ный историк-литературовед Даниил Аль (я ездил к нему в Ленинград, он трудился в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина)... Певец и поэт Александр Дольский... Актер Евгений Моргунов... Бывалый... Удивительно глубокий человек, исполнявший на пианино Листа и представлявшийся при знакомстве внебрачным сыном пионера Павлика Морозова... Пародист Александр Иванов, его прозвали «перпендикуляром»... Он дал мне рекомендацию в Союз писателей. Аркадий Арканов, присылавший трогательные, безоговорочно поддерживавшие меня письма. Зиновий Высоковский, произносивший с Кремлевской сцены (и в театре Сатиры) умопомрачительно смешные монологи: «Люлёк»... Он же — пан Зюзя из телевизионного «Кабачка «13 стульев»... Кабачок отпечковался, конечно, от «Клуба 12 стульев».

Хочу обратить внимание на роль стульев в развитии отечественной сатиры. Впору защитить диссертацию на эту тему.

Однажды Зиновий Моисеевич заболел. С моим другом Петром Спектором мы решили навестить его в больнице. Купили фрукты... Заглянули в ресторан. Потом в другой... Мы приехали в клинику на Пироговку лишь к полуночи. Дверь, естественно, была заперта. Спектор назвал имя своего приятеля, одного из тогдашних руководителей Москвы. Нам тотчас открыли. Вспыхнул свет, побежали заспанные врачи. Высоковский вышел с округлившимися глазами: «Ребята, в чем дело?» — «Зяма, мы тебе фрукты привезли...» — только и могли вымолвить мы.

Павел Гусев, только-только назначенный главным редактором «Московского комсомольца», опубликовал на 16-й странице «Литгазеты» фельетон о советских туристах, приехавших в Будапешт. Наши люди, одержимые шмуткоманией (в СССР царил тотальный дефицит), увидев химчистку, где висели вычищенные дубленки, ринулись примерять. Протесты владельца химчистки оказались тщетны.

* * *

О книгах Раскина прекрасно отзывались давшие Иосифу Залкиндовичу рекомендацию для вступления в Союз писателей

корифеи: Марлен Кораллов и Бенедикт Сарнов. Глубоко символично, что оба эстета (а именно так будет правильно их охарактеризовать), не сговариваясь, оценили творческие потенции Раскина весьма высоко. О том и другом опять-таки требуется рассказать подробнее. Бенедикт Сарнов — осмыслитель творчества таких колоссов, как Маяковский, Булгаков, Мандельштам, автор труда «Наш советский новояз», в аннотации к этому тому говорится: «...самое мощное наше оружие, универсальное наше лекарство от всех болезней — благословенный русский мат». Сарнову и в самом деле была любопытна коллекция «перлов», собранная Раскиным.

От себя добавлю: если можно изъясняться забористо, то не возбраняется и «подзабористая» речь!

Марлен Кораллов — всемирно признанный теоретик искусства, покоритель философских высот, удивительный, неохватной мощи и интеллектуальной энергии человек, исследователь биографий Карла Либкнехта и Розы Люксембург, один из последних оставшихся среди действующих и пишущих сталинских эков литератор...

Мы беседовали накануне его смерти, о которой ни я, ни он не догадывались. Он сказал:

— Ты знаешь, что значит для меня декабрь. День рождения матери, день рождения отца. День рождения Сталина... С ним я еще не поквитался.

Это было типично для него: сопрягать подробности личного свойства с катаклизмами вселенского масштаба. Мыслить поверх мелочей и подсознательных барьеров. Так он воспринимал прошлое и настоящее — равновелико, мгновенно, параллельно. Мерил и истолковывал вечные для человечества проблемы глобальными категориями.

Свое эссе о нем Сергей Юрский озаглавил «Крупный». Продолжая мысль, я бы уподобил общение с Марленом — взгляду на действительность сквозь увеличительное стекло. Он был укрупнителем. Стоило бросить ничего не значащую, промежуточную фразу, и он, подхватив посыл, доводил его путем ссылок на авторитетные источники и собственный опыт до максималь-

ных объемов. Даже повседневность воспринималась им в укрупненных, пантагрюэлевских формах. Помню, моя мама (Марлен должен был к нам заглянуть) попросила:

— Марленчик, кончились папиросы. Купите по дороге...

Сколько, вы думаете, пачек «Беломорканала» он привез? Двадцать! Упаковку!

Дробничать, ужиматься, кусочничать, выгадывать, экономить — была не его природа, не его порода, не его стихия.

Другой случай: он возвращался из-за города, с полной корзиной грибов наведаясь к нам. Выходя из машины, прищемил дверью подвизившей его старой «Волги» руку. Мизинец болтался на ленточке кожи. Я в тот вечер корпел над книгами — готовился сдавать вступительный экзамен в МГУ. Бросил занятия, мы поехали в травмопункт. Провели там полночи. Вернулись. Мама тем временем пожарила грибы. Я нервно сказал: никаких застолий, буду зубрить. Марлен взглянул умудренно, иронически, уважительно: ему, познавшему карцеры и допросы, был, конечно, смешон (но и понятен!) мой максимализм.

— Что такого тебя могут спросить, чего бы ты не сумел наплевистить? — спросил он.

Появилась бутылка вина. И мы просидели до рассвета. Это было непедагогично. Вопиюще неправильно. И правильно. И незабываемо.

Он появился в коммунальной квартире, где я и мама занимали крохотную комнату, вместе со своим верным другом — переводчиком Симоном Маркишем, сыном расстрелянного поэта. Оба — насмешливые, всезнающие, перепасовывающиеся изысканными изречениями великих. Симон — миниатюрный, в сером наимоднейшем твидовом костюме, Марлен — высоченный, красивый, с вьющейся шевелюрой, громкоголосый, мускулистый. (Каждый день он ходил в бассейн...) В ковбоекке. Был в расцвете сил и на взлете ожиданий: выпущен из лагеря, реабилитирован, вернулся в Москву и даже обрел свой угол на Волхонке — новый виток надежд! Я, ученик младших классов, смотрел на него замороженно.

Мои представления о жизни в ту пору были до постыдного куцы. Дедушки, бабушки, родители скрывали все, что могло смутить неокрепшую душу, поколебать веру в правильность и справедливость творящегося. Семья, загнанная в подвальный этаж, чудом (может быть, именно благодаря тому, что никто не позарился на полутемные хоромы) выжила в эпоху террора, никто из старших не хотел, чтобы ребенок хоть краем уха прознал правду о витавшем над всеми страхе.

В коммуналке, где очутились мы с мамой после подвального существования, никто о культуре Сталина и вовсе не заикался: одна соседка — удивительной доброты медработник, замужем за воров-рецидивистом; вторая — фанатичка, вслух читавшая «Правду» на кухне и проводившая таким образом политинформации на общественных началах (к ней тайком от семьи заходил любовник — греческий коммунист, выдворенный за пределы своей страны и нашедший прибежище в СССР); третьи соседи — семья старых большевиков и их домработница; все были убеждены: посадки если и прекращены, то временно, вскоре они возобновятся, и тогда те, кто поверил разоблачениям Хрущева и разинул рот, начал болтать и хулить коварную власть, поплатятся.

Голова от окружающего абсурда шла кругом. Пытливый мой ум пасовал. Разве для того большевики совершали революцию, чтоб нанимать домработниц? Разве коммунисты — чистейшие нравственные создания — могут обманывать близких и крутить романы на стороне? О «сидельцах» в том мире толковали шепотком...

И вот в классический советский оазис врывается Марлен. Его визиты нечасты. Но он открыто и громогласно клеймит усатого тирана, рассказывает, какими удивительными людьми были его соседи по нарам. Не скрывает, ценой каких кулачных боев выжил на зоне. Со мной общается без скидок на возраст — без ханжеской недоговоренности и, казалось бы, естественных умолчаний. Как с доверенным товарищем, ровесником, который может встать вровень и оценить. Он для меня — Зевс-ниспровергатель, Гефест, дарящий темной массе огонь. Рассказывает, как и за что его взяли. Очень просто, как многих, — по ложному доносу. Называет имя клеветника. Живописует, как встретился с ним, вы-

идя на волю. Мурашки по коже от этих подробностей! (И ведь он мог тогда ввернуть: будь осторожен, не доверяй никому. Даже близким. Но никогда я не слышал от него банальностей и назиданий, пошлости он не изрекал. Конечно, доверяй — но разберись, а порой на это уходит целая жизнь, — кому можно довериться.) Я допытывался, мне было до озноба важно знать (я на всякий случай примеривал его судьбу на себя, ведь мама множила на печатной машинке «самиздатовские» рукописи — их приносил в том числе и Марлен, — а значит, подвергала себя и меня риску): как сумел он, неприспособленный, книжный, интеллигентный студентик, выдюжить, сменив костюмчик и галстук на бушлат и кайло? Он простенько отвечал: нечего было терять — срок впаляли 25 лет, значит, когда освободится, будет стариком. Отец расстрелян. Мать — тоже в лагере. Дождется ли жена, с которой едва успел расписаться? Не факт. (Он трезво смотрел на вещи.) Что в остатке? Имеет ли смысл цепляться за такую изначально обкорнанную жизнь? Пусть лучше убьют. Прикончат в драке, заморозят за неповиновение, расстреляют в колонне... Окружавшие уголовники получали отпор — становилось неповадно его прессовать: мог убить лопатой, кулаком, мог задушить. Паханы уважали, понимая: такого не подомнешь, не скрутишь в бараний рог, не склонишь к стукачеству и смирению. Забавно было слушать (уже в теперешние дни) о его случайных соприкосновениях с представителями нынешнего уголовного мира — пытавшимися, к примеру, проникнуть в его квартиру. Те полагали, что элементарно разведут дешевого фраера, но вдруг обнаруживали тончайшее знание блатных приемчиков и уловок...

Два правила, которыми руководствовался в бараке и продолжал руководствоваться в гражданском бытии, открыл он мне, младшекласснику, они стали и моими тоже постулатами: «Не спрашивайся — не отказывайся. Не тебя е... ут — не подмахивай».

Его мама, Кира Борисовна (Марлен называл ее «Кирусик»), избегала непарламентских просторечий. Она с юных романтических лет посвятила себя изучению марксистско-ленинской теории, считала (и гордилась этим), что единственная в мире правильно понимает труды Ильича. Никакие репрессии (ни гибель

объявленного «врагом народа» мужа, ни собственная судьба и судьба сына) не могли поколебать ее уверенности: Октябрьская революция и создание государства рабочих и крестьян — величайшее благо для человечества, а произошедшие перекосы и моря крови случились из-за неправильного толкования ленинского наследия. Сынка осознанно нарекла симбиозом имен своих кумиров-основоположников. Как-то, вернувшись из Грузии, где навещал солагерника (и замечательного прозаика) Чабуа Амирэджиби, Марлен со смехом рассказал: один из аксакалов укорил его при знакомстве: «Куда «С» дел?», намекая: в аббревиатуре должна наличествовать еще и сталинская составляющая.

Кира Борисовна освободилась из лагеря раньше Марлена. Осталась на поселении. По собственному опыту знала: сын мерзнет и голодает. Посылала ему теплые вещи и еду, денег не хватало, поэтому себе на рынке покупала кости, варила бульон для поддержания сил. Стесняясь нищеты, объясняла продавцам: «Это я для собачки».

* * *

Марлен приобщил меня к парящему над презренным практицизмом легкомыслию. И к инакомыслию приобщил. И ко всякого другого рода «мыслям». (Ключевым будет корень «мысль».) Я был обречен мыслить вслед за ним, вместе с ним. И облечен доверием стать свидетелем со стороны Марлена на его свадьбе. Но легкомысленно опоздал на церемонию. И не подвергся за это остракизму. За праздничным столом шутили: я-де побоялся взять на себя ответственность, потому что не уверен в прочности брачного союза. Ведь свидетель несет ответственность, если семья распадается. Шутки были небезосновательны. (Громче других над ними смеялась невеста. И тоже шутила: «Хорошее дело браком не назовут».) Ирине было 19, когда они впервые встретились. И уже тогда решили соединить судьбы. Но Марлен, опасаясь слишком очевидной разницы в возрасте и в страхе перед семейной кабалой, не рискнул.

Она вышла за другого. Он жил с другой. Через много лет их дороги опять пересеклись. На сей раз — навсегда.

Вернусь к вопросу о параметрах личности и о том, может ли подстроиться, примениться к окружающей жизни Гулливер, если пребывает в стране лилипутов, политика которых: уменьшать, принижать, притаптывать, обезглавливать, сводить к минимуму, упрощать до примитива... Что делать крупному, как ему жить? Измельчать в угоду трафарету? Распластаться ковриком? Ну, а если такое не предусмотрено генетической программой? Если неуклюжей мимикрией габариты не замаскируешь?

Марлен не умел приспособливаться. Не умел становиться «своим в доску» с теми, кого не уважал. Не умел втискиваться, втираться, пиариться.

Толмачом, переводчиком, посредником между Марленом и жизнью выступила Ирина. Для этого требовались столь же выдающиеся качества, как и те, коими был наделен муж. Дом Марлена и Ирины оставался в перекрестье самых значимых литературных событий.

Когда он заболел, Ирина продала картины и другие фамильные реликвии, но вытянула его из сползания в небытие. Ее самоотверженность поражала. Вновь стало ясно, сколь высокой пробы отношения связывают эту пару... Шутки Ирины стали другими: «Последними моими соперницами остались Роза и Клара». (Марлен пристрастно изучал архивы Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Клары Цеткин.)

...Константин Паустовский в знаменитом рассказе поведал, как мастер-ювелир из накопленных крупниц золота выплавил чудесной красоты цветок...

На один из моих дней рождения Марлен и Ирина подарили мне стеклянную розу — тонкую, изящную, символизирующую, мне кажется, их жизнь. Эта роза всегда у меня перед глазами. Глядя на нее, думаю: скоро помину не останется от имен Марлен, Майлен, Вилен, Энгельсина, сотрется и исчезнет знание о носивших эти имена людях. Истаивает неповторимая эпоха. Уходят уникальные ее представители. Через несколько лет невозможно станет различить, откуда взялась и почему уцелела хрупкая, как человеческая жизнь,

звонящая, когда прикасаешься к ней, не лишенная шипов вечности красота — филигранная роза в точеной вазе.

Проститься с Марленом Михайловичем в Дом актера пришли Сергей Юрский, Алексей Симонов, Бенедикт Сарнов, Марк Розовский...

* * *

Удивительная и жуткая деталь: Кораллов и Сарнов объединены не только многолетней дружбой (и тем, что дали Раскину рекомендацию в Союз писателей), а и смертью: Марлен умер на презентации книги своего коллеги Бенедикта Сарнова в Доме актера.

И вот читаю у Иосифа Раскина: коммунальная квартира, сталинские сидельцы... До чего все это похоже, одинаково, близко!

Мы проживаем одинаковые жизни!

Я рассказываю о тех, кто соприкасался с Иосифом Захаровичем Раскиным. Но это потому, что вам предстоит увлекательнейшее чтение о нем самом. В этой книге его облик предстает во всей полноте и во всем блеске.

* * *

О бытовой, повседневной щедрости Иосифа Раскина с придыханием рассказывают все, кто был с ним знаком. Я хочу сказать о его безудержной, неумной, фонтанирующей щедрости весельчака.

Чувство юмора, которым наделен человек, Всевышний экономно отмеривает на аптекарских весах. Отмеченные иронией, сарказмом, просто шутливостью, произведения искусства появляются нечасто и редко бывают масштабными, как правило, объемы не превышают двух-трех страничек, подпадая под чеховское определение: «Краткость — сестра таланта». (При этом краткость может оставаться унылой, серой, лишенной дара, как раз такой вариант — отнюдь не редкость.)

Мало кому удавалось вырваться из ограничительных рамок (Ярослав Гашек, Ильф и Петров, Марк Твен, Фазиль Искандер):

на большое полотно не наскребешь смеха, большое пространство не поддается тотальному осмеянию. Размер произведения, как правило, говорит еще и о масштабе личности его создателя. Но тот же Чехов сумел расширить границы своих возможностей и создал пьесы, повести, протяженную публицистику. Марк Твен сумел от новелл перейти к романам. Аверченко синтезировал и конвертировал богатый насмешливый опыт в повести. Ошибочно причисленный к когорте досужих зубоскалов Зоценко возвысился до «Голубой книги». Ильф с Петровым переросли фельетоны и размахнулись на «12 стульев» и «Золотого тельца». Булгаков, начав с фельетонов в «Гудке», создал роман «Мастер и Маргарита». Жеманная Теффи, классическая представительница женского юмора, накропала полные глубиной печали мемуары.

Иосиф Раскин мог издать сборник анекдотов. В период разрешенной свободы такие тома попеременно выпускали все издательства. Но Раскин, тяготевший к всестороннему осмыслению бытия, размахнулся на энциклопедию. И назвал ее «хулиганствующей» не ради эпатажа, а в соответствии со складом своего характера.

То, что он зафиксировал, запечатлел, теперь не сгинет. Из устной речи оно переместилось на вечную бумагу.

Ничто не пропадает, не исчезает бесследно.

Андрей ЯХОНТОВ

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

На поминках по «хулиганствующему ортодоксу» Иосифу Раскину в Пестром кафе ЦДЛа писатель, драматург Андрей Яхонтов высказал идею, которая уже витала в воздухе: «Наверное, было бы хорошо составить и издать коллективную книгу воспоминаний об Иосифе, но если она будет лишена вольностей в духе Иосифа, то она будет фальшивая, лживая и неинтересная, и нужна ли будет такая книга?».

Я попыталась составить коллективную книгу об Иосифе, которая не лишена вольностей в его духе и в которую вошли и разные воспоминания о нем, причем не только в виде мемуаров, но и в виде интервью с его родными и близкими, и интервью корреспондентов с ним, и стенограммы творческих вечеров с его участием и с участием известных артистов, режиссеров, поэтов-юмористов, прозаиков, общественных деятелей, и стихи разных авторов, посвященные ему, и отзывы читателей о его книгах, и много чего еще, и заметки о его первых вечерах памяти, опубликованные в «Независимой газете» и в «Поэтограде», и подробный репортаж большого вечера памяти в Большом зале ЦДЛ 11 ноября 2016 года, и, конечно, анекдоты, байки, частушки, куплеты, афоризмы из уникальной коллекции этого ценителя, хранителя и пропагандиста истинно народного устного творчества XX и XXI века и всех пластов нашего «великого, могучего, свободного и правдивого русского языка», включая и ненормативную лексику, которую не выкинешь из нашего фольклора, из нашей жизни, как из песни слово, не выкинешь.

Книга получилась в двух частях, хотя в нее вошло далеко не все, что могло бы войти.

В ней запечатлен Иосиф Раскин, яркий, разносторонне талантливый, сложный, противоречивый, независимый, страстный, отважный человек, автор «Энциклопедии хулиганству-

ющего ортодокса», который совершил прорыв в область табуированного искусства сатиры и юмора, вышел за рамки дозволенности и оставил свой глубокий след в истории нашей культуры, протоптал свою стезю там, где до него не ступала нога предшественников.

*Нина КРАСНОВА,
член Союза писателей СССР с 1980 года,
член СП Москвы, СРП, СПЛ, СП XXI века, Русского ПЕН-клуба,
Принцесса Поэзии «Московского комсомольца»,
лауреат премии им. Анны Ахматовой,
премии Де Ришелье «Изумрудный Дюк»,
обладатель спецприза Фонда им. Андрея Вознесенского «За талант»*

*23 июля 2017 г.,
Москва*

Часть I.

1. БИОГРАФИЯ

БИОГРАФИЯ ИОСИФА РАСКИНА В ДВУХ СТРОКАХ

Иосиф Захарович Раскин — известный московский книжник, книголюб и книгопродавец, член Союза писателей Москвы.

(Источник: «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», 2003.)

ДОСЬЕ

Иосиф Захарович Раскин родился 11 ноября 1935 года, в Москве, на Солянке.

Окончил факультет русского языка и литературы педагогического института имени Крупской.

Служил в армии. Работал на шарикоподшипниковом заводе, в конструкторском бюро Туполева, был грузчиком.

В середине 60-х одним из первых в Москве стал торговать книгами на улице. Автор бестселлера «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса».

Официально был женат шесть раз.

Любит анекдоты, женщин и тусовки. По жизни оптимист.

(Источник: беседа Дмитрия Диброва с Иосифом Раскиным в телепередаче «Старый телевизор», 1999.)

P. S.

Умер 11 июня 2015 года, на 80-м году жизни, в Москве. Похоронен на Востряковском кладбище.

2. БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ИОСИФА РАСКИНА

(перечень основных книг)

Издания на русском языке:

1. **Энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Издательство А. Д. Власова, 1994 г. ISBN: 5-88-126-007-4
2. **Энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Грамма, 1995 г. ISBN: 5-8601-012-2
3. **Энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Стоок, 1997 г. ISBN: 5-89549-006-9
4. **Энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: ПБОЮЛ Малиновская, 1999 г. ISBN: 5-89549-006-9
5. **Энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Стоок, 1999 г. ISBN: 5-89549-006-9
6. **Застольная книга.** М.: Стоок, 2000 г. ISBN: 5-89549-017-4
7. **Грузия, ты в сердце моем.** М.: Грааль, 2002 г. ISBN: 5-94688-019-5
8. **Энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: ПБОЮЛ Малиновская, 2003 г. ISBN: 5-89549-038-7
9. **Большая энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36.6, 2005 г. ISBN: 5-98697-021-7
10. **Малая энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36.6, 2007 г. ISBN: 978-5-98697-053-0
11. **Большая энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36.6, 2007 г. ISBN: 978-5-98697-063-9

12. **Большая жизнь хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36.6, 2007 г. ISBN: 978-5-98697-087-5

13. **Малая энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36.6, 2008 г. ISBN: 978-5-98697-108-7

14. **Большая жизнь хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36.6, 2008 г. ISBN: 978-5-98697-099-8

15. **Большая энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36.6, 2010 г. ISBN: 978-5-98697-184-1

16. **Большая энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36.6, 2011 г. ISBN: 978-5-98697-219-0

17. **Большая энциклопедия хулиганствующего ортодокса.** М.: Книжный клуб 36`6, 2012 г. Страниц: 656 (офсет). Масса: 1024 г. Размеры: 250x170x35 мм. Цена: 503 руб. ISBN: 5-98697-021-7

И так далее.

3. ИНТЕРВЬЮ ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ С РОДСТВЕННИКАМИ И ДРУЗЬЯМИ ИОСИФА

ИОСИФ РАСКИН: «ВОТ ТАКОЕ Я ГОВНО...»

(Интервью Нины Красновой с Татьяной Рубиной и Ильей Шадуром, на даче в Петелино 15 июля 2016 г.)

**ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ТАТЬЯНЫ РУБИНОЙ
ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ: «ИОСИФ В СОЛДАТСКОЙ
ШИНЕЛИ...»**

Нина Краснова: Татьяна, ты знаешь своего дядю, брата твоей мамы, Иосифа Раскина, с самых малых своих лет, с детства. Каковы твои самые первые воспоминания о нем?

Татьяна Рубина: Первое мое воспоминание такое. Я сижу дома, за пианино, и играю сочинения... я даже помню, что я играла. Прелюды Мендельсона. Это было на Солянке, в нашей старой квартире, там у нас стояло такое большое старинное пианино, «Беккер», с подсвечниками, оно и сейчас стоит у нас дома (уже не на Солянке, в другой квартире), мамино пианино, ему больше ста лет. Я сижу дома и играю прелюды Мендельсона. И вдруг открывается дверь, и в комнату входит Иосиф в солдатской шинели...

Нина Краснова: А почему в солдатской шинели?

Татьяна Рубина: А потому что он вернулся из армии. Он служил там три года, в Прибалтике, в Эстонии. И когда уже отслужил, долго не приезжал оттуда. Месяца три... Моя бабушка, а его и моей мамы мама, очень ждала его. А он все не ехал

и не ехал, задержался в Эстонии. Потом выяснилось, что у него там была любовь...

Нина Краснова: Эх, «загулял парень молодой...», как поется в песне.

Татьяна Рубина: Выяснилось, что у него там была любовь. И вообще ему нравилась Прибалтика и то место, где он служил, и поэтому ему не хотелось уезжать оттуда.

Об армии у него остались самые замечательные воспоминания и впечатления. Потому что он был там любимцем всех командиров. Он прекрасно пел, а в армии был такой военный ансамбль. И Иосиф был в этом ансамбле солистом и пел военные песни, и не только военные, он пел и романсы, и все три года ездил с концертами по Прибалтике. Но вот наконец вернулся в Москву. И это была для всех нас очень большая радость. Все это я помню. Это мои первые воспоминания об Иосифе. Я тогда училась в первом классе Центральной музыкальной школы при консерватории. Мама сидела со мной рядышком и занималась со мной. А более ранних воспоминаний у меня об Иосифе нет.

ИОСИФ НЕ ЗАХОТЕЛ ЖИТЬ СО СВОЕЙ ПЕРВОЙ ЖЕНОЙ

Татьяна Рубина: Когда Иосиф вернулся из армии домой, мы жили все вместе.

Нина Краснова: «Мы» — это значит кто?

Татьяна Рубина: Моя мама, мой папа, моя бабушка, я, и Иосиф с нами. Но Иосиф жил с нами не постоянно, не все время. Он постоянно куда-то исчезал...

Нина Краснова: По девушкам ходил, или, как говорится, «по бабам»?

Татьяна Рубина: Не знаю. Он перед армией женился, у него была официальная жена Зина, первая его жена, на четыре года старше его, и у них была дочка, Люба... Она теперь выросла. Ей сейчас шестьдесят лет, или шестьдесят один, у нее замечательный сын, уже взрослый.

Нина Краснова: Так Иосиф жил с этой своей семьей? И исчезал туда? Исчезал к семье, а может, еще куда?

Татьяна Рубина: Нет, к той семье он точно не исчезал... Он ушел от этой семьи, ушел от Зины...

Нина Краснова: Как Колобок, «я от бабушки ушел, я от дедушки ушел»?

Татьяна Рубина: Он сказал: «Я с ней жить не буду!» Он еще когда служил в армии, решил, что не будет жить с ней. Она писала ему письма, а он не отвечал на них. Тогда она написала письмо его командиру, в часть. Командир вызвал его к себе. Беседовал с ним. Спрашивал: «Ну что мне делать? Мне же надо ответить ей на письмо». Иосиф сказал ему: «Не хочу я с нею жить, и все. И меня не заставишь жить с нею». Командир понял его. И не наказал.

Илья Шадур: У Войновича есть пьеса на эту тему. Там один солдат тоже встретился с девушкой, которая была старше его. И пошел за ней. Он еще ничего не умел делать и подумал: «Она старше меня, она умеет...». Пришел к ней домой. Она напоила его, затащила к себе в кровать. И вроде бы у них что-то произошло, но он утром не помнил, что произошло. Потом она затащила его в сельсовет, ему там шлепнули в паспорт печать о браке с ней. И потом она стала писать ему в армию письма: «Я твоя жена... У нас с тобой родился сын... Почему ты не пишешь мне писем?». Командир части тоже вызывал его к себе, спрашивал, почему он своей жене письма не пишет. Но все понял и пожалел солдата и не стал наказывать его. А когда тот отслужил в армии и приехал к жене и увидел своего ребенка, то пожалел его и не поехал домой к своей матери, а остался жить со своей женой и ребенком.

Нина Краснова: А у Иосифа его история, похожая на пьесу Войновича, закончилась не так, как в пьесе Войновича. Иосиф не стал жить с женой...

Илья Шадур: Иосиф был очень независимый. Жил по принципу: чего не хочу, того и не буду делать! Чего не хочу, того и не будет!

**ДРУГИЕ РАННИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ТАТЬЯНЫ РУБИНОЙ:
«ИОСИФ ВСЕГДА ИНТЕРЕСОВАЛСЯ МОИМИ ДЕЛАМИ...»**

Татьяна Рубина: Когда Иосиф отслужил в армии и вернулся домой, мы жили все вместе своей семьей, хотя он постоянно исчезал куда-то. Он при этом учился и окончил пединститут имени Крупской, факультет литературы и русского языка.

Он очень интересовался моими делами, он иногда приезжал за мной в мою школу. Он приезжал в своей солдатской форме, а больше у него из одежды ничего не было. Он гордился своей формой. Сообщал всем, что он приехал за мной. И забирал меня из школы домой. Школа находилась в Собиновском переулке, она и сейчас там находится, но переулок сейчас называется Средний Кисловский.

Нина Краснова: А ваш дом где находился?

Татьяна Рубина: Около Солянки. Малый Ивановский переулок, дом 11/6. Практически это Солянка. Центр Москвы. У нас было две комнаты.

Нина Краснова: И там все сохранилось?

Татьяна Рубина: Нет, все поменялось... Иосиф приходил за мной в школу и уводил меня домой. И он всегда интересовался моими делами. Я со второго класса уже регулярно выступала в Малом зале консерватории. Два раза в год у нас были там отчетные концерты, были предварительные прослушивания, и я всегда участвовала в этом, играла русскую и зарубежную классику. И Иосиф всегда спрашивал у меня, когда я буду выступать, и ходил на мои выступления. А уж потом, когда я окончила консерваторию, он не пропускал ни одного моего концерта. Он и на моем консерваторском дипломе был (на защите диплома).

**ИОСИФ РАСКИН РЕШАЛ
СЛОЖНЫЕ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ**

Татьяна Рубина: У Иосифа было много разных наклонностей, литературные, филологические, музыкальные... А кроме них еще и математические. Когда я была в 10 классе, он иногда

помогал мне решать очень сложные математические задачи. Приезжал и моментально решал их.

Нина Краснова: Он был всесторонне развитый.

ИОСИФ РАСКИН ЛЕГКО ГОТОВИЛСЯ К ЭКЗАМЕНАМ

Татьяна Рубина: Иосиф очень легко готовился к экзаменам. К каждому из них готовился за одну ночь. Я помню, он приходил домой ночью, садился за книги и до утра читал их при свете лампы, и я не могла заснуть и капризничала, мешала ему. А утром он несмотря на это сдавал экзамен. У Иосифа в пединституте был преподаватель Марлен Кораллов, который очень ценил Иосифа...

Нина Краснова: Этот Марлен Кораллов потом дал ему рекомендацию в Союз писателей Москвы...

Татьяна Рубина: А вторую рекомендацию ему дал Бенедикт Сарнов...

Нина Краснова: А Римма Казакова подписывала документ о том, чтобы принять Иосифа в Союз писателей.

ИОСИФ РАСКИН И СТАЛИН

Илья Шадур: Когда умер Сталин и его хоронили, в 1953 году, Иосиф, которому тогда было семнадцать с лишним лет, пробрался через внутреннее оцепление охранников почти к самому гробу вождя и видел, как его хоронили. И потом стал достаточно политизированным.

(Мне сейчас пришла в голову мысль. А не в честь ли Иосифа Сталина родители назвали Иосифа Раскина Иосифом? — *Н. К.*)

ИОСИФ РАСКИН ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ ГРУЗИЮ

Татьяна Рубина: Йося очень любил Грузию. Он много раз бывал там. И один, и со своей гражданской женой Алёной. Алёна брала у него интервью.

Нина Краснова: Оно есть и в газетах, и в сетях Интернета (и теперь еще и в этой книге об Иосифе. — *Н. К.*).

Татьяна Рубина: Иосиф написал и издал книгу о Грузии «Грузия, ты в сердце моем».

ИОСИФ РАСКИН ЛЮБИЛ ВОЗИТЬ СВОИХ ДЕВУШЕК В ГРУЗИЮ

Илья Шадур: Когда Иосиф сильно увлекался какой-нибудь девушкой, он мог увезти ее в Грузию, всего на один день, утром полететь туда на самолете, побывать там в разных местах, посидеть с ней в ресторане, полюбоваться экзотическими красотами, а вечером вернуться назад в Москву. Такой он был...

Нина Краснова: ... заводной, спонтанный, экстраординарный и щедрый...

Илья Шадур: А мог он увезти ее в Киев или в Сочи или куда-нибудь еще, тоже всего на один день.

Татьяна Рубина: Один раз он успел слетать со своей очередной девушкой в Грузию и вернуться домой в 9 часов вечера. Моя мама, которая даже и не знала, что он летал в Грузию, сказала ему: «Что-то ты сегодня рано домой вернулся».

ИОСИФ РАСКИН И ЕГО ЖЕНЫ

Татьяна Рубина: У Иосифа Раскина за жизнь было много разных девушек, разных женщин. Он выбирал симпатичных. Моя мама, Анна Захаровна, общалась только с его законными женами.

Нина Краснова: А сколько у него было жен? Законных, официальных?

Татьяна Рубина: Шесть. Первая была Зина. Потом очень короткое время была другая жена, я даже не помню, как ее звали. Третья была — Инна, от нее у него родился сын Юлий, он художник и живет во Франции. Четвертая у Иосифа была Рая, мать Миши.

Нина Краснова: Иосиф любил Раю. Она на поминках по нему рассказывала, что он относился к ней, как к королеве...

Татьяна Рубина: Он очень добрый был и очень щедрый... И ничего не жалел для женщины, которую он любил, ни денег, ничего не жалел, он готов был отдать ей и бросить к ее ногам все, что у него есть. И если он любил, то любил, и второго плана у него не было.

Нина Краснова: Рая говорила, что она жила с ним, как в сказке... Но потом он стал изменять ей (он по натуре был полигамен), и она не могла выдержать этого, и они расстались... Но сына Мишу она воспитала в почтении к отцу...

Татьяна Рубина: После Раи у Иосифа было еще две официальных жены. Со второй из них, с Ириной, он прожил семнадцать лет.

Нина Краснова: И еще у него была Алёна...

Татьяна Рубина: Да. Она была гражданской женой.

Нина Краснова: В общем, он был жизнелюб и женолюб...

ИОСИФ РАСКИН ПРОДАВАЛ КНИГИ В ПОДЗЕМНЫХ ПЕРЕХОДАХ

Татьяна Рубина: Иосиф окончил пединститут, был достаточно образованным, очень хорошо знал поэзию, литературу, читал много книг, был настоящий книжник. И много лет, еще в советское время, работал книготорговцем, продавал книги в подземных переходах... Причем делал это так талантливо, что выполнял планы десятков книжных магазинов Москвы, умел рекламировать книжную продукцию, как никто, и любил общаться с людьми. У него все книги шли нарасхват, даже и самые неинтересные. И он зарабатывал большие деньги, но все их тратил на своих женщин и на своих друзей.

ИОСИФ РАСКИН УМЕЛ НАЛАЖИВАТЬ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Татьяна Рубина: Как-то в Москву приехали его знакомые учителя из Германии и привезли с собой целую делегацию. И Иосиф всю эту делегацию пригласил в ресторан «Москва». И закатил для всех участников делегации пир горой. При этом он позвонил мне и настоял, чтобы я срочно приехала в этот ресторан и сыграла бы там для его друзей на рояле. В итоге я много раз ездила в Германию и выступала там с сольными концертами. И все это с легкой руки Иосифа. И меня принимали там на редкость хорошо и писали в газетах замечательные рецензии на меня, на мои концерты. В Москве у меня таких рецензий особо не было, а там были. И эти рецензии мне потом пригодились, когда я получала звание Заслуженной, а потом и Народной артистки России.

Нина Краснова: Иосиф помогал тебе сделать «карьеру».

Татьяна Рубина: Он всегда пытался помочь мне, чем мог. Он водил меня к зам. министра культуры, к Дементьевой. Но, правда, ее вскоре сняли с поста, и она не успела помочь мне.

Нина Краснова: Тебе и без нее дали звание Народной артистки...

Татьяна Рубина: Да, в 2004 году... Благодаря рекомендациям Московской филармонии и Союза композиторов России и Москвы. Тихон Хренников и Андрей Эшпай дали рекомендацию от себя.

Нина Краснова: И Иосиф очень гордился тобой.

ИОСИФ РАСКИН УМЕЛ УСТРАИВАТЬ ОВАЦИИ В ЗАЛЕ

Татьяна Рубина: Иосиф очень любил музыку, и классическую, и эстрадную. Очень хорошо пел и любил всех эстрадных певцов, Тамару Гвердцители, Ларису Долину и Веронику Долину... Разных певцов... Одно время он очень увлекался еврейским театром под управлением Глуза.

Приходил в театр на каждый спектакль, приносил с собой огромное количество цветов и устраивал в зале овации. Начинал активно хлопать... и создавать в зале ажиотаж. И обеспечивал спектаклю успех. Если бы не Иосиф, то не было бы такого успеха. Он и на моих концертах устраивал овации, и на концертах артистов, которые ему нравились... Он складывал ладоши особым образом... И начинал сильно хлопать...

Илья Шадур: Вот так... (*Показывает, как Иосиф складывал ладоши, лодочкой, по-мусульмански.*) Я этому тоже научился... Чтобы звук был громче...

Татьяна Рубина: И за Иосифом вся публика начинала хлопать, весь огромный зал!

Нина Краснова: То есть Иосиф выполнял роль клакера...

Татьяна Рубина: Но только он делал все искренне, от души, не по заказу... И хлопал только тем артистам, которые ему нравились. Он был очень яркий.

ИОСИФ НЕ ПОНИМАЛ ЛЮДЕЙ, НЕ СПОСОБНЫХ СОВЕРШАТЬ БЕЗРАССУДНЫЕ ПОСТУПКИ

Нина Краснова: Илья, а когда вы с Таней Рубиной встретились и поженились? И как Иосиф относился к тебе?

Илья Шадур: С Таней мы познакомились в 1996 году. А поженились в 1997-м.

Татьяна Рубина: Первый раз Иосиф увидел Илюшу 1 мая 1997 года... Ко мне приходила приятельница... и Миша Раскин приходил...

Илья Шадур: Иосиф увидел меня раньше, в апреле, когда я не поехал с ним и с тобой в Набережные Челны на его вечер...

Татьяна Рубина: Иосиф был возмущен Илюшей. Мы с Иосифом собирались ехать в Йошкар-Олу. Иосиф ехал туда выступать и взял меня с собой, чтобы я поиграла там на рояле. А Илюша нас провожал. Отпросился с работы днем и пришел на вокзал проводить нас. И Иосиф сказал ему: «Ты сейчас поедешь с нами!» А Илю-

ша сказал: «Я не могу поехать. Я должен вернуться на работу». А Иосиф не понял, как это Илюша может думать о какой-то работе и не поехать со своей любимой в Йошкар-Олу. Сам он, в порыве любви, мог съездить со своей девушкой всего на один день и в Грузию, и в Сочи, и в Киев, туда и обратно... Что и делал не один раз. Тратил на это большие деньги и к концу года не мог рассчитаться с долгами, которых у него накапливалось огромное количество, но не свозить свою девушку, не съездить с нею, хотя бы на один день, в Грузию или в Сочи или в Киев он не мог. Хотя потом не знал, как ему рассчитаться с долгами, как выкрутиться из этого... И он не понимал, почему это Илюша, в порыве любви, не бросил работу и не поехал со мной и с ним в Йошкар-Олу. И потом Иосиф много лет «не мог простить» этого Илюше и все время напоминал ему о том случае, «подначивая» Илюшу.

Илья Шадур: Он меня не понял... Почему я не поехал с ними...

Нина Краснова: То есть он не понял, почему ты не способен, на такие сумасшедшие, безрассудные поступки, на которые способен он...

Илья Шадур: Он говорил про меня: «Он такой интеллеktуал... Но я пока не понял его...». Но потом, года через три, он, видимо, стал понимать меня лучше... И уже даже еще раньше стал понимать и воспринимать меня и менять обо мне свое мнение в лучшую сторону, уже через полгода, когда он стал водить меня с собой в «сандуны», в сандуновские бани. Мы там пили с ним водку...

Нина Краснова: Как в фильме «Ирония судьбы»? Сидели в простынях и пили водку...

Илья Шадур: Да... И он говорил работнику: «Потри мне спину...».

Нина Краснова: Иосиф любил ходить в баню?

Илья Шадур: Да, он до какого-то времени постоянно ходил в баню... А я раза два или три с ним ходил...

ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ИЛЬЯ ШАДУР ВПИСЫВАЕТСЯ В СЕМЕЙНЫЙ КРУГ ИОСИФА РАСКИНА

Нина Краснова: Илья, а ты кто по профессии?

Илья Шадур: Я окончил институт связи, а через несколько лет факультет прикладной математики в МИЭМ (московском институте электронного машиностроения). Работал в НИИ, преподавал математику в вузе, работаю в консерватории программистом. Моя формальная специальность — прикладная математика.

Нина Краснова: Сложная наука. У Иосифа тоже есть математические наклонности, как и литературные. А у тебя тоже есть литературные наклонности. Ты стихи пишешь, издал книгу «Избранное» (в 2002 году, в издательстве «Грааль»).

Татьяна Рубина: Он еще и эссе об искусстве пишет. Написал эссе о Моцарте, оно звучало в радиопередаче «Орфей». Есть у него и эссе о Шуберте*...

Нина Краснова: В вашем семейном клане все люди творческие, с литературными, музыкальными да еще и математическими наклонностями. Татьяна Рубина великолепная пианистка, да еще и народная артистка. Ваша с Таней приемная дочка Диана учится в музыкальной школе, играет на виолончели, поет...

Татьяна Рубина: Только вот ленится учиться... И не любит решать математические упражнения.

ДЕТИ И ВНУКИ ИОСИФА РАСКИНА

Татьяна Рубина: У Иосифа трое детей, Люба, Юлий и Миша. Юлик живет во Франции... Иосиф увиделся с ним только под конец своей жизни.

Реальный сын Иосифа — Миша. Он всегда помогал отцу, опекал его, всегда был рядом с ним.

* В 2016 году Илья Шадур был принят в Союз писателей XXI века. — *Н. К.*

Нина Краснова: Он и хоронил Иосифа, сам все организовал, и похороны, и поминки... Все это было на его плечах. И он же устраивает вечера памяти Иосифа... Иосиф очень любил Мишу.

Татьяна Рубина: Еще у Иосифа есть удочеренная им дочь Ирина. Она дочь Раи от ее первого брака. У Ирины две дочери, Алена и Кристина, обе Раскины. Старшая, Кристина, живет в Италии, с мужем и дочерью, муж у нее англичанин, у нее двойная фамилия, как и у жены Михаила Габриэллы, Габи, Кальвео-Раскина.

У Миши есть сын Артем от первого брака и трое детей от второго брака, от жены Габриэллы, от Габи: девочка Изабелла, ей 10 лет, и близнецы, вернее двойняшки, им по 8 лет, мальчик и девочка, Лиза и Макс. Иосиф был в восторге от Габи и от ее с Мишей детей.

Сын Миши Артем в 2011 году женился на Маше.

ИОСИФ РАСКИН ГЕНИАЛЬНО РАССКАЗЫВАЛ АНЕКДОТЫ

Татьяна Рубина: Иосиф любил анекдоты. И собирал их всю свою жизнь. И не только собирал, но и гениально рассказывал их.

Нина Краснова: Он был очень артистичный.

Татьяна Рубина: Он приходил к нам домой, когда еще папа был жив, приходил и рассказывал анекдоты весь вечер. И наш дом сотрясался от хохота...

Илья Шадур: Когда Иосиф принимался рассказывать анекдоты в каких-то компаниях или на концертах, он наблюдал за реакцией слушателей, и когда те смеялись, он смотрел на них торжествующим взглядом. И был очень доволен. И когда он рассказывал анекдоты на телевидении Диброву... и тот смеялся, Иосиф был очень доволен (это зафиксировано в телепередаче).

Татьяна Рубина: Причем все анекдоты были у него в голове, он не записывал их. Помнил сотни и тысячи анекдотов.

Нина Краснова: Держал все это в голове... А кто потом помог ему записать их и издать книгу «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса»?

Татьяна Рубина: Записывал анекдоты его двоюродный брат, Генрих, который уехал в Америку... и кто-то еще... Они давали ему тетрадки с этими анекдотами...

Нина Краснова: Эта книга имела потрясающий успех! И стала бестселлером и сделала Иосифа Раскина известным во всех кругах, в том числе и в кругах знаменитостей, среди медийных лиц.

ИОСИФ РАСКИН И ЗНАМЕНИТОСТИ

Нина Краснова: Иосиф Раскин легко знакомился со знаменитостями. И они тянулись к нему. Артисты, певцы, музыканты, художники, поэты, политики...

Татьяна Рубина: Они притягивались к нему, как к магниту. Он был очень яркий. К нему на его вечера приходили и выступали там Юрский, Виторган, Артур Эйзен, Марк Розовский, Валентина Толкунова...

Илья Шадур: И еще Иосиф дружил с артистом Фарадой. Фарада очень любил его. Приглашал к себе на день рождения и пил там с Иосифом красное вино.

Иосифу нравилось общаться со знаменитостями. Для него было важно, чтобы у человека было имя.

ФОТОАРХИВ ИОСИФА РАСКИНА

Нина Краснова: Иосиф встречался и общался с разными знаменитостями. И любил фотографироваться с ними. И у него сохранились фотографии, на которых он со знаменитостями. Когда мы с Анатолием Шамардиным были у него в гостях, в Ясенева, он показывал нам альбом с фотографиями, огромный такой альбом.

Татьяна Рубина: На той квартире, где Иосиф жил последние годы, в Ясенева, Миша, сын Иосифа, недавно разобрал его архив. Все в этой квартире осталось так, как было, там абсолютно ничего не поменялось. Миша позвонил мне и сказал: «Я разбираю архив отца». В квартире ничего нет, там только книги и фотогра-

фии, море фотографий... Самая главная ценность у Иосифа — это книги и фотографии. Больше у него ничего нет.

Нина Краснова: Когда Иосиф показывал нам с Толей Шамардиным свой альбом с фотографиями, я увидела, что он не подписывает их, не пишет на них сзади, на обороте, кто есть кто. Я сказала ему: «Иосиф, что же ты не подписываешь фотографии, не пишешь, с кем ты на них есть, с какими знаменитостями. Ты-то знаешь всех этих знаменитостей, а ведь не все знают многих их, хотя они и знаменитости».

Татьяна Рубина: И когда мы с Илюшей приезжали к Иосифу, Иосиф показывал нам альбом с фотографиями. И мы с Илюшей спрашивали у Иосифа: «А это кто с тобой на этой фотографии? А это кто?..» Он начинал объяснять нам...

ИОСИФ РАСКИН И РОСТРОПОВИЧ

Татьяна Рубина: Иосиф был на моем консерваторском дипломе (на защите диплома). И там встретил Ростроповича, когда ждал мое выступление. Ростропович в это время как раз собирался уезжать из России и Советского Союза. И был в очень тяжелом моральном состоянии. Они поговорили. И я помню такую фразу Иосифа... Он сказал Ростроповичу: «Я желаю, чтобы поменьше сволочей было в вашей жизни».

А вообще с Ростроповичем они общались и раньше. Когда Иосиф ездил в Баку на какой-то симпозиум и там выступал со своей книжкой «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса». И Ростропович тоже был на этом симпозиуме, с Вишневской... Иосиф, как известно, был такой компанейский человек и легко входил в контакт со всеми и мог говорить с самыми разными людьми на самые разные темы, и люди с удовольствием общались с ним.

ИОСИФ РАСКИН И ЮРИЙ НИКУЛИН

Илья Шадур: Когда Иосиф написал и издал книгу «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», сразу все обратили внимание на нее и на него, самые разные люди, в том числе и наши знаменитости. Юрий Никулин по телевизору очень хорошо отзывался о его книге, которая попала к нему в руки. Тогда Иосиф позвонил ему. И они познакомились. И Никулин написал ему такой автограф: «Книга Раскина улучшает настроение и продлевает жизнь. Доживший до 75 лет Юрий Никулин».

В мае 1997 года Никулин приходил в ЦДЛ на вечер Иосифа. Выступал там. Сказал: «Меня сегодня приглашали выступить еще в одно место. Но я пришел сюда, в ЦДЛ, к Иосифу. Потому что юмор мне ближе, чем что-то еще». Мы с Таней были на этом вечере.

Нина Краснова: Никулин любил анекдоты и частушки. Знал их очень много. Поэт Николай Старшинов дарил ему свои сборники частушек. И Никулин распевал их на пару со Старшиновым.

Илья Шадур: Иосиф стал ходить в цирк к Никулину. Както он повел туда своих внуков — Павлика и Артема. Никулин вышел на сцену, спросил: «Раскин здесь?» Маленький Артем услышал и закричал: «Здесь!» Никулин сказал: «Тогда можно начинать!..»

ИОСИФ РАСКИН И ЯВЛИНСКИЙ

Илья Шадур: Иосиф Раскин дружил с Григорием Явлинским. Познакомились они точно так же, как и с Никулиным. Явлинский, точно так же, как и Никулин, хорошо сказал по телевизору о книге Раскина, прорекламирровал ее. Иосиф позвонил ему, точно так же, как Никулину. И подружился с ним. В 1998 году Григорий Явлинский пригласил Иосифа на пятилетие «Яблока».

Когда Иосиф лежал с инфарктом в 23-й больнице, там лежал и Явлинский.

Нина Краснова: У Явлинского тоже был инфаркт?

Илья Шадур: Не знаю. Но у него больное сердце. Они с Иосифом оба лежали в кардиологии, в одно и то же время. И много общались там. Эта больница находится недалеко от Таганки. Явлинский на свои средства делал ремонт в этой больнице.

Нина Краснова: Когда Иосиф умер (не тогда, когда лежал с Явлинским в 23-й больнице, а много лет спустя), Явлинский откликнулся на это некрологом, от партии «Яблоко». Я нашла этот некролог в Интернете.

(Вот он. — Н.К.)

«Партия ЯБЛОКО Умер Иосиф Раскин

//Соболезнование от Г. Явлинского, 13 июня 2015

Иосиф Захарович Раскин был по-настоящему свободным и потому очень остроумным человеком. Его веселость была проявлением мудрости, когда лучше всего рассказать другу анекдот, чтобы объяснить где-то очень глубоко спрятанный смысл жизни. Кажется, Раскин знал, где его искать.

Это был уникальный человек. Уверен, не бывало в жизни ситуации, которой он бы не нашел остроумное сопровождение. Я рад, что мы были знакомы и понимали друг друга.

Глубоко сочувствую семье и друзьям Иосифа Захаровича.

С уважением,
Григорий Явлинский».

ИОСИФ РАСКИН И МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

Илья Шадур: Когда в 1998 году Григорий Явлинский пригласил Иосифа на пятилетие «Яблока», Иосиф пригласил туда и нас с Таней. И туда пришел Горбачев со своей Раисой. И я помню, я первый раз в жизни увидел Горбачева на расстоянии полутора метров от меня. Он сел за столик. Иосиф подсел к нему. Разговаривал с ним. Горбачев весело смеялся. Фотографы фотографировали их... Я за-

помнил этот момент. Горбачев очень хорошо относился к Иосифу, к его книге анекдотов. Они не раз разговаривали по телефону...

Нина Краснова: У Иосифа в архиве есть поздравление от Михаила Горбачева, поздравление с днем рождения. Миша Раскин дал мне посмотреть часть бумаг Иосифа, чтобы я использовала их для книги об Иосифе. И в этих бумагах я нашла поздравление Михаила Горбачева Иосифу Раскину...

(Вот оно. — Н. К. 29 июля 2016 г.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Горбачев — Фонд)

Дорогой Иосиф!

Примите мои самые искренние поздравления с 70-летним юбилеем! Как человек, уже перешагнувший этот рубеж, могу Вас заверить, что ничего в нем страшного нет. Убежден, что и Вы воспримите эту дату философски, с присущим Вам чувством юмора. К сожалению, не смогу поздравить Вас лично — буду в эти дни в Японии.

От души желаю Вам новых творческих побед, хорошего здоровья и всего самого доброго.

Крепко жму руку,

М. С. Горбачев
11 ноября 2005 года

125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 39, стр. 14.

Приемная, тел.: 945-5999, 945-6999. Факс: 945-7899.

Пресс служба, тел.: 945-5131, 945-5127. Факс: 945-5129.

www.gorbi.ru

Татьяна Рубина: Да, Горбачев хорошо относился к Иосифу.

Нина Краснова: Горбачев человек с юмором. Очень живой. Ко мне он тоже хорошо отнесся. В 2009 году я через охранника

подарила ему на вечере Евгения Евтушенки свою книгу «Четыре стены». И он позвонил мне, сам (!), и похвалил меня за мою книгу, за стихи и за частушки. Сказал, что он в восторге от них, что он никогда ничего подобного не читал. А потом я подарила ему еще две свои книги, эссе о поэтах Серебряного века и стихи, в 2010 году, через охранника Фонда на Ленинградском проспекте, и Горбачев опять позвонил мне и похвалил меня за них. А в 2012 году я была в магазине «Москва» на презентации его книги и познакомилась с ним лично, и он подписал мне свою книгу, и мы с ним сфотографировались. И у меня есть фотографии с ним. Он очень и очень теплый человек, с ним легко и приятно общаться.

МАМА ТАТЬЯНЫ РУБИНОЙ ГОВОРИЛА О КНИГЕ АНЕКДОТОВ ИОСИФА РАСКИНА: «Я ЭТУ КНИГУ В РУКИ НЕ ВОЗЬМУ!»

Нина Краснова: Таня, а какое лично у тебя и у вашей семьи было отношение к книге Иосифа «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса»?

Татьяна Рубина: Моя мама застала его книгу, но она ее не приняла. И читала ее с трудом. И откладывала в сторону и говорила: «Я эту книгу в руки не возьму!». Потом опять брала, пробовала читать и опять откладывала в сторону. А самого Йосю она обожала.

Илья Шадур: Она любила Иосифа.

Татьяна Рубина: Безумно любила. Она была гораздо старше Иосифа, на 12 лет. Их отец очень рано умер. И моя мама с бабушкой воспитывали его, он был мальчик не простой.

Илья Шадур: Он убежал из дома. Убежал мальчишкой пятнадцати лет в Кузбасс.

Нина Краснова: Чего ему там было нужно? Он искал приключений? Хотел быть свободным и самостоятельным?

Илья Шадур: Он говорил с гордостью про Таню: «Когда ей было три года, я учил ее разговаривать матом. Я занимался ее воспитанием».

Татьяна Рубина: Я этого не помню.

Илья Шадур: Было или не было (может быть, до армии было? а может быть, и вообще не было?), но он торжественно заявлял, что он воспитывал тебя, занимался твоим воспитанием и учил тебя разговаривать матом.

Нина Краснова: Он был выдумщик и фантазер. И любил придумывать то, чего не было.

Илья Шадур: Он же хулиган!

Нина Краснова: А Илья как относился (и относится) к книге Иосифа?

Илья Шадур: Хорошо! Я с удовольствием читаю ее.

Татьяна Рубина: И даже сейчас у меня эта книга лежит около кровати. Я начинаю читать ее вслух, и мы с Ильей оба начинаем хохотать...

ИОСИФУ НРАВИЛОСЬ СТИХОТВОРЕНИЕ О НЕМ ИЛЬИ ШАДУРА

Илья Шадур: Когда у Иосифа вышла книга «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», я сочинил стихотворение о нем, в 1997 году, в ноябре или октябре. Оно ему очень нравилось, и он всем показывал и читал его, и показывал поэту-юмористу, пародисту Борису Брайнину, а Борис Брайнин показывал его кому-то в «Литературке». И хотел напечатать там подборку моих стихов. Но был уже болен и не сумел напечатать. Жил он на Рижской.

Татьяна Рубина: Йосе очень нравилось это стихотворение. Он восторгался им и кому только не читал его.

Илья Шадур

НА ПОЛУЧЕНИЕ КНИГИ ИОСИФА РАСКИНА
«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО
ОРТОДОКСА»

Я ходил по ресторанам
С ортодоксом-хулиганом,
Возвращался ночью пьяным,
Весь в маслинах и в дыму.
И, сквозь занавес дремоты,
Вспоминая анекдоты,
Матерстопным ямбом оды
Сочинял всю ночь ему.

Было время — устным словом,
Нецензурным жирным пловом,
Острым, сочным и толковым,
Он кормил своих друзей.
А сегодня книга эта
С блеском, с треском, как ракета,
Облетает страны света.
Раскин, твой размер — хорей!

Сборник твой — не фунт изюма,
Он наделал много шума.
Раз его читает Дума,
Значит, нужен он стране.
Он него юнцы балдеют
У девчонок щеки рдеют,
Петр Первый молодеет
В медных формах Фальконе.

И профессор спьяну, сдуру
Держит, словно партитуру,
Изучая субкультуру,
Постигая русский мат,
Книгу с твердым переплетом
И, читая, как по нотам,
Анекдот за анекдотом,
Удивлен, взволнован, рад.

КРЕДО ИОСИФА РАСКИНА

Татьяна Рубина: Иосиф жил, как хотел, и делал, что хотел. Это было его кредо. И, конечно, далеко не всем это нравилось. В том числе и его родным и близким.

ДЕВУШКИ НЕ МОГЛИ НИ В ЧЕМ ОТКАЗАТЬ ИОСИФУ РАСКИНУ

Татьяна Рубина: Иосиф был очень красивый и имел у женщин колоссальный успех. И не только потому, что был красивый... А потому что вообще был неотразим. И ему ничего не стоило понравиться любой из тех, кому он хотел понравиться. Я помню, когда Иосиф пришел из армии, мы, поздно вечером, ехали с мамой в трамвае, провожали бабушкиного брата, на Курский вокзал. И в трамвае ехала одна девушка, очень симпатичная. И вдруг мама говорит: «Йося, вот если бы такая девушка была около тебя, такая милая, такая приятная (если бы она обратила на тебя внимание)...» Он говорит: «Один момент!...». И подошел к девушке... И начал что-то говорить ей. И тут же, за две минуты, обаял ее. И попросил у нее телефон, и она дала ему телефон, такая интеллигентная, скромная девушка. Мы вышли у Курского вокзала. Иосиф зашел в автомат, набрал ее номер, позвонил ей домой. Ее мама сказала, что ее нет дома. Иосиф торжествующе сказал: «Вот, девушка меня не обманула...»

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЛЬИ ШАДУРА О ЗНАКОМОЙ ДЕВУШКЕ ИОСИФА — АЛЛЕ

Илья Шадур: Как-то Иосиф позвонил нам с Таней и позвал нас в ресторан, в Дом кино. Сказал: «Там будет одна девушка. Я хочу отметить ей день рождения. Девушку зовут Алла». Быть там надо было уже через два часа. Таня приготовила для нее духи, какие оказались под рукой. А я за полчаса сочинил стихи для именинницы:

* * *

Любезная Алла,
На свете немало
Тончайших французских духов.
Наш выбор чуть строже,
Скромней. Ну и что же?
Ведь скромность — подруга богов.

Люби мудрецов, музыкантов, поэтов,
Достоинно по жизни иди.
Цистерны духов, миллионы букетов
Тебя еще ждут впереди.

Твой будущий муж, он когда-нибудь спросит:
«Кто сердце твое воспитал?» —
Помедлив, ты скажешь:
«Ах! Раскин Иосиф!
Да ты его книжку читал!».

Нина Краснова: Ах...

Илья Шадур: Это стихотворение очень понравилось Иосифу, особенно последняя строфа. Он был очень доволен, и мне было это очень приятно. Правда, потом он попросил меня переделать первую строку стихотворения, убрать оттуда имя Алла. Заменить его на другое. Я заменил Аллу на Галлу. «Любезная Галла...»

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ РОЗ ОТ ИОСИФА РАСКИНА

Татьяна Рубина: Я помню, Иосиф познакомился с одной девушкой и пригласил нас с мамой в ресторан, чтобы отметить день рождения этой девушки. Ей исполнилось 28 лет. И он принес ей 28 роз.

Нина Краснова: Он был способен на такие широкие жесты и на такие экстравагантные поступки.

Татьяна Рубина: Он был очень щедр. И если любил женщину, то готов был отдать ей все на свете. Но потом остывал и ничего не мог с собой поделать.

...Бабы бегали за ним табунами.

ИОСИФ РАСКИН НЕ ЛЮБИЛ СЛЕДИТЬ ЗА СВОЕЙ ВНЕШНОСТЬЮ

Илья Шадур: Иосиф совершенно не следил за своей внешностью, за своей одеждой. В отличие от людей, которые, желая нравиться всем, постоянно следят и за своей внешностью, и за своей одеждой и придают этому очень важное значение. В каком-то плане он, конечно, следил за собой, но почти не заботился об этом, он плевал на все это.

Нина Краснова: Так он был уверен в том, что он и без этого нравится всем и имеет успех у женщин?

Илья Шадур: Я не знаю. Он просто нравился женщинам, и все. Он был неаккуратен и плевал на это. Я помню, Миша (сын Иосифа, Михаил Раскин) купил ему пальто, кашемировое, очень длинное, оно доходило до самого пола. И мы ехали с Иосифом и с его Аленой в зоопарк. Ехали мы в метро. Иосиф сидел там с Аленой напротив меня и Тани. И у него полы пальто волочились по полу и были грязные, и он наступал на них ногами и совершенно не думал о том, чтобы приподнять их, чтобы они не пачкались. Да...

Вообще он совершенно не заботился о том, что подумают о нем посторонние люди. Иногда он зимой ходил вообще без

пальто, в одном теплом свитере, и говорил: «Мне не нужно пальто». Я помню, мы зимой ходили с Иосифом в театр Розовского. И Иосиф был в одном теплом свитере, и не хотел и не стал надевать пальто, сказал, что оно ему не нужно.

(Испанский архитектор Гауди тоже не заботился о своей одежде и о своей внешности. Он говорил: «Кто меня знает, тот меня в любом моем виде воспринимает и любит. А кто меня не знает, что мне до них и до того, что они обо мне думают или подумают». Когда он умер на улице, люди приняли его за бродягу, за бомжа, и не сразу поняли, что это великий архитектор Гауди, автор новой архитектуры и нового храма нового времени. — Н. К.)

ИОСИФ РАСКИН ЗАБОТИЛСЯ О СВОИХ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

Татьяна Рубина: У Иосифа, как у книгочеля и книготорговца, были контакты с книжными магазинами, и он мог приобрести любую книгу. Но у него были контакты и с другими магазинами, с универмагами. Он получал и давал нам талончики, чтобы мы с мамой могли приобрести на них за деньги какие-то дефицитные вещи, дефицитную одежду. И Мише он давал такие талончики. Он заботился о нас. Самому Иосифу было ничего этого не нужно, он был очень непритязательный в том, что касается одежды и каких-то вещей, но о нас он в таких случаях не забывал.

ИОСИФ РАСКИН НЕ ЛЮБИЛ, КОГДА ЕГО ОПЕКАЮТ И ВОСПИТЫВАЮТ

Татьяна Рубина: Иосиф не любил, когда его опекают, заботятся о нем.

Илья Шадур: И когда близкие люди пытались опекать его и заботиться о нем, он раздражался.

Татьяна Рубина: Когда у Иосифа были проблемы с сердцем, я поговорила о нем с кардиологом, стала советовать Иосифу, как

беречь сердце, а Иосиф рассердился, звонит мне и говорит: «Ты что, врач, что ли? Чего ты лезешь туда, куда тебя не просят?» Еще он не любил, когда его воспитывали и советовали ему, что надо делать, и как и с кем себя вести.

Илья Шадур: Таня была символом семьи, заботилась о нем, как старшая сестра, как тетя, как мама и бабушка, чисто по-женски. Когда он делал что-то не так, она спрашивала его: почему ты сделал это, почему ты сделал все так, а не так, как надо... А он вспыхивал и говорил: «НУ И ЧТО?! НУ И ЧТО? Ну и что, что я сделал что-то так, а не так?». Таня расстраивалась, обижалась на него, вспыхивала. Она не читала ему мораль, но он часто самые безобидные вещи принимал в штыки и взрывался и сердился.

Нина Краснова: Потому что в глубине души он чувствовал, что Таня права, а он не прав. Юпитер сердится, значит он не прав. Его сын Миша Раскин говорил на поминках, что отец иногда бывал очень резок в общении с людьми, в том числе и с самыми близкими людьми.

Илья Шадур: Мишу он побаивался и стеснялся и вел себя с ним более сдержанно, хотя и по отношению к нему иногда был резок. Но, конечно, он очень любил Мишу, и очень любил Таню.

ИОСИФ ЛЮБИЛ ПОМОГАТЬ ЛЮДЯМ

Илья Шадур: Когда кому-то из родных и близких Иосифа, кому-то из его друзей и знакомых, кому-то из его окружения нужна была серьезная помощь, он никогда не прятался, всегда был готов оказать человеку эту помощь, и всегда помогал.

Татьяна Рубина: Да, это правда.

Илья Шадур: Когда знакомая девушка Иосифа Алла заболела туберкулезом и погибала, он спас ее. У Иосифа родной дядя, который жил в Ялте, был очень известный профессор по легочной хирургии.

Нина Краснова: И этот дядя вылечил Аллу?

Илья Шадур: Нет, он к этому моменту умер, 21 год назад. Но Иосиф нашел специалиста, который когда-то знал этого дядю, и этот специалист сделал Алле операцию, и Алла выжила и живет, вышла замуж родила и имеет ребенка, он уже большой, лет семи.

Татьяна Рубина: Иосиф помогал артисту Веснику, который болел в последние годы, Иосиф старался сделать для него что-то, давал ему машину, чтобы тот мог доехать до дома. Если Иосиф любил человека, он весь выкладывался, чтобы помочь этому человеку.

Нина Краснова: Вдова Весника была на похоронах Иосифа и на поминках по нему...

Татьяна Рубина: Да.

Нина Краснова: Иосиф делал добрые дела.

ИОСИФ РАСКИН ПОМОГ ПОПАСТЬ АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ В ОРКЕСТР ЛЕОНИДА УТЕСОВА

Нина Краснова: Иосиф очень чувствовал талантливых людей и любил помогать им. Он помог певцу и композитору Анатолию Шамардину попасть в оркестр Леонида Утесова. Толя познакомился с Иосифом случайно, в 1970 году, когда работал в Ленинградской филармонии и приехал на несколько дней в Москву. Он увидел Иосифа в подземном переходе, в Охотном ряду. Даже сначала не увидел, а услышал его голос. Иосиф продавал там книги и громко зазывал прохожих к своему прилавку: «У меня самые интересные, самые лучшие книги во всей Москве! Подходите, берите их, пока они есть!». Толя, который без книг жить не мог, протиснулся к нему сквозь толпу и купил у него какую-то книгу (кажется, на немецком языке) и разговорился с ним. Иосиф узнал, что Толя певец, и захотел послушать его, как он поет. И пригласил Толю к себе домой. И пришел в полный восторг от его голоса, а Иосиф же и сам был певцом, пел в военном ансамбле, когда служил в армии, и вообще он был музыкально

очень развитый и знал толк в голосах. И свел Толю с очень популярным тогда певцом Николаем Никитским. А тот тоже пришел в неописуемый восторг от его голоса и свел Толю с Леонидом Утесовым, который тоже пришел от него в невероятный восторг и взял к себе в оркестр... Так что Иосиф сыграл в судьбе Толи Шамардина очень большую и очень хорошую роль...

Татьяна Рубина: Иосиф очень высоко ценил Толю... И приглашал его на свои концерты...

Нина Краснова: И пригласил его на свой юбилейный вечер в ЦДЛ в 2005 году, где выступали Марк Розовский, Валентина Толкунова, Левон Оганецов... И ты, Таня... А Толя приглашал Иосифа на свои концерты и на наши с Толей вечера...

Татьяна Рубина: Толя уникальный певец... Иосиф очень любил его...

Нина Краснова: А Толя любил Иосифа. Читал его «Энциклопедию...» И чувствовал весь юмор и всю независимую натуру Иосифа... Мы с Толей вместе читали Иосифа и оба смеялись над его анекдотами и частушками... Иосиф и меня печатал в этой «Энциклопедии...»

Татьяна Рубина: Он и тебя любил...

Нина Краснова: Он говорил мне: «Не бросай Толю... Ты не бросишь его, когда он будет старым и больным?» — «Что ты! О чем ты говоришь, Иосиф! Я никогда не брошу Толечку, как и он меня...».

ИОСИФ РАСКИН — «ПАРАДОКСОВ ДРУГ»

Илья Шадур: Иосиф любил противоречия и, как я думаю, нарочно заострял их. Хотел таким образом сказать: все, что я говорю и делаю, противоречит общепринятым нормам, но я говорю и делаю и буду говорить и делать то, что я хочу; вы считаете, что я говорю и делаю что-то не так, неправильно, а вот я специально говорю и делаю все не так, как принято. Он любил парадоксы. Любил быть эффектным и непредсказуемым...

Нина Краснова: И любил производить на людей шокирующее впечатление...

Илья Шадур: Он мог в один момент сказать что-то одно, а через минуту или через несколько секунд — что-то совершенно другое, противоположное...

Нина Краснова: ... альтернативное...

Илья Шадур: Да. Мог ни с того ни с сего вспылить и накричать на человека, отругать его, а через минуту обратиться к нему как ни в чем не бывало и похвалить его и сказать ему что-то приятное. Он действовал по настроению. А настроения у него были очень неровные, переменчивые.

Нина Краснова: То есть Иосиф был «парадоксов друг», как сказал бы Пушкин.

ПОГОВОРКА ИОСИФА РАСКИНА: «ВОТ ТАКОЕ Я ГОВНО!»

Илья Шадур: Когда Иосиф совершал что-то неправильное, с общепринятой точки зрения, или что-то нехорошее, с этой же самой общепринятой точки зрения, он никогда ни у кого не просил прощения за это, а говорил задиристо: «ВОТ ТАКОЕ Я ГОВНО!». (Мол, ну что со мной поделаешь? Вот такое я говно. Что хочу, то и делаю.)

Нина Краснова: Но все же в подтексте этих слов, в их скрытой форме, как мне кажется, звучало: простите меня, люди добрые, если я сделал что-то не то и не так (то есть пугачевское: прости меня, народ православный, в чем согрешил я тебе).

ИОСИФ РАСКИН ДОВЕРЯЛ ТАТЬЯНЕ РУБИНОЙ СВОИ СЕКРЕТЫ

Илья Шадур: Иногда Иосиф звонил Тане и говорил:

— Я хочу рассказать тебе кое-что, но обещаю тебе, что ты не расскажешь об этом Мише. Я расскажу тебе то, чего Миша не должен знать.

Татьяна Рубина: Никаких особых секретов Иосиф мне не рассказывал. Или рассказывал то, что ни для кого не было секретом, в том числе и для самого Миши. Но Иосифу было важно знать, что я не расскажу Мише то, о чем просит меня Иосиф, что я умею хранить секреты...

Нина Краснова: ... даже если это никакие не секреты...

Татьяна Рубина: К тому же Иосиф прекрасно знал, что я редко общаюсь с Мишей, то есть не настолько часто, чтобы обмениваться с ним секретами, даже если бы они и были. Миша тогда надолго уезжал из Москвы (это было лет семь или восемь назад).

Нина Краснова: Я думаю, что Иосиф говорил все это с юмором и для юмора. И в то же время хотел сказать Тане, что он ей во всем доверяет.

Илья Шадур: А вообще для Иосифа было важно, что человек не должен знать то, чего не должен знать. Это касалось не Миши, а вообще людей.

ИОСИФ РАСКИН ПРОВЕРЯЛ МОРАЛЬНЫЕ УСТОИ ТАТЬЯНЫ РУБИНОЙ, ПРОВОЦИРУЯ ЕЕ В ДИСКУССИЯХ НА СЕМЕЙНУЮ ТЕМУ

Илья Шадур: Наши с Таней взгляды часто не совпадали со взглядами Иосифа. Например, на семейные ценности. Иосиф был хулиган и специально провоцировал Таню, отвергая эти ценности. Она вспыхивала, начинала отчитывать его. Он тоже вспыхивал. Жаловался на нее моей маме, говорил: «Таня говорит со мной так, будто не она моя племянница, а я ее дядя, а будто я ее племянник, а она моя тетя и моя учительница».

Она и в самом деле вела себя с ним так. Она по наследству приняла эстафету от своей мамы. Но, конечно, Иосиф очень любил Таню.

Нина Краснова: И я думаю, что ему даже нравилось, как она отчитывает его. Он специально провоцировал ее на дискуссии о семейной теме, чтобы проверить крепость моральных устоев Тани. И восхищался ею.

Илья Шадур: У него же уже не было ни мамы, и не было старшей сестры, а Таня была полномочной их представительницей. И выражала во многом их взгляды.

Нина Краснова: Иосиф и Таня были как разноименные ряды, как минус и плюс...

ИОСИФ РАСКИН ЛЮБИЛ ВЫРАЖАТЬСЯ МАТОМ, ДЛЯ ЮМОРА

Татьяна Рубина: Я никак не могла принять какие-то вещи, которые позволял себе делать Иосиф. Например, он выступал в Доме литераторов на вечере... И вдруг как начал выражаться матом, громко, на весь зал. Я дико возмутилась, говорю ему: «Прекрати орать на весь зал и выражаться матом». А он меня не слушает, не слушается...

Нина Краснова: Как он говорил одной интервьюерше в одном своем интервью: некоторые ругаются матом, а некоторые говорят на нем. Когда Иосиф на людях выражался матом, например, когда рассказывал анекдоты, из которых слово не выкинешь, как и из песни и из частушки, он делал это с внутренним юмором, с эпатажем, хотел поразить публику, проверить у людей чувство юмора... Но не все воспринимают такой юмор, это ясно... Иосиф говорил: мат — это язык интеллигенции. Опять же не все могут согласиться с таким афоризмом.

Татьяна Рубина: А вообще в последние несколько лет он как-то резко перестал употреблять мат, ему было уже не до этого.

ИОСИФ РАСКИН ГОВОРИЛ ДЕТЯМ: «НИКОГДА НЕ СЛУШАЙТЕСЬ РОДИТЕЛЕЙ»

Татьяна Рубина: Иосиф считал, и это было его кредо, что родители не имеют права заставлять детей делать что-то такое, что родители считают нужным, приказывать детям делать то-то и то-то...

Илья Шадур: Не имеют права давить на детей...

Татьяна Рубина: И не имеют права говорить детям, что те что-то должны им... И говорить: мы положили на тебя всю свою жизнь, мы столько делаем для тебя... а ты... Иосиф считал, что родители делают будто бы для детей, а на самом деле они делают для себя. И когда хотят сделать для детей как лучше, не понимают, что делают все только хуже, что детям нужно совсем другое, и губят их.

Илья Шадур: Поэтому Иосиф всегда говорил детям: «Никогда не слушайте своих родителей!» Наша с Таней приемная дочь Диана помнит это и, кажется, хорошо усвоила это...

(В комнату заходит Диана.)

Нина Краснова: Диана, а что ты можешь сказать об Иосифе?

Диана Рубина: Я была с мамой и папой у него в гостях. В Ясенево. И когда мы стали уходить, он сказал мне: «Никогда не слушайся своих родителей». Я много раз бывала у него в гостях. И он всегда говорил мне это.

Илья Шадур: Вот такой парадокс. Но детям это нравится.

ИОСИФ РАСКИН — РАЗБИВАТЕЛЬ ЖЕНСКИХ СЕРДЕЦ

Татьяна Рубина: Иосиф был неправильный человек. И жизнь у него была неправильная. И поведение неправильное. Он мог походя, небрежно обидеть человека резким словом, хотя и хорошо относился к нему и не хотел обидеть его. Мог ляпнуть что-то такое по настроению, а потом через минуту сказать что-то совсем противоположное. Его принципом был принцип свободы и вседозволенности.

Что касается женщин, это особая статья... Иосиф не мог не травмировать их.

Нина Краснова: Не мог не травмировать?

Татьяна Рубина: Ну да, он же бросал их, а не бросать их он не мог. Он полюбит женщину, а потом разлюбивает ее и переключается на другую и на других. И это было неизбежно.

Нина Краснова: У него кончался запас любви.

Татьяна Рубина: Женщины обижались на Иосифа, возмущались его поведением... Жены говорили: «Он по блядам пошел...»

Но со временем прощали его. И каждая утешалась тем, что он не только одну ее бросил, но и другую бросит...

Илья Шадур: И Таня нередко возмущалась им. Она хранительница семейного очага, семейных устоев... И на этой почве у нее с Иосифом нередко происходили стычки... Таня пыталась воспитывать его. А он этого не любил.

Татьяна Рубина: Его жена Инна подарила мне «Анну Каренину», когда мне было 13 лет. Чтобы я изучила женскую и мужскую психологию.

ИОСИФ РАСКИН ЛЮБИЛ ЕЗДИТЬ НА СВАДЬБЫ

Нина Краснова: Иосиф очень любил выступать на публике. И любил быть и был центром внимания в том кругу, в котором он оказывался.

Илья Шадур: Когда Иосиф чувствовал себя в своей тарелке, он мог один выступать три часа подряд!

Нина Краснова: Он был неутомим!

Татьяна Рубина: Иосиф очень любил ездить на свадьбы к своим племянникам и племянницам, в Саратов, в Питер, тогдашний Ленинград, и когда приезжал на свадьбу, эта свадьба превращалась просто...

Нина Краснова: В творческий вечер во главе с Иосифом...

Татьяна Рубина: Да, и в настоящий праздник!

Нина Краснова: Иосиф был прекрасным тамадой и душой всех компаний и всех застолий. Он умел объединить всех и создать нужную атмосферу, свободную, непринужденную, веселую...

Татьяна Рубина: Да. И все были ему очень благодарны за это!

ПОСТОЯННЫЙ ЭПИТЕТ ИОСИФА РАСКИНА

Илья Шадур: У Иосифа были свои постоянные эпитеты, которые он употреблял в своей речи. Одним из них было слово «обалденный», «обалденная», «обалденные». Когда он хотел дать высшую

оценку какой-нибудь книге, он говорил: «Обалденная книга». Когда он хотел похвалить каких-нибудь девушек и сказать, что они хороши в высшей степени, он говорил: «Обалденные девушки»!

(Илья вспомнил об этом, когда мы вчетвером, Илья, Таня и их дочка Диана, и я, ходили по базару в Свиблове и смотрели, что купить там из овощей, фруктов и ягод, и читали ценники, на которых было написано: «Помидоры очень сладкие», «Огурцы очень вкусные», «Вишни суперсладкие», «Дыни обалденные»... «Обалденные — это слово из лексикона Иосифа!» — сказал Илья и стал пояснять свои слова примерами из жизни Иосифа. — Н. К.)

ИОСИФ РАСКИН ОСТАНАВЛИВАЛ ДВИЖЕНИЕ МАШИН

Татьяна Рубина: Я вспоминаю, как Иосиф переходил через Щелковское шоссе, около которого мы жили еще при наших родителях. Это шоссе такое широкое, а движение машин на нем такое сильное, что перейти через это шоссе по верху, а не по подземным переходам, абсолютно нереально. Но подземные переходы там находятся далеко от друг от друга. И Иосиф не пользовался ими. Он шел через дорогу напрямик, с одной стороны шоссе на другую. Машины шли в несколько рядов, в несколько потоков, и справа, и слева. И останавливались перед ним. Он и нам предлагал пойти за ним. Говорил: «Давайте, пойдемте за мной! Ну, пошли!.. Вы не можете, а вот я иду, а вы не идете...».

(Между прочим, я тоже не раз переходила, но не Щелковское шоссе, а Садовое кольцо, когда шла от «Баррикадной» в ЦДЛ и когда на Садовом кольце в этом месте не было подземного перехода. Я вытягивала свою правую руку перед собой (так кто-то научил меня подавать знак машинам, чтобы они остановились) и шла через дорогу напрямик, и все машины останавливались передо мной... И за мной шла толпа людей, которые до меня не решались перейти через доро-

гу. Поэт Борис Дубровин видел это и был потрясен этим и похвалил меня. Хотя в жизни я далеко не всегда иду напрямик... — Н.К.)

КАК ИОСИФ РАСКИН РАЗГОВАРИВАЛ ПО ТЕЛЕФОНУ

Илья Шадур: Иосиф не любил разговаривать по телефону много и долго. Говорил всегда коротко, не больше одной-двух минут, максимум — десять минут (но очень и очень редко, в исключительных случаях).

1.

Как-то раз я попытался изобразить в стихах его телефонный разговор с Таней:

- Йось, это я... Ты что молчишь в ответ?
- Танюшенька, привет.
- А Илюша вчера облил скатерть борщом.
- Очень хорошо! ЧТО ЕЩЕ?
- А скажи, у вас с Аленой все чудесно?
- Тебе это НЕИНТЕРЕСНО.
- Ну, Йось, ну брось, ну ответь на вопрос...
- Не валяй дурака. Пока.

2.

Или, например, Таня звонит ему. Говорит:

— Йося, это я...

Он:

— Танюшенька, привет! Что скажешь?

Она говорит ему что-то на бытовую тему (например, что свет в квартире перегорел).

Он:

— ЭТО МНЕ НЕИНТЕРЕСНО. ЧТО ЕЩЕ?

Она говорит что-то еще на бытовую тему.

Он:

— ЭТО МНЕ НЕИНТЕРЕСНО. ЧТО ЕЩЕ?

Она:

— Концерт у меня скоро будет в музее Скрябина, я буду играть сочинения Шопена...

Он:

— А вот это другое дело. ЭТО МНЕ ИНТЕРЕСНО. ЧТО ЕЩЕ?

Она:

— Я разучила новое сочинение Шуберта...

— ЭТО МНЕ ИНТЕРЕСНО. ЧТО ЕЩЕ?

3.

Или, например, после недельного перерыва он звонит Тане или мне. Спрашивает, например, как зовут такого-то композитора, автора такого-то музыкального сочинения. Получает ответ. Тут же вешает трубку. Через несколько минут или через час звонит опять, спрашивает, как называется такое-то сочинение такого-то композитора. Получает ответ. Тут же вешает трубку. Через некоторое время звонит опять, спрашивает, кто автор такого-то фильма или такой-то книги. Получает ответ. И тут же вешает трубку. (Это бывает скорее всего в период его работы над книгой. — *Н. К.*) Он может позвонить несколько раз в день, спросить что-то, получить ответ и тут же повесить трубку, без лишних разговоров и церемоний. Но это только когда звонит кому-то из своих близких, которые привыкли к такому его своеобразному стилю общения по телефону.

У ИОСИФА РАСКИНА БЫЛО ТРИ СОБАКИ

Нина Краснова: Таня, у вас с Ильей есть собачка Пушок, белый немецкий шпиц, очень контактный и дружелюбный, из-за чего он недавно и пострадал. Хотел поиграть на Портновском пруду с большой собакой, а та укусила его в голову и повредила ему глаз... Но, слава Богу, глаз удалось спасти. А у Иосифа какая собака была?

Татьяна Рубина: У Иосифа было три собаки... за всю жизнь. Причем — только ньюфаундленды, одной и той же породы.

Нина Краснова: Это такие большие черные собаки...

Татьяна Рубина: Большие, черные, с курчавой шерстью. Первую собаку, которая была у него, когда он жил со своей женой Раей, звали Барс. Вторую, которая появилась через много лет, звали Гудзон, а третью, последнюю, звали Валька, Валька был внуком Барса.

Барс был очень агрессивный, а Гудзон — очень добрый. Никогда никого не трогал. А Барс иногда покусывал Раю. Но Иосифа он боялся и слушался. Я помню, Иосиф приходил к нам домой на Щелковскую, там у нас была квартира со смежной комнатой, и мы с мамой прямо из кухни подавали в комнату на стол разные блюда, ходили то на кухню, то из кухни. Иосиф сказал нам: «Хватит вам суетиться, бегать взад-вперед, садитесь за стол...». И приказал Барсу: «Ложись около кухни и никого туда не пускай...» И Барс лег около двери на кухню и никому не давал пройти туда.

А свою последнюю собаку, Вальку, Иосиф отдал своим знакомым, потому что был уже болен и не мог справляться с нею. Она была такая большая, почти с него ростом, она вставала на задние лапы и клала ему свои передние лапы на плечи. Иосиф отдал ее в одну семью, которая жила за городом, в собственном доме. Потом пришел туда, навестил ее. Она была ему страшно рада. Но когда он уходил, она спряталась, не хотела возвращаться к Иосифу в его «однушку», привыкла и хотела жить на воле, на воздухе. А Иосиф и не собирался забирать ее. Он был уже болен и слаб.

...Вообще ньюфаундленды по своей природе хорошие собаки. Не то что, например, сенбернары. Один сенбернар кошку загрыз...

ИОСИФ РАСКИН В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЛ В ЯСЕНЕВЕ

Татьяна Рубина: Иосиф все последние годы жил в Ясенева. После того, как весной 1998 года развелся с женой Ириной, с которой жил довольно долго.

Ирина со своей дочкой Аленой в последние годы часто приезжала к нему.

ПОСЛЕДНЯЯ ВИДЕОЗАПИСЬ С ИОСИФОМ РАСКИНЫМ

Татьяна Рубина: Последний раз Иосиф выезжал в свет, когда в ресторане «Пиросмани» отмечали его последний день рождения — ему исполнилось семьдесят девять лет. Диана снимала Иосифа на видео, и делала это очень хорошо и очень долго. Иосиф читал свое любимое стихотворение «Сын артиллериста», Симонова, читал таким голосом, который слабел, слабел, слабел и уходил, уходил, уходил... Жалко, что Диана не смогла снять Иосифа до конца. У нее кончилась пленка. Пленки хватило на сорок минут.

Нина Краснова: Это немало... И этому видео теперь цены нет. Оно оказалось последним в жизни Иосифа?

Илья Шадур: Да.

Нина Краснова: Оно оказалось последним...

Татьяна Рубина: И ему цены нет.

Нина Краснова: И оно есть и осталось благодаря Диане.

Илья Шадур: Да.

Нина Краснова: Какое большое дело сделала Диана... Сколько лет ей тогда было (год с лишним назад)?

Татьяна Рубина: Одиннадцать с половиной, около двадцати...

Нина Краснова: Какую большую роль она сыграла в последние дни его жизни... Она увековечила Иосифа в его последние дни, через видео...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИОСИФА РАСКИНА

Татьяна Рубина: За неделю до больницы Иосиф говорил по телефону какие-то несуразности, что-то не то говорил.

Нина Краснова: Говорить что-то не то, какие-то несуразности это вообще-то было в его духе, в его манере...

Татьяна Рубина: У него в голосе и во всем чувствовался какой-то уход из реальной жизни в потусторонний...

Нина Краснова: Может быть, это еще и от лекарств...

Татьяна Рубина: Может быть. Но буквально за несколько дней до своего ухода он разговаривал очень хорошо, говорил: «Танюшенька, Танюшенька...».

Илья Шадур: Уход Иосифа из жизни был тяжелый. Иосиф до больницы несколько месяцев лежал и не мог встать. Ему и лежать было трудно, и встать на ноги он не мог, они не держали его. Он не говорил о своей приближающейся кончине, но предчувствовал ее.

Татьяна Рубина: Когда мы были у него последний раз, он спросил у меня: «А если я умру, ты будешь плакать?» — Я сказала ему: «Ну что ты говоришь об этом?» — А он настаивал: «Нет, скажи, будешь плакать? Ну скажи...» — «Буду».

А когда Ирина с Аленой была у него последний раз, он сказал: «Я УСТАЛ...».

Материал подготовила

Нина КРАСНОВА

25–31 июля 2016 г.,

уточнения 2–3 сентября, 27–29 сентября 2016 г.,

оконч. вариант 17 октября 2016 г., посл. вычитка 16 июля 2017 г. и 5 августа 2018 г.,

Москва

ИОСИФ РАСКИН: «МОЙ СЫН МИША — НЕ ПРОСТО МОЙ СЫН, ОН ЕЩЕ И МОЙ ДРУГ...»

*(Интервью Нины Красновой с Михаилом Раскиным, сыном
Иосифа Раскина, 22 августа 2016 года, Москва)*

*Это интервью сын Иосифа Раскина, члена
Союза писателей Москвы, известного книжника,
книготорговца, собирателя анекдотов, частушек,
забавных историй из жизни известных людей, автора
бестселлера «Энциклопедия Хулиганствующего
Ортодокса» и других не менее интересных книг,
ушедшего на 80-м году жизни 11 июня 2015 года в мир
иной, Михаил Раскин дал мне в своем офисе, за чашкой
вкусного травяного чая, в приятной дружеской
атмосфере, 22 августа 2016 года, для книги о своем отце.*

Нина КРАСНОВА

ИСТОРИЯ С ГОРШКОМ, или первое воспоминание сына Иосифа Раскина Михаила о своем отце

Нина Краснова: Миша, ты помнишь своего отца с каких своих лет? С пеленок?

Михаил Раскин: Одно из первых воспоминаний о моем отце, которое у меня сохранилось... это когда мне было годика три и когда — а это было перед Новым годом — отец пришел домой с новогодними подарками. А он очень любил приносить подарки, и не обязательно даже к празднику, часто он и не по праздникам приносил мне какие-то игрушки и, конечно, много детских книг... И в тот день он пришел с большой такой горой подарков, с высокой стопкой корбоек и свертков... Если их все поставить друг на друга, они были бы, наверное, выше потолка... или мне тогда так казалось, потому что я был маленьким, и мне все казалось тогда большим и высоким.

Нина Краснова: Сколько тебе было лет?

Михаил Раскин: Мне было, наверное, годика два, я так думаю... Почему я думаю, что годика два? Потому что я помню, что я был такой маленький, что мне в подарок достался горшок. Мне вручили его торжественно. И я сильно расстроился. Потому что мне хотелось чего-то еще... И там были и еще какие-то подарки, среди всего прочего, там был и медведь... Но я помню, что мне вручили горшок, и я сильно расстроился.

ВОСПОМИНАНИЯ СЫНА ИОСИФА РАСКИНА О ПОХОДАХ С ОТЦОМ В «ДЕТСКИЙ МИР» И В РЕСТОРАНЫ

Михаил Раскин: Я родился 14 января 1968 года. Мой отец познакомился с моей мамой в 1957 году, и их совместная жизнь продолжалась до моего второго класса. А с моего первого класса у них начались определенные разногласия и конфликты, и когда я учился во втором классе, отец и мама разошлись. Мне тогда было восемь лет. Но и после того, как мои родители разошлись, мы с отцом сохраняли и поддерживали наши отношения, и когда я учился в школе, и уже после школы. Мы регулярно виделись, общались с ним, то есть у нас все эти годы была постоянная связь друг с другом.

Нина Краснова: Миша, а где вы встречались с отцом, когда он уже не жил с вами?

Михаил Раскин: Он забирал меня из дома, и мы с ним куда-нибудь ехали... например, в театр... или... Очень часто мы проводили время в ресторанах... У него было одно из таких хобби... чем он любил заниматься на досуге... я помню, он любил ходить в рестораны. И брал меня туда с собой. Кроме ресторанов у нас были и театры, конечно, но почему-то я так вспоминаю, что мы с ним чаще бывали в ресторане, чем в театре...

Нина Краснова: Это когда ты уже подросток?

Михаил Раскин: Нет, я был еще маленький. И ходил с ним туда, начиная с самого маленького возраста. Я до сих пор пом-

ню, что у него одним из самых любимых был ресторан «Берлин», в то время он так назывался, а сейчас там гостиница и ресторан, который называется «Савойя». Мне очень нравилось, что «Берлин» находится рядом с «Детским миром». Мы, перед тем как зайти в «Берлин», обычно заходили с отцом в «Детский мир». Там отец покупал мне игрушки, и оттуда мы шли «Берлин».

Нина Краснова: Из «Детского мира» прямо в ресторан...

Михаил Раскин: Да...

Нина Краснова: Это очень необычно...

Михаил Раскин: Да. И очень удобно в этом отношении располагался «Детский мир». Рядом с «Берлином».

Нина Краснова: И что Иосиф покупал маленькому Мише в ресторане?.. Не водку? Нет? Какую еду?

Михаил Раскин: В ресторане еда была вполне ресторанный...

Нина Краснова: То есть полный такой хороший обед?

Михаил Раскин: Чаще все-таки у нас были ужины, чем обеды. И там были всякие вкусности. Я очень любил жульенчики в сметане, грибные. Отец очень любил селедочку с картошечкой. Это было одно из любимых его блюд, одна из любимых закусок под водочку, но водочкой он особенно не злоупотреблял, то есть мог выпить и всегда в принципе выпивал, практически каждый день, но выпивал пару рюмок, и никогда не было такого, чтобы он был пьян. Я никогда в жизни не видел его сильно выпившим, чтобы он вел себя несколько неадекватно, то есть я такого никогда в жизни не видел в принципе.

Нина Краснова: Он свою дозу, свою норму знал.

Михаил Раскин: У него походы в рестораны были связаны в основном с общением. Он говорил, что в рестораны надо ходить не ради того, чтобы поесть и выпить, а ради того, чтобы пообщаться с человеком, с людьми. Он часто вспоминал Михаила Светлова, который говорил: если бы у меня было достаточно денег, я бы брал продукты на рынке и не ходил бы в рестораны. Я неточно цитирую Светлова, но отец частенько цитировал его, частенько вспоминал эту его цитату.

**ИСТОРИЯ О РОЛИ ПОЭЗИИ
В ЖИЗНИ ИОСИФА РАСКИНА,**

или о том, как он познакомился со своей женой Раисой

Нина Краснова: Миша, а как твой отец познакомился с твоей мамой, как они познакомились друг с другом?

Михаил Раскин: Я знаю детали всего этого... *(Михаил улыбается.)*

Нина Краснова: Интимные подробности можно опустить...

Михаил Раскин: Дело в том, что в то время моя мама вместе со своей дочкой Ирой от первого брака жила в районе проспекта Мира, в районе метро «Рижская». У них был частный дом, который потом сгорел, и они после пожара переехали в другое место, на Малую Переяславскую улицу, снимали там комнату. Но в то время, до пожара, они жили в районе проспекта Мира и метро «Рижская», где жил и мой отец. То есть моя мама и мой отец жили практически напротив друг друга, через дорогу. Отец жил со своей в то время женой, от которой у него тогда родился сын, Юлик, который получается моим сводным братом по отцу.

С Юликом мы познакомились уже буквально в последний год жизни отца. Юлик давно живет за границей, во Франции, в Париже. У нас с ним очень теплые отношения сложились. Мы с ним часто встречаемся, общаемся. И в Москве, он приезжал сюда со своими родственниками, и за рубежом, мы встречались там на Мальте, он приезжал туда со своей дочкой Жанной. Что интересно, мы с ним встретились, когда мне было уже около 46-ти лет. То есть только почти в 46 лет я первый раз увиделся со своим сводным братом. А в то время, о котором я говорю, он только родился. Он чуть-чуть старше меня, он с 1957 года.

Отец ходил, прогуливался с колясочкой и со своим сыном Юликом в колясочке по проспекту Мира и встретил мою маму, которая шла на работу. Либо в какой-то другой момент он ее встретил. И увязался за ней и подошел к ней. А у нее была тяжелая психологическая ситуация, тяжелое моральное состояние,

потому что у нее умер двоюродный брат. И она была очень расстроенная. Отец спросил у нее, почему она такая расстроенная, и сказал, что хотел бы помочь ей и что он все на свете может. А она сказала ему, что он не может ей помочь при всех своих способностях. Он сказал: «Я все могу!» — и прочитал ей стихотворение, не знаю — какое, не знаю — чье, и покорила ее этим. У него в принципе была феноменальная память, и он мог читать стихи часами, так же, как рассказывать анекдоты. Но анекдоты он иногда уставал рассказывать, потому что над ними нужно было все время смеяться, ему и слушателям, а стихи он читать никогда не уставал. И он читал их наизусть, очень много он знал их, и это было всегда приятно и интересно. Он любил читать Симонова, и не только Симонова, но, например, и Ахматову, и Цветаеву, у него в принципе всегда на каждый случай были чьи-то поэтические строки.

Нина Краснова: Он очень начитанный был.

Михаил Раскин: Да, он был очень начитанный. И к тому же у него же было литературное образование. Он же по образованию был педагог русского языка и литературы. У него с литературой, с поэзией было все в порядке.

Он был настоящий книжник. Собрал большую домашнюю библиотеку. В этой библиотеке было много всякой поэзии всех времен и всех стран и народов. И была серия «Библиотека поэта».

Нина Краснова: Он же был еще и книготорговец, который уже в советское время продавал книги в центре Москвы, в подземных переходах, был связан со всеми книжными магазинами и один выполнял планы десятков магазинов.

Михаил Раскин: И вот так мой отец и моя мать познакомились друг с другом, благодаря поэзии. Поэтическая сторона его жизни была одной из его характеристик, он был такой романтик, такой лирик, очень поэтический человек.

ВОСПОМИНАНИЕ О КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ, О СОСЕДКАХ И ОБ ИГРЕ В ПРЯТКИ

Нина Краснова: Миша, когда твои родители поженились, где вы все жили?

Михаил Раскин: Они расписались и переехали жить на ВДНХ. Там мы и жили, около метро ВДНХ, в коммунальной квартире. Квартира была трехкомнатная. Мы занимали две комнаты, а одну занимала соседка. Сначала у нас была одна соседка, бабушка, которая любила угощать меня лимонными конфетами, которые я очень любил, потом у нас была другая соседка, которая собирала значки и дарила мне их. Я прятал ее тапочки в духовке, когда мне было четыре года. Я любил играть в прятки, но не сам прятался, а любил прятать какие-то вещи, которые никто не мог найти. Я очень поздно начал ходить. Мне нравилось ползать на четвереньках, и я очень быстро ползал, не ползал, а бегал на четвереньках, и у меня колготки всегда были дырявые.

Нина Краснова: А Иосиф тоже поздно начал ходить...

Михаил Раскин: Этого я не помню. *(Михаил улыбается.)*

Нина Краснова: Естественно. Он писал об этом в своей книге «Большая жизнь Хулиганствующего Ортодокса», которую ты мне на днях подарил.

ВОСПОМИНАНИЕ СЫНА ИОСИФА РАСКИНА ОБ ИГРЕ С ОТЦОМ В ШАХМАТЫ КАК ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ЗА ЧТЕНИЕ КНИГ

Михаил Раскин: Когда мне было восемь лет, мои родители разошлись, это был не простой период в нашей жизни. С первого по второй класс я учился в простой школе, имени Твардовского. А с третьего по восьмой — в школе-интернате. Учился я хорошо. Отец приходил ко мне, навещал меня. Я помню, что зимой я был в зимней лесной школе. А до этого, летом, был в летней лесной школе. Я очень любил читать. А научился я читать в первом

классе. Когда я пришел в школу первый раз в первый класс, учителя говорили, что все уже должны уметь читать (должны были научиться этому еще до школы), а я не умел. Но потом научился и очень любил читать книги.

В то время самым хорошим вознаграждением мне за это были шахматы — когда мы с отцом играли в шахматы. Отец давал мне тоненькую книжечку для детей и говорил: «Ты сначала прочитай книжечку, а потом мы с тобой в шахматы поиграем». У меня было много книжечек, штук десять или больше, такие тоненькие, разного формата. И я читал их. И мы с отцом играли в шахматы.

Нина Краснова: В семь лет ты уже играл в шахматы?

Михаил Раскин: Я стал играть в шахматы в четыре годика. Раньше, чем научился читать. Делал записи шахматных партий. У меня даже сохранились некоторые из них. Правда, почерк у меня был корявый, некрасивый, квадратный, но все же я умел записывать шахматные партии, шахматные шифры. Отец водил меня в шахматный клуб «Белая ладья».

Нина Краснова: И ты обыгрывал своего отца?

Михаил Раскин: Тогда — нет. Но когда подрос и учился в средней школе, в старших классах, бывало, что и обыгрывал его. Игра в шахматы была одним из любимых наших времяпрепровождений.

ВОСПОМИНАНИЕ МИХАИЛА РАСКИНА О ЧТЕНИИ КНИГ В ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ, КОТОРЫМИ ОН ИСПОРТИЛ СЕБЕ ЗРЕНИЕ

Нина Краснова: Миша, а где находилась твоя школа-интернат, в которой ты учился с третьего по восьмой класс?

Михаил Раскин: Она находилась там же, где и моя школа имени Твардовского. На ВДНХ. Она и сейчас там находится. И я до сих пор поддерживаю отношения с этой школой, и с директором, и с завучем, и со всеми учителями. Можно много чего вспомнить, и хорошее, и плохое.

Я сказал, что я очень любил читать. И когда был зимой в лесной школе, в третьем классе, у меня была с собой интересная книга, и я читал ее ночью, при свете фонаря, и тогда испортил себе зрение, в третьем классе у меня уже было плохое зрение, минус три с половиной, близорукость.

Нина Краснова: Как говорил Фамусов Грибоедова о Софье: «Скажите, что глаза ей портить не годится./ Что пользы ей от этих книг?..». А Скалозуб говорил, что «уж коли зло пресечь», надо бы «собрать все книги бы да сжечь...»

Михаил Раскин: Но книги я читать не разлюбил, хотя и испортил себе ими зрение.

О МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАКЛОННОСТЯХ ИОСИФА РАСКИНА И ЕГО СЫНА МИХАИЛА

Михаил Раскин: Девятый и десятый класс я заканчивал в математической школе, недалеко от того места, где мой отец познакомился с моей мамой, на проспекте Мира.

Нина Краснова: А почему ты оказался в математической школе? У тебя были математические наклонности?

Михаил Раскин: Да, мне нравилась и нравится математика. Отец математику тоже любил и хорошо решал математические задачи и очень хорошо и быстро складывал и умножал в уме разные числа, и это впечатляло всех. Он знал в этом какие-то хитрости. Я тоже считаю достаточно быстро.

Когда я окончил математическую школу, я получил специальность — программист. Поступал в МГУ, на математическое отделение, и смог решить на экзамене всего за двадцать минут очень трудную задачку, которую, как сказал мне потом мой преподаватель по математике, с которым мы разбирали ее, решил бы за сорок минут, но меня не приняли в МГУ, не очень хотели принять, потому что там, мягко говоря, не очень любили евреев, а я Михаил Иосифович Раскин, и это стало одним из факторов, почему меня на экзамене завалили. Хотя я мате-

матику знал неплохо. Я даже до сих пор помню задание, которое у меня было: тригонометрическое неравенство... что-то такое, что сходу нельзя было решить, надо было исследовать функцию на нескольких вещах, и так далее.

Нина Краснова: На экзаменах завалить при желании можно кого хочешь, даже и самих экзаменаторов, если поставить такую цель.

Михаил Раскин: Я сдал экзамены, но получил две четверки, и не набрал проходного балла. И в результате не поступил в МГУ. И тогда поступил на вечернее отделение экономико-статистического института. И учился там, и параллельно с этим устроился работать программистом, в вычислительном центре хлебопекарной и мясомолочной промышленности, в отделе системного матобеспечения, отец помог мне устроиться туда. Я днем работал, а вечером учился. Я не испытывал в этом сложности, работа у меня в принципе была такая... не бей лежачего, ритм не напряженный, люди со мной в отделе работали интересные. Потом я ушел в армию на пару лет и, когда вернулся оттуда, поступил на дневное отделение этого института и окончил его.

ИОСИФ РАСКИН ПРИЕЗЖАЛ К СЫНУ МИХАИЛУ В АРМИЮ

Нина Краснова: Миша, а где ты служил в армии?

Михаил Раскин: Сначала я полгода служил в Минске, отец приезжал ко мне туда. Потом из Минска я переехал в Подмоскowie, служил в Наро-Фоминске, в Кантемировской дивизии. Это было не самое лучшее место с не самыми лучшими условиями. Я служил в ремонтной роте. В Минске было лучше.

ИОСИФ РАСКИН ПРИОБЩИЛ ЖЕНУ И МАЛЕНЬКОГО СЫНА К КНИЖНОЙ ТОРГОВЛЕ

Михаил Раскин: Мои родители работали в книжной торговле. Когда они разошлись, в 1968 году, отец устроил мою маму (а она в свое время окончила полиграфический институт) в «Москнигу», и мама работала в книжном магазине № 39 на ВДНХ и продавала книги в палатке у главного входа, но основная торговля шла у нее всегда со столиков, с лотков, как книгами, так и книжной лотереей, которая в то время была очень популярной. На рубль давалось четыре билета. Я помогал маме, я торговал книгами с одиннадцати лет, с четвертого класса, в выходные дни. Мне даже платили за это какие-то деньги.

Нина Краснова: Вас обоих приобщил к этому отец, книжник и лучший книготорговец во всей Москве.

Михаил Раскин: Они оба проводили со мной профессиональную ориентацию, когда я еще был маленький.

ИОСИФ РАСКИН ЛЮБИЛ ПЕТЬ, И ЕГО СЫН МИХАИЛ ТОЖЕ ЛЮБИТ ПЕТЬ

Михаил Раскин: Хотя специальность у отца была — преподаватель русского языка и литературы, педагог, но он не всегда работал по специальности. Сначала какое-то время работал по специальности, но потом работал в культмассовом секторе на туполевском заводе, в профсоюзном комитете, организовывал походы, выходы в театры, ему это нравилось. Кроме того он увлекался самодеятельностью, состоял в кружках художественной самодеятельности, принимал участие в концертах, он пел очень хорошо.

Нина Краснова: И когда служил в армии, в Прибалтике, пел там в военном ансамбле... и даже не хотел возвращаться из армии, из Прибалтики домой...

Михаил Раскин: Да, и задержался там надолго... Увлёкся пением... *(Михаил улыбается, потому что знает, что отец увлекся там еще и девушкой.)*

Нина Краснова: Миша, а ты поешь?

Михаил Раскин: Я тоже люблю петь. Хотя у меня не такой абсолютный слух, как у моего отца. Я пою в компаниях с друзьями, когда мы встречаемся.

Нина Краснова: А какие песни тебе нравятся?

Михаил Раскин: Мне нравится Визбор, Градский, нравятся песни на английском языке, который я учил в школе и в институте. Когда мы встречаемся с друзьями, не часто, но когда мы встречаемся и если у меня есть настроение, я под караоке могу спеть какие-то песни. В том числе и на английском языке.

СОСЕД РАСКИНЫХ ПО ДОМУ РУГАЛСЯ МАТОМ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Нина Краснова: Миша, ты хорошо знаешь английский язык?

Михаил Раскин: У нас на ВДНХ, в том доме, где мы жили с отцом, над нами, на втором этаже жил интересный человек, такой Аксенов Артур Яковлевич. Он работал переводчиком-синхронистом. Моя мама договорилась с ним, что он будет преподавать мне английский раз в неделю, заниматься со мной, и он со мной занимался по выходным дням. Он интересен тем, что у него отца репрессировали, и сам он отсидел в тюрьме, сначала в Лефортово, в одиночке, потом в лагерях.

У него отец тоже был переводчиком. У них семья была тоже очень такая интересная. Когда Артур Яковлевич вернулся из тюрьмы и лагерей, он начал очень сильно пить. И когда он пил, он ругался в нашем подъезде матом, но не на русском, а на английском языке, настолько хорошо знал этот язык, настолько хорошо был образован, что даже пьяненький ругался матом на английском языке. Его было очень интересно слушать. И вот с того времени я и учил английский язык, и дома, и в школе, и потом в институте.

Нина Краснова: И этот английский язык потом пригодился тебе в твоей работе.

Михаил Раскин: Да, иностранный язык, особенно английский, нужен в сегодняшней жизни.

Нина Краснова: Но матом ты на нем не ругаешься? Или, как говорил Иосиф Раскин, не «разговариваешь матом» на английском языке?..

**ИСТОРИЯ О ПЕРВЫХ ПОПЫТКАХ СЫНА ИОСИФА
РАСКИНА МИХАИЛА ЗАНЯТЬСЯ БИЗНЕСОМ,
или о том, как он с товарищами наваривал
деньги на «варенках»**

Нина Краснова: Миша, как складывалась твоя жизнь после армии?

Михаил Раскин: После армии я вернулся в Москву. В 1988 году. Тогда возникла кооперация... И я стал пробовать себя в бизнесе. Я учился на дневном отделении экономико-статистического института и параллельно с этим занимался бизнесом. В принципе торговлей я увлекался еще в четвертом классе, когда мне было 11 лет. А после армии я увлекся кооперацией, и моя мама тоже. Мы с мамой занимались книжной торговлей и параллельно с этим делали какие-то сувениры... разных зайчиков, собачек... игрушки пластмассовые... и зарабатывали на этом деньги.

Через какое-то время мы с приятелем научились варить майки.

Нина Краснова: Делать модные в то время «варенки»?

Михаил Раскин: Да. И продавали их на Рижском рынке, оптом и в розницу. И зарабатывали на этом неплохие деньги. Мы покупали в магазинах вьетнамские майки по 3 рубля 30 копеек и покупали краску, которая стоила смешных денег. И когда сварить эту майку, она стоила уже 13 рублей вместо 3.30, то есть мы наваривали по 10 рублей на каждой майке. То есть после такой варки мы каждый день наваривали приблизительно среднемесячную зарплату. Средняя зарплата тогда была 250 рублей в месяц, а мы зарабатывали в день по 250 рублей. Пока на нас не наехала мафия, рэкет... И после этого мы успешно переключились

на другую деятельность. Нам не надо было бы в розницу торговать, а надо было бы оптом, а мы хотели побольше заработать. Потому что оптом в розницу эти майки стоили по 25 рублей, а оптом мы продавали их по 15 рублей, и мы решили зарабатывать слишком много, и это нас сгубило немножко...

Нина Краснова: Жадность фрайера сгубила... *(Нина смеется, Михаил тоже.)*

Михаил Раскин: Да. Но ничего, мы набрались опыта, это было только начало.

Нина Краснова: А Иосиф как относился к этому? Положительно?

Михаил Раскин: Он в принципе достаточно спокойно относился и ко всему, что касалось моего образования, и ко всему, что в дальнейшем касалось моей работы. Я неглупый, у меня есть какие-то свои способности и склонности-наклонности. Я нашел свое место в жизни. Он специально меня никуда не устраивал, когда я учился и работал, хотя не так-то просто было куда-то устроиться. Я работал, получал какую-то символическую плату, без всяких блатов.

О СВЯЗЯХ ИОСИФА РАСКИНА И ЕГО СЕМЬИ С МУЗЫКОЙ

Нина Краснова: Иосиф Раскин вообще-то был человек со связями.

Михаил Раскин: Это абсолютно так. У отца было много связей. Книжная торговля способствовала этому, помогла ему обретать связи. Он человек был очень интересный, общительный. И когда я был маленький, у нас дома много интересных людей бывало, разные интересные люди к нам приходили...

Левон Оганезов — популярный музыкант, пианист приходил к нам в гости. Он виртуозно играет на фортепьяно. Они с отцом очень дружили. Левон всегда приходил к нам домой и играл у нас на пианино. Оно стояло в большой комнате. Отец тоже любил играть на нем, несмотря на то, что не имел никакого музыкально-

го образования, он при этом всегда мог сыграть какие-то детские песенки, двумя руками, у него был очень хороший музыкальный слух, идеальный музыкальный слух. Отец и пел очень хорошо.

Нина Краснова: У вас вся семья музыкальная.

Михаил Раскин: Да. Его сестра Анна была известная пианистка, музыкантка. Его племянница, моя двоюродная сестра, тоже пианистка, народная артистка России, Татьяна Рубина. У меня слух не такой хороший, как у отца, но я тоже в свое время закончил музыкальную школу, по классу ударных инструментов, когда учился в школе-интернате. И еще я параллельно с этим пел в хоре.

Нина Краснова: У вас музыкальная и певческая семья.

ИСТОРИЯ О РОЛИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЖИЗНИ СЫНА ИОСИФА РАСКИНА, или о том, как сын Иосифа Раскина Михаил познакомился со своей женой Габриэлой

Нина Краснова: Миша, а как ты познакомился с Габи?

Михаил Раскин: С Габи я познакомился так. У нас с моими компаньонами был такой этап, такой период, когда я серьезно занимался бизнесом. И я по работе был связан с Америкой, мы покупали там фотокамеры на огромные деньги, продавали эти фотокамеры здесь, в России, с 1993 по 1996 год. И в 1996 году я поехал в Америку закрывать наш офис, потому что у нас уже открылся склад в Европе и нам стало невыгодно держать офис в Америке. А Габи приехала туда из Мексики и училась там в школе английского языка и подрабатывала там. И в этой школе мы и познакомились.

Нина Краснова: Так что английский язык сыграл свою роль в твоей и в вашей с ней жизни, а не только в твоей работе.

Михаил Раскин: Да, английский язык сыграл свою роль.

Нина Краснова: Ты живешь с Габи уже сколько лет?

Михаил Раскин: Мы живем с Габи уже 20 лет. От Габи у нас трое детей. Мальчик Макс и две девочки, Изабелла и Лиза. Макс и Лиза двойняшки, им по 7 лет. А Изабелле 10 лет. Мы живем

на две страны. В России и на Мальте, куда мы переехали три года назад. Сейчас перебираемся в Испанию, в Мадрид. Это все у меня связано с работой. Я мотаюсь туда-сюда. Половину времени провожу здесь, половину — за границей.

Нина Краснова: И привык к этому? И все успеваешь? Молодец!

Михаил Раскин: Сейчас жизнь такая, что все эти переезды-разъезды туда-сюда, из страны в страну — это уже нормально. Я все успеваю, привык к этому. Во всем мире люди ездят в командировки по несколько раз на неделе. Летают туда-сюда.

Нина Краснова: Габи с детьми была на похоронах и на поминках Иосифа. Иосиф обожал ее и ваших детей. Габи — мексиканка. Красавица и умница. И очень хорошо вписалась в круг вашей семьи и ваших друзей. И, кстати сказать, очень хорошо говорит по-русски, а не только по-английски.

НЕВЕСТКА ИОСИФА РАСКИНА, МЕКСИКАНКА ГАБИ, ЛЮБИТ РОССИЮ

Нина Краснова: Габи хорошо освоила русский язык. Это все благодаря тебе?

Михаил Раскин: Она жила здесь со мной, в Москве, 16 лет. В 1997 году мы с ней расписались, провели свой медовый месяц на Гавайях, потом приехали сюда, в Россию и с того времени жили здесь. Иногда выезжали за границу. И только 3 года назад переехали на Мальту. И живем то там, то здесь. Ей вообще нравится в России, здесь ей очень комфортно и очень хорошо в принципе.

О ПЕРВОМ БРАЧНОМ ОПЫТЕ СЫНА ИОСИФА РАСКИНА МИХАИЛА

Нина Краснова: Миша, а до Габи ты уже был женат?

Михаил Раскин: Да, я познакомился со своей первой женой еще до своего ухода в армию.

Нина Краснова: Как и твой отец Иосиф познакомился со своей первой женой еще до армии.

Михаил Раскин: Я познакомился с ней в январе 1986 года. Мне было 18 лет.

Нина Краснова: Ты был еще незрелый.

Михаил Раскин: Ну не знаю, зрелый или незрелый, но скорее незрелый, чем зрелый. Она провожала меня в армию, приезжала ко мне туда в Минск. И потом в Наро-Фоминск, мы встречались с ней, переписывались, у нас была любовь такая. Я служил в армии два года. И когда я вернулся оттуда домой, буквально в 1988 году, я женился на ней, а в 1989 году у нас родился ребенок, сын, Артем. Это мой старший сын.

Нина Краснова: Он был на поминках по Иосифу, я видела его. Очень хороший парень, твой сын Артем.

Михаил Раскин: Да, очень хороший парень. Я рад, что у него все хорошо складывается в жизни. Он сейчас женился, у него хорошая работа в крупной компании. Работа у него связана с разными местами. Он полгода провел в Швейцарии. Сейчас переезжает в Сингапур. Так что с сентября он будет в Сингапуре.

Нина Краснова: Ух ты!

Михаил Раскин: Но со своей первой женой я разошелся раньше, чем встретил Габи, за несколько лет до того, как я встретил Габи. Я разошелся с первой женой в 1993 или в 1994 году.

Нина Краснова: И почему вы с ней разошлись?

Михаил Раскин: Мы не совсем соответствовали друг другу, наверное. Ее звали Светлана.

Нина Краснова: От нее у тебя сын Артем, а от Габи у тебя трое детей.

Михаил Раскин: В общей сложности у меня четверо детей, два мальчика и две девочки*.

* Теперь у Михаила Раскина пятеро детей. Недавно у него родилась от Габи еще одна девочка, с чем (с кем) можно поздравить его и Габи. — *Н. К. 5.08.2018.*

ИСТОРИЯ С ГРУЗИНСКИМ ВИНОДЕЛОМ АКАКИЕМ

Нина Краснова: Миша, а расскажи, пожалуйста, какую-нибудь историю, связанную с Иосифом Раскиным, с твоим отцом.

Михаил Раскин: Одна из историй у нас была такая. Мы поехали с ним вместе отдыхать в Гагры, не так часто это бывало. Но этот случай я помню очень хорошо. Отец тогда уже пять лет как развелся с моей мамой. И взял меня с собой в Гагры. И еще он взял туда одну молодую девушку, Вику, она тогда была его большой любовью. То есть он взял с собой ее, и еще и меня. Он потом отправил ее в Америку. И вот мы прилетели в Гагры. Он заказал такси, «Волгу», и мы едем на «Волге» по дороге, на границе Грузии с Абхазией. Едем вдоль виноградников, вдоль реки Соу, у которой название такое же, как у вина «Соу». И приезжаем в одно известное место, в поселок, который расположен на этой реке. Отец знал там одного известного человека, Акакия, виноградаря и винодела, у которого можно было купить вино. Мы остановились там. Выходим из машины, Акакий встречает нас, проявляя гостеприимство, как это принято в Грузии. К нему разные интересные известные люди приезжали, какие-то всякие большие деятели. Отец пишет о нем в своей книге «Грузия, ты в сердце моем».

И вот мы выходим из машины все трое. А у Акакия во дворе — бурый мишка в клетке сидит. А до этого сидела обезьяна, он подарил ее Игорю Кио, который приезжал к нему до нас. И вот Акакий встретил отца и всех нас как своих друзей, с отцом они оба жали друг другу руки, обнимались и чуть ли не целовались. И уже Акакий ведет нас к бочкам с вином, и все такое, чтобы мы попробовали вино из большого красивого рога. И как-то так пропускает отца вперед, а у меня тихонько спрашивает про него: «А кто это?» — Я говорю: «Писатель!» — хотя у него тогда еще никаких книжек не было. Но я так спокойно посмотрел на Акакия и сказал, что мой отец писатель. А отец в то время уже начал писать книгу «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», делал первые попытки написать ее.

То есть этот Акакий встретил моего отца как давнишнего, близкого друга, а сам даже не знал, кто это. Наверное, отец раньше приезжал к нему, но к нему так много разных людей приезжало, что он не мог упомнить всех.

Нина Краснова: А Иосиф умел произвести впечатление... И, конечно, хозяин подумал, что это какой-то очень важный человек.

ИОСИФ РАСКИН ЛЮБИЛ БЫТЬ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Михаил Раскин: Мой отец всегда выглядел очень так презентабельно, солидно, и животик у него был большой, и густая шевелюра, и голос у него был хорошо поставленный, натренированный... Отец занимался книжной торговлей, рекламировал и продавал книги, и самодеятельностью занимался, причем пел даже в серьезных концертах, для этого нужен был такой голос, как у него. И в дальнейшем у отца никогда не возникало с этим никаких проблем, при выступлениях на телевидении и на радио, и опять же на концертах, на творческих вечерах. Он был одним из ведущих на всех мероприятиях, и ему это нравилось. Он хорошо чувствовал себя на людях, на выступлениях.

Нина Краснова: Он любил быть в центре внимания.

Михаил Раскин: Да, он всегда был в центре внимания. Ему нравилось, когда все на него смотрели, особенно когда женщины на него смотрели, красивые, симпатичные, эффектные. Это было для него важным мотивирующим фактором. Я помню, что когда мы с ним приходили, например, в ЦДЛ, в ресторан, где мы тоже часто бывали... он, прежде чем что-то заказать, вставал и шел посмотреть, кто там есть из знакомых или из незнакомых, и какие там есть интересные женщины... Я еще сижу за столом, смотрю меню или просто смотрю по сторонам, а отец уже куда-то усвистел. Ему обязательно нужно было сначала пройти туда-сюда... То есть чтобы он пришел в ресторан и просто сел и сидел за столом, такого никогда не было. Ему сначала надо было обязательно пойти посмотреть на людей и себя показать. Потом, когда

мы уже посидели и выпили с ним по 50 граммов, для храбрости, для смелости, он шел общаться со знакомыми либо с незнакомыми людьми, соответственно, у него знакомых везде было очень много, и в ЦДЛе, и в других ресторанах, и в «Берлине», и в ЦДРИ, и в Доме кино... всегда везде у него было много знакомых, всегда он был везде своим человеком, всегда его все очень любили и всегда ждали.

НЕЛИМИТИРОВАННЫЙ КРЕДИТ И ДОЛГИ ПОМЕШАЛИ ИОСИФУ РАСКИНУ И ЕГО СЕМЬЕ УЕХАТЬ В ИЗРАИЛЬ

Михаил Раскин: Мой отец был в принципе достаточно щедрым человеком, он зарабатывал много денег, у него всегда было их много, но в то же время у него никогда их не было особенно много, потому что он всегда тратил их, любил тратить их, он считал, что важно, чтобы у тебя была такая оптимальная финансовая ситуация, когда ты немножечко, совсем немножко кому-то чего-то должен, то есть немного, но должен, — если немножко, то это нормально.

Нина Краснова: А мне кажется, что на самом деле это неудобная ситуация, нехорошее моральное состояние, когда ты чего-то кому-то должен...

Михаил Раскин: У него всегда был, так сказать, нелимитированный кредит, так это называется... В этом отношении у него не было проблем, когда он в советское время работал в книжной торговле книгоношей от книжных магазинов. Он брал там книг на тысячу рублей, советскими деньгами, а это были большие в то время деньги, тогда новая машина стоила 4,5 тысячи рублей. А у него в то время были долги в магазинах на 20–25–30 тысяч рублей советскими деньгами. И эти долги не мучили его. Никаких проблем у него из-за этого не возникало.

Это была такая финансовая ситуация. С одной стороны, он всегда зарабатывал много денег и успевал рассчитываться со своими долгами. А с другой стороны, у него было наличие по-

стоянного долга... и была большая библиотека, и любовь к общению и к контактам с людьми (и с женщинами). И это сыграло роль в охлаждении его отношений с моей мамой, в том, что это помешало осуществиться семейным планам по эмиграции в Израиль. Мама с отцом собирались уехать в Израиль и уже получили приглашение из Израиля, и все было готово для отъезда. Но в результате они никуда не смогли уехать.

В 1974 году они приняли решение уехать. В 1975 году получили приглашение, в 1976 уже собирались уезжать и уже обсуждали тему, как они будут жить и что будут делать за границей, и все это сорвалось. После этого отношения у них разладились и охладились, и в 1976 году мои родители окончательно разошлись, развелись. Как раз в это время моя сводная по маме сестра Ирина вышла замуж, правда, не очень удачно.

Нина Краснова: Но, может быть, и хорошо и слава Богу, что вы никуда не уехали... Что Бог ни делает, все к лучшему.

О ПРИЕМНОЙ ДОЧЕРИ ИОСИФА РАСКИНА ИРИНЕ, или о сводной сестре его сына Михаила

Нина Краснова: Миша, а что ты можешь сказать о своей сестре Ирине?

Михаил Раскин: Ира — моя любимая сестра, дочь моей мамы от первого брака, приемная дочь моего отца, моя сводная сестра по маме, она — самый такой близкий мне человек, и была, и остается до сих пор. У нас с ней крепкие родственные и дружеские отношения. Она живет в Москве, она никуда не уехала.

Нина Краснова: А Ира чем занимается?

Михаил Раскин: Она первоначально тоже была связана с книготорговлей.

Нина Краснова: У вас потомственная книготорговая семья.

Михаил Раскин: У Иры образование медицинское. Она тоже пробовала заниматься бизнесом, индивидуальной трудовой деятельностью. У нее не простая судьба, но при этом Ирина воспи-

тала двух дочек. Старшая из них, Кристина, сейчас живет в Италии, большая спортсменка, прыгает с парашютом, чемпион мира по парашютному спорту, по горизонтальному полету. По телевизору показывают, как эти спортсменки летают, облетают разные препятствия. Муж у нее тоже увлекается этим видом спорта. А младшая дочка Ирины, у которой 10 лет разницы с Кристиной, не хочет летать, ей это не нравится, слава Богу. У Ирины — две дочки от разных мужей. Она живет с нашей мамой.

ИСТОРИЯ С ИНФАРКТОМ ИОСИФА РАСКИНА

Нина Краснова: Миша, когда у твоего отца был инфаркт, ты спас отца... Он сам говорил об этом на своем творческом вечере в музее Чуковского, в литературном Гараже Аллы Рахманиной, в Переделкине, в 2009 году. Ты нашел для него деньги на операцию? Он говорил о тебе: «Какой хороший у меня сын!»

Михаил Раскин: Никаких денег, ничего я не находил. А с инфарктом получилось так.

Когда я окончил экономико-статистический институт, меня настолько увлек бизнес, что я защитил диссертацию только через 10 лет после того, как окончил институт. Я решил получить бизнес-образование, в 2002 году, в академии народного хозяйства. Пройти курс, часть которого была связана с английским языком. Я приехал на собеседование утром рано, часов в 8. А до этого у нас с женой, с Габриэлкой, гостили родители. В августе это было.

Мы сходили вместе с моим отцом и с моим тестем в «сандуны», посидели там, после этого отец после собирался на день рождения своего друга, Павловского, крупного известного бизнесмена, и пошел к нему на день рождения. Отец курил, да еще его продуло после бани, и у него сосуды застудились. Надо сказать, что отец был не спортивный человек, и у него образ жизни был не совсем здоровый...

Нина Краснова: То, что Иосиф курил, это плохо. А ты куришь, Миша, нет?

Михаил Раскин: Я бросил курить 20 лет назад, и не курю столько лет, сколько живу со своей женой Габриэллой. В декабре будущего года будет 20 лет, как я живу с ней и как я бросил курить.

Нина Краснова: Мало кто может бросить курить. Марк Твен говорил: «Нет ничего проще — бросить курить, я уже сто раз бросал...»

Михаил Раскин: Бывает, что я могу сигару покурить или кальян, но чтобы курить по три пачки «Беломора», как я делал это раньше, еще в армии и после армии, — нет, я больше не курю, с декабря 1997 года.

А отец... я как раз не скажу, что он очень много курил, но курил, и не скажу, что он очень много выпивал, но выпивал... и всегда ходил нараспашку. У него даже когда плащ был, он никогда не застегивался, ни весной, ни летом, ни осенью. Вообще отец в этом смысле достаточно неряшливый был и не скрывал этого, все обращали внимание на это, а он никогда не обращал внимания на это, он мог пуговицу не так застегнуть, спокойно относился к этим условностям. И в результате, когда он вернулся с дня рождения, ему стало плохо. Я в это время, в понедельник утром, был в институте на собеседовании. И мне звонит отец и практически очень слабым голосом говорит: «Миш, мне очень плохо... так и так... у меня что-то с сердцем... я весь в поту...». И так далее. Я сразу вскочил в машину, в свою, и достаточно быстро до него доехал, до Ясенева, с «Юго-Западной», я быстро ездил, был натренированный, доехал до него максимум за 15 минут, и мы с ним еще за 15 минут доехали до больницы, до его знакомого врача, которого он очень любил. Это молодой врач, Александр Габриэлович, он тоже мог бы про отца рассказать что-то интересное. Вы, Нина, можете с ним встретиться или по телефону поговорить. И отец попал в реанимацию и пролежал там 10 дней. У него были очень плохие показатели работы сердца. Он чудом выжил тогда и после этого бросил курить и с 2002 года не курил, но всегда у него была сигарета во рту. Он до этого бросал курить в принципе,

несколько раз бросал, а после тяжелейшего инфаркта совсем бросил и уже никогда не курил, только любил держать сигарету в руке или во рту, но не зажигал ее. Он был достаточно дисциплинированный, регулярно принимал лекарства. Дисциплина у него присутствовала. Но, опять же, когда он хотел, он был дисциплинированным, а когда не хотел, не был.

ПОСЛЕДНИ ГОДЫ И ДНИ ИОСИФА РАСКИНА

Нина Краснова: Последние годы и дни его жизни были для него очень тяжелыми...

Михаил Раскин: Да, последние годы и дни его жизни были для него тяжелы, и не столько физически, сколько психологически...

Нина Краснова: Он же привык быть в центре внимания...

Михаил Раскин: Он всегда был душой всех компаний, и ему было важно быть в центре внимания. А в последние годы он мало куда ходил и ездил. Он был такой достаточно активный человек, но ноги у него были слабые, с детства, колени были слабые, и это сказывалось, когда он служил в армии, он не выносил больших нагрузок. И никаким спортом он не занимался. И под конец жизни у него еще развился диабет, про который он, правда, говорил, как нонконформист, что диабет придумали врачи, евреи, чтобы деньги с людей брать... И на фоне этого диабета ноги у него стали совсем слабые, не так работали. И он мало ходил, ему было трудно ходить, особенно в последнее время. И даже когда мы с ним ездили в Америку, к его брату Гене в Сан-Франциско, он уже тогда был на коляске... я посадил его на коляску. Это было в 2007 или 2008 году, в январе. Я привез отца в Америку, мы сели в машину и ехали по очень живописному маршруту, сначала летели в самолете, в бизнес-классе, часа четыре, потом ехали несколько часов на машине, и провели вместе много времени и много о чем поговорили с ним. Наша трасса была очень красивая, с очень красивыми видами, и мы с ним по ней прокатились...

**ИОСИФ РАСКИН: «НИКОГДА НЕЛЬЗЯ
ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ У СВОИХ РОДСТВЕННИКОВ»**

Нина Краснова: Иосиф Раскин попал в Америку, к своему двоюродному брату Гене благодаря своему сыну Мише... И очень гордился этим.

Михаил Раскин: Одна из его любимых фраз была такая: родственников дает нам судьба, но как хорошо, что друзей мы выбираем сами.

У него была родственница, любимая племянница Таня, пианистка, народная артистка. У него была родная старшая сестра Аня, мать Тани...

Нина Краснова: Миша, а про тебя Иосиф говорил, что ты не только его сын, но и его друг, и что это большая редкость и большая радость, когда сын для своего отца еще и друг, и что ты всегда во всем помогаешь ему, поддерживаешь его и всегда понимаешь его.

Михаил Раскин: После того, как отец съездил в Америку, в Сан-Франциско, где он общался со своими родственниками, со своим двоюродным братом Геней и его женой и со своей двоюродной сестрой... которые потом посадили его в самолет... он прилетел в Москву, я встречаю его в Шереметьеве. Он на коляске. И когда мы садимся с ним в машину, я задаю ему первый вопрос: «Пап, ну как тебе поездка в Америку? Какие у тебя впечатления?» — И первое, что он мне говорит, причем так серьезно, я бы даже сказал — с напором, как он это всегда делал, когда ему случалось кого-то в чем-то убеждать: «Миша, я что хочу тебе сказать? Никогда нельзя останавливаться у своих родственников». И ничего не стал комментировать. У него, когда он жил у Гены, возникли с ним и с другими родственниками некоторые разногласия, споры...

ВОСПОМИНАНИЕ О ХРУСТАЛЬНЫХ БОКАЛАХ

Михаил Раскин: Гена был для моего отца любимым братом... Таня Рубина была любимой племянницей, а Гена — любимым братом. Отец всегда говорил: «Мой любимый брат Гена», — и даже не говорил — «двоюродный брат», а просто — «любимый брат Гена». Гена сначала жил в Киеве, до Сан-Франциско. И когда приезжал в Москву, мы всегда встречались с ним, ходили в ресторан «Берлин»... Я помню, когда мне было пять лет и мы в очередной раз ходили в ресторан «Берлин», вместе с отцом и Геней... Там были такие хрустальные бокалы... И почему-то так получалось — я ставлю на стол бокал, а у него ломается, разбивается ножка. Я ставлю другой бокал, и у него тоже ломается, разбивается ножка. И за вечер у меня несколько бокалов разбилось. Удивительно. Я помню эту историю в связи не только с отцом, но и с Геней.

ВОСПОМИНАНИЕ О РЫБКАХ В ФОНТАНЕ

Михаил Раскин: Мой отец всегда заказывал в «Берлине» на ужин рыбу из фонтана. Я не знаю, как сейчас, я давно не бывал в этом ресторане, а раньше там был такой фонтан, там плавали рыбки красивые. Их оттуда вылавливали и несли на кухню и готовили для гостей. Как-то раз, когда отец привел меня, маленького, с собой в ресторан, мне захотелось рыбку поймать в фонтане, раньше я никогда этим не занимался, и мой первый опыт рыбной ловли начался, когда я в ресторане «Берлин» вытаскивал рыб из фонтана, не ловил, а вытаскивал руками, так много там было рыб.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОХОДАХ С ОТЦОМ В САНДУНОВСКИЕ БАНИ

Михаил Раскин: Вот еще одно из моих воспоминаний об отце. Мы с ним ходили в «сандуны», в Сандуновские бани. Он любил ходить туда, чтобы встретиться и пообщаться там с друзьями, выпить с ними. Я начал ходить с отцом в баню с 6-ти лет. Там такой бассейн был. Я в самом мелком месте вставал на носочках, и мне удавалось быть на плаву. Я с того времени люблю баню и частенько хожу туда с друзьями.

Отец регулярно ходил в баню. Был там достаточно почетным посетителем. Ему нравилась атмосфера, где его все знали, и он всех знал. Он всем рассказывал анекдоты. Баня была местом встречи и местом общения известных людей, особенно приятным, когда выпьешь. Там мы часто парились с Михаилом Пуговкиным, Пуговкин выпивал. Приходил туда Семен Фарада... И много кто еще, кого-то я помню, кого-то не помню. Много известных людей туда приходило. Один из них был Михаил Ножкин, который был другом нашей семьи, он исполнял нам свою наиболее популярную песню «А я в Россию домой хочу...», прежде, чем исполнить ее в концертах.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОХОДАХ С ОТЦОМ В ТЕАТРЫ

Михаил Раскин: Мы ходили с моим отцом не только в рестораны и в «сандуны», но и в театры тоже. В театр Сатиры, мой любимый театр. И в театр Вахтангова. Практически все спектакли мы там смотрели. И отец общался там со многими артистами, в артистической, и в фойе. После спектакля мы всегда ждали артистов, и отец всегда перекидывался с ними какими-то фразами. С Ширвиндтом, и с Мироновым, и с Державиным, это я помню. Мы тогда еще жили с мамой и с отцом вместе. Мне было лет пять-шесть.

Отец любил еще и театр на Таганке. Любил Высоцкого. Они не то чтобы дружили, но знали друг друга, общались между собой.

Отец общался практически со всеми. Но больше всего мне тогда нравилось ходить в Большой театр. Туда отец тоже водил меня.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОХОДАХ С ОТЦОМ В ДИСКОТЕКИ, НОЧНЫЕ КЛУБЫ И ДРУГИЕ ЗЛАЧНЫЕ МЕСТА

Михаил Раскин: Я рассказываю первое, что приходит мне в голову. Но, конечно, у меня очень много воспоминаний о моем отце и связанных с отцом, и их можно рассказывать часами.

Когда началась не просто перестройка, а постперестройка, когда у нас в Москве открылись клубы, дискотеки, мы с отцом, я тогда еще был маленький, ходили туда, в какие-то ночные клубы, сидели там, смотрели развлекательные программы. Еще мы ходили в рестораны, как и раньше, но, начиная с 1991–1992 года, так уж получилось... если раньше он меня водил в ресторан, то начиная с этого времени, когда я уже вырос и зарабатывал деньги, уже я его водил в туда, регулярно я водил его в ресторан, это была моя прерогатива, и мне все это очень приятно.

СЫН ИОСИФА РАСКИНА МИХАИЛ НЕ МНОГОЖЕНЕЦ

Нина Краснова: А вот что интересно... Иосиф был такой в некотором смысле шалопаи, а сын у него получился не шалопаи.

Михаил Раскин: В принципе, это смотря в каком плане что считать шалопаем... Если считать количество браков, количество детей, у меня тоже дети от разных браков... Четверо детей, два брака...

Нина Краснова: Но у него шесть законных браков... И он в своей книге «Большая жизнь Хулиганствующего Ортодокса» пишет, сколько у него было женщин... там у него в книжке на каждом шагу женщины, устанешь считать, сколько их у него там. Может быть, он преувеличивает... и не столько уж много их у него было?

Михаил Раскин: Может быть... и не преувеличивает. Он достаточно откровенен и честен в этой своей книге, как и в других. Что касается меня... Может быть, бизнес накладывает на меня какой-то отпечаток... у меня нет времени на какие-то похождения, на какие-то увлечения, бизнес спасает меня от всего этого. К тому же я достаточно счастлив в браке, у меня любимая жена Габриэлла, детишки. Мы с Габриэлкой уже 20 лет вместе.

Нина Краснова: А Габриэлла, интересно, кто по европейскому гороскопу? Ты — Козерог...

Михаил Раскин: А она — Дева. У нее день рождения 26 августа.

Нина Краснова: Вы оба из стихии Земли. У вас ваши знаки хорошо сочетаются. Вы с Габи — хорошо сочетаемые знаки, «гармоническая пара».

СЫН ИОСИФА РАСКИНА МИХАИЛ ТОЖЕ ЛЮБИТ АНЕКДОТЫ, КАК И ИОСИФ

Нина Краснова: Миша, ты всегда во всем помогал своему отцу Иосифу Раскину. И помогал ему издавать книги. И помог ему издать «Энциклопедию Хулиганствующего Ортодокса», книгу анекдотов, частушек, забавных историй, которая стала бестселлером и за двадцать лет выдержала больше пятнадцати изданий. А как ты относишься к анекдотам?

Михаил Раскин: Я к анекдотам всегда относился очень хорошо! Мне всегда нравились анекдоты. И когда мы встречались с отцом, анекдоты были одной из ключевых наших тем.

Материал подготовила
Нина КРАСНОВА

*22 августа, 4–8 сентября 2016 г., посл. вычитка 16 июля 2017 г. и 5 августа 2018 г.,
Москва*

*Анатолий ШАМАРДИН (1938–2014),
певец и композитор,
солист оркестра Леонида Утесова 70-х годов XX века*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН: «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО ОРТОДОКСА» СДЕЛАЕТ ИОСИФА РАСКИНА БЕССМЕРТНЫМ!..»

(Отрывки из интервью Нины Красновой с Анатолием Шамардиным, 2002, 2007 гг.)

1. Из интервью Нины Красновой с Анатолием Шамардиным «Русское бельканто Анатолия Шамардина», 2002:

Анатолий Шамардин: ...В 1970 году я приехал из Ленинграда в Москву и поступил в оркестр Леонида Утесова, с легкой руки выдающегося певца Николая Никитского. (А до этого работал в Ленинградской филармонии, куда попал с легкой руки Эдуарда Хиля), а до этого учился в Ленинградской аспирантуре, а до этого десять лет преподавал иностранные языки в разных вузах страны, а до этого окончил Горьковский институт иностранных языков. — *Н. К.*)

Нина Краснова: А с Николаем Никитским ты как познакомился?

Анатолий Шамардин: Я познакомился с ним благодаря Иосифу Раскину.

Нина Краснова: А с Иосифом Раскиным ты как познакомился?

Анатолий Шамардин: А с Иосифом Раскиным я познакомился случайно, на улице, в переходе метро. Он продавал там книги на лотке, и делал это очень талантливо, как настоящий корбейник, зазывая к себе прохожих и рекламируя свой «товар»: «Товарищи прохожие! Подходите сюда! Берите книги! У меня самые интересные книги во всей Москве!» Я купил у него какую-то книгу, и мы с ним разговорились. И потом он свел меня с Николаем Никитским. Это тогда был очень известный и очень популяр-

ный у нас в стране певец. Сейчас его не многие помнят. А тогда он был суперизвестный и суперпопулярный. Он пел такие песни, как «Рио де Жанейро», «Се си бон», «Пчелка», песню Жана Татляна «Осенний свет» («Осенний свет. К чему слова? Осенним светом полна голова») и многие другие, в том числе танго и старинные и современные романсы. Гениальный был певец. Под его песни танцевала вся страна. Я пришел к Николаю Никитскому домой, с гитарой. Спел ему несколько песен. Он был в неописуемом восторге от всего этого. И рекомендовал меня в оркестр Леонида Утесова, самому Леониду Осиповичу, и сказал ему: «Берите его! Это ценный певец! Это — верняк!»

2. Из интервью Нины Красновой с Анатолием Шамардиным «Судьба играет человеком», 2007:

Нина Краснова: Таким образом Иосиф Раскин сыграл в твоей жизни большую роль.

Анатолий Шамардин: Да, очень большую, очень важную и очень хорошую роль он сыграл в моей жизни. И продолжает играть. Он приглашает меня на свои концерты с участием очень известных поэтов, художников, музыкантов, певцов, режиссеров, артистов. Пригласил меня на свой юбилейный вечер в Большой зал ЦДЛ. Где выступали Марк Розовский, Валентина Толкунова, Левон Оганезов, Татьяна Рубина... Я пел там песни на иностранных языках и на русском. И нашу с тобой песню спел, «Я не пью и не курю». Иосиф был очень доволен. Обнял меня. Сказал мне спасибо. В свои 70 лет он еще довольно крепок. И был бы еще крепче, если бы не курил. Но мало кто может бросить курить, если уже привык к этому с юности.

Нина Краснова: Мы с тобой не раз бывали у него дома.

Анатолий Шамардин: — Да. Он то и дело зовет нас к себе в гости. Он живет один, в скромной однокомнатной квартирке, которая заполнена книгами... У него отличная домашняя библиотека. Стеллаж во всю стену, от пола до потолка, ты видела.

Нина Краснова: Среди этих книг есть и его «Энциклопедия Хулиганствующего ортодокса».

Анатолий Шамардин: Она есть и у тебя, и у меня. Он дарил нам ее. С автографами. В одном из новых ее изданий есть и твои стихи и частушки. Это, конечно, уникальная книга! И по собранным в ней анекдотам, и по собранным в ней частушкам, стихам, афоризмам, и по перечню авторов, и по своему юмору, и по своей художественной смелости и эпатажности, и по своей неподцензурности... Равных ей в этом жанре нет. И в то же время в ней много философии и жизненной мудрости, но без дидактики, без нравоучения. Это потрясающий труд! Одна такая книга стоит целого множества.

Нина Краснова: Она останется в истории литературы, как и сам Иосиф...

Анатолий Шамардин: Она сделает его бессмертным.

Журнал «Наша улица» (№ 3–2003),
газета «Сенеж» (№ 2, 13 января 2003 г.,
Нина Краснова под псевдонимом Александр Кузнецов),
газета «Слово» (№ 4, 31 января — 6 февраля 2003 г.,
и № 48–49, 5–18 декабря 2003 г.),
газета АИФ «Долгожитель» (№ 20, октябрь 2004 г.),
альманах «Эолова арфа» (№ 7 2014 г.)

СПРАВКА об Анатолии Шамардине 2002 г.

Певец и композитор Анатолий Шамардин, солист оркестра Леонида Утесова, родился в Ставропольском крае в 1938 году. Живет в Москве. Участвовал в первом Всемирном фестивале молодежи и студентов 1957 года. Имеет высшее филологическое и музыкальное образование. Окончил Ленинградскую аспирантуру, преподавал иностранные языки в вузах. Работал в Росконцерте.

Выступал с сольными программами в Германии и Греции. Исполнитель песен народов мира, русских народных песен и романсов, а также своих собственных на стихи известных поэтов — Виктора Бокова, Новеллы Матвеевой, Николая Старшинова, Алима Кешокова, Андрея Вознесенского, Нины Красновой, Сергея Мнацаканяна, Виктора Широкова, Валерия Дударева и др. Его песни входили в репертуар известных певцов — Людмилы Зыкиной, Ольги Воронец, Ивана Суржикова, Клавдии Шульженко, Георга Отса, Екатерины Шавриной, квартета «Аккорд» и т. д. Он является автором серьезных статей и юмористических рассказов, печатался в журналах «Огонек», «Юность», «Вокруг света», «Наша улица». Поэтесса Нина Краснова, Принцесса поэзии «МК», написала о нем:

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ СПРАВКА об Анатолии Шамардине 2018 г.

Анатолий Шамардин умер в 2014 году, в Химках Московской области, от сердечной недостаточности. Похоронен на Новосходненском кладбище городского округа Химки. Занесен в Красную Книгу Российской эстрады и включен в Утёсовскую энциклопедию утёсоведов Амчиславских — Бориса и Эдуарда, основателей Музея Леонида Утёсова в Одессе. — *Н. К.* 5.08.2018.

4. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ ЕГО ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

«...ЖИВЫМ И ТОЛЬКО — ДО КОНЦА»

Вспоминая Иосифа Раскина, скажу без всякого мемуарного преувеличения: из всех, кого довелось знать, он один из самых трогательных и самобытных людей... Перефразируя классика, это был мужчина со своими принципами, душой и причудами, и — продолжу от себя — мужик с умением дать и в долг, и в морду... Крепкий по жизни и весь — отрицание стереотипно-пародийного представления о прибитом советском еврее. Как-то в конце 90-х, бродя в центре любимой, еще не захваченной неприятелем\младоренователями Москвы, и, кстати, недалеко от раскинской резиденции в старом Гостином дворе, я за 30 секунд сложил стихи, относящиеся отчасти и к нему:

«Такой добиться должен ты
любви народной в идеале,
чтоб и крутые, и менты
тебя в обиду не давали».

В пору, когда меня стало видно, и я вступил на «тернистый путь» не только книгоиздания, но и самораспространения, мы, конечно, не могли разминуться с «ИосифЗахарычем» на едином публично-книжном пространстве Москвы. Не сразу, но я вспомнил,

что в послеармейской юности уже я слышал этот голос в центре, в подземном переходе на площади Революции, — в режиме отвязного зазывалы, способного напористо отрекламировать и продать любую книгу. (Например, сказку про Колобка — как захватывающий детектив с шестью покушениями и одним убийством...) А уже в 90-х ИЗР здорово мне, спасибо, помог — прежде всего припрятать и хранить кубометры обрушившегося на меня тиража моей книги «Спасибо мне, что есть я у тебя», да и продавать, по возможности. И я регулярно бывал в его офис-берлоге, где посещали его не только «бизнес»-партнеры и литераторы, но и поклонницы. А однажды при мне он простодушно прикорнул... И соснул.

При всей своей жизненной закалке, он был прежде всего наивным человеком, и это, я уверен, иногда его и спасало...

Йося бывал, умел бывать не только трогательным, но и невыносимым — чего стоила одна его манера говорить по тлф с этим постоянно понукающим «Алло!.. Але!.. Але!..», хотя слышимость была нормальной... Апогей созвонизма имел место в пору, когда Раскин ваял свою героическую «Энциклопедию хулиганствующего ортодокса», — он часто звонил, и не только мне, чтобы уточнить и, не дай Бог, ничего не перепутать в разрешенном к цитации из н а с, да и в фактах биографии... (Такое трепетное тцание в отношении к авторам, пусть даже и «классикам» и — шире, мы, например, с Игорем Иртеньевым весьма заценили.) Как-то, в подобном разговоре, он выудил из меня то, что влет вошло в его «Энциклопедию...», а прозвучало как разговорный экспромт. Когда эта т е м а еще не фигурировала в обществе как маркер политкорректности, я пошутил, что знаменитые стихи Окуджавы, если вовремя оборвать строфу, могут стать гимном известной модной ориентации: «А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем...». А еще есть одно мое двустушие, которое он уговорил меня дать ему, разрешить опубликовать в «ЭХО», — его я нигде дотоле не печатал, не исполнял... и здесь, сейчас, пожалуй, не решусь процитировать (кто захочет — найдет в книге... Где есть, понятно, разные мои сочинения — например, этот «памятник» советским временам:

«Приучен комсомолом и судьбой
Застегивать бюстгальтер за собой»).

Сделав свою «Энциклопедию ХО» — он, по сути, сделал заново и себя, словно вытащил за шкуру из привычного, перезагрузился в своем предпреклонном возрасте, это был прорывной Поступок... И у него началась поистине новая жизнь. Он стал небезызвестен. Его стали воспринимать не просто как автора модной книги, но как литератора, писателя. В пору, когда вся светская Москва делилась на тех, кто поехал на «Кинотавр» и — увы, не поехал, Марк Рудинштейн пригласил его на фестиваль в Сочи. Где он, Йосиф Захарыч, сперва робко-ошарашенно, но с каждым шагом все более браво прошел по звездной дорожке. Его пригласили в эфир к Дмитрию Диброву. Где собеседники, понятно, похулиганили — их не слишком фильтрованный диалог «о языке и ненормативной лексике», с обильным цитированием анекдотов, чуть не привел к закрытию программы. Скандал был знатный — по нынешним временам, завидный «пиар»...

Йося купался во всем этом, почти по-детски, но крыша у него, в целом, не поехала (чего нельзя сказать о многих героях тех лет, и доньне уважаемых людях...). Он жил своей книгой и — с Книгой... Уже занимался вовсю переизданием, «улучшенным и дополненным». Он гордился вниманием и расположением к нему со стороны одного известного политика, который где-то процитировал его «Энциклопедию...». И, напротив, переживал по поводу того, что его игнорирует и не видит в упор один очень популярный русско-израильский поэт... И зря, на мой взгляд: спустя годы, оказалось, что классик-то паленый: он был многократно уличен — ладно бы только в зарифмовывании анекдотов и мудрых мыслей великих, но конкретно — в ограблении малоизвестных стихотворцев, в хитроумном плагиате...

Йосиф Раскин до конца оставался во многом наивным, и эта детскость, витальность, наверное, — без оглядки на известный штамп, — продлевала ему жизнь...

Его отношения с людьми — об этом наверняка кто-то поведаст что-то свое.

У Йосифа Захаровича Раскина есть классный сын Михаил, хорошее потомство — и это куда красноречивее, чем завершение этого воспоминания возгласом «Светлая память!»...

13 июля 2017 г.

**Евгений ДАНИЛОВ,
поэт, бард, теле-и радиокорреспондент**

А В ЧЕМ СЕКРЕТ ГЛАСНОСТИ?

(Мои воспоминания про Иосифа Раскина)

Иосифу Раскину

*Что президент, что дворник,
Судьба по шее — чпок.
И то ль кропаешь сборник,
А то ль мотаешь срок.*

Евгений Данилов

*«Сегодня власти абсолютно насрать,
кто что говорит, кто какие анекдоты
рассказывает, на все абсолютно.
И в этом секрет гласности.»*

Иосиф Раскин

Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Так же плох тот телепродюсер или редактор, который рано или поздно не начинает снимать что-то свое, авторское — документальный фильм или хотя бы спецрепортаж. Со мной именно так и вышло. Хотя я в 1995 году, придя на телевидение, на Шестой канал, на-

чинал именно как корреспондент, снимал сюжеты самые разные, а потом стал в бригаде Кучера в промышленных количествах заниматься организацией съемок. Сначала в программе «Прогноз недели», затем в итоговой аналитической программе канала «Обозреватель». Работы было очень много, тут уж было не до авторского кино, как говорится, только успевай поворачиваться.

В конце 1999 года у продюсера программы и у ведущего произошел конфликт с руководством Шестого канала, на канале вообще было 4 начальника, которые друг друга любили не слишком, и редко когда достигали консенсуса в смысле административных решений. Но тут они, как ни странно, объединились, и вполне смотримую программу с каким-никаким рейтингом, прихлопнули, даже не дождавшись конца сезона.

Предлагали потом запустить подобный проект другим людям, в том числе и Сереже Доренко, но ничего почему-то не срослось, так что два последних года существования Шестого канала итоговой программы на канале вовсе не было. Ломать, как говорится, не строить.

Программу прихлопнули, а я ушел работать на канал РЕН ТВ по приглашению Коли Петрова, который там 1,5 года вел программы «Большая политика» и гостевой эфир «Большая политика. Суббота». С президентами, премьерами региональными и губернаторами и всякими прочими медийными лицами. Съемки, как водится, опять легли на мои хрупкие плечи.

Надо сказать, что еще в 1995 году я сделал большой спецрепортаж о сегодняшней судьбе политического анекдота в России, минут на 7. Для новостных программ это много. Записал для него Евгения Петросяна, исследователя и публикатора анекдотов, обозревателя «ЛГ» Александра Борева, еще кого-то. Львиная доля материалов, само собой, пошла в корзину, так что во мне занозой гнездилась мысль, что неплохо было бы сделать большой тематический фильм на данную тему.

На РЕН ТВ работы было поменьше, времени побольше, так что идею эту вполне можно было бы реализовать. Поговорил с директором «Большой политики», он был прислан в нашу приглашенную бригаду от канала, Валерой Батясовым. Валера переговорил с Ирэнной Лесневской, президентом РЕН ТВ, и было дано

добро на съемки. В планах они, как помнится, вообще не стояли. Фильм делался факультативно, чуть ли не на общественных началах, когда была свободная камера. Так что снимать пришлось в основном по вечерам. И по этой же причине съемочный период растянулся чуть ли не на год.

Режиссером был известный на Москве телевизионщик Леша Панков. Записали Хазанова, Трушкина, сняли реконструкцию кухонных посиделок с поэтом и моим другом Севой Емелиным, журналистом Димой Бабичем и Ванюшей Зубковским. Вообще на таких кухнях в старое время политические анекдоты и рассказывали; затем нашли человека, который в сталинские годы именно за анекдоты и сидел, — искусствоведа и музыканта Альфреда Мирека. Чудесный человек, к сожалению, он уже не живет, его синхроны и его жизненная история просто-таки украсили фильм.

Нужен был спец по анекдотам. Сняли мы бывшего зэка, члена «Мемориала», ученого филолога Марлена Кораллова, который был в теме, но говорил, честно сказать, нудновато. В фильм в итоге он не вошел. Не очень получилось интервью и с парнем, который делал сайт в интернете по анекдотам, по той же самой причине.

Вообще я заметил, что те, кто в жизни профессионально занимается юмором, артисты, писатели-сатирики и проч., зачастую весельем не пышут. Может, потому, что для них это работа? Не знаю.

Тут кто-то принес мне книжку **Иосифа Раскина**. «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». Я ее полистал, и очень заинтересовался этой книжкой, где был воистину кладезь нашего юмора, и анекдоты, и афоризмы, чего том только не было.

Прочел ее буквально за один вечер. Потом нашел телефон Раскина, дозвонился, договорились о записи беседы. И вот в одну из майских суббот 2000 года наша съемочная группа поехала на встречу. Жил исследователь анекдотов в малогабаритной хрущобе на самой окраине Москвы. Долго искали нужный дом, и вот, наконец, нашли.

Дверь нам открыла молодая женщина, как выяснилось, жена Иосифа Захаровича. Следом в прихожей появился сам Раскин.

Выставили камеру, свет, сели писать беседу. Раскин сильно задыхался, по причине астмы, а первые 20 минут он просто

каким-то неостановимым потоком рассказывал самые разные анекдоты. Я уже не выдержал и сказал, что в нашем фильме «Страна анекдотов» анекдоты запланированы, но озвучивать их будут актеры, и что вообще-то нам нужны не сами анекдоты, тем паче при таких проблемах с дикцией, использование данных синхронов проблематично, а *разговор* про них.

Дальше пошел разговор, достаточно интересный. Некоторые фрагменты из него появились в нашей не особо веселой картине.

Она вообще есть в интернете на ю тубе, на самом же канале ее поставили всего лишь один раз, в ноябре 2001 года. Не могу понять, почему ее не повторяли? Может, для наступившей эпохи оказалась слишком уж островата? А, может, потому, что Ирэна Стефановна и Дима Лесневские вскоре потеряли свой канал, у него появился другой собственник?

Весь разговор Раскина пересказывать не буду, но одна мысль мне запомнилась. Смысл ее в том, а почему в России никогда не умрет политический анекдот? Как сказал Раскин, в 1917 году в России возникла политическая система, с которой ничего не делается, она практически незыблема. Меняется антураж, но каркас, основа — неизменны. И в этом залог долговечности такого явления, как русский политический анекдот.

Уже после записи интервью Раскин попросил у меня телефон Ирэны. Как выяснилось, незадолго до встречи с нами, к нему приехала корреспондентка РЕН ТВ — Аня Нельсон. Анечка Нельсон делала спецрепортаж про Израиль, был там пассаж и про реакцию людей из России, которые побывали в «стране обетованной» впервые в жизни. Раскин как раз и был одним из таких людей, поскольку месяца за 3 до того ему впервые привелось съездить в Израиль.

В беседе Иосиф Захарович, отвечая на вопрос про Израиль, с присущей ему прямоотой сказал: «Израиль — это страна дикого, патологического хамства. Но при этом это страна великой духовной культуры». На монтаже, как принято на нашем ТВ, первую часть оставили, а вторую вырезали. В вечерний прайм вышел сюжет с мнением писателя об Израиле. Раскину начали звонить хорошо знакомые, мало знакомые и просто незнакомые

люди и интересоваться, с чего это он решил так соригинальничать? И так ли действительно полагает?

В общем, телефон в приемную президента канала я ему дал, не знаю, чем все дело закончилось, и удалось ли составителю крамольных сборников пожаловаться Ирэне на Анечку Нельсон. Помню еще, что Раскин спросил меня про профессиональные анекдоты, они вообще-то есть у представителей любой профессии, в том числе и у телевизионщиков. Анекдоты я очень люблю, и слушать люблю, и рассказывать. В итоге я ему 2 анекдота рассказал, не знаю, были ли они куда-нибудь включены. Вот они, кстати.

АНЕКДОТ ПРО ПРАКТИКАНТА-ТЕЛЕВИЗИОНЩИКА

Практикант поехал в село снимать сюжет для программы «Сельский час». Чуть ли не первая съемка у парня. Волнуется, конечно, очень. Нашли ему самого старого жителя, дедушку лет под 80. Посадили перед камерой, и вот пошло интересное содержательное интервью.

— Дедушка, скажите, а была ли у Вас в селе какая-нибудь интересная история?

— Ну, да, была. Месяц назад у фермера жена потерялась. Чуть ли не сутки ее искали по всем лесам и перелескам. И, наконец, нашли...

— Ну, а дальше-то что было?

— Ну, всем селом ее и поимели.

— Ох, дедушка, весело тут у Вас. Но это не для нашего эфира. А была ли у вас какая-нибудь забавная история?

— Да была и забавная. Две недели тому назад у фермера коза потерялась. Чуть ли не сутки ее искали по всем лесам и перелескам. И, наконец, нашли...

— Ну, а дальше-то что было?

— Ну, всем селом ее и поимели.

— Ох, дедушка, весело тут у Вас. Но это не для нашего эфира. А была ли у вас какая-нибудь трагическая история?

— Ох, внучек, была...

Неделю назад пошел я за грибами в лес. Да и потерялся.

АНЕКДОТ ПРО ПОМЕРШЕГО ТЕЛЕВИЗИОНЩИКА

Помер телевизионщик, и попал на тот свет. Принимающая сторона предложила выбрать — Ад или Рай. «А у вас что, можно, что ли?» — «Можно, можно, у нас все можно!»

Ладно, повели его сначала в Ад.

Открыли дверь, и что же он видит? Огромная монтажная, стол завален окурками, валяются кассеты, но одну, самую важную, не могут найти. Шеф-ред нервно курит, администратор пьет валокордин, ведущий громко матерится.

Затем ведут нашего героя в Рай.

Открыли дверь, и что же он видит? Огромная монтажная, стол завален окурками, валяются кассеты, но одну, самую важную, не могут найти. Шеф-ред нервно курит, администратор пьет валокордин, ведущий громко матерится.

«Я, блин, не понял, — говорит телевизионщик. А чем же это у вас Рай от Ада отличается?»

Хм... которые в Раю, те к эфиру кассету найти успеют.

Еще Пушкин прозорливо заметил, что, подобно тому, как смысл мудрости российской есть афоризм, так смысл истории российской есть анекдот. И, конечно же, важно, когда находятся люди, которые занимаются сбором лучших образцов народного юмора. В них и душа народа, и история, и мудрость, и глубина.

Раскин и был таким человеком. Не всем его острога была по сердцу, он мне говорил, что его книжки книжной торговле запретили распространять в Белоруссии, были у него проблемы и в России. Что и понятно. ЭХО ведь не из панегириков и не из дифирамбов начальству состоит, а из достаточно острых произведений.

В конце 2001 года он ко мне приезжал в Останкино, я в ту пору работал продюсером на 3-м канале, за диском с фильмом.

Его иногда снимали для разных программ, но не могу сказать, что очень часто. Медийным персонажем он точно не был. Потом он мне позвонил, и сказал, что фильм получился и что фильм ему понравился.

Я ему, кстати, предлагал включить в ЭХО и некоторые мои эпиграммы, их я писал и пишу во множестве, даже какие-то и передавал. Но не знаю, чем дело закончилось.

Как бы там ни было, Раскина уже нет с нами, а вот «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса» стоит у меня на видном месте, я ее иногда беру, открывая страницу, не глядя, читаю. И настроение сразу улучшается.

Ведь без хорошей шутки-прибаутки, хоть и соленой, в России не проживешь.

Верно ведь?

21 сентября 2016 г.

**Нина КРАСНОВА,
поэтесса, эссеистка,
член Союза писателей СССР, СРП, СП Москвы,
СП XXI века, СРЛ, Русского ПЕН-центра**

ИОСИФ РАСКИН: «НИНА! НЕ БРОСАЙ ТОЛЮ...»

1.

С хулиганствующим ортодоксом Иосифом Раскиным я познакомилась в ЦДЛе, в 1998 году, благодаря моему самому близкому другу и автору песен на мои стихи, певцу и композитору Анатолию Шамардину. Мы с Толей приехали в ЦДЛ, на вечер альманаха «Истоки» в Малом зале, как участники этого вечера. И стояли в ярко освещенном фойе, около афиши, напротив прилавочка с книгами, по диагонали от дверей в Малый зал. И тут из толпы цедеэльцев-посетителей к нам подошел господин солидной внешности, в сером костюме, полный, с круглым лицом, с мягкими чертами лица, с подвижными и пронизательными коричневыми глазками и пышной седой копной вьющихся волос и обратился к Толе:

— Толик! Это ты? Здравствуй!

— О! Иосиф! Какая приятная встреча! — воскликнул Толя и раскинул руки в стороны и бросился к нему и горячо обнял его. — Иосиф! Сколько лет мы с тобою не виделись? Нина, это Иосиф, мы не виделись с ним лет тридцать!

Это с его легкой руки я когда-то попал в оркестр Утесова!..

Толя представил меня Иосифу, а Иосифа — мне. А тот в свою очередь представил нам свою спутницу, юную девочку, лет двадцати, которая сопровождала его. Я теперь не помню, как ее звали... не то Майя, не то Алла... милая, стройная девочка, с прямыми русыми волосами до плеч, вся такая светлая и какая-то почти прозрачная.

Толя и Иосиф обменялись телефонами. Иосиф вытащил из своего портфеля и подписал Толе свою толстую книгу в зеленом переплете «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса»:

«Замечательному человеку, с которым на счастье свела (нас) судьба около 30 лет назад. От автора, от всей его души и сердца. Иосиф Раскин. 9/IV-98 г. ».

Прозвенел звонок. И мы с Толей направились в Малый зал, а Иосиф со своей спутницей, не то Майей, не то Аллой, — не то в Большой зал, не то в Пестрое кафе.

2.

Как Толя Шамардин познакомился с Иосифом Раскиным? Толя много раз рассказывал мне об этом. Познакомился Толя с Иосифом в 1970 году, в Москве, в подземном переходе метро «Карла Маркса» (ныне «Охотный ряд»). Иосиф продавал там книги от магазинов:

— Я до этого никогда не видел, чтобы кто-то вот так умел продавать книги и рекламировать их, — говорил мне Толя. — Иосиф делал это так, будто выступал на сцене Колонного зала...

— Как артист, который играет роль продавца?

— Да, как артист! Он делал это бесподобно! Он громким голосом зазывал к себе публику и говорил: «У меня самые лучшие книги во всей Москве!» — И около него стояла огромная очередь

людей, которые жаждали купить у него книги. Я встал в эту очередь и купил у Иосифа какую-то книгу... кажется, справочник на немецком языке... И разговорился с Иосифом. И сказал ему, что я певец и композитор, приехал в Москву из Ленинграда, где я, инязовец, филолог по образованию, работал в Ленинградской филармонии, но откуда ушел, потому что хочу жить и работать в Москве, и вот я приехал сюда и не знаю, кому из специалистов показать себя, чтобы устроиться здесь работать.

Иосиф, у которого был безошибочный собачий нюх на талантливых людей, свел Толю с популярнейшим тогда певцом Николаем Никитским, который работал в оркестре Утёсова. Толя явился к Никитскому домой, прослушаться, спел ему под гитару несколько песен на итальянском, греческом, немецком языках и несколько старинных русских романсов и своих собственных песен на русском языке. И Никитский пришел в полный восторг от всего этого и тут же позвонил Утёсову и сказал ему: «Леонид Осипович, у меня дома сейчас находится молодой человек с прекрасным голосом! Возьмите его к себе в оркестр! Это ценнейший певец! Это чудо! Это верняк! Он будет пользоваться успехом у публики и принесет успех оркестру!»

И Утёсов прослушал Толю и тоже пришел в полный восторг от него и взял его к себе. Причем разрешил ему петь не только песни на русском языке, но и на иностранных, хотя в то время это не приветствовалось. Утёсов сказал дирижеру Владимиру Старостину: «Володя, возьмем Толю в оркестр в виде исключения. Пусть Толя поет песни на иностранных языках. Какие же ему еще петь с таким нерусским носом, как у него?»

Так Толя Шамардин, с легкой руки Иосифа Раскина и Николая Никитского, попал в оркестр Утёсова. И пел песни и на иностранных языках, и на русском. Правда, проработал он там недолго, даже года не проработал. Потому что, во-первых, ему было негде жить и у него не было перспективы получить квартиру через оркестр, а снимать номер в гостинице или угол где-то еще у него не хватало денег. Во-вторых, ему хотелось выступать с сольными концертами, тем более, что публика принимала его «на ура», а в оркестре ему приходилось выступать номером... В-третьих...

были у него и еще кое-какие веские причины, почему он не смог работать в оркестре, но это особая тема, которой здесь не место. И он ушел в Росконцерт и стал работать в разных филармониях и ездить по разным городам. И потерял все старые телефоны и потерял связь с Иосифом. И только почти через 30 лет Случай или сам Господь Бог снова свел на культурной дорожке Толю с Иосифом, а Иосифа с Толей, уже в ЦДЛе. И к Толе добавилась еще и я.

3.

Через месяц мы с Толей поехали на его старой, но очень элегантной иномарке комбинированных светло-и темно-шоколадных тонов, на «Ниссане Лауреле», в гости к Иосифу Раскину, по приглашению Иосифа, в Ясенево, где тот тогда жил, и провели у него весь вечер.

— Ничего не покупайте мне к столу, — попросил нас Иосиф. — Привезите только буханочку бородинского хлеба. Я очень люблю бородинский хлеб...

Мы привезли к столу и бородинский хлеб, и еще кое-что, и хорошо посидели у Иосифа. И хорошо пообщались с ним и поужинали, ели вареную картошку с селедкой и бутерброды, под водочку, которую Толя не пил, поскольку он за рулем, а мы с Иосифом выпили по рюмочке. И он рассказал нам о себе, а мы ему о себе. И он рассказал нам несколько анекдотов из своей уникальной коллекции. И показал свою библиотеку, которая занимала всю комнату в его скромной однокомнатной квартирке, в которой только и было, что две стены с книгами, два стеллажа от пола до потолка, письменный столик с пишущей машинкой, заваленный бумагами, и раскладной диван, накрытый ворсистым клетчатым одеялом.

Я подарила Иосифу, для его домашней библиотеки, для расширения фонда современной поэзии, две свои книги — «Интим» и «Семейная неидиллия» — с любовно-эротическими стихами и со своим художественным оформлением, со своими графическими рисунками, и прочитала — Толя заставил меня прочитать — несколько своих хулиганских частушек, которые хулиганствующему ортодоксу пришлись по вкусу. Одна из них — про

японский ресторан «Саппоро» на проспекте Мира, где Толя тогда работал певцом:

В ресторан зашли со скуки
Господа из Йока-Суки,
Заказали яства всяки,
И сакэ, и сукияки.

А другая — про девку и хурму:

С девкой я гулял хромою,
Угощал ее хурмою.
Девка хоть была хрома,
Ей понравилась хурма.

И еще несколько частушек, в том числе про Китай, с аллитерациями:

По Китаю, по Китаю
Я милашку покатаю,
С ней проедусь по Пекину,
Ей в Пекине палку кину.

Толя попросил меня прочитать еще и свой (мой) экзерсис про Иосифа, не про Раскина, а про его тезку, про «нового русского», литературного персонажа:

Предприниматель «из новых русских» по имени Иосиф
купил себе и новую иномарку, и новый офис.
Пролетарии из старых советских русских
взорвали иномарку и обокрали офис.
О, Иосиф! О, Иосиф!..

Иосиф порадовался, что он, Иосиф Раскин, — не герой моего эскерсиса, и от души посмеялся над моим эскерсисом и над моими частушками. И подарил мне точно такую же книгу, которую подарил Толе в ЦДЛе месяц назад, чтобы у каждого из нас был свой экземпляр, и подписал мне ее:

«Замечательной российской поэтессе, милой женщине, хорошему человеку Ниночке Красновой от автора. Иосиф Раскин. 12/V-98 г. ».

— Эту книгу мне помог выпустить мой сын Миша, — похвалился Иосиф. — У меня очень хороший сын. Он помогает мне во всем, заботится обо мне. И каждый месяц подкидывает мне деньги на жительство.

Да, далеко не каждый отец может похвалиться и погордиться своим сыном...

«Энциклопедия...» Иосифа Раскина стала нашей с Толей настольной книгой. Мы держали ее у себя на виду и регулярно обращались к ней и перечитывали те или иные ее страницы и черпали оттуда вместе с анекдотами и забавными историями и меткими афоризмами и убойными частушками на грани и за гранью фола дополнительные знания о жизни и о людях и получали ответы на самые разные вопросы бытия и заряжались положительной энергией и оптимизмом. И говорили: какой же молодец Иосиф, который собрал такую богатую коллекцию юмора и народной мудрости... Как Киреевские собирали русский народный фольклор, и Афанасьев — русские народные сказки, причем без купюр, с сохранением всех особенностей нашего правдивого и свободного русского языка, включая и ненормативную лексику, которая есть неотъемлемая часть этого языка.

Между прочим, Толя Шамардин — человек с отменным чувством юмора, как и Иосиф, и большой любитель анекдотов, — собирал разные книжечки с анекдотами. У него в домашней библиотеке и в архиве — десятки таких книжечек, которые выходили в период реформ целыми сериями. Но, конечно, ни одна из них не сравнится с «Энциклопедией...» Иосифа Раскина, которая стала национальным бестселлером, популярным во всем мире, в разных странах. И выдержала десятки изданий, не удовлетворив читательского спроса.

4.

Иосиф Раскин — коренной москвич, 1935 года рождения. Известный в культурных кругах книжник, библиофил, специалист в области литературы, анекдотчик, автор-составитель «Энциклопедии хулиганствующего ортодокса», а также и других книг — «Большая...» и «Малая энциклопедия...», «Застольная книга», «Грузия, ты в сердце моем». Член Союза писателей Москвы. По своему образованию он — педагог, окончил пединститут имени Крупской, некоторое время преподавал в школе русский язык и литературу. Но потом ушел в книготорговлю. И стал первым в нашей стране книготорговцем, который еще в советское время продавал книги от «Москниготорга» прямо на улицах Москвы, в основном в подземных переходах, от Лубянки и «Детского мира» до станции «Карла Маркса» (Охотного ряда). И один выполнял планы двадцати пяти магазинов. Его должность называлась «книгоноша». Он по сути был просветителем, который нес книгу в народ. И умел разрекламировать, преподнести ее так, что каждый хотел заполучить ее.

...Между прочим, мы с Иосифом, я и он, в некотором смысле — не только товарищи по перу, но и коллеги по книготорговле. Я в середине 90-х годов, когда переехала из Рязани в Москву, тоже продавала книги на «площадях и улицах столицы». Только не от магазинов, а сама от себя, по линии частной лавочки, и не чужие, а свои, диким капиталистическим способом, бегая в спортивном костюме и в кроссовках и с сумочкой книг (повешенной на «пузо», как у кондуктора) по разным маршрутам, допустим, от станции метро «Сухаревская» до станции метро «Рижская», в два конца, или от «Пушкинской» до «Новослободской», в два конца, или от «Динамо» до «Аэропорта»... и предлагая свои книги в основном владельцам машин и устраивая для них маленькие концерты на полминуты, как артистка, которая играет роль поэтессы и реализатора своих книг и как Принцесса поэзии «МК», цитируя свои самые озорные стихи и частушки. Таким образом я, одна, без посредников, продала весь тираж своей книги «Интим», которую издала у Галины Рой в «РИФ

Рой», 3 тысячи экземпляров. И заработала за этот «Интим» денег в три раза больше, чем затратила на него, и жила и кормилась на эти деньги, и потом издала на них в «ЛАВ» новую книгу — «Семейная неидиллия», тиражом 5 тысяч экземпляров, и ее тоже всю продала на улицах Москвы... кроме тех сотен экземпляров, которые раздарила друзьям, союзам писателей, редакциям газет и журналов и библиотекам... И собиралась издать книгу своих частушек «Залеточка», чтобы она, как курочка Ряба, несла мне золотые яички, и чтобы я могла дальше оставаться свободной художницей и жить и работать, писать новые книги... и «не ждать милостей от природы», то есть грантов, премий и субсидий от государства. Но дефолт 1998 года превратил мои, заработанные таким тяжелым трудом, деньги в бумажки и слопал их. И я осталась на бобах. С 5 тысячами деноминированных рублей вместо 25 тысяч, и, чтобы не прожрать их, издала на них у Леонида Ханбекова в «Московском Парнасе» книгу своих субъективных заметок об Андрее Вознесенском «Храм Андрея на виртуальном ветру», тиражом всего 500 экземпляров. И на этом прекратила заниматься своим «бизнесом», который оказался для меня «мартышкиным трудом». А все же я могу гордиться тем, что осилила такую программу, которую ни один из всех поэтов, пытавшихся по моему примеру продавать свои книги на улицах Москвы, не смог осилить. «Это не смог бы и сам Пушкин!» — говорил мне Толя Шамардин.

...Поэтому я, как никто, понимаю и ценю искусство Иосифа Раскина в деле книготорговли. И Толя Шамардин понимал и ценил Иосифа и за это, и за все другое. Нас всех многое объединяло, в том числе и любовь к так называемой к альтернативной поэзии, к «альтернативной» литературе, к анекдотам, к хулиганским куплетам и частушкам на грани и за гранью фола, к остроумным выражениям, и к юмору. У Иосифа было потрясающее чувство юмора, и у Анатолия тоже, ну и я, как говорится, девушка, не лишенная этого чувства.

...Кстати, в 90-е годы и поэт Николай Старшинов сам продавал в ЦДЛе и в ЦДРИ, на авторских вечерах, свои книги, мемуары

«Лики, лица и личины» и сборники народных неподцензурных частушек «Я приду на посиделки». И Александр Иванов сам продавал свои книги в Олимпийском центре и интересовался у меня по телефону моей практикой в этом деле. И Валерий Золотухин продавал свои «Дребезги» в стенах Театра на Таганке, до и после спектаклей (а на улице у него это не получалось), вырученные деньги он собирал на строительство Храма в своем алтайском селе Быстрый Исток. И Николай Дмитриев, поэт «потерянного» поколения поэтов, которые, как и я, «в пятидесятых рождены», продавал книги с лотков, от магазинов, и не свои, и свои, но у него их нередко воровали, не его собственные книги, а, к примеру, детективы Агаты Кристи и т. п., и он все время оказывался в прогаре... Пародист Борис Браинин, оказывается, тоже продавал книги, он сильно бедствовал, и Иосиф взял его к себе в компаньоны, чтобы помочь ему как-то. Он всегда старался помочь людям, тем более талантливым людям и своим друзьям. Я уж не говорю о том, что в свое время и Есенин продавал книги.

5.

Итак, с Иосифом Раскиным я познакомилась в 1998 году, благодаря Анатолию Шамардину, которому Иосиф почти тридцатью годами раньше дал дорогу в большое искусство как певцу-вокалисту, в оркестр Леонида Утесова. И с тех пор, с 1998 года, мы и дружили втроем, Иосиф, Толя и примкнувшая к ним я. Мы с Толей не раз ездили в гости к Иосифу в Ясенево.

Я сочинила частушки об Иосифе:

Живет в Москве Иосиф Раскин —

Историй матерных Рассказкин.

Давай с тобой поедем к Раскину, (Поедем на хер, на хер к Раскину...)

Историй матерных Рассказкину.

Иосиф Раскин, а не кто-то —
Король прикола, анекдота,
Литературный хулиган,
И носит он в штанах наган.

Я сочиню частушки Раскину,
Найду для них такие краски, ну-у...
С себя смущенье резко скину,
Объятя Раскину раскину.

Один раз мы приехали к нему, когда у него в гостях были издатели «Энциклопедии...», муж и жена, Костя и Наташа. Мы тогда сфотографировались все вместе. На фоне стеллажа с книгами.

Иосиф посоветовал Косте и Наташе помочь мне издать книгу моих частушек «Залеточка». Сказал мне: «В следующий раз привези мне дискеты с компьютерным набором этой книги». В следующий раз мы с Толей привезли ему все это. Частушки с картинками, причем не только со словесными картинками, но и не со словесными, которые я нарисовала сама, шариковой ручкой с черной пастой. А некоторые раскрасила цветными фломастерами.

Правда, через какое-то время Иосиф позвонил мне и сказал, что все дискеты упали и поломались. Их нельзя «прочитать». Книга эта так и не вышла. А в 2005 году мне выпустил ее, в «МИГЭК»-е друг нашего с Толей друга, художника из Керчи Бориса Васильева-Пальма, автора наших портретов, Игорь Блудлин, тиражом всего 50 экземпляров, за мой счет, как и все книги постсоветского периода. То есть никакой курочкой Рябой с золотыми яичками, которой она могла бы стать при большом тираже, она для меня не стала, только склевала мои жалкие сбережения.

...Иосиф сказал, что хочет включить что-то из моего в свою новую «Энциклопедию...». Тут же, при нас с Толей, составил и отпечатал на своей старинной машинке врезочку обо мне:

«Нина Краснова не просто талантливый, а из ряда вон выходящий, выдающийся поэт и замечательный человек, автор девяти

книг стихов и автобиографического романа «Дунька в Европе», общепризнанная Королева Эротической Поэзии России, собирательница народных частушек и сочинительница своих собственных. Нина великолепно рисует, она сама, с большим вкусом проиллюстрировала свои сборники. Я горжусь своими отношениями с ней».

Иосиф подарил Толе еще одну — дополненную и расширенную — «Энциклопедию...», с таким автографом:

«Милому Толику, замечательному человеку, соловью от Бога! От автора, от всей души и сердца. Иосиф Раскин. 4/IV-04».

— А тебе, Нина, я подарю новую «Энциклопедию...» уже с твоими стихами, — пообещал мне Иосиф. И когда она вышла, в 2007 году, он подарил мне ее. Так что я там есть, попала в компанию наших главных юмористов, иронистов, соавторов «Энциклопедии...», оказалась там вместе с Аркадием Аркановым, Владимиром Вишневым, Игорем Иртеневым, Борисом Брайниным, Игорем Губерманом и т. д. И с самим Пушкиным, четверостишие которого Толя заложил бумажной закладкой и читал вслух с наивным удивлением, не ожидая от Пушкина такой лексики, какую тот употребляет там:

Мы пили — и Венера с нами
Сидела, преля за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером
С блядьми, вином и чубуками.

Надо сказать, для Пушкина это, по моему мнению, слабоватое четверостишие, с очень слабыми рифмами, с очень тяжеловесной третьей строкой, в которой аж три спондея, оно привлекает внимание только четвертой строкой «с блядьми, вином и чубуками».

Кстати, о «чубуках». То есть о курении. Иосиф до того, как перенес инфаркт, до 2006 года, был заядлым курильщиком. И Толя, яростный противник курения, советовал ему бросить курить и говорил:

— Иосиф, лучше пить, чем курить... Пить не так вредно, как курить... — и читал ему лекции о вреде курения, которое сокращает жизнь человека лет на «тридцать».

После инфаркта, который едва не свел Иосифа в могилу, Иосиф бросил курить. Но всегда имел при себе пачку сигарет и на людях доставал оттуда сигаретку и держал ее в пальцах... И даже когда выступал на телевидении, в 2009 году, когда Дмитрий Дибров брал у него интервью, он все крутил и мял в пальцах эту сигарету, и когда выступал в Переделкине, в доме-музее Чуковского, не выпускал ее из рук, и когда выступал у себя дома, давал интервью тележурналисту Евгению Данилову (это зафиксировано на видеодисках, которые я расшифровываю для книги об Иосифе).

...Иосиф любил фотографироваться с известными людьми, с которыми судьба сводила его. У Иосифа было много больших фотоальбомов, где хранились фотографии большого формата, на которых он запечатлен с этими людьми, с медийными лицами, среди которых и Андрей Вознесенский, и Марк Розовский, и Левон Оганезов, и Владимир Вишневский... и Зураб Церетели, и Эльдар Рязанов... и так далее, и так далее. Иосиф с гордостью показывал нам с Толей свои фотоальбомы. Мы смотрели их с интересом, но далеко не все известные люди были нам известны на фотографиях в фотоальбомах Иосифа. И мы спрашивали у него:

— Иосиф, а это кто стоит рядом с тобой? Иосиф, а это ты с кем стоишь?

Он называл нам имена и фамилии этих людей:

— Да это же известный политик такой-то... Да это же известный композитор такой-то... Да это же известный министр такой-то... Да это же известный общественный деятель такой-то... Да это же известный префект Центрального округа Москвы такой-то...

Я спросила у Иосифа:

— А ты подписываешь на оборотах фотографий имена и фамилии всех, кто есть на твоих фотографиях? И датируешь эти фотографии?

— Нет.

— Но тогда через много лет, когда эти фотографии окажутся не в твоих руках, кто сможет вспомнить и кто будет знать имена и фамилии всех, кто есть на твоих фотографиях, и кто сможет сказать, какого года та или иная фотография? У тебя не музейный, не исторический подход к твоему фотоархиву. Любой музейный работник сказал бы тебе, что все фотографии надо подписывать, иначе они не будут иметь исторической, музейной ценности. Это ты знаешь всех, кто есть на твоих фотографиях, а вот мы с Толей не всех знаем, даже и очень известных людей. И сами известные люди не всех таких же известных знают...

...Иосиф озадачился и почесал свою макушку...

Иосиф хотел, чтобы мы с Толей поженились. И так и сказал нам как-то раз, когда мы приехали к нему в гости, по его приглашению:

— Почему вы не поженитесь? В следующий раз приезжайте ко мне женатыми. Завтра же идите в загс и распишитесь. Слышите? Завтра же идите в загс и распишитесь!

Мы, если говорить в стиле Хармса, которого Толя читал мне вслух, «ничего не сказали на это, только сказали»:

— Нам и так хорошо.

Или даже и этого не сказали. Просто застеснялись и потупили свои глазки. И ничего не стали объяснять.

...А один раз мы ехали с Толей от Иосифа... и у Толи, у его «Ниссана Лаурела», заглох двигатель. Мы не могли выехать со двора Иосифа на шоссе, не могли проехать ни одного метра... почти ночью... Что делать? Нам попался парень, который привязал нашу машину к своей машине тросом и повез нас на тропе из Ясенево в Перово... но как? Не тихо-медленно-осторожно, а со скоростью почти 80 км в час!!! Мы с Толей думали, что разобьемся в лепешку... вместе со своей машиной и с машиной гонщика... Но, слава Богу, все обошлось. Мы доехали из пункта Я (сенево) в пункт П (ерово) целыми и невредимыми. Только сильно переволновались. И потом время от времени — с ужасом — вспоминали этот эпизод. А Иосифу про него не сказали, чтобы не волновать его зря.

6.

Не раз Иосиф приглашал нас с Толей на свои творческие вечера, а мы его — на свои.

...В 2005 году мы с Толей пригласили Иосифа на мой первый юбилейный вечер, который проходил в Малом зале, в день моего рождения, 15 марта, в рамках журнала «Наша улица». Иосиф очень удивился и обрадовался, когда увидел там не только нас с Толей, но и Валерия Золотухина, который хвалил меня как поэта и читал у микрофона мои стихи и пел частушки моего сочинения:

В Монголии, в Монголии
Кругом цветут магнолии,
Монголки там с монголами
В жару гуляют голыми.

Жил в Рязани нуворишка,
Нуворишка был воришка.
Он уехал на Канары,
Там попал в тюрьму, на нарры.

Мужики перепились,
Принялись резвиться,
В вытрезвитель приплелись,
Чтобы протрезвиться.

Причем пел он их на какой-то старинный алтайский мотив, а потом Толя пел песни под гитару, а Золотухин подпевал ему и восхищался его голосом, покачивая головой: мол, как поет певец, как поет!

Иосиф тогда сказал, что если человек — «говно», то и вокруг него — не люди, а «говно», а если человек — хороший, то и вокруг него группируются хорошие люди, которые притягиваются к нему. И сказал:

— Вокруг Нины Красновой — только хорошие люди, великий артист Валера Золотухин и великий певец Толя Шамардин,

потому что сама Нина Краснова — хороший человек и выдающийся поэт.

(Это не я сказала — это сказал Иосиф Раскин.)

То есть Иосиф не боялся перехвалить своих друзей, не боялся сказать о них самые высокие слова и говорил это при всем честном народе, не на ухо тебе, шу-шу-шу, чтобы никто, кроме тебя этого не слышал, а так, чтобы все это слышали!

А потому что он и сам заслуживал и заслуживает самых высоких слов. Яркая, неординарная, разносторонняя, свободная, крупномасштабная личность. Не зря говорится: то, что человек говорит о ком-то, это все относится и к нему самому.

...11 ноября того же 2005 года, в день своего рождения, Иосиф пригласил нас с Анатолием Шамардиным на свой юбилейный вечер в Большом зале ЦДЛ. Где выступали Левон Оганезов, Марк Розовский, Валентина Толкунова, певица Мария Липа, цыганская певица Галина Эрденок, грузинский ансамбль «Кавкасион», конференсье Лев Шимелов, племянница Иосифа, народная артистка России, пианистка Татьяна Рубина... Анатолий выступал там со своим ансамблем греческой музыки «Милос», с бузукистом Дмитрием Ратушным и двумя гитаристами, Василием Новиковым и Анатолием Кузнецовым. Пел греческую песню из кинофильма «Грек Зорба» и «Мария в желтом платье» и итальянские песни, «Веселые крестьянки» и «Гитара романа»... Зрители горячо аплодировали ему и кричали «Браво!».

Иосиф проявил там себя как великолепный ведущий, который каждому участнику вечера дал яркую положительную характеристику, каждому раздал по серьгам, для каждого нашел свои хорошие слова, каждому сделал соответствующую рекламу... и о каждом говорил, что это «чудо» (он только таких и пригласил для участия в концерте).

И о Толе Шамардине Иосиф сказал, что Толя — это «чудо»:

— Жалко, что он, из-за своей скромности и интеллигентности, остался нераскрученным. А у нас ведь много потрясающе талантливых нераскрученных людей, а много раскрученных, которые — ну просто говно!..

Сказал Иосиф и обо мне, что Толя «пришел сюда вместе со своим большим другом, великолепным поэтом, с Ниной Красновой... Давайте поаплодируем и ей... У нее много книг стихов... А еще она — автор замечательных частушек... и скоро ее стихи и частушки выйдут в моей книге «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». Мне уже надоело ей это обещать — я обещаю это вам!» (Вскоре все это и вышло в «Энциклопедии...»). Иосиф сдержал свое обещание. Он никогда не нарушал своих обещаний. — *Н. К.*)

...И, естественно, он рассказал на вечере несколько веселых анекдотов. Иосиф — прирожденный артист и любил и умел выступать на публике. И к тому же был и прекрасным организатором концертов и умел составить программу так, что она от начала до конца была интересна публике. Он еще в свои молодые годы приобрел в этом опыт, занимаясь активной культурно-массовой работой. Кстати сказать, у Иосифа был прекрасный вокальный голос, баритон, Иосиф пел в военном ансамбле, когда служил в армии, в Латвии.

На фуршете в Пестром зале я и Толя познакомились с родными Иосифа, и с Татьяной Рубиной, и с ее мужем Ильей Шадуром, и с другими членами семейства Раскиных... и чокнулись рюмашками. И сфотографировались со всеми, кто оказался рядом с нами. Был там и сын Иосифа Михаил Раскин, который помог отцу в организации вечера и фуршета, как помогал всегда и во всем.

...В 2006 году, 16 марта, мы с Толей Шамардиным пригласили Иосифа в Политехнический музей на сольный концерт Толи. Ведущим концерта был диктор Всесоюзного радио и телевидения, большой поклонник русского-греческого соловья Виктор Балашов, который сделал с Толей целую серию радиопередач «Поговорим по душам».

Толя выступал на концерте в Политехническом музее опять со своей группой греческой музыки «Милос», с расширенным составом группы, с бузукистом Дмитрием Ратушным, гитаристами Василием Новиковым, Анатолием Кузнецовым, Алимом Айсиным, Сергеем Лямзиным... И подыгрывал сам себе на гитаре и на мандолине.

Публика принимала его «ура»! Неистовствовала, не отпускала его со сцены.

Иосиф Раскин, который раньше никогда не был на сольных концертах Толи Шамардина, взял микрофон и рассказал, как много-много лет назад судьба свела его с Толей, с молодым человеком, с очень талантливым певцом, но очень застенчивым, который не знал, к кому ему обратиться, чтобы его прослушали, и которому Иосиф помог устроиться в оркестр Утесова, а потом Толя куда-то исчез, разъезжал по стране, и через много лет судьба опять свела их друг с другом, и Толя подарил Иосифу большую пластинку и диски со своими песнями на стихи известных поэтов, которых он встретил на своем пути:

— Я очень счастлив, что Толя Шамардин сегодня выступает здесь. — сказал Иосиф. — Его застенчивость сильно помешала ему в его «карьере». Он никогда не был в шоу-бизнесе, он никогда не занимался своим раскручиванием. И я только сегодня первый раз за все годы... я сегодня первый раз присутствую на его сольном концерте! И получаю огромное удовольствие, огромное! Толя молодец! Честь ему и хвала! А можно быть и раскрученным, но быть никем. А можно быть и не раскрученным, но быть — потрясающим певцом! Главное — петь, как он, и иметь такой голос, как у него! Bravo, Толя! Все!

Обо мне Иосиф тоже сказал свои золотые слова. Сказал, какое большое счастье для Толи, что Толя встретил на своем пути больших поэтов, Виктора Бокова, Алима Кешокова, Николая Старшинова и сотрудничал с ними и написал много чудесных песен на их стихи, и выпустил пластинки и диски с этими песнями, и какое большое счастье, что он встретил потрясающую поэтессу Нину Краснову, меня.

...А я могу сказать — какое счастье, что Толя в самом начале своего пути в большое искусство встретил Иосифа Раскина, и какое счастье, что их пути через много лет опять сошлись, и что я тоже встретила Иосифа Раскина на своем, на нашем с Толей пути.

...Бывали мы с Толей Шамардиным, по приглашению Иосифа, и на концертах Татьяны Рубиной. Например, в музее Скрябина. Где

она играла сочинения Скрябина, Шопена, Гайдна на красном рояле... виртуозно владеющая техникой и вся наполненная одухотворенностью. Недаром она народная артистка. И Иосиф был с нами. И мы все вместе сфотографировались около рояля, а еще около ее афиши.

...Иногда мы встречались с Иосифом на каких-то литературных вечерах наших друзей. Например, 14 мая 2008 года встретились на авторском вечере Андрея Вознесенского в театре Петра Фоменко, где собралась почти вся московская культурная элита. И присутствовали на званом ужине... И я потом сделала и напечатала в «Эоловой арфе» и показала Андрею Вознесенскому большую статью об этом вечере, который оказался последним в жизни Андрея Вознесенского.

А 31 мая мы с Иосифом, с Андреем Вознесенским и нашими друзьями встретились еще и на вечере Бориса Пастернака в Переделкине, куда Андрей пригласил нас.

...У меня в архиве сохранилась моя информация о вечере памяти Бориса Пастернака в Переделкине, напечатанная в «Литературной газете» 11 июня 2008 года:

«Литературная газета», Литературный курьер

В музее Бориса Пастернака в Переделкине прошел вечер памяти поэта. Выступили Андрей Вознесенский, Герман Гецевич, Анна Саед-Шах, Инна Лиснянская, Иосиф Раскин, Нина Краснова. Они говорили о нобелевском лауреате, читали стихи, его — и свои, посвященные ему, а музыканты, лауреаты международных конкурсов, исполняли сочинения Шопена, Венявского, Брамса, Скрябина на раритетном рояле Генриха Нейгауза. Вела вечер директор музея Наталья Пастернак.

Статья опубликована:

№ 24 (6176) (2008-06-11)

Автор: Нина Краснова

На этом вечере я говорила о том, что Андрей Вознесенский — ученик Бориса Пастернака, и читала стихи Андрея Вознесенского «Молитва Марии» и свои стихи «Я Есенина люблю»

за все ЕСЕНИНСКОЕ, Вознесенского люблю за вознЕСЕНИНСКОЕ...». За что Вознесенский похвалил меня. И, естественно, я, как папарацци, фотографировала всех, кто выступал, и прежде всего — Андрея Вознесенского. И сама сфотографировалась с ним. Он был в костюме цвета «васильков Шагала» и цвета своих глаз. У него была забинтована левая рука, но правой он подписывал свои книги всем, кто принес с собой его книги и кто просил у него автографы. Он говорил шепотом, потому что, как в его стихотворении «Теряю голос», уже почти потерял голос.

Иосиф сказал мне:

— Сфотографируй меня с Вознесенским. Но так, чтобы не напрягать его. Я встану рядом с ним, а ты сфотографируй нас. Я сфотографировала Иосифа с Андреем.

Потом мы вместе со всеми гостями сидели на веранде, на званом ужине. Андрей сидел во главе стола. А мы — по бокам, я — по правую руку от Андрея, а Иосиф — по левую, напротив меня. Иосиф тогда завел с Андреем речь о поэзии и спросил у Андрея, нравится ли ему Константин Симонов. Андрей шепотом ответил:

— Симонов, конечно, большая фигура. Его нельзя выбросить из нашей поэзии.

Я тогда не знала, что Симонов — один из самых любимых поэтов Иосифа Раскина. А теперь знаю. И не зря Иосиф читал его стихи «Сын артиллериста» незадолго до своей смерти, на домашнем празднике, который приемная дочка Татьяны Рубиной Диана засняла на видео. И это оказалась последняя прижизненная видеозапись с Иосифом.

Ну а Андрей Вознесенский был для Иосифа — О, О, О! если выражаться в стиле самого Андрея Вознесенского.

7.

Иосиф любил чем-нибудь порадовать меня по телефону, например, сообщить мне какую-то светлую вест, касающуюся меня, и порадоваться ей вместе со мной. Или он звонил мне, чтобы спросить меня о чем-то.

Вот записи ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА 2007 года:

3 мая 2007 г. 19:30.

Иосиф Раскин звонит мне по домашнему телефону:

— Нина, ты (сейчас) смотришь телевизор?

— Нет. Я сейчас читаю одну книгу (книгу Эдуарда Клыгуля «Женщины столичных банкиров»), чтобы написать на нее рецензию.

— Только что по телевизору выступал Леонид Жуховицкий, в передаче «Ночной полет», которую ведет...

— Максимов.

— Да. Максимов спросил Жуховицкого, какие поэты ему нравятся. Он назвал тебя — сказал: «Нина Краснова». Он еще назвал Веронику Долину, Аронова и... тебя. Сказал: «Есть не очень известные поэты, но очень хорошие: Нина Краснова».

— Иосиф, ты — прелесть!

— По-ка!

3 мая 2007 г. 19.40.

Через несколько минут Иосиф Раскин опять звонит мне по телефону:

— Я забыл тебе сказать. Я позвонил Леониду Жуховицкому, сказал ему: «Спасибо тебе за Нину Краснову!»

— Ой, спасибо тебе, Иосиф!

— По-ка!

2 июня 2007 г. После 21:00.

Иосиф звонит мне по домашнему телефону:

— Нина, ты звонила мне? У меня на определителе определился твой домашний номер телефона.

— Я не звонила тебе. Значит, это Толя Шамардин тебе звонил от меня. И не дозвонился. Он взял у меня свои музыкальные инструменты, поехал выступать со своим ансамблем...

Иосиф об одном поэте:

— Да какой он на хер поэт? Издал одну книжку в три страницы, на скрепках... И хочет, чтобы ты дала ему рекомендацию в Союз писателей.

— Я сказала ему, чтобы он издал хотя бы еще одну книжку. Иначе мои рекомендации не будут иметь веса.

— Правильно! А это правда, что N принимает людей в Союз писателей за взятки?

— Что ты, Иосиф! Нет! Никаких взяток она ни у кого не берет... И с меня никаких взяток никогда не брала. Она всегда все делала для меня и для всех бескорыстно...

— Да? Это хорошо. По-ка!

8.

Запись ИЗ МОЕГО ЖИВОГО ЖУРНАЛА 2009 г.
27.02.09

**ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ НИНЫ КРАСНОВОЙ:
ПРИНЦЕССА ПОЭЗИИ «МК»**

В первом часу ночи мне позвонил Иосиф Раскин, автор книги-бестселлера «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», в которой у него есть и страничка обо мне и мои стихи про девушку с имитатором, которые Андрей Вознесенский когда-то, в 1995 году, выделил и выхватил из моей книги «Семейная неидиллия» своим наметанным на поэзию глазом и целиком процитировал в своем репортаже о своем вечере в зале Чайковского, и напечатал этот репортаж в журнале «Обозреватель», который выходит (выходил тогда) в 132 странах мира. А Иосиф потом напечатал их в своей книге. И вот он-то и позвонил мне в первом часу ночи 27 февраля 2009 года. Он всегда звонит мне, когда хочет спросить меня о чем-то или сказать мне что-то важное и приятное для меня. У поэтов и вообще у литераторов «есть такой обычай» — звонить своим товарищам не только утром, днем, вечером, но и ночью, если они хотят сказать тебе что-то прямо сейчас и сию минуту.

— Ты спишь? — спросил меня Иосиф своим хриловатым голосом.

— Нет. Я птичка поздняя. Я не ложусь спать в такую рань.

— Я тебя не разбудил?

— Нет.

Я как раз сидела за компьютером и писала страницу для своего ЖЖ.

— А я сейчас нахожусь в Переделкине, в Доме творчества... И каждый день вижу здесь тебя.

— Да что ты говоришь? Где ты меня видишь? В журнале каком-нибудь?

— Нет. На фотопортрете, который висит в коридоре Дома творчества, в галерее, по дороге в библиотеку. Там висят десятки фотопортретов самых знаменитых наших писателей... И Вознесенского, и Евтушенки, и Дементьева, и Старшинова... и Долматовского... и Симонова...

— И среди них я... потому что я очень «знаменитая»...

— Я не шучу. Там правда висит твой фотопортрет... Рядом со Жванецким, вот с кем. И я каждый день смотрю на тебя и люблюсь тобой...

— Я думаю, это все — работы Николая Кочнева, главного фотографа Союза писателей СССР... Они раньше висели в Большом Союзе писателей на Поварской. Потом там случился пожар... Все эти работы чуть было не сгорели синим пламенем. Ларионов, литературный чиновник Союза писателей, убрал их в какой-то чулан, и они лежали там... Кочнев говорил мне об этом и все жалел, что они валяются в чулане, а не висят на стенах Союза писателей.

Он затратил на эту коллекцию, которую всю сделал своими руками, очень много своих сил, своего старания и усердия, и очень много времени, да и денег, и не получил за это ни гроша, вернее получил было какие-то гроши, которые бухгалтерия начислила ему от СП, но которые он даже брать не стал, настолько унижительной была эта сумма, которой не хватило бы даже на дешевую фотобумагу. А теперь для коллекции Кочнева нашлось новое хорошее место — стены Дома творчества писателей...

— А ты давно была там?

— Давно.

Я жила там последний раз лет семнадцать назад, когда приехала из Рязани на съезд российских писателей... А потом уже нет. Только иногда проезжала или проходила мимо этого Дома творчества, когда бывала в Переделкине в гостях у Бокова, с Толей Шамардиным, или в музее Пастернака. И несколько раз заходила в библиотеку этого пристанища писателей, отдавала туда журналы «Наша улица» со своими публикациями и свои книги...

— Очень ты красивая на фотографии Кочнева...

— Я там улыбаюсь?

— Да.

— У меня есть эта фотография.

— Вот это я и хотел тебе сказать. Чтобы порадовать тебя. Но меня смутила надпись под твоим портретом... Надпись там такая: «Принцесса Поэзии «Московского комсомольца». Этот Кочнев недооценивает тебя, если считает, что титул Принцессы Поэзии — это очень высокий для тебя титул.

— Кочнев относится ко мне с большой симпатией и очень меня ценит... Он думает, что «Принцесса Поэзии» — это очень высокое звание для поэтессы. Поэтому и прилепил его к моей фамилии.

Когда в 1997 году Николай Георгиевич Кочнев, которому сейчас уже под девяносто лет, а тогда было под восемьдесят, сделал мой портрет, то спросил у меня, какие я имею официальные почетные звания, кроме того, что я поэтесса и член Союза писателей... Может быть, я лауреат премии Ленинского комсомола или Государственной премии, или Пушкинской, или Пастернаковской... или, на худой конец — Букеровской... или какой-то еще... или я, может быть, член Правления СП, член Секретариата... какая-нибудь литературная шишка... «Нет, я просто поэтесса. И все», — ответила я и первый раз в жизни испытала какой-то комплекс неполноценности оттого, что никаких официальных почетных званий у меня никогда не было и до сих пор нет. Никаких медалей и орденов — тоже. А у него в его коллекции очень много писателей, генералов, полковников в военных формах, про каждого из которых Зыкина могла бы спеть: «Грудь его в медалях, ленты в якорях». Мне стало неудобно перед Кочневым, что я такая не отмеченная никакими премиями и наградами поэтесса, и никаких высоких постов и кресел не зани-

маю. И, чтобы он не подумал, что меня никто не ценит, я пошутила и сказала ему: «Мне недавно присудили звание — Принцесса Поэзии «Московского комсомольца». На турнире поэтов в Лужниках, в котором участвовало сто самых лучших поэтов Москвы. Сам Верховный Магистр турнира поэтов Сергей Мнацаканян вручил мне мантию Принцессы...». С благословения Владимира Вишневого. Кочнев про это ничего не слышал и заинтересованно спросил: «А это — что? Очень почетное звание?» — «Очень почетное! И очень высокое! Оно выше, чем звание лауреата Государственной премии... Таких лауреатов у нас в стране много, хоть отбавляй. А Принцесс — почти нет. А я к тому же еще и дважды Принцесса Поэзии. Я такая — одна на всю страну...» И Кочнев, проникаясь ко мне еще большей симпатией, чем раньше, сделал под моим портретом надпись: «Поэтесса Нина Краснова — Принцесса Поэзии «Московского комсомольца».

— Очень красивая ты на этой фотографии... Вот это я хотел тебе сказать...

9.

Иногда Иосиф звонил мне и спрашивал, знаю или не знаю я такого-то поэта, писателя. Иосифу нужно было это для его книги «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». Один раз он спросил, знаю ли я такого поэта Вадима Ковду.

— Ну, конечно, я знаю его еще с советских времен. Он очень интересный и оригинальный поэт. Он живет сейчас в Германии, но каждый год приезжает в Россию, выступает в Москве на литературных вечерах.

— Я недавно встретил его в Доме творчества, в Переделкине. А ты знаешь, он написал вот такие гениальные строки:

Еврей, прости антисемита,

Он иногда бывает прав.

— Вадим Ковда прав: иногда антисемиты бывают правы, хотя и не всегда, как и не антисемиты.

10.

Толя время от времени перезванивался с Иосифом. И любил читать ему по телефону, как и некоторым другим своим друзьям, мои смешные экзерсисы, слоганы и мои хулиганские частушки, например, такие:

Сидят под чинарой Махмуды
И чешут мохнатые МУды...

Я в стогу с одной бабенью
Занимался по...бенью. (...полюбенью.)
Надоела мне бабень
И с бабенью по...бень.

Не все из друзей Толи воспринимали такой юмор и не все реагировали на него адекватно. Но Иосиф всегда реагировал на все это весело, как и подобает человеку с развитым чувством юмора!

11.

Иногда Иосиф звонил мне, чтобы узнать, что у меня и у нас с Толей нового.

Как-то раз он сказал мне:

— Нина, а ты не бросишь Толю, когда он будет старый и больной? Не бросай его...

— Что ты, Иосиф! Я никогда не брошу Толечку, как и он меня! Об этом даже речи быть не может! Мы с ним связаны на всю жизнь, крепче, чем кто-то связан законным браком и венчанием... Мы с ним одно целое. У нас с ним все общее, и все дела и планы и все интересы общие. Мы с ним не представляем себе жизнь друг без друга.

— Да? Это хорошо. Нина! Не бросай Толю...

Наверное, Иосиф, когда говорил это, думал не только о Толе, но и о себе. Представлял, что он когда-нибудь будет старым и больным. И не бросит ли его тогда его очередная жена? Их у него было

шесть официальных и одна неофициальная. И, кстати сказать, он тогда был уже не очень здоровым, но вот волновался не только о себе, но и о Толе, и о нас с Толей, нежная душа, морально чистый и высокопорядочный человек. Царствие ему Небесное!

...Недавно я перечитывала страницы книги Иосифа «Большая Жизнь Хулиганствующего Ортодокса» (2008), которую подарил мне Михаил Раскин. И нашла там такое откровение Иосифа, такую мудрость, к которой он пришел на склоне своих лет, по-видимому многое в жизни и пережив много любовных увлечений:

«...самое главное. То, что я понял совсем недавно. Связь на уровне душ гораздо сильнее и долговечнее связи на уровне тел».

27 апреля 2014 года Толя Шамардин ушел в мир иной, на Красную горку. Не дожил до того времени, когда будет старым и больным. Он ушел на 77-м году жизни, умер от сердечной недостаточности, внезапно, когда побежал за автобусом, в котором по рассеянности забыл свой мобильник, но в отличие от тех людей, кто всю жизнь жалуется на свое здоровье и говорит: «Я старый (старая) и больной (больная), я скоро умру», — он чувствовал себя молодым и никогда не жаловался на свое здоровье, а если бы чувствовал себя старым и больным, то не побежал бы за автобусом, поберегся бы. А он побежал за автобусом, как ребенок, как мальчуган, у которого отняли игрушку. Он, кстати сказать, бежал очень быстро, он же потомок древних греков по своей маме, потомок олимпийцев. К тому же был худенький и легенький. Ему ничего не стоило пробежать и десять километров. Но в тот день он бежал по жаре, да еще с чемоданом-сумкой на колесах, и ему не хватило дыхания.

Иосиф Раскин так и не узнал, что Толя Шамардин умер. К счастью своему, не узнал. А сам он умер через год с небольшим после Толи, 11 июня 2015 года, на 80-м году жизни, и чувствовал себя уже очень старым и очень больным, еле-еле ходил, почти не вставал с постели. Он был на три года старше Толи, а Толя на три года младше его.

12.

Я была на похоронах Иосифа Раскина. 16 июня 2015 года. Сначала на прощании с ним в Малом зале ЦДЛ, потом — на Востряковском кладбище, потом на поминках по Иосифу в Пестром кафе ЦДЛ... И таким образом попала и вошла в тесный круг самых близких людей Иосифа, в котором и его жена Раиса, мать Михаила Раскина, и дети Михаила, и его жена Габи, мексиканская красавица и умница, и их общие друзья, священник о. Валентин, артист и поэт Борис Свободин (Бурляев), и гражданская жена Иосифа журналистка Алёна, Елена Алексеева, и так далее, и так далее, и писатель, драматург Андрей Яхонтов, и, конечно же, любимая племянница Иосифа, пианистка Татьяна Рубина со своим мужем, поэтом Ильей Шадуром, и любимый сын Иосифа, его вечная опора — Михаил Раскин... Дай Бог такого сына каждому отцу!

А недавно, 11 ноября 2016 года, я была и выступала на вечере памяти и дня рождения Иосифа в Большом зале ЦДЛ, где говорила о своем знакомстве с Иосифом, которое состоялось благодаря Анатолию Шамардину, и о важной роли Иосифа в нашей с Анатолием жизни, а не только в истории литературы, и сделала музыкальное приношение Иосифу и всему залу от нас с Анатолием, который пребывает на Небесах и уже встретился там с Иосифом, продемонстрировала на экране ролик и с «Озорными попевками» Анатолия в его же исполнении, и подпела этому русско-греческому соловью, как подпевала и раньше, а через день я была — на открытии памятника «хулиганствующему ортодоксу» на Востряковском кладбище. Бронзовый, но совершенно неофициозный, как и в жизни, Иосиф, в майке с короткими рукавами, сидит там на лавочке и держит в руках книгу и ждет гостей, чтобы рассказать им или услышать от них новые анекдоты, а у его ног лежит на черной мраморной плите большой ньюфаунленд.

23 и 29 октября 2016 г.,

8–9, 16, 19 и 26 ноября 2016 г., с добавками 8 июня и 3 июля 2017 г., 5 августа 2018 г.,

Москва

Валерий ЛОБАНОВ,
поэт, член Союза писателей Москвы

«КАКАЯ ...БЛЯ, БЛЯ!»

На вечере Нины Красновой в Малом зале ЦДЛ 15 марта 2005 года случилось мне сесть одесную от Иосифа Раскина, главного анархиста России, сочинителя «Поваренной книги анархиста». Все выступавшие говорили хорошие слова о Нине Красновой, читали стихи Нины и свои стихи, посвященные ей.

Я тоже держал в руке листочек со своим стихотворением, посвященным Нине Красновой, но выйти и прочитать его не решился из-за присутствия в тексте обценной лексики. Показал стих «анархисту». «А я, — говорит он, не стеснюсь!» Забрал у меня листок, вышел к микрофону, назвал автора и прочитал:

ОБЛОМ

Юной пионерке Нине Красновой

Свиданье предстояло
не в песне Доризо,
да туча-одеяло
затмила горизонт.

Смешались в общем хоре,
сроднились, как семья,
шум ветра, вздохи моря,
и музыка твоя.

Пока я ждал погоду,
красивый, как Рабле,
ты обрела свободу
на ближнем корабле.

Кому-то пригодился
мною купленный билет...
Зеленая водица
разглаживает след.

И, дурню в назиданье,
ты машешь с корабля.
Какое, бля, свиданье!
Какая ...бля, бля!

24 января 2004 г.

Эти свои веселые воспоминания, связанные с Иосифом Раскиным, Валерий Лобанов прислал мне по электронной почте 6 января 2017 года. Стихотворение первоначально называлось «Свиданье». — Н. К.

Евгений СТЕПАНОВ,
поэт, издатель,
Президент Союза писателей XXI века

ИОСИФ РАСКИН — ЧЕЛОВЕК-КНИГА

Иосифа Раскина я видел однажды в жизни, в Булгаковском доме в Москве, на вечере поэта Юрия Беликова. Именно Юрий нас и познакомил.

Раскина ранее я только читал, его книга «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса» мне очень нравилась (и нравится). Потому что методика этого писателя мне близка. Я тоже считаю, что в жизни нет ничего неинтересного, и все достойно описания.

При знакомстве Иосиф Раскин оказался очень вежливым, доброжелательным человеком. Таким он и остался в моей памяти. А его главная книга «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», не сомневаюсь, останется. В ней — жизнь со всеми ее разнообразными проявлениями.

30 сентября 2016 г.

5. СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИОСИФУ РАСКИНУ

Вадим ДАБУЖСКИЙ*

* * *

*ИОСИФУ РАСКИНУ,
автору книги «Энциклопедия
хулиганствующего ортодокса»*

Иосифу большой респект
За замечательный проект!
Тираж продаж побил рекорд,
И это все — не анекдот.
Мы говорим ему Виват!
Цензуре он поставил мат!

1998

* Оба своих стихотворения Вадим Дабужский читал на вечере памяти Иосифа Раскина 11 ноября 2016 г. — Н. К.

ЭКСПРОМТ

*к вечеру памяти Иосифа Раскина
в Большом зале ЦДЛ*

Иосиф в памяти у нас!
Он, как живой, здесь и сейчас!
Неизгладимый оптимист,
Гусар по жизни и артист!

11 ноября 2016 г.

Левон ОГАНЕЗОВ*

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ИОСИФУ РАСКИНУ с 70-летием

Пишет о народе
наш товарищ Раскин.
Не писал порой ты,
не писал ты сказки,

Но расшифровал нам
буквы «хэ» и «жэ»
И над остальными
трудишься уже.

Разом обошел ты
всех коллег по цеху,
Значит, сделал хорошо,
что ты не уехал.

* Автор прочитал это стихотворение на юбилейном вечере Иосифа Раскина в Большом зале ЦДЛ 11 ноября 2005 г. — Н. К.

Даже не смотря на
пятую графу,
книга Раскина стоит
у Путина в шкафу.

Юбилей справляешь ты
на Большой Никитской.
По-писательски с тобой
надо б нам выпить.

Двести граммов просто
в печень ты не лей,
Ты послушай тосты
от своих друзей.

11 ноября 2005 г.

Нина КРАСНОВА*

ПРО ИОСИФА РАСКИНА

*Нашему с Иосифом Раскиным другу
певцу и композитору Анатолию Шамардину*

1.

Живет в Москве Иосиф Раскин —
Историй матерных Рассказкин.
Давай с тобой поедем к Раскину — (Уедем на хер, на хер
к Раскину...)
Историй матерных Рассказкину.

* Две части триптиха, 2 и 3, Нина Краснова прочитала на поминках по Иосифу Раскину в 2015 и 2016 г. в Пестром кафе ЦДЛ, и на вечере памяти Иосифа Раскина в ЦДЛ, в 2016 г. — Н. К.

2.

Иосиф Раскин, а не кто-то —
Король прикола, анекдота,
Литературный хулиган,
И носит он в штанах наган.

3.

Я сочиню частушки Раскину,
Найду для них такие краски — ну-у!
С себя смущенье резко скину,
Объятъя Раскину раски́ну.

*1998, 2004 г.,
Москва, Перово*

ЭПИТАФИЯ

Иосифу Раскину

Лежат на кладбище люди, которые ЖИЛИ...
ЖИЛИЖИЛИЖИЖИ... ЛЕЖИ...
ЛЕЖИ и ты с усопшими рядом, которые ЖИЛИ...
ЖИЛИЖИЛИЖИЛИЖИ... ЛЕЖИ...
ЛЕЖИ и с миром покойся, пока не воскреснешь потом...
потом воскреснешь, потом, о, потом, о, потом...
и поделишься с нами своим эмпирическим опытом,
как воскреснуть...

*13 ноября 2016 г.,
Москва,
по дороге на Востряковское кладбище,
где похоронен Иосиф Раскин.*

Илья ШАДУР

**НА ПОЛУЧЕНИЕ КНИГИ ИОСИФА РАСКИНА
«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО
ОРТОДОКСА»**

Я ходил по ресторанам
С ортодоксом-хулиганом,
Возвращался ночью пьяным,
Весь в маслинах и в дыму.
И, сквозь занавес дремоты,
Вспоминая анекдоты,
Матерстопным ямбом оды
Сочинял всю ночь ему.

Было время — устным словом,
Нецензурным жирным пловом,
Острым, сочным и толковым,
Он кормил своих друзей.
А сегодня книга эта
С блеском, с треском, как ракета,
Облетает страны света.
Раскин, твой размер — хорей!

Сборник твой — не фунт изюма,
Он наделал много шума.
Раз его читает Дума,
Значит, нужен он стране.
Он него юнцы балдеют,
У девчонок щеки рдеют,
Петр Первый молодеет
В медных формах Фальконе.

И профессор спьяну, сдуру
Держит, словно партитуру,
Изучая субкультуру,
Постигая русский мат,
Книгу с твердым переплетом
И, читая, как по нотам,
Анекдот за анекдотом,
Удивлен, взволнован, рад.

2002

ЭПИТАФИЯ Иосифу Раскину

Нам не забыть его щедроты,
Мы с ним расслабиться могли,
Ведь юмор — тоже соль земли,
А дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

11 ноября 2016 г.

Борис СВОБОДИН*

ИОСИФУ РАСКИНУ

Жизнь без него обыденна, ничтожна,
Ему найти замену невозможно.

* Оба своих стихотворения Борис Свободин читал на поминках по Иосифу Раскину в 2015 и 2016 г. в Пестром кафе ЦДЛ.

«ДУША»

(Перевод из Дж. Гордона Байрона)

*Иосифу Залкиндовичу Раскину
посвящаю*

В тот миг, когда душа покинет тело,
Куда она стремится безудержный полет,
Оставив след, в даль звездного предела,
Безвестною звездой в ту бездну упадет.

Каких метаморфоз мне предстоят мгновенья,
Свободна, весела, вольется в сонм планет
И растворится вся, как сон иль сновиденье,
Иль превратится в луч, несущий людям свет.

Безабрисна, жива, как юность беспредельна,
Вместит себя в покров Всевечного Творца.
И все, что на земле оставила бесцельно,
Осмыслит в этот миг в лучах Его венца.

И все, что пронеслось, и что прошедшим стало —
Все тайны бытия, всех опытов итог,
Пред взорами ее отбросят покрывало,
Картины всех времен пред ней откроет Бог.

Она воззрит тогда духовными очами
На пиршественный миг творенья бытия,
Услышит хор небес в возвышенной гамме
И в Боге растворит свое земное «Я».

Грядущее прочтет, как книгу, постранично,
Узнает все пути, что выпали другим,
На катаклизмы все посмотрит безразлично,
Останется, как сфинкс пустыни, недвижим.

Блаженной чистотой, бестрепетным сияньем,
Бесстрастна и легка, увидит бег времен,
И тысяча веков, как год пред мирозданьем,
А год лишь мигом стать отныне обречен.

Свободная во всем, во всяком проявленье,
Стремительная, как мысль, везде вольна поспеть,
Таинственное «Я» без формы, без значенья,
С Творцом соединяясь, не сможет умереть.

НА СМЕРТЬ ИОСИФА РАСКИНА*

В такой беде
Я не могу помочь...
Сочувствуя и сопереживая,
Я вижу — улетающая в ночь,
Крылами машет нам
Его душа живая:
— Прощайте, милые,
Прощайте, — говорит, —
Я нехотя
Вас смертью огорчила,
Но звездочка моей Любви горит,
И смерть Любви той
Не угасила...

* Автор неизвестен (Борис Свободин?). — Из архива Михаила Раскина.

6. ИНТЕРВЬЮ С ИОСИФОМ РАСКИНЫМ

Григорий ПРУСЛИН,
журналист, писатель,
Германия

ПИСЬМО 1

*Григорий Пруслин — Нине Красновой:
9 августа 2016 г.*

Здравствуйте, Нина!

Я прочитал, что Вы собираете книгу памяти Иосифа Раскина. Памяти? А что, его уже нет с нами? Очень жаль.

Я знал Иосифа и даже делал с ним интервью, которое в 1997 г. было напечатано в «Неделе».

Посылаю его Вам, может быть, оно будет Вам интересно. А для меня это будет знаком памяти Иосифу.

Подтвердите, пожалуйста, получение, а то я не надеюсь на свой комп.

С уважением

Григорий Пруслин

ПИСЬМО 2

**Григорий Пруслин — Нине Красновой:
9 августа 2016 г.**

Еще раз здравствуйте, Нина!

И мне очень приятно, что через Иосифа мы познакомились с Вами. К сожалению, судя по Вашему письму, я знал его меньше, чем Вы, но тоже хорошо. По крайней мере, то интервью, что я Вам прислал, мы делали у меня дома. И, уверяю Вас, занимались в тот день не только художественным творчеством (шутка).

Игоря Иртеньева я тоже очень хорошо знаю, и Аллу Боссарт и многих других ребят (какие уж они ребята...).

Я много лет проработал в «Вечерке», писал там фельетоны и другие материалы, делал интервью. И не только для «Вечерки», но и для других газет и журналов. У меня даже книжка вышла «59 интервью с интересными людьми». Но книжка эта вышла уже в Германии, где я живу с 1998 г.

Я не совсем понял, для чего Вам надо мой рассказ про себя.

Даже краткая справка. И в каком плане. А вообще у меня 10 книжек, я лауреат 12 всесоюзных и международных конкурсов.

А то, что мое интервью с Иосифом Вам понравилось, мне очень приятно, и я рад, что хоть как-то смогу прикоснуться к его памяти.

Земля ему пухом!

С уважением

Григорий Пруслин

ИОСИФ РАСКИН: «МАМОЙ КЛЯНУСЬ!»

(Интервью Григория Пруслина с Иосифом Раскиным, газета «Неделя», 1997 г.)

Иосиф Раскин — известный московский книжник, книголюб и книгопродавец, член Союза писателей Москвы. По его словам, воспитан маршами Чернецкого, стихами Исаковского и фильмами Чиаурели. Всю жизнь, с раннего своего детства, со времен войны, Иосиф Раскин любит анекдоты и частушки. С радостью ребенка их всегда и всем рассказывает, из его коллекции анекдотов, цитат, курьезов, забавных случаев из жизни знаменитых людей получился солидный сборник «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», который давно стал бестселлером и выдержал несколько изданий.

*Какое время было, блин!
Какие люди были, что ты!
О них не сложено былин,
Зато остались анекдоты.*

Игорь Иртеньев

Наверное, многие помнят популярную в свое время на российском ТВ передачу «Старый телевизор» и ее ведущего Льва Новоженова. Но, наверное, мало кто помнит, что вначале эту передачу вел другой популярный ведущий — Дмитрий Дибров. И уж совсем мало кто знает, что весной 1999 г. Диброва «попросили» из «Старого телевизора» за то, что он пригласил на него в качестве гостя Иосифа Раскина, а тот позволил себе произнести в эфире одно «ненормативное» слово, которое, впрочем, не для кого новым не являлось.

Более тридцати пяти лет Иосиф Раскин продавал чужие книги в Москве в подземном переходе у Красной площади. А потом взял и написал свою книгу под названием «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», моментально ставшую народным бестселлером и выдержавшую к настоящему времени уже несколько

изданий. В эту книгу включена масса анекдотов, частушки, песни, поэзия, приводятся забавные случаи из жизни известных людей. И представлено это без купюр, нашим живым и могучим русским языком. Там нам все знакомо, там написано про нас с вами, про жизнь нашей страны. Может быть, поэтому «книга Иосифа Раскина вселяет оптимизм и продлевает жизнь». Это сказал Юрий Никулин и почему мы должны с ним не согласиться?

— Иосиф Захарович, известность вам принесла «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». Ну, энциклопедия — это понятно, хулиганствующего — тоже. Ортодокс же — это человек, неуклонно придерживающийся определенных убеждений. Так какие же у вас определенные убеждения?

— Во-первых, разрешите с вами не согласиться. Прежде всего, как я думаю, известность мне принесла не упомянутая книга, а моя многолетняя торговля книгами в центре Москвы. Могу с уверенностью сказать, что я был очень одиозной фигурой в столице. Про меня писали хвалебные статьи и фельетоны, на меня было 14 приказов дирекции «Москниги» об моем увольнении, но я продолжал продавать литературу. Наверное, потому, что работал неплохо. Я торговал от разных книжных магазинов, и были периоды, когда я делал план сразу 25-ти из них. Скажу, не хвалясь, я умел торговать и продавал до 1000 книг в день. А вспомните те времена и сколько выходило тогда литературы вообще, а уж хорошей-то тем более. Но в то время у меня еще были все зубы и хорошая дикция, я никогда не обманывал покупателей, рекламируя товар, и, что очень было важно, хорошо чувствовал конъюнктуру. Я знал, какую книгу где, кому и как продать. Какую надо продавать утром, а какую вечером. Какую в выходной день, а какую тогда, когда люди идут с работы.

Что же касается моих убеждений, то у меня есть основное убеждение, что человек не может иметь убеждений и если говорит о них, то врет. Человек — это страшное дерьмо. И в хорошем, и в плохом. Человек — это ужасно и это прекрасно.

— Многие люди знают анекдоты, но мало кто пытался их издать. Как вы дошли до жизни такой?

— Хотелось бы сделать акцент вот на какой мысли. Моя книга — не книга анекдотов и тем более мата. Сами анекдоты, наверное, вторичны, а мат даже третичен. Но анекдоты это, прежде всего, мудрость жизни, величайший пласт национальной культуры. И особенно в те, советские времена. Вот вам пример. Приходит мужчина на почту и дает телеграмму: «Твою мать. Подробности письмом». Это страшный анекдот, потому что люди просто боялись писать. Анекдот — это мысль, мудрость, ответы на любые вопросы экономики, политики, быта. И когда я увидел огромное количество брошюр с изуродованными анекдотами, я решил сесть за эту книгу.

Если вы обратили внимание на название книги, то оно не случайно. Его аббревиатура — ЭХО. Книга и есть эхо моей жизни. Содержание ее прошло через меня, начиная от анекдотов и кончая Гимном Советского Союза и песней о Сталине, которую мы пели. Поэтому я и поставил свое имя на обложке, а не написал, что я составитель. Эта книга писателей Аркадия Арканова и Михаила Жванецкого, Бориса Брайнина и Владимира Владина, Игоря Иртеньева и Владимира Вишневецкого и многих неизвестных авторов анекдотов, частушек и эпиграмм.

— Но «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса» не единственная ваша книга?

— Во-первых, «ЭХО» вышло уже в трех изданиях. Кроме того, появились и другие книги. Например, довольно большая «Анекдоты от Раскина». Три небольших книжечки «Иосиф Раскин рассказывает анекдоты», «Жизнь человеческая» и «Дети разных народов». Но мне хотелось бы упомянуть книгу несколько другого плана — «Грузия, ты в сердце моем». В работе над ней мне очень помог Игорь Окуджава, сын Булата.

— И все-таки, я думаю, основной вашей книгой остается «ЭХО». А вы долго делали первую книгу? У вас есть картотека, вы записываете анекдоты?

— Никогда ничего не записываю и картотеку не веду. Все в этой книге по памяти. И анекдоты, и песни. А посему, может быть, и ошибки встречаются. Но первую книгу, «Энциклопедию хулиганствующего ортодокса», я делал недолго, где-то полгода. Дело в том, что по натуре я лентяй. И если бы не сын, то вполне возможно бы, что книги и не было. У сына есть фирма, и она дала мне деньги и возможность вечерами приходить к ним в офис и работать на компьютере.

— **Наверное, в детстве вы были хулиганом.**

— Страшным! Я родился и вырос в центре Москвы, на Солянке, довольно известном москвичам хулиганском районе. Меня неоднократно исключали из школы, и я поменял их, наверно, все в округе. Исключали за все, что угодно. Помню, я тогда учился в первом классе 324-й школы, мы хором разучивали только что введенный Гимн Советского Союза. И я пел: «Союз нерушимый, засранный и вшивый». Пел не потому, что я был храбрым или, тем более, диссидентом. Я был убежденным патриотом. Но мне нравилось так петь. Рифмовалось уж больно хорошо. В 4-м классе я разрисовал в учебнике портрет Сталина. Это могло, по тем временам, кончиться очень плохо, но дело замаял директор школы. Правда, он выгнал меня с занятий на десять дней.

— **А юмористом вы тогда тоже были?**

— Анекдоты любил с детства. Началось это в эвакуации. Нас тогда эвакуировали из Москвы в Томск. Моя старшая сестра, ее, увы, уже нет в живых, была хорошей пианисткой и, будучи тогда еще девочкой, подрабатывала в кинотеатре, где между сеансами давали концерты. Помню, три девочки, одна из них моя первая любовь, пели там частушки. Одну из них я запомнил: «Сидит Гитлер на березе, а береза гнется. Посмотри, товарищ Сталин, как он нае.нется». Вот какая веселая частушка. А мне было семь лет.

— **А первый анекдот помните?**

— Один из первых. Это было уже в Москве. Война подходила к концу, и тогда почти ежедневно в столице были салюты по случаю взятия городов, часто с незнакомыми зарубежными названи-

ями. И вот такой анекдот. Во время салюта идет женщина и несет в бидончике суфле. Было тогда такое военное питание. Встречный мужчина у нее спрашивает: «Что взяли?». — «Суфле», — отвечает она. «А в каком направлении?». — «А это здесь, за углом в гастрономе». Вот этот анекдот я запомнил. Помню даже, что смеялся и рассказывал знакомым мальчишкам. Мне было 9 лет.

Тогда появились анекдоты про Рузвельта, Черчилля и Сталина, в которых Сталин всегда выглядел лучше всех. Были анекдоты про Вышинского, про ООН... В общем, отражение времени.

— Вы правильно заметили, что сейчас издается масса всяких-разных книжечек, брошюр и даже толстых книг с анекдотами. Как человеку не утонуть в этом море ерунды и похабщины? Вы сами продавали такие «произведения»?

— Ни бизнесом, ни мелкооптовой торговлей я не занимаюсь. После того, как вышла моя книга, я продолжал торговать книгами с лотка, как и раньше. Но вышеупомянутые книжки я не продавал. Хотя юмористическую литературу уважаю и с удовольствием предлагаю покупателям, допустим, книжки Брайнина или Вишневского, которых я очень люблю и часто ссылаюсь на них в своей книге. Конечно, нельзя читать все подряд. Я могу лишь рекомендовать читать хорошую литературу, просто хорошую, чтобы стать образованным человеком. Тогда появится вкус и при чтении анекдотов. Помните, как сказал Юлиан Тувим? «Если у человека нет чувства юмора, то должно хотя бы быть чувство, что у него нет чувства юмора».

— А вы продавали книги с неформальным содержанием? Да и в вашей «Энциклопедии» достаточно много матерных слов.

— По поводу мата следует сказать отдельно. Есть мат Эдички Лимонова, которого я терпеть не могу, и есть мат Юзефа Алешковского, которого я считаю великим писателем. Все должно быть к месту. Когда матом говорят с трибуны — это одно, когда рассказывают анекдот в компании — совсем другое. Матерные слова это ведь понятие условное. Мне, например, страшно претит, когда

молодую девушку называют телкой. По-моему, это хуже любого матерного слова. Между прочим, вы знаете, откуда появилось слово «хер»? В древнерусском алфавите так называлась буква «х». И когда стали мужской член писать этой одной буквой, появилось новое слово. Но ведь и букву «б» называли «буки». Так что...

Почему в анекдотах, напечатанных в моей книге, есть мат? Потому что я старался писать так, как мы говорим. А из песни слова не выкинешь. Я в свое время читал самиздат, наверное, был одним из первых, кто прочитал «Архипелаг ГУЛАГ», и поэтому хорошо представлял, кто такой Сталин. Но когда я слышу в песне: «Артиллеристы, точный дан приказ», я возмущаюсь, потому что вся страна пела: «Артиллеристы, Сталин дал приказ». Нельзя уродовать песни, не выкинешь это из истории. Так же и анекдот...

— **Иосиф Захарович, согласитесь, анекдот надо не только знать, но и уметь рассказывать. Кого вы считаете лучшим рассказчиком анекдотов?**

— Есть, есть ребята, да и дамы тоже, которые умеют рассказывать анекдот. Но я хотел бы все-таки выделить Юрия Владимировича Никулина. Судьба распорядилась так, что я познакомился с ним за несколько лет до его кончины, и мы как-то сразу нашли общий язык и подружились. Он воистину был человеком великой доброты. Есть актеры не менее талантливые, были и будут замечательные клоуны, но с ним от нас ушла доброта. Как с Рихтером — музыкальная культура, с Гердтом — интеллигентность, с Лебедевым и Смоктуновским — русский театр.

Никулину страшно нравилось смешить людей, он был глубоко убежден, что смех несет людям радость. И когда он ушел с арены, он стал рассказывать анекдоты. И как рассказывать! Знаете, я был у него накануне операции. И он спросил: «Ты не знаешь, у них в операционной есть ковер? А то вырнут сердце и разобьют».

— **А вы не помните его любимый анекдот?**

— У него их было много. Помню, что одним из первых был такой. Старый еврей с характерным акцентом звонит в общество «Память»:

— Это «Память»?

— «Память, память». Что ты хочешь, жидовская морда?

— Правда, что евреи продали Россию?

— Правда, правда. И дальше что?

— Так я хотел узнать, где могу получить свою долю.

Последний анекдот, который я слышал от Юрия Владимировича был такой. Муж спрашивает у жены: «Тебе не говорили, что ты похожа на Софи Лорен?». — «Нет, — отвечает она, — никто не говорил». — «Ну, и правильно».

— Анекдот, по вашему мнению, в первую очередь сатира или юмор? Он должен быть смешным или интересным?

— Смех без причины — признак дурачины. По-моему, анекдот — это в первую очередь сатира, а во вторую — юмор. Но ведь анекдот — это же жизнь. Он может быть и злой, и печальный.

Вот, допустим, такой. По всему городу расклеены афиши, что каждый вечер в цирке выступает говорящая лошадь. Аншлаг! Все зрители ждут с нетерпением. Наконец, на манеж выводят лошадь. У нее совершенно измученный вид. Лошадь поднимают под купол цирка и сбрасывают оттуда. Она с грохотом падает на арену, тяжело вздыхает и говорит в подставленный микрофон: «Господи, когда же я подохну». Ну, и скажите мне теперь, что тут веселого?

— Вы часто бываете в различных компаниях, и к вам, наверное, все пристают, просят рассказать анекдот. Не надоело вам это?

— Ну, что вы! Я вообще люблю жизнь. В молодости, когда я хорошо зарабатывал, а тратил еще больше, я позволял себе, например, такие шутки. Если я знакомился с девушкой и узнавал, что она никогда не была на море, то брал такси, мчался с ней в аэропорт, летел в Адлер, там на такси в Гагру, оттуда к друзьям в Леселидзе, бросок на озеро Рица, обратно в аэропорт и в Москву.

— Я знаю, что ваши книги пользуются большой популярностью у эмигрантов за рубежом.

— Я тоже это знаю, и мне, конечно же, это приятно. Но я понимаю, что, видно, людей мучает ностальгия. Хотя, помню, как-то замечательная актриса Маргарита Терехова сказала мне, что, прочитав книгу, всю ночь проплакала, потому что поняла, в каком говне мы жили. Да и живем...

— **А вам не приходила мысль, выбраться из России?**

— Пусть не обидятся на меня друзья, если скажу, что не знаю, еврей я или русский. Хотя мои родители чистокровные евреи из Белоруссии, но я не знаю еврейского языка, еврейской истории и культуры. Ну, какой я еврей? Я русский? Знаете, я слишком мало встречал русских людей. Самое страшное, что сделал Ленин, — уничтожил великий народ. Народ, давший миру столько великих людей. Кстати, на территории России в те времена не было погромов. Они проходили на Украине, в Белоруссии, Польше, Молдавии. Русское дворянство никогда не знало антисемитизма. Черносотенство пошло от купцов, торговцев. Уничтожив дворянство, церковь и крестьянство, Ленин уничтожил русский народ.

Жан-Поль Сартр сказал: «Евреями должны считать себя те, кого евреями считают антисемиты». Насчет отъезда есть один хороший анекдот. Один еврей уехал в Израиль и пишет другу письмо. «Дорогой Сема. И вот я уже в Израиле. И вот мне уже здесь хорошо. И вот мне уже здесь так хорошо, что мне, б..ди, так и надо». Я бы никогда не смог жить там, где люди не общаются друг с другом и каждый живет в своей конуре.

— **Помните, был такой анекдот: «Вы не знаете, кто это сидит и выдумывает анекдоты?» — «Вот кто выдумывает, тот и сидит». А вы знаете, кто выдумывает анекдоты?**

— Хороший вопрос. Если хотите, могу рассказать, как возникли анекдоты про Василия Ивановича Чапаева. К самому Чапаеву они отношения не имеют, а появились благодаря известному актеру Борису Бабочкину, сыгравшему Чапаева в легендарном фильме. Последние годы жизни Бабочкин, будучи профессором ВГИКа, преподавал там. И по своему характеру был сухим, суро-

вым человеком, за что студенты страшно не любили его. И вот они-то и стали придумывать всякие хохмы про своего профессора. А там уж, как говорится, поехало.

— А как ваши родные и близкие относятся к вашему увлечению?

— Сейчас я живу один. И хотя официально я был женат шесть раз, но, пожалуй, только последний брак могу считать удачным. Моя жена умная и мудрая женщина и, насколько я знаю, самая активная ненавистница моей книги. Она всегда считала ее вредной и советовала мне рассказывать анекдоты на кухне, а не писать книги и давать интервью. А про сына я уже говорил, спасибо ему за помощь. К слову говоря, в предисловии к «Энциклопедии» я упомянул большое количество людей, оказавших мне помощь в работе над книгой, безусловно, далеко не всех. Но в ответ на ваш вопрос о родственниках не могу не назвать моего двоюродного брата, моего большого друга Гену Гильмана, который уехал в Америку. Это замечательный, высокообразованный человек, между прочим, лауреат Государственной премии, влюбленный в русскую литературу, русский язык со всеми его прелестями и сочностью. И моя книга без него, думаю, была бы гораздо беднее.

— Расскажите, пожалуйста, свежий анекдот для наших читателей.

— С удовольствием расскажу, хотя и не уверен, что его не знают. Поскольку к Грузии я неравнодушен, то и анекдот будет из «грузинской серии». В грузинской школе учительница вызывает Гиви к доске. «Это равнобедренный треугольник?» — спрашивает она. — «Равнобедренный», — кивает Гиви. «Докажи», — просит учительница. «Мамой клянусь!», — уверяет мальчик.

— Иосиф Захарович, вы получаете удовольствие, когда видите, как люди читают ваши книги?

— Колоссальное! Мамой клянусь!

«Неделя», 1997 г.

Елена АЛЕКСЕЕВА,
журналистка, гражданская жена Иосифа Раскина

СТОЛИЧНЫЙ ВИТАМИН

(Интервью Елены Алексеевой с Иосифом Раскиным, 1999 г.)

«Столичный витамин» — так писатель Эфраим Севела называл самого известного в Москве книгоношу Иосифа Раскина.

Эти люди появились со своими столиками в 60-е. Как поэты выходили со своими стихами на площади, так книгоноши вынесли книгу на улицы.

— Покупайте Херлуфа Бидструпа! Более полутысячи рисунков! Пятнадцать минут смеха заменяют двести граммов сливочного масла!

Сегодня старики, встречая Иосифа Раскина, приветствуют (его): «О! Херлуф Бидstrup!». Он с таким успехом продавал альбом датского карикатуриста, что для него напечатали дополнительный тираж, в магазинах же Бидstrupу пылился.

А начиналось все так... Иосиф был женат, учился в Педагогическом, работал на заводе. Устроился на почтамт развозить по ночам почту. Ходил по Москве и искал работу на выходные дни. Случайно познакомился с одним парнем, который торговал книгами в переходе. И он решил попробовать. Ему дали раскладной столик и пачку книг. Поначалу было скучновато и мало что получалось. Но постоянно подбегала директор магазина и подбадривала: «Ты не молчи, рассказывай о книгах!».

— Как вы торговали?

— Я умел заинтриговать. Если не было покупателей, клал на стол нераспечатанную пачку книг, курил и ждал. Подходил народ, начинал интересоваться, что я продаю. Получалась небольшая толкучка. Тогда я говорил, что буду продавать «только в порядке очереди». И очередь поддерживалась целый день.

Всегда торговал одним названием и считал, что так продуктивнее. Я знал, какую книгу надо продавать утром, а какую — вечером, что пойдет в понедельник и что — в субботу. Придумывал оригинальную рекламу. Но ни в какой рекламе не нуждались книги Рождественского, Евтушенко, Вознесенского, Друниной, Тушновой.

Владимир Вишневецкий: «Я вернулся из армии и в течение пятнадцати лет работал молодым московским поэтом. Бродил по улицам, знакомился с девушками. И громовой голос Иосифа Раскина в переходе был для меня частью городской экзотики. Сразу было как-то понятно, что с таким голосом и с таким рекламным обаянием можно было даже «Колобок» продать как триллер».

— Среди книгонош были ваши последователи?

— Были, и немало. И вместе с ними появлялись и плохие подражатели. Был у меня один знакомый, который продавал книгу «Семь дней с Горьким» как издание, повествующее об интимной жизни Сталина. Другой привез к музею Ленина штабель книг Титова «Соловьи» про колхозы, превратив ее в бестселлер о пособиях Берии... На следующий день он торговал уже у Курского вокзала, потом еще где-то. Я же никогда не позволял себе обманывать покупателей и все время стоял на одном и том же месте в переходах у «Детского мира» и гостиницы «Москва».

Но бюрократы из «Москниги», когда им звонили и рассказывали об этих случаях, решали: это Раскин! Им лень было ехать и проверять. *Четырнадцать раз на стол начальства ложился приказ о его увольнении и столько же — о восстановлении, ведь директора книжных магазинов Раскина любили: он выполнял план одновременно двадцати (!) магазинам.*

Стоя неподалеку от Лубянки, Иосиф Раскин продает книгу о Михоэлсе: «Книга о великом еврейском актере!». Подходит один, видимо, из чекистов, похожий на управдома: «Откуда ты взял, что он великий?». Рядом стоит женщина и спокойно замечает: «Ну как же, это все знают». — «Чего же он так громко

об этом кричит?». ...Появляется подвыпивший мужичок. Смотрит. «А у тебя есть книга о еврейском токаре или фрезеровщике?» — «Нет». Уходит. Потом возвращается и произносит доверительно и с гордостью: «А у меня жена еврейка». Снова уходит, через минуту появляется: «Все-таки я куплю у себя эту книгу».

— **Какие книги были тогда дефицитом?**

— Любая подписка тогда расхватывалась. Месяцами люди стояли в очереди. Тридцатитомное собрание сочинений Диккенса — первая безлимитная подписка. Позже появились талончики на макулатуру: принес 2 кг — получил дефицитную книгу. Помню, звонок в магазин: интересуются, что сейчас дают на макулатуру. Конан-Дойля. «Надо же, а я только вчера его дореволюционное собрание сочинений отнесла в макулатуру», — отвечают на том конце провода. Люди, работавшие в пунктах приема, становились богатыми. Им сдавали ценнейшие издания.

— **Сегодня в переходах, в метро море книг. Вас это радует?**

— Продажа книг не должна быть просто торговлей. Она такой и не была! А чем она сегодня отличается, скажем, от продажи вин? В Москве не стало знаменитых книжных развалов. Запретили торговать книгами со столиков, продают со стендов. Продавцам приходится очень дорого платить за место, и, чтобы как-то окупить затраты, они стараются продавать дорогие издания, в основном альбомы. Это бизнесмены, им нужно как можно больше заработать, им неинтересно работать с дешевой книгой. Что очень грустно.

Писатель Эфраим Севела подписал ему свою фотографию так: «Витамину в тусклой и серой Москве от покоренного Севелы». Он более тридцати лет был таким витамином, покоряя своим профессиональным талантом издавших виды москвичей.

*Газета «Настоящее время»
(русская народная газета),
январь 1999 г.*

Елена АЛЕКСЕЕВА,
журналистка, гражданская жена Иосифа Раскина

ХУЛИГАН

Пятнадцать минут смеха заменяют двести граммов сливочного масла!

Они появились в Москве со своими столиками в 60-е. Тогда много чего пробивалось живого, человеческого. Время этому благоприятствовало. Книгоноши не были новостью для первопрестольной. Уличная торговля всегда в ней бурлила и кипела. Как поэты выходили со своими стихами на площади, так книгоноши вынесли книгу на московские улицы. Кто-то из них становился знаменитее самих авторов, книжки которых продавал.

Писатель Эфраим Севела подписал ему свою фотографию: «Витамину в тусклой и серой Москве от покоренного Севелы». Иосиф Раскин действительно долгие годы был таким витамином, покоряя своим человеческим талантом издававших виды москвичей. Его до сих пор узнают на улице, помнят раскатистый баритон, который звучал более тридцати лет в переходах у «Детского мира» и гостиницы «Москва»: «Покупайте Херлуфа Бидструпа! Более полутысячи рисунков! Пятнадцать минут смеха заменяют двести граммов сливочного масла!» Сегодня старики, встречая его, приветствуют: «О! Херлуф Бидstrup!» Он с таким успехом продавал альбом датского карикатуриста, что для него напечатали специальный тираж, а в магазинах Бидstrup пылился. Никто не умел так продавать книги.

Виктор Данилов-Данильян, председатель Госкомитета по экологии, член правительства с 1991 года: «Дорогой Иосиф, каково бы ни было будущее экономики у них, я уверен, что у нас оно невозможно без развития того активного человеческого

творческого начала, которое так убедительно выражено в тебе» (дарственная надпись на книге «Экономика в США в будущем»).

Раскин — московский абorigine. Родился в центре Москвы, на Солянке. Всю жизнь проработал почти у самых стен Кремля. С Красной площадью у него особая связь. Первый раз он появился на ней еще во чреве матери, которая в то время работала врачом в поликлинике в Ветошном переулке и по праздникам во время парадов и демонстраций дежурила на площади. 7 ноября 1935 года она тоже дежурила, а 11 ноября у нее родился сын Иосиф, который подрос и, прогуливая школу, помогал дворникам убирать снег на Красной площади. И в День Победы 9 Мая 1945 года он был там. И до сих пор оттуда не уходит.

Многие годы этим человеком восхищались. Его знала вся читающая Москва. С него брали пример. На него же писали жалобы. Четырнадцать раз на стол начальства ложился приказ о его увольнении из «Москниги». А директора магазинов его любили.

Владимир Вишневский, модный поэт: «Я вернулся из армии и в течение пятнадцати лет работал молодым московским поэтом. Бродил по улицам, знакомился с девушками. И громовой голос Иосифа Раскина в переходе был для меня московской достопримечательностью, частью городской экзотики. Сразу было как-то понятно, что с таким голосом и с таким рекламным обаянием можно было даже «Колобок» продать как триллер».

Еще более Иосиф Раскин стал знаменит, когда создал «Энциклопедию хулиганствующего ортодокса». Под одну обложку собрал анекдоты, частушки, стихи. Автор не устает повторять, что эта книга — эхо его жизни.

«Книга Иосифа Раскина вселяет оптимизм и продлевает жизнь. Прочитавший ее и доживший до 75 лет Юрий Никулин».

Григорий Явлинский, самый честный, по мнению Раскина, политический деятель, в интервью «Эху Москвы»: «У меня под рукой всегда томик Пушкина, Булгакова и «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса».

— Иосиф, много ли было среди книжников твоих последователей?

— Не считал, но бывали. И вместе с ними появлялись и плохие подражатели. Я никогда себе не позволял обманывать покупателей. А был такой Володя Ионов, который продавал книгу «Семь дней с Горьким» и рекламировал, что это издание повествует об интимной жизни Сталина. Другой парень привез к музею Ленина штабель книг Титова «Соловьи» про сельское хозяйство и стал продавать как книгу о пособиях Берии, которую моментально расхватали. На следующий день он торговал уже у Курского вокзала, потом еще где-то. Я же все время стоял с книгами на одном и том же месте. А бюрократы из «Москниги», когда им звонили и рассказывали об этих случаях, решали: это Раскин! Им лень было ехать и проверять. Как-то я зашел к директору книжного магазина. Сидим, беседуем. И ему приносят приказ, который рассылали по всем магазинам: директора магазинов вместо того, чтобы мобилизовать коллектив на выполнение государственного плана, нанимают случайных людей типа Раскина, Котляра и так далее. Фамилий было пять-шесть, одних и тех же. Всех вышеперечисленных следовало уволить. Директор при мне звонит начальнику «Москниги» и говорит, что пришел приказ об увольнении Раскина, как же теперь выполнять план? Тот ему отвечает: «Неужели тебя надо учить, ты что, не можешь на его место кого-то оформить?». Так и получалось. Книгоноша ведь мог работать только в одном магазине, а мне нужно было в двадцати. Поэтому на работу оформляли родственников, знакомых, а работал вместо них и зарплату получал я.

Марк Барбакадзе, кандидат экономических наук, друг: «Иду я как-то по длинному переходу-кишке под Манежем. Вижу, у Иосифа — длинная очередь. На столике лежит роскошное издание «Евгения Онегина» в супере, мелованная бумага. Книга идет на расхват. Только слышится Иосифов голос: «Следующий! Следующий!» И вот одна женщина берет книгу, раскрывает и восклицает:

«Но позвольте, она же на английском языке!» На что Иосиф, ничуть не смутившись: «А вы что же, мадам, не знаете английского?!».

— Чего они тебя так часто увольняли, ты же им был нужен?

— Ну, им казалось, что я подпольный миллионер, хотя я всегда был в диких долгах.

— Расскажи, как ты торговал, из-за чего даже прославился на всю Москву.

— Я умел организовать очередь, у меня никогда не было толкучки. Когда видел, что людей становится меньше, говорил: извините, я покурую, и ждал, пока подойдет народ. Если не было совсем покупателей, клал на стол нераспечатанную пачку книг и курил. Начinalи интересоваться, что я продаю, получалась небольшая толкучка. Я говорил, что буду продавать только в порядке очереди. И очередь поддерживалась целый день. Почти всегда торговал одним названием и считал, что так продуктивнее. Как-то привез к переходу у «Детского мира» большой штабель книг под названием «Севастопольские рассказы» какого-то советского автора. Стоила брошюрка двадцать копеек. В двух метрах от меня стоял столик с ассортиментом, в который входила и эта книжечка. Я за день продал тысяч пять или шесть. У моего же соседа за это время из десяти книг «Севастопольских рассказов» ушло шесть. Я знал, какую книгу надо продавать утром, а какую вечером, какую в понедельник, какую в субботу. Придумывал оригинальную рекламу. Это ведь большое искусство, мы сегодня в этом убеждаемся. Но ни в какой рекламе не нуждались книги Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Юлии Друниной, Вероники Тушновой. Хорошо раскупали книги по искусству.

Стоя неподалеку от Лубянки, Иосиф Раскин продает книгу о Михоэлсе: «Книга о великом еврейском актере!». Подходит один, видимо, из чекистов, похожий на управдома: «Откуда ты это взял, что он великий?». Рядом стоит простая русская женщина и спокойно замечает: «Ну как же, это все знают». —

«Чего же он так громко об этом кричит?». «А ты что, привык орать что-нибудь другое?» — отвечает ему какой-то мужик. ...Появляется поддатенький. Смотрит. «А у тебя есть книга о еврейском токаре или фрезеровщике?» — «Нет». Уходит. Потом возвращается и произносит доверительно, с гордостью: «А у меня жена еврейка». Снова уходит, через минуту появляется: «Все-таки я куплю у себя эту книгу».

— А какие книги были в ту пору дефицитом?

— Книжный дефицит возник в конце 60-х. Тогда происходило массовое строительство жилья. Люди получали квартиры, и им требовалось чем-то заполнять полки. Некоторые меня просили: можно мне не синенькую книгу, а розовую? Всегда отвечал, что книги под цвет боев не подбираю. Любая подписка расхватывалась, была ужасным дефицитом. Месяцами люди стояли в очереди. Тридцатитомное собрание сочинений Диккенса — первая безлимитная подписка. Позже появились талончики на макулатуру: принес 20 кг — получил дефицитную книгу. Как сейчас помню, сижу в кабинете у директора магазина. Звонок. Интересуются, что сейчас дают на макулатуру. Конан-Дойля. «Надо же, а я только вчера его дореволюционное собрание сочинений отнесла в макулатуру», — отвечают на том конце провода. Люди, работавшие в пунктах приема, становились богатыми. Им сдавали ценнейшие издания.

— Сегодня в переходах, в метро продается море книг. Тебя это радует?

— Я считаю, что на сегодняшний день уличная книжная торговля уничтожается. Продажа книг не должна быть просто торговлей, она такой и не была, а чем она сегодня отличается от продажи вин? В Москве нет знаменитых книжных развалов. Запретили торговать книгами со столиков. Продавцам приходится очень дорого платить за место, и, чтобы как-то окупить затраты, они стараются продавать дорогие книги. Это бизнесмены, им нужно как можно больше заработать, им неинтересно работать с дешевой книгой.

— Ты рано стал зарабатывать?

— Зарабатывать я начал не потому, что мне есть было нечего. Тогда я встречался с девочкой Ниной, она жила в проезде Художественного театра, и я не мог ни купить ей цветы, ни пригласить в кино, в театр. Наличие денег в кармане делало меня взрослым и независимым. Знаешь, есть такой анекдот. Мама с сыном ходят по зоопарку. У вольера со слоном сын спрашивает: «Этот слон — мужчина или женщина?». Мама отвечает: «Этот слон — самец, сынуля, а мужчина — тот, у кого деньги есть». Моя жажда независимости доходила до того, что, когда я еще не мог работать, я воровал деньги у соседей. У них в комнате висели большие красивые часы, я подходил к ним на кухне и спрашивал разрешения посмотреть время. Они разрешали. Я заходил к ним в комнату и вытаскивал из кармана деньги.

— Не стыдно было?

— Нет. Мне потом стало стыдно. Вот сейчас мне стыдно. Я, помню, из дома украл очень ценную вещь, продал ее за копейки и купил огромное количество марок. Как только я получил паспорт, сразу пошел работать на шарикоподшипниковый завод, через год устроился грузчиком в литейный цех на Малотиражку. Тогда я себя почувствовал взрослым.

— А вообще за что тебе бывало стыдно?

— Иногда мне приходилось наступать на горло собственной песне. Нужно ведь было делать план. Вышел на газетной бумаге очень плохого качества альбом к тридцатилетию Победы «Москва. 1941–1945 годы». Единственное достоинство — много фотографий. И вот я стоял в вестибюле метро у выхода к «Детскому миру» и зычным голосом рекламировал: «Четырежды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Жуков принимает Парад Победы на Красной площади!.. Юрий Левитан читает приказы Верховного главнокомандующего!.. Сталин выступает по радио 3 июля 1941 года!..». И вот как-то подошла интеллигентная женщина и сказала нервно: «А вы знаете, что есть по-

становление ЦК партии, запрещающее рекламировать эту фамилию?». Проходили какие-то ребята: «Если ты, сука, будешь эту фамилию произносить, мы тебе морду набьем!». В душе я искренне радовался такой реакции, но мне нужно было продавать книги. И моя реклама еще долго оглашала своды метро.

Когда я работал в КБ Туполева, мы организовали центральный комсомольский пост, и, когда какой-то цех задерживал выпуск детали, мы тут же выпускали «Сигнал». И с этой грозной «бумажкой» я заходил к начальнику производства КБ Ивану Михайловичу Звонovu и чуть ли не отчитывал его, как мальчишку. Позднее мне попала самиздатовская книга «Туполевская шарашка», и, читая про Ивана Михайловича, я плакал от стыда за свой глупый комсомольский азарт. Еще была история, из-за которой меня до сих пор мучают угрызения совести. Однажды попал в КПЗ города Сухуми и пробыл там двое суток. Мои сокамерники ко мне отнеслись очень хорошо, всегда оставляли на несколько затяжек чинарики. И я пообещал ребятам. Что, когда выйду, обязательно зайду и занесу папиросы. За мной приехала жена, мы торопились на самолет, и я так и не принес им курево. Чувствую себя виноватым перед ними и сейчас.

— **Были переломные моменты, менявшие направление твоего жизненного пути?**

— Когда я был очередной раз женат, я учился в институте и работал на заводе, но денег все равно не хватало и я искал, где бы еще подработать. Устроился на Главпочтамт развозить ночью почту. Еще ходил и искал работу на выходные дни. Зашел в гастронорм, чтобы устроиться грузчиком, но то ли у меня была слишком еврейская внешность, то ли еще почему, но директриса магазина, полная еврейка, сказала: «Да, мне нужны рабочие, но тебя не возьму». Я спросил: «Почему?». — «Не возьму и все». И случайно я познакомился с парнем, который торговал книгами в переходе. Тогда была очень модной эта профессия. И я стал книгоношей. Вот это переломный момент в моей жизни. Мне

дали раскладной столик и пачку книг. Сначала скучновато было, но директор постоянно подбегала ко мне и интересовалась, как идут дела. «Ты не молчи, рассказывай о книгах», — подбадривала она меня. И я скоро загорелся этим делом. У меня появилось много интересных знакомых. Ко мне прекрасно относилась милиция: когда всем запрещали, я все равно торговал. Ни одной книги не продал сверх цены — для меня это было дико. Всегда очень любил дарить книги.

— Давай поиграем в машину времени. Среди твоих знакомых много известных личностей, а, если бы тебе предоставилась такая возможность, с кем бы ты хотел встретиться из знаменитостей прошлого?

— Как Андрей Синявский писал: «Некоторые считают, что с Пушкиным можно жить. Не знаю, не пробовал. Гулять с ним можно». Так вот с Александром Сергеевичем я тоже был бы не прочь погулять, пригласить в ресторан, поговорить. Ни с Толстым, ни с Достоевским у меня такого желания не возникает. За Лермонтовым я бы со стороны понаблюдал, сидя за соседним столиком в ресторане. А лично хотелось бы пообщаться с Эзопом, например, с Чеховым, Барковым. Мне с ними было бы легко. Эзоп — человек величайшей мудрости и простоты. Он раб, и я раб, раб тоталитарного режима. А он — своего времени. В то же время я свободен, и он свободен. Иногда кого-то так прекрасно читать или слушать, как, например, Григория Горина или когда-то Зиновия Гердта, Натана Эйдельмана, что возникает желание превратиться в шмеля, чтобы постоянно находиться рядом и слышать, как этот человек разговаривает по телефону, о чем говорит с женой, детьми, друзьями, что бормочет самому себе под нос, ставя чайник на плиту.

— Каким знакомством ты больше всего гордишься?

— Несколько лет назад я увидел передачу, героем которой был Юрий Никулин. У него на столе лежала моя книга, несколько раз ее показали крупным планом. Он мог бы свои книги рекламиро-

вать, но держал мою. Меня это сильно тронуло, и на следующий день я позвонил Юрию Владимировичу, чтобы поблагодарить его. Так начались наши теплые, добрые отношения. Я общался с великим клоуном и в его последние дни. Приехал в клинику к Бронштейну, и мне сказали, что Александр Сергеевич у Никулина. Поднялся к нему в палату. У Юрия Владимировича было прекрасное настроение. Он налил мне рюмку водки, сам за компанию немного пригубил. Я его спрашиваю: «Ну как вы?». — «Да вот завтра операция, и я боюсь — они мне вырежут сердце, возьмут его в руки, и оно у них выскользнет и упадет на пол, они хоть бы толстый палас постелили». Так шутить мог только Никулин. Когда умер Рихтер, я почувствовал, что вместе с ним умерла музыка XX века в России. Когда умер Гердт, то вместе с ним — последний российский интеллигент. А вместе с Никулиным умерла великая российская Доброта. Евгений Яковлевич Весник мне говорил, что если бы ему предоставилась возможность поставить «Короля Лира», то на роль Лира он пригласил бы Никулина, не только великого комика, но и великого трагика. Мало кто относился ко мне так по-доброму, как Юрий Владимирович.

— Как бы твои родители восприняли «Энциклопедию хулиганствующего ортодокса»?

— У нас в доме, конечно, никогда не было мата. Думаю, что отец ее вообще не принял бы. Мама же мечтала о том, чтобы я стал писателем, особенно когда я поступил на факультет русского языка и литературы. Для нее, как для любой мамы, ее ребенок — гений, вундеркинд. Я, конечно, много читал, проглатывал целые собрания сочинений. Но прочитывал и большое количество мусора. Многое потом забывалось, но великое, особенно ошвенщенное юмором, я запоминал на всю жизнь.

Газета «Настоящее время»

(русская народная газета, полосы 10–11), 1999 г.

7. ИНТЕРВЬЮ ДМИТРИЯ ДИБРОВА С ИОСИФОМ РАСКИНЫМ на ТВ, 1999 г.

ОТКРОВЕНИЯ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО ОРТОДОКСА ИОСИФА РАСКИНА

(Интервью Дмитрия Диброва с Иосифом Раскиным, в телепередаче «Старый телевизор», 1999 год, стенограмма Нины Красновой)

ГОЛОС за кадром (после рекламы фильма «Россия молодая»): В гостях у Дмитрия Диброва хулиганствующий ортодокс Иосиф Раскин!

(В телестудии сидят Иосиф Раскин и Дмитрий Дибров.)

1.

Дмитрий ДИБРОВ: Здравствуйте, Иосиф Захарович.

Иосиф РАСКИН: Добрый день всем. *(Дмитрию Диброву.)* И вам также, в первую очередь, и вашей передаче, и вашим милым людям.

Дмитрий ДИБРОВ: Спасибо. Я так с опаской смотрю на Иосифа Захаровича, потому что практически все, чем богато наше время и было богато недавнее время, все находится в голове у одного человека, простоявшего за книжным лотком многие-многие годы и, стало быть, видевшего нас всех.

Иосиф РАСКИН: В какой-то степени — да, потому что я стоял у гостиницы «Москва», у «Детского мира», видел всех. Там я познакомился и подружился со многими, с очень многими вы-

дающимися людьми. Я ходил в гостиницу «Москва», и там тоже встречался с ними. И было много веселых случаев, анекдотичных случаев. Благодаря этой работе у меня и появилась эта книга. Если бы не эта работа, не было бы этой книги, «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». 30 лет, больше половины жизни у меня прошло в переходах с книгами. Я когда-то был очень одиозной фигурой. Про меня писали фельетоны, про меня писали хвалебные какие-то статьи. Я первый в Москве стал торговать книгами на улице, стал торговать, как никто, с рекламой, я умел организовать очереди за книгами, около меня всегда была очередь.

Дмитрий ДИБРОВ: Пр продемонстрируйте нам, как вы делали рекламу книгам.

Иосиф РАСКИН: Например, я продавал альбом, в котором было более тысячи рисунков Бидструпа. Я говорил: «Пять минут смеха заменяют 100 граммов сливочного масла! Вы будете смеяться, даже если у вас плохое настроение!». (*Дмитрий Дибров смеется.*) Но я никогда не врал. Если в книге было хоть что-то интересное, хоть чуть-чуть, я всегда говорил об этом. «Советский разведчик Иван Земнухов под маркой немецкого офицера пленяет штурм-фюрера СС Мертвая голова...». И так далее. Много чего я говорил о книгах, я уже не помню всего... И наш народ покупал у меня книги.

Дмитрий ДИБРОВ: Это была самая читающая нация, поскольку она не могла быть самой жующей.

Иосиф РАСКИН: Да. Люди покупали у меня книги. Уличная торговля — это было очень важно... У меня были месяцы, когда я за один месяц выполнял план 25 книжных магазинов. У них был план — прогрессивка, а у меня — выручка на проценты. Я продавал книги штабелями. У меня была знаменитая должность — книгоноша. Я работал в этой должности.

Дмитрий ДИБРОВ: Попробуйте отрекламировать название «Россия молодая», чтобы никто не смог не посмотреть очередную порцию русского сериала.

Иосиф РАСКИН: Сейчас я не берусь это так быстро проделать. «Интимная жизнь Петра Первого!..» или что-то в этом роде...
(*Дмитрий Дибров смеется.*)

Дмитрий ДИБРОВ: «Интимная жизнь Петра Первого!.. а также архангельских таможенников в очередной серии «Россия молодая!..».

«Энциклопедия хулиганствующего ортодокса» — вот такая книга родилась у Иосифа Раскина в результате 30-летних наблюдений за нами. Вы (дорогие телезрители), конечно, знаете эту книгу, бестселлер...

Иосиф РАСКИН: Позвольте поправить вас... В результате не 30-летних, а 55-летних наблюдений... Первый анекдот я слышал в детском возрасте, во время войны, когда мне было 5–6 лет.

Дмитрий ДИБРОВ: Во время войны, когда нация воевала, но при этом смеялась.

Иосиф РАСКИН: Да, во время войны родилось много анекдотов...

Дмитрий ДИБРОВ: Дайте пример.

Иосиф РАСКИН: Например. Все знают, что такое, кто такое Юрий Левитан. Люди каждый день, по нескольку раз в день ждали его сообщений. И возник такой вот анекдот про Левитана и Сталина.

Война. Люди приходят к Сталину, спрашивают: «Иосиф Виссарионович, скажите, пожалуйста, когда война кончится?». — Сталин отвечает: «Левитан скажет». (*Дмитрий Дибров смеется.*)

Или, например, анекдот про суфле. Во время войны было модно давать людям суфле по карточкам, такое сладенькое молоко. Это когда наши войска стали брать и освобождать в европейских странах города с никому неизвестными у нас названиями.

В Москве салют, по случаю того, что наши взяли новый европейский город. По улице идет женщина, несет бидончик с суфле. Навстречу ей идет мужчина, спрашивает: «Что взяли?». — Она отвечает: «Суфле». — «А в каком направлении?» — «А вон там за углом, в гастрономе». (*Дмитрий Дибров смеется.*)

В войну было много не только анекдотов, но и всяких великолепных частушек. Я помню, частушки, которые пели две девочки, в одну из которых я был влюблен, мне тогда было 7 лет, это было в Томске, куда наша семья эвакуировалась. Моя сестра, великолепный музыкант, выступала в кинотеатре перед киносеансами, там же выступала Гелена Великанова и другие артисты. И были там две девочки. Они пели такие куплеты:

На стене часы висели,
Тараканы гирьки съели,
Клопы стрелки обкусили,
И часы ходить не стали.

Между небом и землей
Поросенок вился,
Он нечаянно хвостом
К небу прицепился.

И еще одна частушка, 1942 года, неприличная немножко:

Лейтенант, лейтенант,
Желтые сапожки.
Если девки не дают,
Попроси у кошки.

(Дмитрий Дибров смеется.)

Дмитрий ДИБРОВ: Но затем, когда наша армия стала одерживать победу за победой, такие частушки исчезали.

Иосиф РАСКИН: Потом появились послевоенные частушки и анекдоты... Они были всегда.

Дмитрий ДИБРОВ: Раз мы заговорили о вашем детстве, самое время показать ваше досье.

ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС: Факты биографии Иосифа Раскина.

ДОСЬЕ

Иосиф Захарович Раскин родился 11 ноября 1935 года, в Москве, на Солянке.

Окончил факультет русского языка и литературы педагогического института имени Крупской.

Служил в армии. Работал на шарикоподшипниковом заводе, в конструкторском бюро Туполева, был грузчиком.

В середине 60-х одним из первых в Москве стал торговать книгами на улице. Автор бестселлера «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса».

Официально был женат шесть раз.

Любит анекдоты, женщин и тусовки. По жизни оптимист.

Дмитрий ДИБРОВ: Шесть ра-а-аз (был женат)... А анекдот какой-нибудь про развод знаете?

Иосиф РАСКИН: Ну, есть много всяких, разных анекдотов про развод. Мне нравится один старый анекдот... Хорошие анекдоты — они всегда старые, как коньяк хорошей выдержки и как мужчина, он должен заматереть. Был такой **анекдот про развод**.

104-летний старик и 102-я старуха приходят в загс, разводиться. Старика спрашивают: «Вы почему разводитесь с ней?». — Он: «Да как с ней жить? Она грязнуха, за мной не ухаживает, за собой не следит, гуляла от меня, изменяла мне...». — Старуху спрашивают: «А вы почему разводитесь с ним?». — Она: «А как с ним жить? Он всю жизнь пьет, деньги пропивает, бьет меня, ужас!...». — «Но вы же прожили вместе столько лет. Почему раньше не разводились?». — «Ну вы знаете, детей было жалко, мы ждали, когда они помрут...».

Дмитрий ДИБРОВ: Ужас какой!..

(*Обращается к телезрителям.*) Мы договорились с Иосифом Раскиным... Тот, кто из вас задаст нам самый интересный вопрос, получит в подарок уникальную книгу, новейшую историю России в анекдотах... «Энциклопедию хулиганствующего ортодокса».

У Иосифа Раскина здесь есть ответы на все вопросы, какие только есть на свете.

Иосиф РАСКИН: В основном в анекдотах... Кстати, это книга не только анекдотов... Здесь есть и песни о Сталине времен войны, здесь и хорошая поэзия, Киплинг, Вознесенский... Здесь и какие-то байки... Причем байки, факты есть довольно грустные.

Одна очень известная российская актриса, я не буду называть ее фамилию, выступала по телевидению, а моя книга лежала перед ней. Мне это понравилось, мне было это приятно, и я позвонил этой актрисе. Она сказала мне: «Вы знаете, я всю ночь проплакала над вашей книгой...». — Я удивился и спросил: «Почему?». — «Вы знаете, я поняла, в каком дерьме мы живем...». Так что у разных людей разная реакция на эту книгу. Ведь «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса» — это ЭХО моей жизни, это вся моя жизнь.

Дмитрий ДИБРОВ: Интересно то, что народ складывает не только анекдоты, но и байки тоже, так что и не поймешь, что там правда, а что нет, однако звучит чрезвычайно убедительно. Например, появляется байка о том, что был особенный метрополитен, который соединял дачу Сталина с Кремлем... Или существует тот факт, что если продолжить метро, как хотел Каганович, то Кремль провалился бы в пропасть, напоминающую по форме шестиконечную звезду... У вас много баек про Андропова, в которых виден его новый образ...

Расскажите какую-нибудь байку из цикла «Путеводитель хулиганствующего ортодокса по Москве».

Иосиф РАСКИН: Так получилось, что я родился в самом центре Москвы. И знаю очень много анекдотов и баек о Москве.

Есть вот такая байка или анекдот. Говорят, что это исторический факт. Когда только-только закончилась война, в Москве было очень много военных. И вот проходили по улице Горького три летчика и увидели мужчину, пьяного в дымину, который лежал у памятника Пушкину. Они решили подшутить над ним, подергали его, подергали, посадили в свою машину, привезли на аэродром, погрузили в самолет и привезли в Ленинград, добавили этому мужику

водки, привозят его к памятнику Опекушина, только Пушкин здесь не стоит, а сидит. И когда мужик очухался, его увезли в психдом...

Кстати, любой памятник в Москве, и не только в Москве, как только он появляется, так тут же появляется и анекдот о нем. Как только появилась знаменитая ракета на ВДНХ, как уже на третий день появился анекдот про ракету на ВДНХ: девиз памятника — мечта импотента. А когда появилась Ника на Поклонной горе, тут же народ стал говорить, что это баба на игле.

Мне очень нравится один анекдот про Пушкина и Дантеса. Помните, раньше были значки БГТО, ГТО? И вот идут мимо памятника Пушкину два ворошиловских стрелка, и один другому говорит: «Какая несправедливость! Попал (в цель) Дантес, а памятник поставили Пушкину».

(Дмитрий Дибров смеется.)

2.

Дмитрий ДИБРОВ: 65 лет назад во льдах Арктики затонул пароход «Челюскин», раздавленный льдинами. Прежде чем мы посвятим этой странице истории нашу «Доску почета», я хотел бы спросить у вас, Иосиф Захарович, а вы могли бы каждый эпизод из нашей «Доски почета» снабдить анекдотом? Про челюскинцев есть анекдот?

Иосиф РАСКИН: Был какой-то изумительный анекдот, связанный со льдиной, но я его забыл, я его не вставил в книгу. Я его, честно говоря, сейчас не помню. Он мне не очень нравился.

Дмитрий ДИБРОВ: Давайте смотреть «Время, назад!».

(По ТВ идет сюжет о челюскинцах.)

(Звонок зрительницы в студию.)

Алло! Давайте поговорим по телефону. Алло! Здравствуйте!

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Здравствуйте! Вам звонят со Ставропольского края.

Дмитрий ДИБРОВ: Очень приятно.

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Можно задать гостю (Иосифу Раскину) вопрос?

Дмитрий ДИБРОВ: Прошу вас. Иосиф Захарович вас слушает.

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Ну, скажите, пожалуйста, у вас ваш большой жизненный опыт. Поделитесь, пожалуйста, своим опытом, своим секретом: какая должна быть формула счастья, чтобы женщина знала, что мужчина от нее не уйдет?

Иосиф РАСКИН: Знаете, если бы девушка не сказала мне, откуда она, то я считал бы этот ее этот вопрос провокационным, потому что года четыре назад в одной газете были напечатаны мои «Откровения хулиганствующего ортодокса». Есть три условия, при которых ни одна женщина никогда не уйдет от мужчины. И есть три условия, при которых ни один мужчина никогда не уйдет от женщины. Чем ниже она опускается перед мужчиной, тем выше он поднимает ее на пьедестал. Но это при условии, что он мужчина, а она женщина. Как только она начинает говорить ему: вот ты ничего не понимаешь, ты дурак, здесь не ходи, здесь не топчи... он или начинает пить, или он находит другую девушку, которая будет ему определенные места на теле гладить. Я считаю, чтобы женщина была счастлива, она — главное — никогда не должна забывать, что она женщина, она должна нежно любить его, без всяких предрассудков, должна полностью отдаваться ему. Не зря в русском языке есть выражение — «полная самоотдача». Женщина не должна забывать, что мужик есть мужик, а она женщина и что она должна отдавать себя мужчине, должна отдаваться ему.

Дмитрий ДИБРОВ: О! Да вы казак?..

Иосиф РАСКИН: Нет, я чистокровный жидяра, я не казак, но я очень убежден в том, что я говорю, твердо убежден.

Дмитрий ДИБРОВ: Да? Это вы по Тори говорите? По Тори?

Иосиф РАСКИН: Я Торы не читал. Я не знаю, какой я еврей. Я не знаю еврейского языка, еврейской религии, еврейской культуры. Кроме слова «поц» я не знаю ни одного слова.

Дмитрий ДИБРОВ: Еще есть слово «поц-швайер» — корреспондент.

(Звонок зрителя в студию.)

3.

Дмитрий ДИБРОВ: Алло! (*Зрителю, который звонит.*) Говорите, пожалуйста. (*Иосифу Раскину.*) Звоночек с этнической родины.

ЗРИТЕЛЬ: Я из Израиля звоню...

Иосиф РАСКИН: Я только на днях приехал оттуда...

ЗРИТЕЛЬ: Когда жил в Москве, я покупал у Иосифа книги...

Дмитрий ДИБРОВ: Вы видели Иосифа Захаровича?

ЗРИТЕЛЬ: Я хотел бы такую историю вам рассказать. У меня в Москве есть девушка знакомая... Ну, как девушка? Ей 34 года. Она успела 6 раз побывать замужем...

Дмитрий ДИБРОВ: За Иосифом Захаровичем? (*Дмитрий Дибров улыбается.*)

ЗРИТЕЛЬ: Нет.

Иосиф РАСКИН: ...Я на разных был женат.

ЗРИТЕЛЬ: Каждый из ее мужей думал, что он у нее второй (после первого). Она после каждого развода меняла свои паспорта (и там не было штампов о ее прежних браках). И каждый из ее мужей любит ее и помогает ей материально. Я хотел бы задать вопрос Иосифу Захаровичу. Как вы обговаривали эту тему со своими шестью женами? С каждой из будущих жен?

Иосиф РАСКИН: Какую тему? Материальную?

ЗРИТЕЛЬ: И моральную...

Иосиф РАСКИН: Вы знаете, недавно, чуть больше года назад я встретил женщину. Я считаю, что это мне — подарок судьбы на старости лет, это для меня как бы моя лебединая песня. Эта женщина все прекрасно понимает. Кстати, я никогда ничего не скрывал от своих женщин. Значит, такие женщины мне попадались. Они ко мне хорошо относились, и у нас все обходилось без упреков и подозрений, не как в анекдоте, где муж приходит домой, а у жены любовник, любовник убегает, а жена надевает колготки.

Дмитрий ДИБРОВ: Зритель рассказал нам очень интересную историю про свою знакомую. Это очень хорошая история. И это очень умная дама...

Иосиф РАСКИН: Не до конца умная. Раз у нее было шесть мужей. Когда женщина считает себя чересчур умной, это говорит о том, что она не очень умная. Мужчину, кстати, как ребенка, обмануть нельзя. Мужчины часто делают вид, что они не догадываются о том, что их обманывают, им так удобнее. Поэтому, наверное, она и была замужем шесть раз, потому что каждый раз считала, что она умнее своего очередного мужчины.

4.

Дмитрий ДИБРОВ: Идем дальше. (*Звонок в студию.*) Алло!

ЗРИТЕЛЬ: Здравствуйте. Я звоню из Алма-Аты...

Дмитрий ДИБРОВ: Очень приятно. Здравствуйте.

ЗРИТЕЛЬ: Меня зовут Эдуард Леонидович. Я примерно ровесник вашего героя. У меня вот такой вопрос. О нас в свое время говорили, что мы были пионеры при Сталине, комсомольцы при Хрущёве и коммунисты при Брежневе. И вот интересно, что бы сказал наш герой: кто мы сейчас?

Иосиф РАСКИН: Хороший вопрос.

Ну начнем с того, что я родился в Москве в еврейской семье. Отец мой умер, когда мне было 9 лет. По-еврейски у нас никто в семье не говорил. Но я считал, что я еврей. Из комсомола меня два раза выгоняли. Коммунистом я никогда не был. Я был активным антикоммунистом. Но сейчас — последние лет 20 — я чувствую, что я становлюсь постепенно коммунистом и антисемитом. И часто употребляю фразу: из-за вас, жидов, нас, евреев, не любят.

Безусловно, в жизни много хорошего, и очень много ужасного. Сегодня особенно много ужасного. Но я твердо убежден, и со мной спорить бесполезно, со мной многие спорили на эту тему, я считаю, что все, что есть хорошего сегодня, это только благодаря Михаилу Сергеевичу Горбачеву. В этом мое твердое, глубокое убеждение,

и я считаю, что та партия, которую он делал, когда исключал оттуда по 30–40 человек... не он предал партию, а партия предала его.

А все самое мерзкое, что есть сегодня, это только благодаря Борису Николаевичу Ельцину. Когда его выгоняли из партии, он говорил: да, товарищи, вы правы, амбиции мои меня подвели. Я говорил об этом со многими, с Роем Медведевым говорил. Я говорил, что Ельцин — это самое ужасное, что может быть в истории России, и так и получилось. Каждый живет в свое время. Да, кто-то был пионер, потом комсомолец, потом коммунист. А потом, если он не хочет больше быть коммунистом, он не демонстрирует этого, не выходит из партии, не бросает свой членский билет, а просто внутри себя каждый человек чувствует, кто он есть. Каждый человек — то, что у него внутри, в душе.

По поводу антисемитизма я вспомнил сейчас один **анекдот про погром**.

В Одессе погром. Погромщики врываются ночью в квартиру к одесскому еврею, вытаскивают его из кровати, угрожают ему, говорят: «Сейчас мы из тебя все кишки вытащим». — «Как? За что?» — недоумевает хозяин. — «Как за что? Вы же нашего Христа распяли!» — «Это не мы-ы-ы...!» — «А кто же?» — «Это кишиневские евреи».

(Дмитрий Дибров смеется и хохочет, очень заразительно.)

5.

Дмитрий ДИБРОВ: Давайте посмотрим «Доску почета», по программе «Старый телевизор».

(На экране — сюжет о Краснознаменном ансамбле песни и пляски Александрова и о самом Александрове, композиторе и дирижере.)

Иосиф РАСКИН: Александров был сыном композитора. Мне Александрова немножко жалко, этого старика. Он объездил весь мир и, когда приезжал куда-то, в какую-то страну, там все говорили, что это с ним приехал советский десант...

Дмитрий ДИБРОВ: ...закладывавший с тыла всю аудиторию...

Иосиф РАСКИН: Извините, еще один анекдот. Я сегодня шел по коридору телевидения и вспомнил один анекдот об анти-семитизме.

Молодой парень идет по коридору. Навстречу ему идет его знакомый, спрашивает: «Ну, как твои дела?» — Тот говорит (с очень плохой дикцией): «Да вот, я хотел устроиться диктором на телевидении. Но меня не взяли». — «Почему?» — «Еврей потому что. Потому что я еврей...».

Он считает, что его не взяли из-за антисемитизма (а его не взяли всего-навсего из-за плохой дикции).

(Дмитрий Дибров смеется.)

6.

(Звонок в студию.)

Дмитрий ДИБРОВ: Алло! Алло! Добрый день!

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Здравствуйте!

Иосиф РАСКИН: Здравствуйте.

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Вам звонят старые работники бухгалтерии Исторического музея.

Иосиф РАСКИН: Это приятно.

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Вам большой привет от нас. Это Лариса. Привет вам от *(зрительница называет несколько имен своих коллег)*... Мы вас любим, помним. Вы ничуть не изменились.

Иосиф РАСКИН: Да, понятно.

ЗРИТЕЛЬНИЦА *(Дмитрию Диброву):* Дима, такой человек перед вами сидит. Я вспоминаю, когда приходишь на работу, не всегда там у всех хорошее настроение, особенно если на улице дождь. Но входит Раскин, и сразу что-то происходит. Он говорит нам: «Знаете последний анекдот?» — и начинает рассказывать нам анекдот. И мы весь день пребываем в хорошем настроении.

Иосиф РАСКИН: Спасибо вам огромное. Всем большой привет.

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Передам. Всего доброго!

Дмитрий ДИБРОВ: А давайте попробуем сымитировать ситуацию. Представьте себе, что многомиллионная бухгалтерия прильнула к экранам и ждет от вас анекдота или байки. О безысходности нашей жизни.

Иосиф РАСКИН: Байка про Светлова. Одна женщина мечтала познакомиться со Светловым. И вот встретила с ним в какой-то компании, в творческом кругу. Он подводит ее к столу и говорит сидящей там даме: «А ну-ка, жопа, подвинься». — И объясняет женщине: «Это мой верхний предел».

Анекдот про морду и жопу.

Один парень решил жениться на девушке. Позвал ее в загс. А она говорит ему: «Я не пойду с тобой в загс и не выйду за тебя замуж. Потому что у тебя же не морда, а жопа». — Парень захотел напиться с горя. Подошел к двум мужикам, сказал: «Ребята, пойдемте напьемся... я вас угощаю, я плачу за вас...» — А они: «Нет, мы с тобой пить не будем. Потому что у тебя же не морда, а жопа». — Ну как жить дальше? Женщина отказалась выходить за него замуж. Мужики отказались выпить с ним. Он решил покончить с собой. Смотрит, на улице открыт водопроводный люк. Только наклонился вниз, чтобы спрыгнуть туда, как оттуда раздался голос: «Сюда не срать, здесь идут работы».

(Дмитрий Дибров смеется.)

Дмитрий ДИБРОВ: Да, там, где появляется Иосиф Раскин, любому благообразию наступает конец.

7.

(Звонок в студию.)

ЗРИТЕЛЬ: Иосиф Захарович, у меня к вам несколько вопросов и одна просьба.

У моего соседа родился сын. Вы не подсказали бы, как его лучше назвать? Отец ребенка — татарин, жена — еврейка.

Иосиф РАСКИН: Чингиз-хайм. По-моему, это нормально. А если мать — турок (турка, турчанка), а отец — еврей, то получается затурканный еврей.

Что там еще? Какие будут вопросы ко мне?

ЗРИТЕЛЬ: Иосиф Захарович, вы шесть раз состояли в браке. У вас, наверное, большое потомство? Много детей?

Иосиф РАСКИН: Вопрос: кого считать своим ребенком? Если ты женился на женщине, а у нее есть ребенок, дочка, и ты удочерил ее? Чей тогда этот ребенок? Или если ты встречался с женщиной, она поругалась со своим мужчиной, который был у нее до тебя, и забеременела от тебя и вернулась к нему, и у нее родился ребенок, то чей он? Это я говорю не о себе.

Дмитрий ДИБРОВ: Какой интересный круговорот...

Иосиф РАСКИН: У меня есть сын. Это очень большой мой друг. Он помог мне издать мою книгу «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». Он помог мне деньгами. Его фирма мне помогла. Мы с ним очень большие друзья. У меня еще есть дочка, она с 1955 года, ей 44 года. Но я с ней не вижусь и не общаюсь. Главное — у меня есть сын Миша.

Кстати, он недавно сделал мне новый подарок — помог мне побывать в Израиле. Я летал туда с Аленой. Когда я был там первый раз несколько лет назад, мне впервые стало стыдно, что я еврей. Израиль — это чудо. 2 тысячи лет евреи мечтали иметь свое государство. И вот они имеют его. Но они обосрали его. Один философ сказал: когда евреи в каких-то количествах живут в разных странах, то они там — удобрение, а когда в стране одни евреи — это получается говно. Кто-то создал красивую легенду о том, что евреи помогают друг другу. Но это только легенда. Никто не старается насрать друг на друга так, как евреи.

Вот анекдот про еврея-невозвращенца.

Еврей уехал из России в Израиль и пишет своему другу письмо оттуда: «И вот я уже в Израиле. И вот мне тут хорошо. И вот мне тут уже так хорошо, так хорошо, блядь, что мне, мудаку, так и надо».

И еще анекдот на эту тему.

Старые евреи, глубокие старики, муж и жена, приехали из Москвы в Израиль, в аэропорт. Там их спрашивают: «А на хрена вы сюда приехали? Вы такие старые». — Они: «Вы знаете, мы хотим умереть на своей исторической родине». — «Ну, так в чем же дело?».

Дмитрий ДИБРОВ: Надо немедленно вступить в дискуссию.

Иосиф РАСКИН: Я в Израиле встречал много милых людей...

Дмитрий ДИБРОВ: Вы уже пошли на попятную...

Иосиф РАСКИН: Нет... Там есть великолепный русскоязычный поэт Илюша Бакштейн. Мне про него сказали фразу: он умрет с голоду и сам не заметит этого. Огромное количество прекрасных, замечательных людей в Израиле. Музыканты, художники... Но все они тонут в этой ужасной стране бескультурья и хамства.

(Я думаю, что только свои могут ругать свое и своих, с болью за это, а другим, чужим, этого делать нельзя. — *Н. К.*)

Дмитрий ДИБРОВ: Один великий человек сказал: до чего отвратительный город — любой город на свете. (*Дмитрий Дибров улыбается.*)

Иосиф РАСКИН: Нет. Есть две нации — хорошие люди и плохие люди. И еще есть третья нация — это Грузия, грузины. Я страшно люблю Грузию и Тбилиси. И еще я страшно люблю Киев. Я бывал там с 12–14 лет. У меня там есть друзья. У меня там двоюродный брат жил, он для меня — больше, чем родной брат. И, кстати, тоже очень любит и собирает анекдоты. Он сейчас живет в Америке.

8.

Дмитрий ДИБРОВ: Раз уж у нас зашла речь о Кавказе, давайте посмотрим «Старый телевизор» и «Доску почета».

(*На телеэкране — сюжет о народном артисте Ефиме Капеляне.*)

А теперь поговорим о национальных конфликтах.

Иосиф РАСКИН: Знаете, почему еще я люблю анекдоты? Потому что только в анекдотах можно найти ответы на любые вопросы, вопросы политики, экономики, культуры, воспитания, секса и так далее. Это я стал понимать со временем. В анекдотах самые точные ответы на все вопросы.

Вот старый еврейский анекдот о том, в чем причина всех национальных конфликтов. Изумительный анекдот. Он касается и Чечни, и Карабаха, и Косова... и чего угодно...

В Одессе сидят на скамейке старые евреи, муж и жена. А на детской площадке играют пацаны. Старый еврей Абрам говорит: «Сара, кто-то сейчас сказал слово «жид». Кто?» — Абрам подзывает к себе мальчика Васю: «Вася, ну-ка подойти ко мне. Это ты сказал слово «жид»?» — «Что вы, дядя Абраша, нет! Вы меня с пеленок знаете. Я такое не мог сказать». — Тогда Абрам подзывает к себе другого мальчика: «Федя, ну-ка подойди ко мне. Это ты сейчас сказал слово «жид»?» — «Что вы, дядя Абраша, я могу драться, резать кого-то, убивать, но слова «жид» я вообще не знаю». Старая еврейка Сара говорит Абраму: «Да не трепи ты ребятам мозги. Это по радио сказали — «жид».

(Дмитрий Дибров смеется.)

Есть изумительные анекдоты о проблемах воспитания. Не надо изучать никакого Спока, Фесталоцци, Ушинского, Макаренко... Все ответы на вопросы о проблемах воспитания есть в анекдотах, например, в анекдоте, где мальчик восклицает: «Мать твою так! И эти люди (мои родители) учат меня не ковырять в носу пальцем» (а сами что делают!).

Приходит мужчина в парикмахерскую. Его подстригли. Он говорит: «Мне не нравится!» — «Что вам не нравится?» — «Все!» — «Так чего же вы начали с парикмахерской?».

Вопрос Армянскому радио: «Когда у нас будет лучше?» — На этот вопрос Армянского радио давало ответ 25 лет назад: «Уже было».

(Дмитрий Дибров смеется.)

9.

(Звонок зрителя.)

ЗРИТЕЛЬ: Алло!

Дмитрий ДИБРОВ: Говорите, пожалуйста.

ЗРИТЕЛЬ: На Украине есть такое черное пятно — Чернобыль. Наверное, есть анекдоты и на эту тему?

Иосиф РАСКИН: Огромное количество! Кстати, сколько страданий пережила Польша, по которой проходили немцы, и сколько она дала юмора, анекдотов. Вообще — существует интересная особенность — когда случается какая-то трагедия, тут же в народе появляется огромное количество анекдотов на эту тему. Вот один из анекдотов на тему Чернобыля.

Муж приходит с работы домой, говорит жене: «У меня трагедия. Мне сказали: завтра утром ты или едешь в Чернобыль или кладь на стол свой партбилет». — «Да ты же не член партии». — «Вот я и думаю: где же я им до утра достану партбилет?».

Молитва киевлянина:

«Господи, если ты сделал, что я не могу, сделай так, чтобы я не хотел...».

(Дмитрий Дибров смеется.)

10.

(Звонок в студию.)

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Иосиф Захарович, я — ваша коллега. Заканчивала тот же институт и тот же факультет, что и вы. Имею ту же склонность, что и вы. Собираю короткие фразы, имею большую коллекцию этих фраз. Я — хоть и не еврейка, но очень на нее похожа.

Иосиф РАСКИН: Почему — «хоть»? Это мне непонятно.

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Во время погромов бьют по морде, а не по паспорту. Мне всю жизнь доставалось... И я избегаю мест с большим скоплением евреев. Чтобы меня не приняли за такую и не побили по нечаянности.

Иосиф РАСКИН: Жизнь подсказывает, что чем меньше избегаешь их, тем лучше к вам будут относиться.

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Это вопрос философский.

Я с грустью узнала, что вы нашли свой седьмой подарок судьбы. А я как раз хотела попроситься к вам в качестве седьмого подарка...

Иосиф РАСКИН: Так вы же избегаете этих мест...

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Я прикроюсь вашей широкой спиной. Мне меньше достанется...

Иосиф РАСКИН: За ваше предложение я могу отблагодарить вас книгой, больше ничем не могу. Я вам подпишу ее. Считайте, что я подарил вам свою книгу и подписал.

ЗРИТЕЛЬНИЦА: Вот спасибо! А как вы думаете: чем меньше сексуальных возможностей у мужчин, тем больше политических амбиций?

Иосиф РАСКИН: Наверное, вы правы. Большая политика — это большая мужская неудовлетворенность. Здесь обратно пропорциональная зависимость. Я могу рассказать несколько анекдотов про наших политиков, тем более, что сейчас у нас предвыборная кампания.

Вот анекдот про Зюганова и «Интернационал». Один старый музыкант устроился уборщиком в туалет, в Госдуму. Видит, в туалет заходит и закрывается в кабинке знакомое лицо — Зюганов. Тогда музыкант-уборщик на всю мощь врубает «Интернационал». Через некоторое время Зюганов выходит из кабинки, сильно разозленный. И набрасывается на музыканта: «Мать твою так! Я тебя отсюда выгоню!». — «За что?» — «Первый раз в жизни я срал стоя».

Еще один анекдот, про Жириновского и Наполеона.

Идут два психа по Арбату. Один из них кричит: «Я — Жириновский!» — А другой: «Я — Наполеон!». Их обоих забрали в психушку. Одного оставили там, другого отпустили. Оказалось, что один и правда Жириновский.

Изумительный анекдот про Ельцина.

Ельцин вместе с Коржаковым пошли на охоту. И с ними увязался Гайдар. Ельцин хотел было убить лося. Стал целиться в него. А Гайдар говорит: «Борис Николаевич! Лось занесен в Красную Книгу. Его нельзя убивать». Идут дальше. На дорогу выскочил заяц. Ельцин стал целиться в него. А Гайдар говорит: «Борис Николаевич! Заяц тоже занесен в Красную книгу. Если вы убьете его, в Организации Объединенных наций и в партии зеленых будет скандал». Так ни с чем все трое и вернулись домой, голодные. Утром Коржаков выходит во двор и смотрит, а там Ельцин жарит роскошный шашлык. Коржаков говорит Ельцину: «Борис Николаевич, Гайдар — очень хреновый человек». А Ельцин говорит Коржакову: «Хреновый — не ешь».

Дмитрий ДИБРОВ: Да, это политика глазами московской мостовой...

Иосиф РАСКИН: Мое субъективное мнение. Каждый народ имеет того правителя, которого он заслуживает. (Но это говорил еще и Конфуций! — *Н. К.*) Политика — грязное дело. Там хороших, чистых, порядочных людей быть не может.

Мое глубокое убеждение, что единственный прекрасный политик, честный, порядочный человек у нас — это Григорий Алексеевич Явлинский. Он приглашал меня на свое недавнее торжество. И он никогда не будет напиваться, как свинья, и делать то, что делал наш президент Ельцин. Но говорят, что рейтинг Явлинского никогда не поднимется выше 11 процентов. Мне это очень жалко... В связи с этим я расскажу такой сюжет. Один интеллигентный человек хотел сказать своей жене: «Миленькая, дай мне на завтрак рыбку с маслом», — а вместо этого оговорился, сделал такую оговорку по Фрейду: «Как же ты мне, сука, надоела!..» — Вот если Явлинский когда-нибудь сделает такую оговорку по Фрейду, то у него сразу поднимется рейтинг.

Дмитрий ДИБРОВ (телезрителям): Дорогие друзья, выступление Иосифа Раскина — это пикантное блюдо для того, чтобы вы смогли сверить свой политический компас со всем тем, что находится в душе хулиганствующего ортодокса московских улиц

Иосифа Раскина. Вот уже 30 лет его шея носит его голову, его ум, отчего нам становится лучше.

Дмитрий ДИБРОВ: Иосиф Захарович, большое вам спасибо, что вы пришли сюда. Желаю вам нового, переработанного и дополненного (расширенного) издания «Энциклопедии...». И желаю вам здоровья и удачи.

Иосиф РАСКИН: Я желаю вам и нашим телезрителям удачи, а потом уже здоровья. На «Титанике» все были здоровы... (А удачи им не хватило.)

Напоследок я расскажу гениальный анекдот **про время**.

Двое приятелей сидят и разговаривают. Один спрашивает у другого: «Вася, послушай, который час?» — Вася отвечает: «Федя, живи проще».

А вот гениальный афоризм. Если вас насилуют, постарайтесь расслабиться и получить удовольствие.

Дмитрий ДИБРОВ: И под конец давайте вспомним ответ Армянского радио на вопрос: «Скажите, пожалуйста, когда у нас в стране будет хорошо?» — «Уже было».

*Интервью расшифровала с видеозаписи и отредактировала
Нина КРАСНОВА*

*16–20 октября 2016 г.,
последние уточнения и доработка 21–22 октября 2016 г., послед. вы-
читка 6 августа 2018 г.,
Москва*

P. S.

После этой телепередачи, после этого интервью Дмитрий Дибров был освобожден от работы на телеканале «Старый телевизор». — *Прим. Н. К.*

8. ИОСИФ РАСКИН — КНИГОНОША (Характеристики Иосифу Раскину и приказы, 1961, 1966 – 1967, 1980 гг.)

ХАРАКТЕРИСТИКА

Тов. РАСКИН ИОСИФ ЗАЛКИНДОВИЧ, 1935 года рождения, образование — среднее, учится на 4-м курсе литературного факультета Московского Педагогического института имени Крупской Н. К., член ВЛКСМ с 1954 года.

В организацию п/я 116 тов. Раскин поступил в ноябре 1958 года.

За время работы в организации п/я 116 тов. Раскин И. З. проявил себя как активный комсомолец, принимал активное участие в создании художественной самодеятельности подразделения и проведении культ-массовой работы, руководил агит-коллективом подразделения. В 1960 году тов. Раскин являлся членом, а затем председателем центрального комсомольского поста организации.

За утерю комсомольского билета в 1956 году тов. Раскину И. З. был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

В 1960 году, учитывая большую общественную работу, выговор с тов. Раскина был снят. Как председатель ЦККП тов. Раскин старался правильно организовать работу с комсомольским активом, направить работу актива на выполнение производственных заданий.

Характеристика дана для предоставления по месту работы.

Секретарь комитета ВЛКСМ
организации п/я 116:

(БАБАЕВ)

ПРИКАЗЫ

1966 г.

ПРИКАЗ № 8

Старшему продавцу Раскину И. З. было поручено полностью переключиться для продажи литературы на улице.

Несмотря на неоднократное предупреждение, **Раскин**, пользуясь тем, что за его деятельностью трудно осуществлять постоянный контроль, получал литературу в других магазинах и продавал ее на улице в часы, установленные для его работы от магазина № 160.

Кроме того **Раскин** несвоевременно отчитывался за проданную литературу, задерживая большие суммы денег.

На основании изложенного приказываю:

1). За грубое нарушение установленного для **Раскина** порядка уличной торговли и недисциплинированность старшему продавцу Раскину И. З. объявить выговор.

2). Предупредить **Раскина** о том, что в случае повторения подобных действий он будет снят с работы.

3). Установить для ст. преподавателя **Раскина** время работы с 10 до 18 час. С перерывом на обед в течение одного часа.

(...)

Директор (роспись)

1966 г.

ПРИКАЗ № 17

12 августа 1966 г.

Несмотря на то, что распоряжение дирекции Москниги от 11/I-66 г. за № 32 о работе книгонош доведено до сведения всех работников книжного отдела и бухгалтера магазина, — имели место случаи выдачи литературы книгоноше **Раскину** на сумму, превышающую 100 руб., не требуя от него полного отчета.

На основании изложенного приказываю:

1. Исполняющей обязанности зав. кн. отделом Лагозинной А. С., отпускаяшей литературу, грубо нарушая установленный порядок, объявить выговор.

2. Бухгалтеру Нарлинской С. М., недостаточно осуществляющей контроль за оформлением документации на выдачу литературы, поставить на вид.

Директор (роспись)

12/VIII-66 г.

ПРИКАЗ № 18

23 августа 1966 г.

Зачислить старшим продавцом книжного отдела с 23 августа 1966 г. **Раскина И. З.** Оклад — по штатному расписанию.

Директор магазина (роспись)

23/VIII-66 г.

8-916-971-61-28

1967 г.

ПРИКАЗ № 20

25 июля 1967 г.

Приказом № 8 от 8 апреля 1967 г. ст. продавцу **Раскину** был объявлен выговор за грубое нарушение порядка уличной торговли и недисциплинированность. Несмотря на это **Раскин** не только не исправился, а стал работать еще хуже: повторяя и усугубляя указанные в приказе № 8 нарушения, он применял также чуждые советской торговле методы рекламы. Кроме того **Раскин** не выполнил задания по продаже литературы на улице,

в результате чего, главным образом, был сорван июньский план магазина. На основании вышеизложенного ст. продавцу Раскину И. З. объявляю строгий выговор.

Директор (роспись)

25/VII-67 г.

ПРИКАЗ № 21

10 августа 1967 г.

Предоставить очередной отпуск младшему продавцу книжного отдела Лагозиной А. С. с 14 августа 1967 года по 26 августа 1967 года.

И. о. директора ГОЛОВАНОВА

10/VIII-67 г.

ПРИКАЗ № 22

22 августа 1967 г.

Предоставить отпуск за свой счет младшему продавцу канцелярского отдела Жуковой Р. М. с 22 августа по 28 августа 1967 года по семейным обстоятельствам.

И. о. директора ГОЛОВАНОВА

22/VIII-67 г.

ПРИКАЗ № 25

3 октября 1967 г.

Предоставить очередной отпуск ст. продавцу Раскину И. З. с 7 октября 1967 г.

Директор магазина (роспись)

3/X-67 г.

ПРИКАЗ № 26

7 октября 1967 г.

Госторгинспекторами тт. Кабецким и Хлюниным составлен акт по поводу продажи книги Д. Леопарди вместе с другими сборниками поэзии в подарочном комплекте, а также продажи авторучек в наборе с пеналом. Так как мною было дано письменное распоряжение о запрещении продажи комплектами, то факты, имевшие место и зафиксированные в акте госторгинспекторами, расцениваю как нарушение порядка торговли и невыполнение моего распоряжения.

На основании вышеизложенного приказываю: мл. продавцам Лагозиной А. С. и Дмитриевой Л. А. поставить на вид.

Директор (роспись)

7/X-67 г.

ПРИКАЗ № 27

9 октября 1967 г.

В связи с производственной необходимостью отозвать из отпуска ст. продавца Раскина И. З. с 9 октября 1967 г.

Директор магазина (роспись)

9/X-67 г.

ПРИКАЗ № 30

За грубое нарушение правил уличной торговли, за систематическую задержку отчетности, за недисциплинированность уволить сего числа с работы в магазине № 160 книгоношу Андрющенко Т. П.

Директор магазина (роспись)

1/XI-67 г.

ПРИКАЗ № 31

Предоставить очередной отпуск зав. книжным отделом Головановой М. С. с 5 ноября на 24 рабочих дня.

Директор маг. (роспись)

2/XI-1967 г.

ПРИКАЗ № 32

Ст. продавца Раскина И. З. освободить с 4 ноября с. г. от работы в магазине № 160 согласно поданному им заявлению.

Директор м. (роспись)

3/XI-67 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Раскина И. З.

Более 20 лет работает в центре столицы **Раскин Иосиф Захарович**. Имея диплом преподавателя русского языка и литературы, он не сразу пришел в книжную торговлю, но теперь работа с книгой стала (для него) жизненной необходимостью. За время работы в системе Москниги к помощи Раскина в выполнении плана товарооборота с разрешения или по просьбе дирекции Москниги прибегали около 40 магазинов, среди них такие, как 1, 3, 6, 13, 46, 47, 120, 153 и др. Много трудно реализуемых книг продал Иосиф Захарович, его заслугой является продажа большого количества олимпийской литературы, оставшейся после проведения Олимпиады. Но лучше всего о его работе говорят отзывы самих покупателей. Ветеран журнала «Огонек» писательница и журналистка И. С. Месхи написала в одной из своих статей: «Но будь книгоноша Раскин менее культурен и тактичен,

более криклив и назойлив, менее открыт и серьезен, возможно, что-то сместилось бы не в пользу подобного рода продажи книг. Да, потому что в торговле книгами нельзя ощущать лишь один грубый чистоган, а здесь не просто торговля, и Раскин — не просто книгоноша, а скорее всего **агент Москниготорга, продвигатель книг в народ**».

Гость Москвы, ленинградец, главный конструктор п/я 1807 Казамировский пишет в «Книге жалоб и предложений»: «Считаю, что метода продажи книг т. Раскина И.З. достойна подражания. Ведь это не продажа, а распространение, **агитация за хорошую книгу, альбом, карикатуру и т.д.** Достойна подражания и дикция тов. Раскина. По-хорошему завидую представителям Москниготорга за подбор достойных кадров».

Директор Ленинского РКО (ропись)

1980

9. ПРЕДИСЛОВИЕ

ИОСИФА РАСКИНА К «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО ОРТОДОКСА»

Иосиф РАСКИН,
книжник, библиофил, собиратель
анекдотов, частушек, афоризмов и т. д., писатель

ПРЕДИСЛОВИЕ к «Энциклопедии Хулиганствующего Ортодокса»

*(Изд. «Стоок», Москва, 1997 г. OCR Палек & Alligator, 1998 г.
Расширенное и дополненное издание)*

Много-много лет я все думал собрать воедино этот потрясающий феномен человеческой культуры — анекдот — истинно народное, истинно устное, всегда запретное (по разным причинам) творчество. В анекдотах, в настоящих анекдотах, ну и, конечно, в частушках собрана мудрость народа, его ум и прозорливость, а также прекрасное понимание всего, что происходит на самом деле в жизни нашей страны и в жизни человеческой. Только в анекдотах можно найти ответы на такие животрепещущие вопросы, как «кто виноват?» и «что делать?» — на все вопросы, которые возникают в этой страшной, жестокой, грязной, прекрасной, необратимой, сказочно интересной жизни.

Но если жива мудрая пословица «из песни слова не выкинешь», то безусловно и то, что из анекдота тем более нельзя выкидывать ни одного слова, ни одного междометия, иначе он умирает. Почему у нас так любят, спекулируя на морали, на па-

триотизме и еще Бог знает на чем, уничтожать все лучшее всякими запретами, цензурами и пр.?

Всю свою жизнь, с самого раннего детства, я любил юмор во всех его проявлениях, любил анекдоты, частушки. Я с огромной радостью ребенка рассказывал и рассказываю их всем и всегда. Никогда я их не записывал, уж на что, на что, а на анекдоты у меня всегда была феноменальная память. И вот, когда я увидел появление такого несметного количества брошюр и газет с «анекдотами», изуродованными, обшарпанными, приглаженными, мне стало очень больно за это чудо человеческой мысли. Возникло неистребимое желание спасти, оставить на бумаге не только замечательные анекдоты, но и все те образцы юмора человеческого, которые мне, да и не только мне, помогали жить и выжить, помогали находить ответы на самые разнообразные вопросы бытия.

Самым бесценным для меня откликом на первое издание этой книги явился экземпляр, весь исписанный благодарностями больных Онкологического центра. Не мне судить, что за книга у меня получилась, но если она кому-то доставит минуты облегчения, минуты улучшения настроения, заряд бодрости и оптимизма, то я буду счастлив, как я счастлив теперь, получая огромное количество писем. Почти каждый день убеждаюсь, что те, кто любит юмор, всегда очень хорошие и добрые люди. В письмах читателей — огромное желание поделиться анекдотами, частушками, историями из своей жизни, а часто и какими-то своими собственными сочинениями. Это и москвичи Б. М. Бахрех, Я. Б. Мордкович, поэт Е. Жаров, И. Ланин, Н. А. Пушкарев, С. К. Горохов, А. Ф. Егоров; шесть писем прислал Д. А. Поспелов; нижегородский писатель, создатель огромного количества афоризмов Л. Л. Крайнов-Рытов и его земляк В. Стрекаловский, А. А. Красноперов из Ижевска; очень порадовали меня Оля Денисова из Йошкар-Олы и Люда Елизарова из Новороссийской области; не пожалел время на большое письмо В. М. Борщевский из Петропавловска-Камчатского,

пишут письма из Харькова, Новосибирска, Свердловска, Челябинска, Караганды, Алма-Аты... Совершенно потрясло письмо от Лены Кларк из Голландии. Есть письма из Германии, Америки, ну и, конечно, из Израиля.

Некоторые письма я включаю в эту книгу, а когда-нибудь в одном из последующих изданий думаю, что найдут свое место все письма, которые смогут быть любопытны для читателей.

Во всяком случае, я от всей души, от всего сердца благодарю всех, кто не пожалел своего времени, благодарю и за важные для меня замечания. Но я хочу отметить вот что. Книга, которую вы решили купить и прочитать, это не сборник анекдотов (сборник анекдотов я, может быть, в дальнейшем и составлю, но, конечно, не всех, а только тех, которые мне нравятся) и тем более это не книга о мате или матерных выражениях, и мне очень жаль, если кто-то эту книгу так и увидит. Но все равно я безумно рад всему тому, что вы присылаете. Это огромный пласт народного творчества, и, еще раз повторяю, надеюсь, что все получаемые мною письма будут изданы.

Никогда бы не было этой книги, или она была бы гораздо беднее, если бы не мой двоюродный брат, а точнее, очень большой для меня друг, ученый-математик, выдающийся преферансист, лауреат Государственной премии Гена Гильман. Жизнь его заставила находиться возле внука, дочери и старенькой мамы в Америке. Генек воспитан на русской культуре, влюблен в русскую литературу, в русский язык, который любит безо всяких купюр, во всей его сочности и целостности. Как-то он сказал моей теще, старой еврейской женщине, когда она в очередной раз попыталась его пристыдить: «Хася Хаимовна! Дорогая вы моя! Еще год такой жизни, и вы прекрасно будете говорить «ё... твою мать!». Постоянно на все безобразия нашего бытия, встречавшиеся на каждом шагу повсеместно и повседневно, он реагировал только одной фразой: «Полная пидорастия!». Я думаю, что и в Америке эту фразу он произносит гораздо чаще, чем он предполагал, находясь в Советском Союзе.

Конечно, Гена есть соавтор и сосоставитель этой книги, так же, как таковыми являются и генерал Л. П. Бельянский, и Леша Александров, отдавший всю свою жизнь Историческому музею, и Мурик Гаджинский (ныне генеральный директор универсама «Люкс»), Мачкасова Ира и Наташа Гаврилова, и Владимир Балабанов, и многие-многие мои друзья и знакомые, многие писатели и поэты, все те, кто на протяжении всей моей жизни одаривали меня перлами мудрости народной.

Я самым искренним образом благодарен всем, кто очень мне помог в создании этой книги. Это наши замечательные писатели-сатирики Борис Брайнин и Владимир Влади́н, это мой сын Михаил Раскин и его коллеги по фирме «Конверс Техноимпорт» В. Трощенко и Ю. Орехов.

Редактуру книги профессионально сделали высокообразованные и достойные «шестидесятники» Юрий Левин и Татьяна Старостина.

Спасибо Лизе Белорусовой, этой удивительной и высокограмотной женщине. Особая благодарность Саше Осколкову, Косте Белякову, Гургену Вартапетян, Ланочке Бредис, Елене Абрамовой и Сергею Закарян за активное участие в издании этой книги.

До глубины души тронут тем, что высокопочитаемый мной и миллионами читателей Аркадий Михайлович Арканов любезно, но искренне согласился высказать свое мнение об этой книге.

Пусть простят меня все, кого я в этой книге не упомянул, и не обижаются все те, кого я в ТАКОЙ книге упомянул. Я буду рад и дальше получать любые замечания, любые, самые нелестные отзывы, а также буду благодарен за любые добавления к следующему изданию, расширенному и дополненному, которое, я очень хочу в это верить, удастся осуществить в будущем.

Пишите! Я только буду этому рад!

Мой адрес: 121096 Москва, п/я 211.

1998

10. ПРИЕМ ИОСИФА РАСКИНА В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ, 2000 г.

1. РЕКОМЕНДАЦИЯ ОТ БОРИСА САРНОВА

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Книга Иосифа Раскина «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса» за короткий срок вышла тремя изданиями. Главная причина ее успеха, разумеется, в том, что ее **интересно читать**. Но ценность книги, значение ее определяется не только этим.

На протяжении семи десятилетий мы жили в атмосфере такой тотальной, ледяной несвободы, какой не знал мир. Но была одна область, одна сфера, в которой замордованный, униженный, связанный по рукам и ногам тысячелетиями запретов советский человек оставался свободным. Это была область великого, могучего, правдивого и свободного русского языка, который со времен Тургенева, осознавшего и сформулировавшего это впервые, оставался (и останется) последней нашей надеждой.

Все мы прекрасно знали, что за пустячный анекдот можно поплатиться головой. И тем не менее анекдоты рассказывались. И не только пустячные. И частушки пелись. И крамольные стихи, сочиненные неведомо кем, шли в народ, повторялись, передавались из уст в уста.

Все это великое наше «национальное достояние» необходимо сохранить. Особенно актуально это сейчас, когда та, прошлая наша советская жизнь, становится (а во многом уже стала) «уходящей натурой».

Но ни один ученый-фольклорист, ни один поэт, ни один писатель почему-то об этом не подумал. А подумал об этом Иосиф Захарович Раскин, «известный московский книжник», как представляет его читателю выпустившее его книгу издательство.

Книге этой могут быть предъявлены самые разные претензии — и по составу, и по композиции, и по части вкуса. Но важно, что она *есть*, что она существует. И в этом бесспорная **литературная** заслуга ее автора.

Да, именно автора, а не составителя. (В книге Вересаева «Пушкин в жизни» тоже ведь нет — кроме предисловия — ни одной авторской фразы, она вся — от начала до конца — состоит из цитат. Но никому не приходит в голову усомниться в праве Викентия Викентьевича называться ее автором.)

Я думаю, что все сказанное выше является более чем достаточным основанием для того, чтобы принять Иосифа Захаровича Раскина в наш Союз.

(Б. САРНОВ)

25.X.2000

2. РЕКОМЕНДАЦИЯ ОТ МАРЛЕНА КОРАЛЛОВА.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Лет сорок тому назад — да еще с гаком — я преподавал зарубежную литературу в Московском педагогическом институте имени Крупской. Одним из его студентов был Иосиф Раскин.

Через десяток, если не больше, лет — в подземном переходе на Лубянке — я увидел Раскина, лихо торгующего книгами. Зычный голос, комментарий — зачастую с неожиданным привкусом — по поводу печатной продукции и ее творцов собирали толпу покупателей. Причем у бесчисленных конкурентов Раскина те же самые книги шли еле-еле. Отчего же у Раскина они шли нарасхват?

Как я понял в ту пору, успех гораздо меньше зависит от естественной жажды зарабатывать, чем от жажды общения. От потребности высказаться.

У Раскина образовался широчайший круг знакомых во всех слоях общества. Проще всего — в писательских, в актерских. При встречах с маститыми-именитыми мастерами слова (на складе в Гостином дворе) философия Канта (а также Гегеля) не обсуждалась. В беседы вторгался анекдот.

Нет нужды объяснять, чем стал у нас анекдот во времена тоталитарной прессы. Он вбирал в себя именно то, чего страшилась пресса: вольной трактовки любых событий общественной жизни. Как раз по анекдоту, ставшему жанром воистину общенародным, дельным историкам вовсе не грех исследовать развитие нашей страны, психологию социальных пластов, национальные отношения.

Наконец, пришел час, когда анекдот вышел из подполья. Постепенно у Раскина созрела идея собрать в книгу то, чем он дышал четверть века. Собрал. Издал. И не раз! Книга, что называется, пошла. Ее знают за рубежом, всюду, куда добрался россиянин в девяностые годы: в Европе, США, Австралии.

Понятно, что у Раскина вновь нашлись десятки конкурентов. Сборники анекдотов выходили один за другим. Выходили — но не очень «шли». По той, думается, причине, что составители брались за них, просчитав возможность подкалымить. Слишком часто — на плагиате!

«Энциклопедия» Раскина отличается от ремесленных изделий тем, что на ней печать личности. Разумеется, не идеальной. Отнюдь не совершенной. Однако же сохранившей жажду общения. И, как встарь, получающей удовольствие от рассказа. В отличие от «мертвых» изделий «Энциклопедия» — книга живая. Да, конечно, к ней можно предъявить сколько угодно претензий. Однако, расстрелянная, она остается авторской.

Когда раздумываешь, вправе ли вступать автор в Союз писателей, вспоминаешь, что в телефонных справочниках Союза ты-

сячи поэтов и прозаиков, выпустивших тонны макулатуры. Кто читал этих мировых неизвестностей? Добрейшие рецензенты приемных комиссий в лучшем случае перелистывали. Эта продукция, как Атлантида — **на дне**.

А вот «Энциклопедия» вместе со статьями, интервью и всей жизнью Раскина в литературе — при нас, на полках читателей. Полагаю, именно это дает право И. Раскину претендовать на членство в Союзе.

Член Союза с 1968 года
М. КОРАЛЛОВ

1/XI-2000 г.

Москва

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

ПРАВЛЕНИЕ

121069, Москва, Б. Никитская, 50/5 тел. 291 64 23; 74 57

№ -----

«1» ноября 2000 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Секретариата Союза писателей Москвы

СЛУШАЛИ: О приеме в Союз писателей прозаика РАСКИНА Иосифа Залкиндовича.

ПОСТАНОВИЛИ: Принять РАСКИНА Иосифа Залкиндовича
В Союз писателей.

Первый секретарь
Союза писателей Москвы Р. КАЗАКОВА

Часть II.

1. ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛИСТОВ С ИОСИФОМ РАСКИНЫМ (радио и пресса)

Андрей МОРОЗОВ,
журналист

ОДНИ МАТОМ РУГАЮТСЯ, ДРУГИЕ РАЗГОВАРИВАЮТ ИМ

(Интервью Андрея Морозова с Иосифом Раскиным, 12 июня 1999 г.; «Персона», №№ 50, 51, ноябрь 1999, издатель IGMA; «Слово» The WORD, № 76, 2000; Литература/опубликовано 16.01.2010)

Иосиф Захарович Раскин — известный московский книжник, книголюб и книгопродавец, член Союза писателей Москвы. Автор популярной «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса».

— Иосиф Захарович, в июне из-за вас пострадал один из лучших ведущих НТВ Дмитрий Дибров. После вашего участия в его программе передачу сняли с эфира.

— Меня пригласили на его передачу неожиданно. Я травил какие-то анекдоты, но в пределах разумного. Рассказал и байку

о том, как Михаила Светлова познакомили с одной женщиной, страшно мечтавшей познакомиться с ним. Когда его подвели к ней, он сказал: «Подвинь свою жопу». Женщина растерялась, возмутилась, а он сказал: «Это будет мой верхний предел». Вот это и было моим верхним пределом.

В общем, мы с Дибровым общаемся, он умеет расслаблять собеседника, идут звонки от зрителей, даже из Израиля были звонки. Кстати, я и про Израиль говорил. Говорил, что это страна дикого хамства.

—?!

— Да, да. И вообще, кто это придумал, что евреи помогают друг другу? Все это красивые легенды. Они только гадости друг другу делают. Все, что они сделали, так это то, что за пятьдесят лет создали чудо — государство Израиль. Но сегодня эта страна — страна дикого хамства и бескультурия.

Потом я говорил еще что-то о политике, о том, какая она грязная. О том, что я еще девять лет назад говорил о том, что Ельцин для России — беда, страшный человек, запрограммированный разрушитель. Единственный из политиков, кого я уважаю, это Григорий Явлинский. Я не знаю, какой он политик, но он порядочный человек. Ведь даже в книгах Коржакова и Стрелецкого о нем не сказано ни слова.

После эфира прибегает девочка и говорит, что звонили из комитета по телевидению, скандал — мат в эфире, из комитета срочно просили доставить им запись. Потом, действительно, Диброва заменили Ноткиным.

Меня эта мерзость очень поразила. Через несколько дней я был приглашен Любимовым на юбилей его театра. Проходя между рядами, я проходил мимо Киселева. Он, кстати, мне омерзителен после той ночной передачи, где он рассказывал про коробку из-под ксерокса, объявил переворот в стране. И вот я спросил его: «За что выгнали Диброва?». «Кто это вам сказал? Не слушайте дураков». «Хорошо, — сказал я, — я не буду их слушать». И пошел дальше.

Самое удивительное, что мат сейчас на телевидении много. Я считаю, что мат — это пласт культуры и часть русского языка. Это язык Пушкина, язык Лермонтова, язык старинных былин.

Другое дело — есть мат и есть мат. Вот, например, я не могу терпеть мата Лимонова, просто не перевариваю его. Но вот есть мат Алешковского. Это прекрасно! Но я считаю, что мат нельзя употреблять к конкретным людям.

Например, была такая история года четыре назад. Я гулял со своим ньюфаундлендом, и навстречу идут молодые, лет 15–16 ребята. Девушка стала гладить собаку: «Ой, какой он хороший!». А парень, не снимая руки с нее, говорит: «Хороший, хороший. Сейчас он тебя за п... схватит». Я никогда, так уж получилось, не дрался в жизни, но тут мне очень сильно захотелось дать этому парню в морду. Такого мата я не признаю.

— **Есть ли разница между матом рабочего и матом интеллигента?**

— Великий режиссер Роман Виктюк говорил мне, что мат — это язык интеллигенции. Я думаю, что в этом есть доля правды. Мне кажется, что мат все-таки начался с города, а не с глухой деревни. Мне, например, нравится объяснение Горьким выражения «ё.. твою мать» в романе «Жизнь Клима Самгина». В глубокой древности, по мнению Горького, это был знак наивысшего уважения и любви к человеку, знак приветствия. Если я, например, ё.. твою мать — значит ты мне сын. Только потом это стало матом.

— **И все-таки — какая разница между матом рабочего и матом интеллигента?**

— Что такое мат рабочего? Это выпил и — ё.. твою мать! Тут есть элемент грубости.

Вы знаете, я считаю, что ругаться — это плохо. Даже хорошими словами плохо ругаться. Например, один матом ругается, а я разговариваю матом.

Евгений Весник, наш замечательный актер, рассказывал мне, как это было на войне. Он служил в артиллерии. Когда коман-

дир давал команду: «Цель такая-то, пятое-десятое, по врагу — огонь!», то попадания были минимальными. А вот когда командир командовал: «Ё... мать! По фашистской сволочи — огонь!», то попаданий было процентов девяносто.

Люди иногда не понимают, если им говоришь обычными словами. Но стоит объяснить матом, то все сразу понятно. Но если говорить о разнице, то мат среди рабочих носит характер ругательства, а среди интеллигенции — это просто разговор.

— **Может ли мат быть поэтическим?**

— Конечно. Возьмите Баркова, автора «Луки Мудищева». Недаром же Пушкин считал его своим учителем. Основоположником настоящего русского языка является не Пушкин, а Барков.

— **А как же Третьяковский?**

— Язык Третьяковского, Державина, Ломоносова — старый язык.

— **И тем не менее, «Евгений Онегин» написан не матом, а нормальным языком.**

— Сейчас я говорю вам не про мат, а про простой русский язык.

— **Вы получаете отзывы о своей книге?**

— Уже четыре года, как в первый раз вышла «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». С тех пор она была переиздана еще три раза. Письма приходят со всей России, пишут и из-за границы — из Америки, из Бельгии, из Голландии, из Израиля, из Австралии получил письмо от двойного тезки, тоже Иосифа Раскина. За все время было только три ругательных письма.

В позапрошлом году Марк Рудинштейн пригласил меня на «Кинотавр». Во время фестиваля на пляже я повстречал Станислава Говорухина и спросил его: «Станислав Сергеевич, вы возглавляете комитет по культуре в Думе, вы борец за чистоту языка. Скажите, моя книга вредная?» Он мне сказал, что моя книга ему очень нравится. Ну а уж если Говорухину нравится...

— Иосиф Захарович, вы общаетесь с очень известными людьми. Они часто ругаются или, как вы говорите, разговаривают матом?

— Я убежден, и многие со мной согласятся, что нет такого человека, который в каких-либо ситуациях, пусть редко, не употреблял бы мата.

— Что натолкнуло вас на мысль написать такую книгу?

— Меня долго к ней толкало. С детства любил анекдоты, частушки, вообще юмор. Я понял, что в анекдотах есть ответы на любые вопросы, которые могут возникнуть у человека. Это касается и политики, и секса, и экономики, и просто человеческих отношений. В анекдотах — настоящие, истинные ответы.

Еще двадцать пять лет назад был такой анекдот. Армянское радио спрашивают: «Когда будет лучше?». Ответ: «Уже было».

Лет пять назад все были озабочены одним — куда вкладывать деньги? Я лично всегда считал, что деньги всегда нужно вкладывать только в память. Потом мои знакомые плакались, что у кого-то деньги пропали в МММ или еще в каком-то банке. Как тут не вспомнить анекдот. Приходит старый еврей в синагогу и спрашивает: «Ребе, посоветуй мне — класть деньги на книжку или лучше их снять с книжки?». Тут вбегает молодая, красивая девушка и тоже спрашивает: «Ребе, у меня сегодня первая брачная ночь. Посоветуй мне — мне лучше в рубашке лечь или без рубашки?». И ребе ответил: «Знаешь что, доченька. Ляжешь ты в рубашке или без рубашки, все равно муж тебя поимеет. Кстати, — обращается он к старому еврею, — тебя это тоже касается».

Когда стало появляться огромное количество брошюр с ужасными, дурацкими анекдотами, мне захотелось написать книгу. И я сделал ее. Меня огорчает, когда говорят, что это книга анекдотов. Нет, это не книга анекдотов. В ней есть и стихи Вознесенского, и песни о Сталине, песни времен войны.

— Вы не упрощаете, говоря о мудрости анекдотов? Если рассуждать по этой логике, то тогда и президент, и депутаты должны выражаться матом, ведь так будет проще и доходчивее?

— Весь ужас в том, что они выражаются гораздо хуже, чем матом. Они и матом-то не умеют выражаться.

Но вот вам очень короткий анекдот, в котором есть все проблемы воспитания детей. Маленький мальчик заглянул в спальню родителей и увидел, как мама делает минет папе. И тогда мальчик воскликнул: «И эти люди еще учат меня не ковырять в носу!». А ведь сколько книг написано про воспитание детей.

Другой пример — межнациональные конфликты. В Одессе на скамейке сидят два старых еврея — муж и жена. Во дворе играют пацаны. Старая еврейка вдруг поворачивается к мужу и говорит: «Абрам, кто-то сказал «жид». Старый еврей подзывает одного пацана: «Вася, это ты сказал «жид»?». «Дядя Абрам, вы меня знаете с пеленок. Как я мог такое сказать?». Тогда старый еврей подзывает другого: «Это ты сказал «жид»?». Тот отвечает: «Дядя Абрам, я могу резать, убивать, а такого слова «жид», я не знаю». Старый еврей поворачивается к жене и говорит: «Сара, перестань трахать мозги ребятам. Это по радио сказали».

— Вы бывали в других странах. Не интересовались ли вы, как там с матом?

— Я был в Израиле и Германии, когда она была еще западной.

Я был с группой по приглашению одного русского центра. Поселили меня в семье местных учителей. Они специально к нашему приезду учили русский язык, чтобы хоть как-то с нами общаться. И вдруг в их книжном шкафу я увидел книгу «За пределами русских словарей» издательства «Флегон». Это словарь мага, изданный в Англии. Там есть все! Например, «Говно на постном масле — то же самое, что говно, но еще хуже». Там приводятся великолепные примеры.

Как-то в ресторане Дома литераторов мы сидели с Генрихом Боровиком, а с ним были еще американцы. И вот они мне рассказали типичный американский анекдот про Клинтона. Приехал в Аме-

рику Папа Римский. Поехали они с Клинтоном кататься по Гудзону и налетел сильный ветер. И этим ветром смахнуло с Папы шапочку. Что делать? Клинтон выходит из лодки, идет по воде, берет шапочку и возвращает ее Папе. А наутро все американские газеты выходят с заголовками «Президент Клинтон не умеет плавать».

Мата в нашем понимании, мата, который нравится мне, нет ни в одном языке мира. У них есть ругательства. Поэтому наши анекдоты так трудно переводить.

— **Иосиф Захарович, мы как-то уклонились от темы по поводу выхода книг с анекдотами.**

— Да, книг выходит много, но очень мало хороших. Анекдот — это все-таки пласт культуры, он должен нести мысль, а не просто смешить.

Я не люблю грязных анекдотов, и в моей книге нет ни одного грязного анекдота. Знаете, самый лучший комплимент моей книге сделал приятель моей приятельницы. Он позвонил мне и рассказал, что моя книга ходит по рукам больных в раковом центре. Он обещал мне вернуть ее, исписанную теми больными. «Люди умирали с вашей книгой», — сказал он мне.

— **А можно, как вы считаете, разговаривать матом в общественных местах?**

— Видите ли, чаще всего люди выпендриваются: «Ой, мат, мат один!». Но вот вам ситуация. Торгашка, пропитое лицо, говорит: «Ой, мужчина! Как вы выражаетесь!». Но чувствуется, что она сама другого разговора не понимает.

— **Вы знаете миллион анекдотов. Они помогают вам в жизни?**

— Конечно. Вот вам анекдот двадцатипятилетней давности. На земном шаре остались два человека — Брежнев и Рейган. И вот Рейган берет огромный камень, подкрадывается тихонечко сзади к Брежневу. В это время кто-то его ломом бац по спине. Вопрос: «Кто это был?». Ответ: «Вечно живой Ильич».

ИОСИФ РАСКИН О ГРУЗИИ

(Интервью Олега Кусова и Олега Кушаты на радио «Свобода», 4 февраля 2003 г.)

Ведущий Олег Кусов

Олег Кусов: Писатель Иосиф Раскин живет и работает в Москве, но самую лучшую книгу, по его словам, он написал о Грузии. С этим краем Раскина связывает многое: друзья, любимые места и очень теплые воспоминания. Раскин называет себя своеобразным исследователем, он с большим удовольствием исследует душу грузина, более открытую душу, как он считает, найти трудно.

Иосиф Раскин: В моей книге «Грузия, в сердце моем» приводится одно письмо, которое я получил из Грузии, это сегодня самый близкий мне человек в жизни и очень большой друг, не просто грузин, он сван, из Сванетии. Первый раз, когда мы с ним встретились, его попросил наш общий знакомый, чтобы он меня встретил там, я был с женой, с дочкой. Как он нас встретил, это не расскажешь. Он возил на нас к своей родне, он нас возил по всей Лазанской долине. Где бы только ни были, были в гостях, то есть он нам уделит огромное количество души и сердца. И потом, прошло буквально полгода, и он приехал с женой в Москву. Конечно, не было связано с ним, я просто такой человек, мы ездили с ним и в ресторан «Иверия», и в «Русскую избу», и куда угодно, где бы только ни бывали. Получилось так, деньги были, я тогда снимал дачу в Барвихе. Он у нас там бывал, мы ездили купаться на озеро, хорошо проводили время. Он уезжает в Тбилиси с женой, и я получаю оттуда письмо, письмо, где он винит себя за то, что он якобы нас плохо принимал. «Я понял вас, и понял, какой я плохой перед вами», — он мне пишет.

Олег Кусов: Во время одной из последних поездок в Тбилиси Иосиф Раскин познакомился с дочерью великого грузинского поэта Тициана Табидзе Ните. Долгие беседы с ней и натолкнули московского автора на мысль о книге, которая в дальнейшем и получила название «Грузия, ты в сердце моем». Иосиф Раскин щедро делится впечатлениями об этом удивительном крае, знакомит нас со своими удивительными друзьями и коллегами.

Иосиф Раскин: Конечно, самое сильное впечатление от Ниты Табидзе, которая меня поразила, перед которой я преклоняюсь. Женщине восемьдесят с лишним лет, с феноменальной памятью. Как она жить хочет, — это не передать словами. И когда я с ней познакомился, то я решил: это надо записать. Она помнила все, она помнит, как ее Горький держал на коленях, она помнит, как она с Андре Жидом ездила по Черному морю. Она помнит все, феноменальнейшая память. Когда я последний раз был в Тбилиси, это было в январе прошлого года, я подробно записывал наши с ней разговоры. И у меня возникло желание написать книгу о ней и вообще о Грузии, о людях, анекдоты о Грузии, мне они очень нравятся, я считаю, лучшие анекдоты о Грузии. Когда приезжий идет по проспекту Руставели, подходит к одному и говорит: «Извините, пожалуйста, вы меня простите, что я вас отрываю, вы, наверное, спешите, вы не подскажете, если вам не трудно, будьте добры, как мне пройти на ваш замечательный проспект Шота Руставели? Только извините». Грузин слушает, слушает: «Послушай, как красиво говоришь, иди, как хочешь».

Я очень люблю Грузию. В Армении я никогда не был, но у меня там есть много близких людей, армян я уважаю, а Грузию я люблю, и никуда от этого не деться. Поэтому я решил сделать эту книжку. Тем более, когда начались эти проститутские игры с Грузией, и, казалось бы, очень сильный накал взаимоотношений, то мне тем более хотелось сделать это, тем более. Я знаю, что в Доме литератора проходят мои вечера, где выступают известные выдающиеся артисты, я подумал, что в ноябре будет вечер, посвященный Грузии. Другое дело, что инфаркт меня свалил,

но в феврале будет вечер. Слава Богу, что получилось так, что этот вечер потерял ту значимость, потому что отношения с Грузией все-таки немножко наладились, а тогда это было бы прекрасно, если бы был такой вечер.

Олег Кусов: Так Иосиф Раскин стал пропагандистом этого удивительного края, и своих московских друзей пытается приобщить к путешествиям на Кавказ. Например, Иосиф Раскин еще в прошлые советские времена стал инициатором веселых однодневных поездок по маршруту Москва — Тбилиси — Крестовый перевал — Дарьяльское ущелье — Тбилиси — Москва.

Иосиф Раскин: Я, бывало, знакомился с девушкой и, особенно, если я узнавал, что она никогда в жизни не была на Кавказе, мы с ней встречались рано утром, брали такси, ехали в аэропорт «Внуково», я брал два билета. Я много работал, торговал книгами, был период, когда я 25-ти магазинам делал план, поэтому хорошо зарабатывал, тратил я еще больше, всю жизнь был в долгах. И вот мы приезжали в аэропорт, брали билеты, прилетали в Тбилиси, брали там же на вокзале машину, приезжали на перевал. Страшная жара, мы приезжали наверх, а там снег по колено, играли в снежки. Доезжали дальше перевала до Дарьяльского ущелья, разворачивались, приезжали обратно в аэропорт на этой же машине, брали билеты, прилетали в Москву, а дома мне говорили: «Ты чего так рано вернулся сегодня с работы?». Это было не один раз, а несколько раз. Это прекрасно, чудесно. Когда мне что-то нравится, мне всегда хочется к этому кого-то приобщить.

Олег Кусов: В Грузии москвич Иосиф Раскин всегда чувствовал себя как дома.

Диктор: «Сколько я ни бывал в Грузии, я ни разу не столкнулся с какой-нибудь неприязнью русских, обидой на русских. В этой стране буквально все: таксисты, бомжи, священники, технари, профессора, народные артисты, поэты, милиционеры, все понимают, что политическая власть — это одно, она всегда временна, а жители страны — это другое, и народ вечен. Мы,

граждане России, никогда не будем врагами для грузин, даже если они будут дружить с Америкой, мы все равно не будем для них врагами. Да и вообще, что за логика: если ты переживаешь за Россию, за судьбу русских, то значит ты антисемит. Если Грузия хочет дружить с Америкой, то они для нас враги, а мы враги для них. Чуть собачья! Журналистка «Комсомольской правды» пишет: «В Аджарии, где стоит одна наша военная база, офицеры боятся отпускать солдат в город. Увидят, что русский, втащат в дом, и давай кормить. Возвращается через двое суток пьяный, довольный».

Иосиф Раскин: Вы знаете, это не секрет, какое огромное количество в Москве, везде, не только в центре, не только на Садовом кольце, огромное количество проституток. Встречаются проститутки самых разных национальностей. Прежде чем мне готовить книгу, я позвонил в пресс-службу человеку, который работает в полиции нравов. Этот человек мне подтвердил, что, сколько он работает в Москве, ни разу ему не встречалась проститутка-грузинка. Есть армянки, азербайджанки, казачки, все есть, но особенно много с Украины, Молдавии, а грузинка — ни разу. Мне это было приятно.

Диктор: «А какая молодежь, какие дети! Как-то я иду к Ните, поднимаясь от проспекта Руставели по улице Чавчадзе к дому Тициана, что на улице Грибоедова, бежит ватага мальчишек, я их окликнул. Они тут же подбежали, озорно и с любопытством глядя на меня. «Ребята, а кто скажет, чей это дом?» — спрашиваю я их, указывая на дом Тициана. Они смотрят на меня, и наперебой начинают мне объяснять, как будто это им под семьдесят, а мне, глупому, восемь-десять. «Вы что, это же дом Тициана Табидзе». — А кто это?» Они смотрят на меня с жалостью, что я этого не знаю: «Грузинский поэт». Я думаю, что если бы в Москве на Пушкинской площади я спросил бы десяток мальчишек, сомневаюсь, что большинство из них смогли бы объяснить, чей памятник там стоит. И еще, в Тбилиси огромное количество маршрутных такси, впечатление, что это единственный вид

транспорта, действующий абсолютно бесперебойно. Когда бы я ни останавливал маршрутку, всегда находился молодой человек, который протягивал мне руку и помогал сесть в машину. В Москве я с таким не встречался ни разу.

Олег Кусов: Последняя поездка в Грузию оказалась для Раскина самой тяжелой. Создавалось впечатление, что эта страна наказана свыше, но за что — непонятно.

Иосиф Раскин: Я часто бывал в Грузии, много раз. И я приехал в Грузию вскоре после этих знаменитых событий, войны гражданской. Это что-то ужасное. Вы знаете, раньше идешь по проспекту Руставели и видишь мужчин, женщин с гордым, независимым лицом, с очень добрыми, живыми глазами, с мудрыми, живыми, горящими глазами. Когда я приехал, это страшно. Встречаются люди, женщины, мужчины, у них глаза, как будто бы они пеплом покрыты. Или сидят два очень интеллигентных, солидных грузина, бутылочка водички фруктовой, они сидят на проспекте, попивают эту водичку. Это страшно смотреть. Одно из моих самых больших потрясений, когда я в январе прошлого года заходил в Государственную библиотеку Грузии, ребята, которые любят свою работу, работают за копейки, но любят работу. Они мне сказали, что за последние восемь лет Государственная библиотека Грузии не сумела приобрести (в буквальном смысле этого слова) ни одной книги. Света нет, отопления нет, свет, неизвестно, когда включают. Так живет город. Ведь Грузия — это всегда была самая добрая страна. Многие там находили пристанище, создавали лучшие свои произведения, даже когда у нас в стране не печатались ни Пастернак, ни Евтушенко, ни Вознесенский, я уж не говорю, Ахматова, Цветаева, то журнал «Литературная Грузия» находил пристанище для всех наших запрещенных поэтов, писателей.

Олег Кусов: Иосиф Раскин убежден, что политики должны заниматься своим делом, а народ своим. Простым людям нельзя забывать о своих добрых отношениях, и, как прежде, следует заимствовать друг у друга только хорошее. Недавнюю так на-

зываемую холодную войну между Россией и Грузией Иосиф Захарович объясняет по-своему. Для него это была обычная политическая игра, в которой Эдуард Шеварднадзе и многие российские политики показали себя настоящими профессионалами. Послушав Раскина, хочется повторить слова известного персонажа грузинской политической сцены: «Да, политика — это вам не лобио кушать».

Иосиф Раскин: Я думаю, что это нужно всегда немножко подогреть. Кто такой Шеварднадзе? Это человек, который проходил стажировку на Лубянке, в КГБ, человек, который был министром КГБ Грузии. Человек, который воспитывался... вспомните, как он славословил Брежнева, как красиво, самозабвенно. Он выступал не в Москве, не в Кремле, а в Тбилиси на партактиве. Я думаю, что эта кампания была подогрета, чтобы народ консолидировался вокруг Шеварднадзе. Он советский человек, но в то же время в Грузии он в какой-то мере стабилизировал обстановку. Я когда был в Грузии, много слышал: кого на его место ставить? И это тоже он сделал. Он так подготовил свое окружение, что некого выбирать. По-своему мудрый человек. В Грузии есть свои олигархи, с которыми он тоже ничего не может поделаться, это ему тоже нужно. Накормить Грузию он бы рад, да нечем, он же не может сам взять и напечатать деньги или дать свет. Я убежден, что события на стадионе во время футбольного матча — это, безусловно, была провокация, да еще какая. Анекдот, который я привез из Тбилиси, про Шеварднадзе, замечательный анекдот, который говорит об отношении грузин к Шеварднадзе. «На балконе своего многоэтажного дома он играет со своим маленьким внуком и слышит голос. «Внучек, а кем ты хочешь стать, когда вырастешь?». Внучек говорит: «Ну, конечно, президентом Грузии». Молчание, ничего не слышно. Вдруг крик: «Манана, Манана! Куда наш внук делся? Куда внук пропал?».

Так же, как и в любом КГБ, помимо отдела информации еще имеется отдел дезинформации. Все, что делается в этой стране, это все политические игры, которые нужны власти.

Если они не нужны, они не играют, вы бы про них ничего не слышали, ничего не знали. Конечно, это все политические игры — хитрые, коварные, а, может быть, и нужные. Без этих подогревов не может быть жизни общества. Вы знаете, как гниль нужна, бактерии нужны. Система та же самая, коварная сложная, страшная. Семейей руководить — и то сложно, а здесь сотни народов, сотни национальностей, сотни религий, и все это нужно держать в руках хитро, умно. Другое дело, где они берут такие головы умные, для меня это всегда была загадка. Но есть умные головы, которые рассчитывают как гениальную шахматную партию.

Олег Кусов: Среди тех, кому Иосиф Раскин посвятил страницы своей новой книги, — выдающийся поэт Ираклий Абашидзе. В Грузии его называли некоронованным королем нации. С ним московский писатель познакомился в ресторане (по давней литературной традиции).

Иосиф Раскин: Я часто видел в ресторане «Москва» на третьем этаже, мало того, что видел, мы сидели за одним столом и вместе выпивали с великим грузинским поэтом, и не просто поэтом, а председателем президиума Верховного Совета Грузии, членом ЦК КПСС Ираклием Абашидзе. Потом он был немножко в опале, наверное, и потому, что он был очень большой друг Советского Союза. Он был антиэкстремист, и он был довольно либеральная личность. Слишком высока была его роль с российской и советской интеллигенцией, и это наверняка кого-то раздражало. Это был человек, преданный России, российской культуре. И вот неслучайно сегодня послом Грузии в Москве является сын его Зураб Абашидзе. Я думаю, что очень повезло всем, хотя послы — это чиновники, они должны быть, иначе быть не может, верными исполнителями воли президента. Как в любой стране, дипломат должен проводить политику президента. Но то, что Зураб Ираклиевич так относится к русской культуре, к русской интеллигенции, безусловно, это очень неплохо.

Олег Кусов: Побывать в Грузии и не попробовать грузинского вина невозможно, тем более что вино — это неперменный атрибут любого грузинского застолья.

Диктор: «О приготовлении вин в Грузии писали великие люди глубокой древности Гомер и Аполлон Родосский, даже в легенде об аргонавтах упоминается об этом. При археологических раскопках найдены глиняные кувшины для хранения вин двух-трехтысячелетней давности. Первая просветительница Грузии Святая Нина в 4-м веке держала в руках крест, сделанный из виноградной лозы. Я не очень люблю вино, с гораздо большим удовольствием я пью чачу или русскую водку, но в Грузии я пил такое вино, какого не пил нигде и никогда. Когда я в былые времена приезжал на побережье, заезжал в Леселидзе, что на границе России и Грузии, к Акакию Двалишвили, глубокому старику, грузину, у которого уже тогда было свое винодельческое хозяйство. Во дворе стояла большая клетка с медведем, подаренным ему самим Кио, а, главное, у него всегда было высококачественное вино. Приезжая в Тбилиси, я никогда не мог проехать мимо одного заведения, немного не доезжая Цхеты. Здесь во все времена давали посетителям кувшин прекрасного вина и лобио в горшочке. Потрясающее вино я пил в селе Гурджаани в доме Шота Кумрашвили. В Телави я пил вино с незабываемым вкусом на частном винзаводе у Давида Мансурадзе, а также в телавском винном погребе. Вкуснейшим вином и прекрасной чачей угощал меня в Москве отец Калинике. В монастыре, в котором он служит, производят просто замечательное вино.

Диктор: «Грузинская свадьба. Встает тамада: «Гиви, скажи тост». «Давайте выпьем!». Проходит 10 минут. Тамада: «Гиви, скажи тост». «Давайте выпьем!». Проходит еще 10 минут. Тамада: «Вано, скажи тост». «Мы собрались в этом прекрасном замечательном месте специально для того, чтобы...». Тамада: «Вано, садись. Гиви, скажи тост».

Анекдоты о Грузии, которых очень много, никогда не бывают оскорбительными или унижительными для грузин, они могут

только подтрунивать над слабостями или особенностями грузинского характера. Я помню, в старые добрые времена у людей в России складывалось ложное впечатление о слишком благополучной жизни грузин. Рассказывали, что когда Никита Сергеевич Хрущев приехал вместе с грузинским лидером Кастро в Грузию, то сказал: «Вот видишь, Фидель, мы у себя строим социализм, а здесь он у нас уже давно построен». И, конечно, появлялись анекдоты, вызванные этим ошибочным мнением, а главное, чудесно показывающие милые слабости этих взрослых детей.

«Два грузина смотрят фильм. На экране альпинисты карабкаются по отвесной скале. Один грузин: «Этот сейчас сорвется». «Нет, не сорвется». «Спорим на миллион?». Кончается фильм, альпинист так и не сорвался, проигравший достает из кармана миллион. Его друг говорит: «Извини, Гиви, я твоих денег взять не могу. Это была шутка, фильм-то я уже видел». «Видел? Я тоже видел».

Анекдоты о Грузии можно рассказывать бесконечно. Мне кажется, соль жизни у этой нации прекрасно выражена словами Роберта Стуруа: «Грузины (в отличие от других) знают, что они умрут, они не убегают от этого, а стараются жить интенсивнее, энергичнее. Отсюда страсть, страсть ко всему».

В грузинской школе учитель вызывает мальчика к доске: «Гоги, подойди к доске, возьми мел и нарисуй на доске равнобедренный треугольник». Мальчик нарисовал. «Ну а теперь, Гоги, докажи, что этот треугольник равнобедренный. — Мамой клянусь!».

Олег Кусов: Иосиф Раскин всем своим творчеством пытается показать, что взаимоотношения между русскими и грузинами уже давно переросли в нечто большее, чем дружба. Пусть при этом политики отрабатывают свои деньги, они, кстати, несмотря на холодные войны и другие серьезные разногласия, часто не против теплого общения между собой во время щедрых межгосударственных застолий.

Иосиф Раскин: У меня есть приятель, он сидел в тюрьме, он был сопредседателем «Мемориала», большой умница, писатель,

литературовед, критик, я не хочу говорить, кто это, не имеет значения фамилия. Он информационный наркоман, он полностью поглощен газетами, он верит в газеты, в новости. Когда была война грузинская, после этого звонит мне Тенгиз и говорит: «Иосиф Захарович. Ну хоть бы на денек приехали поболтать». Я тогда думал поехать. Он мне говорит: «Ты что, с ума сошел? Мы же для них враги». Но я все-таки потом поехал и понял, что никакие мы не враги, мы друзья. И мне рассказывали о событиях на этой площади, плакали люди, но они никакой вражды, никакой обиды к людям конкретным не испытывали, к русским, к советским людям. Они понимали, что это — власть. Никогда они к нам не будут относиться как к врагам, это породнено слишком многим, это как сосуды, маленькие капилляры сердца, окончания нервов. Это все не разорвать никакими танками, генералами, никакими панкисскими ущельями, никакими бандитами. Это не просто дружба с Грузией — это любовь, причем любовь такая, которую разорвать нельзя.

Диктор: «Тбилиси. Грузинский Академический драматический театр имени Марджанишвили. Премьера спектакля «Макбет». В зале собрался весь грузинский бомонд, весь цвет столичной интеллигенции. Поднимается занавес. В центре сцены ярко светящаяся маленькая-маленькая точка, которая начинает очень медленно увеличиваться в размерах. В зале шепоток: «Какое оригинальное решение. Какая удивительная режиссерская находка». А точка все увеличивается. Наконец при ярком свете этой разросшейся точки появляется буфетчик в грязном фартуке: «Первый, второй ряд, хинкали готовы».

Как печально, что этот веселый анекдот в наши дни так грустно звучит.

2003 г.

Олег КУШАТЫ,
радиокорреспондент,
ведущий радиопрограммы «Вестник Кавказа»

ИРОНИЧНЫЙ ИОСИФ РАСКИН

(Радио «Вестник Кавказа», Олег Кушаты об Иосифе Раскине и с Иосифом Раскиным, 26 ноября 2009 г. 23:35)

Стоило мне в одной из радиопрограмм о Грузии привести фрагмент из сборника Иосифа Раскина, как на следующий же день в бюро раздался звонок:

— Спасибо за внимание, я очень хочу с вами познакомиться. Ваше радио слушаю лет сорок подряд.

Мы оказались соседями — по московским меркам даже близкими. Квартира Раскина — в Ясеневе, моя — в Южном Бутове. Долгое время он живет один, но одиночества не выносит. Если нет гостей, то звонит по телефону, говорит с друзьями и приятелями часами. Собеседников, как и гостей, у него всегда было много. В молодые годы Иосиф Раскин продавал книги чуть ли не на Красной площади. Делал это мастерски, перевыполнял план двадцати пяти книжным магазинам. Для советского времени, он «делал большие деньги», но, по его признанию, они никогда у него не задерживались. Потому что торговля не была главным занятием его жизни. Иосиф Раскин составляет сборники анекдотов и пишет книги. И анекдоты, и темы для книг он ищет не в пределах Красной площади, часто далеко от Москвы, в том числе и на Кавказе.

Иосиф Раскин был женат не один раз. Он женолюб и жизнелюб. Но публично, в своей книге, он признался в любви не женщине, а целой стране — Грузии. После очередной поездки в Тбилиси он написал книгу «Грузия, ты в сердце моем». На мысль об этой книге его натолкнуло знакомство с дочерью великого грузинского поэта Тициана Табидзе Ните.

— Это женщина, перед которой я преклоняюсь, — рассказал мне Иосиф Раскин. — Ей восемьдесят с лишним лет. У нее феноменальная память. Разговорился с ней и понял, что за ней надо все записывать. Ните помнит, как Максим Горький ее ребенком держал на коленях, как они всей семьей сопровождали Андре Жида в поездке по Черному морю. Записи бесед с Ните Табидзе составили основу книги, но затем к ней добавились истории других людей, веселые события, анекдоты о Грузии. Я очень люблю этот край, готов говорить о нем часами.

Говорить о Грузии несколько часов он заставил зал московского Дома литераторов. Несколько лет назад, в разгар очередного российско-грузинского кризиса, Иосиф Раскин посвятил Грузии свой творческий вечер в ЦДЛ. На вечере выступали известные российские и грузинские артисты, присутствовал посол Грузии. Раскин рассказывал о своей книге, вспоминал анекдоты. Творческие вечера в ЦДЛ он устраивал почти каждую осень, но только этот оказался тематическим, при этом шел в разрез с официальной точкой зрения российских властей на соседнюю страну.

— Кому как не московским писателям и поэтам защищать Грузию? — задался вопросом Иосиф Раскин. — Когда в России не печатали ни Пастернака, ни Вознесенского, ни Евтушенко, где они находили пристанище и отдушину? Только в Грузии. Всех запрещенных советских литераторов в самые жесткие времена печатал журнал «Литературная Грузия». В трудный для этой страны час надо отдавать долги. Я его отдаю своей книгой и творческим вечером в центре Москвы.

Иосиф Раскин уже не помнит, сколько раз бывал в Грузии. Ему принадлежит своеобразное экскурсионное ноу-хау — однодневные визиты в эту республику.

— В 1970–1980-годы я, бывало, знакомился с девушкой, и если узнавал, что она ни разу не была в Грузии, назначал ей встречу рано утром у ее дома. Подъезжал на такси, вместе мы ехали в аэропорт «Внуково», брали билеты и часиков в 11–12 уже прилетали в Тбилиси. Затем на такси мчались на Крестовый перевал, в Казбеги,

из летнего зноя перемещались к ледникам, играли в снежки, обедали около замка царицы Тамар и возвращались в Москву. Домой я приходил часов в девять вечера. Иногда домашние мне говорили: «Что-то ты рано сегодня вернулся с работы».

Откуда у такого человека могут быть сбережения? А разве накопивший на старость тугую кошелек располагает подобными воспоминаниями? Словом, каждый выбирает по себе.

Анекдоты Иосиф Раскин коллекционирует согласно принципу — за юмором должна стоять мудрость. Он любит анекдоты, которые двумя-тремя фразами могут нарисовать картину жизни, передать характеры народов. При всем богатстве грузинского раздела книги Раскина «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», я обратил внимание на анекдот, который, на мой взгляд, грузин характеризует лучше других.

«В Грузии идет проверка объектов гражданской обороны. Председатель комиссии заходит в бомбоубежище и требует показать стеллажи с питьевой водой.

— А вот нету. Кончилась.

— Ладно. Тогда покажите противогазы.

— Нету. Противогаз закончился.

— Тогда консервы.

— Ну нету консервов. Извини, дрогой.

— Что это за безобразия! А если завтра война? Что делать будете?

— Ох, начальник, опозоримся...»

В этом анекдоте есть мудрость, презрение к бюрократии, нетерпение жить, пренебрежение к смерти — достойный набор человеческих качеств. Пообщавшись с Иосифом Раскиным, я понял, что эти качества близки и ему. Видимо, в этом и заключается тяга Иосифа к грузинской культуре — подобное всегда тянется друг к другу.

2009

(20875 просмотров в интернете)

2. ИОСИФ РАСКИН — О ТОМ О СЕМ (в Интернете)

ИОСИФ РАСКИН — ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ

«Как у нас любят, спекулируя на морали, патриотизме и еще черт знает на чем, уничтожать все лучшее всякими запретами и цензурами!»

Иосиф РАСКИН

А вот его интерпретация:

«Это идиотизм — искусственно ограничивать что-то хорошее в жизни — жизнь и без тебя сама ограничит. Уж чего-чего, а мешок говна в тапочки она завсегда подложить может».

«Глупость не освобождает от необходимости думать».

Станислав Ежи ЛЕЦ

ИОСИФ РАСКИН — О ЮРИИ НИКУЛИНЕ

Юрий Владимирович Никулин — кавалер двух орденов Ленина, ордена Орла первой степени.

Прошел две войны: финскую и Великую Отечественную.

Любимый детьми и взрослыми клоун, выступал на манеже Московского цирка в дуэте с Михаилом Ивановичем Шуйдиным. Два фронтовика, один из которых горел живьем в танке, выступали на арене более тридцати лет.

Юрий Владимирович — несостоявшийся великий трагический актер. Евгений Яковлевич Весник сказал Иосифу Раскину следующее: «Если бы я ставил в театре «Короля Лир», то на главного героя я бы пригласил только Никулина».

Немножко дополню по фильмам «Андрей Рублёв», «Совершенно серьезно», «Когда деревья были большими», «Чучело», «Цирк для моих внуков».

Феномен Никулина — это его великая человеческая доброта. В безграничной доброте и скрывается секрет всенародной любви к этому человеку. Отсюда его постоянная любовь к анекдотам. Этому человеку необходимо было всегда радовать людей, вызывать у них улыбку, смех. Как только он ушел с манежа, он стал дарить людям анекдоты. Он воистину был велик своей добротой.

Иосиф РАСКИН

Соглашаюсь со всем выше изложенным, талантлив от Бога!

ИОСИФ РАСКИН — О ПОЛЬЗЕ ДИЕТ

Иосиф РАСКИН:

Качели полезны людям, склонным к полноте и с хорошей силой воли.

Они добавляют жажды победы в том месте, где ее можно и так приятно добиваться. Итак, раз за разом.

7 февраля 2013

ИОСИФ РАСКИН — О МОРАЛИ И РЕЛИГИИ

(Из обсуждений статьи Легойды в интернете)

Мнение. Этика вне религии?

Иосиф РАСКИН:

То, что мораль генетически не связана с религией, боюсь, тоже факт. Если бы мне надо было изложить всю человеческую мораль одной фразой, то этой фразой была бы:

— ворон ворону глаз не выклюет.

Я полагаю, что мораль происходит не из религии, а из необходимости выживания стаи. И именно поэтому договорная мораль работает лучше, чем скрижали на стене.

9 апреля 2013

3. ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА С УЧАСТИЕМ ИОСИФА РАСКИНА, 2005, 2006, 2009 гг. (стенографические репортажи Нины Красновой)

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР ИОСИФА РАСКИНА
в Большом зале ЦДЛ, 11 ноября 2005 года

(Репортаж Нины Красновой на основе видеозаписи)

Участники вечера:

Юбиляр, писатель и собиратель анекдотов Иосиф РАСКИН,
ведущий вечера конферансье Лев ШИМЕЛОВ

Радиожурналист, политический обозреватель радиостанции
«Свобода» Марк ДЕЙЧ,

журналист-международник, киносценарист, писатель Ген-
рих БОРОВИК,

руководитель группы «Браво», гитарист, вокалист, компози-
тор Евгений ХАФТАН,

детский танцевальный грузинский ансамбль «КАВКАСИОНИ»,
певица, актриса Мария ЛИЕПА,

пианист, композитор Левон ОГАНЕЗОВ,

скульптор Григорий ПОТОЦКИЙ,

поэтесса Инна РАЗДОЛЬСКАЯ,

режиссер, актер, композитор, драматург Марк РОЗОВСКИЙ,

пианистка Татьяна РУБИНА,

певица Валентина ТОЛКУНОВА,

танцовщица Тери ХАН,

певец и композитор Анатолий ШАМАРДИН,

цыганская певица Галина ЭРДЕНКО

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВЕЧЕРА

(В Большом зале ЦДЛ — аншлаг! На сцене, на постаменте — зеленый гипсовый бюст Иосифа Раскина, около рампы — журнальный столик. Микрофоны.)

Пианистка **Татьяна Рубина** открывает вечер. Играет на рояле классическое музыкальное сочинение.)

Иосиф РАСКИН (под аплодисменты зрителей выходит из-за кулис на сцену, к микрофону и читает наизусть стихотворение **Александра Галича**):

* * *

То-то радости пустомелям.
Темноты своей не стыжусь.
Не могу я быть Птолемеем,
Даже в Энгельсы не гожусь.

Но, от вечного бегства в мыле,
Неудобством земным томим,
Вижу что-то неладное в мире,
Хорошо бы заняться им.

Только век меня держит цепко,
С ходу гасит любой порыв,
И от горестей нет рецепта,
Все, что были, сданы в архив.

И все ж-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дураком, паяцем,
И ночью, и днем твержу об одном:
Не надо, люди, бояться,

Не бойтесь хулы, не бойтесь молвы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!» —

Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,
Рай на земле — награда!».
И...

И все-таки я забыл (старался не забыть, но забыл следующие строчки стихотворения Александра Галича)... Ну, ладно, спасибо...
(Звучат аплодисменты зала.)

Я еще нервничаю, потому что вы меня все видите, а я вас нет (из-за прожекторов на сцене). А здесь (в зале) столько красивых людей, таких замечательных людей. Я знаю, что здесь находится... Ну, всех перечислять я не буду, всех не перечислишь... Да я и не вижу всех (из-за прожекторов, которые светят мне в глаза). Но вот каждый человек, который находится здесь, это — уже легенда, каждый человек — это история. Я знаю, что здесь находится Генрих Боровик. Здесь находится одна из двух сестер Туркиных... Я помню, когда я был еще совсем молоденький, по всей Москве висели афиши: фортепьянный дуэт Туркиных. Это — великие музыканты, это — явление в советской инструментальной музыке. Здесь находится также директор одного потрясающего магазина и добрейших человек... Ну огромное количество людей... Простите, я боюсь не назвать кого-то и наверняка кого-то не назову. Вообще самое неблагодарное дело — начинать кого-то перечислять. Здесь находится замечательная поэтесса Анна Гедьмин, у нее уже вышло очень много сборников поэзии... Вот сидит человек, который сделал из магазинов сказку. Он всю свою жизнь отдал торговле, общественному питанию. Если бы все так любили свою работу, если бы все любили свое дело, как он, то у нас в Москве были бы не магазины, а сказка! У нас люди мечтали бы ходить в магазины. Вот это все, что я хочу сказать.

ИОСИФ РАСКИН и певица МАРИЯ ЛИЕПА

Иосиф РАСКИН: А сейчас на сцену выйдет легендарная... молодая, но уже легендарная, я считаю, выдающаяся певица, у которой великое будущее! Мария Лиєпа! Певица с совершенно обворожительным голосом! А концертмейстер у нее (*Мария Лиєпа подсказывает Иосифу, как зовут концертмейстера: Алексей Луковников*)... Алексей Луковников! Думаю, что у такой певицы и у такой женщины не может быть плохого концертмейстера, просто по определению... (*Смех в зале.*) Она споеет нам... Что она нам споеет? (*Мария Лиєпа говорит Иосифу: «Все известно, что я буду петь».*) Все известно, что она будет петь.

(Смех в зале.)

Мария ЛИЕПА (*идет к микрофону и поет прекрасным голосом, колоратурным сопрано*):

Заздравную чарку до края нальем
Застольную песню, играя, споем,
Любой нам подтянет, любой подпоет,
И песня, словно чарка, по кругу пойдет...

Застольная песня, звучи веселей,
Сегодня все вместе средь милых друзей...

(Аплодисменты зала. Затем певица поет колыбельную песню «Спи, мой мальчик...»)

Спи, мой мальчик, сладко-сладко,
Спи, мой птенчик, спи мой малыш,
Спят игрушки, спят лошадки,
Только ты один не спишь...

Иосиф РАСКИН (*залу*): Вы сейчас слышали очень хороший голос... а сейчас вы услышите маленькое чудо, поверьте мне.

Мария ЛИЕПА (поет туже самую колыбельную песню, но на английском языке):

Спи, мой бэби...

И т. д.

(Иосиф, под аплодисменты зала и под крики «Браво!», подносит Марии Лиене красные цветы.)

Иосиф РАСКИН (залу): Скажите, я вас обманул (когда говорил, что Мария Лиена это чудо)? (Крики зрителей: «Нет!») По моему, нет. (Смех в зале.)

Иосиф РАСКИН и конферансье ЛЕВ ШИМЕЛОВ

Иосиф РАСКИН (зрителям): А сейчас что бу-у-дет... (Смех в зале.)

Дело в том, что для меня главное, что этот эстрадный концерт — не просто концерт. А мне хотелось бы, чтобы это был мой подарок для вас. Я привык делать людям подарки. И вот сегодня в мой день рождения я решил сделать всем вам подарок хороший. Все люди, которые сегодня будут выступать здесь, это мой вам подарок от меня. И Мария Лиена, которая пела вам песни. А перед этим вам играла на фортепьяно моя единственная родная племянница, народная артистка России, лауреат очень многих конкурсов Татьяна Рубина. Она всегда открывает мои вечера, и, если у нас останется время, то она обязательно еще что-то сыграет вам.

А сейчас на сцену выйдет человек-легенда, сейчас выйдет женщина, которая обладает двумя свойствами. Первое ее свойство — она никогда не стареет, она может становиться только моложе и моложе с годами. И второе свойство — это то, что она — чудо, которое я знаю уже... и вы знаете... несколько десятков лет. И она пришла сюда, и это для меня — колоссальный подарок, это для меня — просто Божий дар, потому что это — Валентина Толкунова, и сейчас она выйдет на сцену. **Валентина**

Толкунова! (*Иосифу говорят из-за кулис, что она выйдет позже.*) Нет, она выйдет на сцену позже. А сейчас сюда выйдет не она...

Я объясню вам, в чем дело. С детства я ужасно любил эстраду. И, когда я был маленьким, по соседству со мной жил в моем переулке **конферансье Шуров** и меня водил все время на эстрадные концерты. Я видел, как играет на рояле **Цфасман**, видел разных артистов. Я наизусть знал всех конферансье, я знал лучших конферансье. И для меня большая честь, что сегодня один из самых лучших конферансье будет помогать мне вести этот мой концерт. Если бы кто-то сказал мне, что этот человек будет вести мой концерт, я бы никогда не поверил. Потому что это — высочайший профессионал, это один из лучших советских конферансье. И, безусловно, он выше очень многих известных людей, хотя он тоже очень известный. Это потрясающий конферансье, и у него не будет таких ошибок, как у меня. Это **Лев Шимелов**, заслуженный артист России!

Лев ШИМЕЛОВ (*зрителям*): Я вас умоляю, сразу выкиньте из головы все, что Иосиф про меня говорил. Он очень добрый человек, он для нас святой человек. Мы его очень любим.

Иосиф РАСКИН: Кукушка хвалит петуха... (*Смех в зале.*)

Лев ШИМЕЛОВ: Единственное, что нас объединят с Иосифом, это склероз. Так что Валентина Толкунова будет выступать чуть позже. Если вы не возражаете, конечно. (*Смех в зале.*)

Между прочим, я должен вам сказать, что в жанре, которым я долгие годы занимаюсь, в жанре конферансье, есть одно известное противоречие. С одной стороны, понимаешь, Иосиф, конферансье — это тамада, он должен хвалить артистов, вызывая их на сцену и представляя публике. Иногда артисты говорят, какая-нибудь артистка: «Ой, вы так про меня хорошо сказали, что мне больше ничего не надо делать на сцене...» — Но если тебе, дуреха, ничего больше делать не надо после моих слов, то ты — не артистка. Потому что после моих слов ты должна оправдать их. Некоторые артисты этого не понимают. То есть, с одной стороны это хорошо, когда ты очень хорошо говоришь об артисте, вызывая его на сцену, а с другой стороны, когда говоришь о нем

слишком хорошо, слишком тепло, он проигрывает от этого... Если сейчас я буду вам говорить высочайшие слова об артисте, который сейчас выйдет на сцену, то вы, каким бы гениальным он не был, будете ждать от него больше того, что он из себя представляет... Вот это и есть главное противоречие в жанре конференсье. И я так и не мог разобраться, что тут надо делать... Как соблюсти золотую середину. Иосиф, вот сейчас один из твоих молодых друзей выйдет на сцену. Я мог бы о нем говорить, как ты, говорить, что это чудо и так далее... Но скажу только, что для меня он всегда был для меня — маленькая легенда. Потому что, когда появилась эта группа под названием «Браво», я вдруг почувствовал себя каким-то настороженным. Я подумал: что это такое? такого не было — ну, браво, браво... А руководитель этой группы может и один, совсем без группы, обойтись. Bravo! Евгений Хафтан, покажись! (*Аплодисменты. На сцену выходит молодой человек в джинсах, с гитарой в руках.*)

ИОСИФ РАСКИН и руководитель группы «Браво» ЕВГЕНИЙ ХАФТАН

Иосиф РАСКИН: Я сказал, что этот концерт — это мой подарок, который я хочу сделать зрителям. И вот еще один подарок — Евгений Хафтан. Сюрприз, который я сделал не только всем вам, но и своему сыну, Михаилу Раскину, потрясающему человеку, который помог мне организовать этот вечер. Я знаю, что Хафтана любят все, а мой сын как-то особенно к нему относится. Вот то, что я хотел сказать. А Хафтан — это легенда, что там говорить...

Лев ШИМЕЛОВ (*с юмором*): А можно он немножко попоет?

Евгений ХАФТАН (*выходит на сцену, обращается к зрителям*): Добрый вечер! Знаете, я меньше всего хотел бы в этой жизни быть легендой.

Лев ШИМЕЛОВ: Это ты для меня легенда, а не для них, успокойся. (*Смех в зале.*)

Евгений ХАФТАН: Джинсы у меня рваные не потому, что у меня денег нет, а потому, что моя дочка сказала, что рваные джинсы — это сейчас модно.

Лев ШИМЕЛОВ: А где серый шнур, о котором ты мечтал? Не вижу серого шнура.

Евгений ХАФТАН (*нашел шнур, подключил его к аппаратуре*): Вы знаете, очень необычная обстановка там, за сценой. Я достаточно отвык от этого, потому что мы с нашей группой играем в основном очень громко, для молодых людей. А здесь — люди немножко другого поколения. И мне очень приятно находиться и здесь, на сцене, и там, за сценой. Где все не так, как у нас, у рок-музыкантов, а выглядит по-другому как-то так.

И несколько слов об Иосифе Захаровиче. Мы познакомились с ним достаточно давно. И, вы знаете, он тогда ходил практически на все наши концерты. Мы очень громко играем... у нас на сцене шум и грохот... Но, вы посмотрите на этого человека, он был на наших концертах...

Я сегодня выступаю без группы, один. Мне очень приятно спеть для вас несколько песен. Вы знаете, в чем большое преимущество — выступать без группы? Преимущество это в том, что ты что хочешь, то и поешь, и не надо никому ничего объяснять, какая песня будет сейчас, можно поменять одну песню на другую, начать с этой песни или с другой.

И первая песня, которую я вам спою, это — про город, в котором я родился, и в котором родился наш именинник. Это песня про наш город, про Москву, к которому у нас совершенно особенное отношение и который мы вместе, видимо, очень любим.

(*Обращается к звукооператору.*) Можно добавить гитару чуть-чуть (*сделать ее погромче*)? Так, хорошо.

(*Евгений Хафтан поет первую песню.*)

Этот город — самый лучший город на земле,

Он как будто нарисован мелом на стене.

Этот город, не похожий ни на что вокруг,

Я останусь навсегда с тобою...

Спасибо. А сейчас песня, которую я специально хотел бы посвятить человеку по поводу юбилея которого мы собрались. Эта песня специально для него звучит.

(Евгений Хафтан поет вторую песню.)

Я много лет смотрел за край небес,
Где новый день рождался вновь и вновь.
Я видел белых птиц и ждал чудес,
И все пытался объяснить любовь...

(Аплодисменты.)

(Рабочий сцены приносит и выкладывает на столик стопу книг Иосифа Раскина «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса».)

Лев ШИМЕЛОВ: Иосиф будет раздавать, вручать свою книгу артистам как приз. Она называется «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса».

Евгений КАФТАН: Вы знаете, благодаря таким людям, как Иосиф Захарович Раскин, возвращается наш гребанный мир, благодаря таким людям...

Иосиф РАСКИН: Женя, спасибо! Я должен сказать, что слово «гребанный» — самое мягкое слово в этой «Энциклопедии...». *(Смех в зале.)*

(Евгений Хафтан получает книгу от Иосифа Раскина и уходит за кулисы.)

ИОСИФ РАСКИН и скульптор ГРИГОРИЙ ПОТОЦКИЙ

Лев ШИМЕЛОВ *(Иосифу):* Садись, садись...

Иосиф РАСКИН: Сейчас я скажу одно слово... Я сказал, что если начну перечислять всех, кто пришел на мой вечер, то не смогу назвать всех, забуду назвать очень достойных людей, к тому же я из-за прожекторов не вижу, кто находится в зале, и будет много обиженных. Сейчас, подождите секундочку, я на-

зову кое-кого. Во-первых... Вы видите на сцене мой бюст... Вы знаете, это смешно, анекдотично... но, видит Бог, я не заказывал его. А вот в зале сидит автор моего бюста, потрясающий скульптор, художник, работы которого раскиданы по всему миру... Григорий Потоцкий! Это он сделал мой бюст. Давайте поприветствуем Григория Потоцкого, аплодисментами!

(Аплодисменты зала!)

ИОСИФ РАСКИН и издатели
«Энциклопедии Хулиганствующего Ортодокса»

Иосиф РАСКИН: И еще здесь находятся в зале самые для меня дорогие люди — это руководство потрясающего издательства «36 на 36», с которым я связан уже больше 10 лет. Когда-то я был связан с этим издательством как сотрудник, а теперь как автор книги, которую вы видите на сцене, на столике. Это они, эти издатели во главе с Харитоновым, издали эту книгу, они вложили сюда здоровье, кровь и пот, и немножко водочки мы выпили.

(Аплодисменты зала.)

А теперь я пойду посижу, а с вами оставлю потрясающего человека, одного из лучших конферансье...

Лев ШИМЕЛОВ *(смеется):* ...самого лучшего (а не одного из лучших)! Иди садись, садись уже, Иосиф, а то если ты будешь говорить все, что ты захочешь, мы и в 2 часа ночи не закончим наш концерт. Иди, иди, сядь.

(Иосиф, переваливаясь с ноги на ногу, идет за кулисы. Лев окликает его.) Куда ты? Ты мне еще нужен! *(Смех в зале. Иосиф возвращается на сцену, садится за столик с книгами.)* Да, издать такую книгу и не затратить на это ни копейки денег, ничего, кроме того, о чем сказал Иосиф (кроме здоровья, крови и пота)... это классно! У тебя хорошие издатели. *(Смех в зале.)*

ИОСИФ РАСКИН и детский грузинский танцевальный ансамбль «КАВКАСИОНИ»

Лев ШИМЕЛОВ: Я знал, что сюда придут гости, что они будут ломиться выступать в зале, ради тебя, но что огромный коллектив в сто человек приедет сюда, ради тебя, чтобы выступить здесь, этого я предсказать не мог. Я только одно слово знаю по-грузински — «Кавкасиони». Так называется детский ансамбль, который сейчас будет танцевать здесь грузинский танец. Остальное ты скажи про этот коллектив, в двух словах.

Иосиф РАСКИН: Я люблю Грузию, я безумно люблю Грузию, я книгу о ней написал — «Грузия, ты в сердце моем». Я очень много раз был в Грузии. Для меня было особое удовольствие ходить по улицам Тбилиси, подходить к детям и к старикам и спрашивать, как по-грузински будет: «На болоте квакают лягушки?»

Лев ШИМЕЛОВ *(об Иосифе, с улыбкой):* Остапа понесло!..

Иосиф РАСКИН: Я очень прошу кого-нибудь из детишек подойти сюда и сказать по-грузински: «На болоте квакают лягушки». Дети, подойдите сюда...

Лев ШИМЕЛОВ: Пусть они лучше станцуют.

(На сцену выходит грузинская девочка в грузинском национальном наряде.)

Иди, иди, деточка...

Иосиф РАСКИН: Вот скажи, девочка, как будет по-грузински — «На болоте квакают лягушки».

(Девочка подходит к микрофону и произносит эту фразу.)

Сказала, это надо же... *(Смех в зале.)*

Лев ШИМЕЛОВ: Ансамбль будет выступать два раза?

Иосиф РАСКИН: Один раз.

Лев ШИМЕЛОВ: Жалко...

Иосиф РАСКИН: Обратите внимание, как музыкальный руководитель ансамбля будет смотреть на своих юных артистов... будет смотреть, как они танцуют, подсказывать им...

(Девочки и мальчики танцуют грузинский танец.)

Спасибо, ребята! Bravo!

(Аплодисменты зала, крики «Браво!»)

Иосиф РАСКИН: Я прошу, пусть сюда выйдет руководитель ансамбля!

Лев ШИМЕЛОВ: Руководитель там, за сценой, валерьянку пьет...

Иосиф РАСКИН *(протягивает ребятам свою книгу «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса»):* Спасибо, ребята, книжечку передайте руководителю. Каждому из вас — по страничке. До свидания!

Лев ШИМЕЛОВ: Пусть ребята увезут с собой положительную энергию.

Представляешь, Иосиф, сколько виз посольство должно было выдать этим ребятам, чтобы они приехали сюда. А раньше можно было свободно, без всяких виз, ездить туда-сюда, как к себе домой.

Иосиф РАСКИН: Из моей книги. «С кем граничит Советский Союз? С кем хочет, с тем и граничит».

(Смех в зале.)

ИОСИФ РАСКИН и певица ВАЛЕНТИНА ТОЛКУНОВА

Лев ШИМЕЛОВ: Продолжаем наш вечер. Вот сейчас перед вами выступит женщина, которая удостоилась того, чтобы ее дважды объявили в программе нашего концерта. *(Смех в зале.)*

По телевидению идет фильм «Хмурое утро», по роману «Хождение по мукам». Там в одной серии есть момент, я не знаю, мой дорогой юбиляр Иосиф, помнишь ты его или нет. Там девочка поет песню «Разлука ты, разлука...». Девочка стоит, закутанная в шаль, глазки у нее застывшие, и вся она застывшая, ей холодно, она стоит без всяких движений руками и ногами, и поет жалобным голосом...

А теперь представьте себе эпизод, представьте себе, как стали бы петь эту песню сейчас наши эстрадные артисты, они выстроились бы здесь, на сцене, сзади выстроился бы бэк-вокал,

и они все прыгали бы и истошно вопили бы под фонограмму: «Разлука ты, разлука...» — и вихлялись бы в разные стороны и задирали бы ноги. Вот так это было бы! (*Лев Шимелов очень пародийно показывает, как это было бы. Смех в зале.*)

Иосиф, объяви свою подругу...

Иосиф РАСКИН: Это не моя подруга — это подруга всех. Которая поет так, как никто из певиц сейчас не поет. Это Валентина Толкунова!

(*На сцену выходит Валентина Толкунова.*)

Лев ШИМЕЛОВ: Валечка, ты — единственная!

(*Иосиф Раскин и Валентина Толкунова улыбаются друг другу, приближаются.*)

Вы поговорите, поговорите другом с другом, у вас куча времени. (*Смех в зале. Аплодисменты.*)

Она поет и будет петь без всяких фонограмм! Кто-то хотел бы, чтобы она пела под фонограммы, чтобы она поберегла свой голос, но она будет петь своим живым голосом, я уверен!

Валентина ТОЛКУНОВА (*поет песню «Три слова — я тебя люблю»*):

Три слова, будто три огня,
Придут к тебе средь бела дня...
Как будто парус кораблю,
Три слова — «я тебя люблю»...

Какие старые слова,
А как кружится голова...

(*Аплодисменты. Крики «Браво!»*)

Иосиф РАСКИН: Спасибо! Спасибо большое!

Валентина ТОЛКУНОВА (*Иосифу*): Я поздравляю Вас с юбилеем, с которого начинается отсчет жизни. Я объяснилась Вам в любви словами песни, в которых есть три слова, именно они держат человека на земле. Есть два способа держать человека на земле:

это говорить ему о любви и рассказывать ему анекдоты, с юмором, и тогда человеку становится хорошо, и он становится бодрым, веселым, радостным. Вам удастся, во-первых, говорить с людьми языком юмора, а во-вторых, языком любви. Только великий человек может любить всех, как Вы. Поэтому сегодня здесь так много зрителей, которые хотят Вас поздравить с Вашим юбилеем.

Мне кажется, что наша жизнь ассоциируется с четырьмя конями, которые идут по ней. Белый конь — это наше детство. Красный — это любовь. Серый в яблоках — это наша зрелость. И вороной, который когда-нибудь придет за всеми нами... Хотелось бы, чтобы вороной конь подольше обходил нас всех и Вас стороной. Доброго здравия Вам, Иосиф Захарович! И в подарок Вам — песня «Четыре коня»:

Мне судьба подарила четыре коня...

От веков и от детства наследство...

(Аплодисменты. Крики «Браво!»)

Иосиф РАСКИН: О певице, которая сейчас пела для вас, для нас, я скажу еще вот что. Валентина Толкунова — помимо того, что она — великая певица, она еще и великая женщина. Кстати, я хочу сказать еще во что. Я хочу сказать два слова о ее порядочности. Когда-то я был очень дружен с Альбертом Писаренковым, был такой конферансье. Он подал заявление на отъезд в Израиль, уехать не уехал, но с тех пор стал «в отказе», и все боялись работать с ним, и отказывались работать с ним. И только Валентина Толкунова никого и ничего не боялась и ездила с ним по всей стране, с Альбертом Писаренковым.

(Аплодисменты зала.)

**ИОСИФ РАСКИН и журналист-международник
ГЕНРИХ БОРОВИК**

Иосиф РАСКИН: А сейчас я прошу выйти на сцену человека, который вырастил потрясающего сына. Вы знаете, тяжело детям терять родителей, но еще тяжелее родителям терять своих детей.

Генрих Боровик! У нас в КГБ распускались слухи о том, что в гробу у Аркадия Райкина были спрятаны бриллианты. А один парень из ОБХСС говорил мне: «Ты слышал? Наш Боровик остался в Германии». Такие (ничем не подтвержденные) слухи распускались у нас. Я говорю: главное — это потрясающий человек. Я хотел бы, чтобы он сейчас вышел сюда, на сцену.

Генрих БОРОВИК: Я уже просмотрел, пролистал твою книгу. Там есть шутки, которые я знал и которых я не знал. Они полны твоим юмором, они не пахнут, как очень хорошая валюта. В каждой шутке есть доля правды. Мы всегда искали долю правды. Теперь мы слышим такое количество шуток из телевизика, мы ищем в них хотя бы долю шутки, долю юмора. Тебе всегда удавалось увильнуть от этого ящика. Ты вот сказал, что не боялся быть шутком. Ты никогда и не был шутком. Ты всегда был широким человеком, мудрым человеком. Твоя доля шутки и правды всегда огромна. Оставайся таким и сейчас. И не дай втянуть себя в телевизор. Дай тебе Бог здоровья и многих, многих лет жизни!

Иосиф РАСКИН: В качестве шуток расскажу два анекдота. Вот один анекдот.

«По степи идут два подвыпивших еврея. Видят, туда спустился с неба инопланетный корабль. Из него выходят человечки.

— Шелом алейхем, — говорят им два подвыпивших еврея. — Жители планеты Земля приветствуют вас!

Человечки говорят:

— Святая галактика, они уже и здесь высадились...»

Вот еще один анекдот:

«Одного пьяницу, который кричал: «Бей жидов, спасай Россию!» — забрали в вытрезвитель. — Пьяница говорит: «Евреи

уже вошли в Египет и уже подходят к Кипру... Я прихожу в Москву, а они уже здесь...»

(Смех и аплодисменты зала.)

ИОСИФ РАСКИН и пианист ЛЕВОН ОГАНЕЗОВ

Лев ШИМЕЛОВ: Сейчас на сцену выйдет человек, близкий Иосифу. Он нередко выступает вместе с Кобзоном и Аркановым. Но сейчас выйдет без них. Левон Оганезов!

(Аплодисменты.)

Левон ОГАНЕЗОВ: Я не могу не сказать об этом человеке, об Иосифе Раскине. Он — посланец Бога. И его книга — это навсегда. Мы познакомились с Иосифом где-то лет 45 назад. Я тогда аккомпанировал Муслиму Магомаеву и другим популярным певцам. А Иосиф первый сказал мне: «Лева, ты можешь работать и один». Иосиф любит эстраду. И он уже тогда судил об эстраде правильнее, чем наш худрук. Я понял тайный смысл песни Валентины Толкуновой «Какие странные слова».

Человек, который поет плохо, лучше того, который играет хорошо.

Я позволю себе рассказать, как певцы, увлекаясь звуком, могут забыть текст. Одна великая певица со своими учениками исполняла «Пиковую даму». Она давно не пела и подзабыла текст. И вот в последней сцене оперы она начинает говорить сумасшедшему Герману: «Запомни три карты — тройка... четверка... пятерка...». Герман говорит ей: «Перебор».

(Смех в зале.)

Юрий Гуляев выступал в Колонном зале, на вечере. Не могу не вспомнить, как он пел песню «Двадцать лет пройдет...»: «20 лет пройдет, 30 лет пройдет... 40 лет пройдет...» (Смех в зале.) — «50...»... Когда он дошел до 80-ти, я сказал ему: «Вспоминай текст, цифры кончаются...».

(Затем Левон Оганезов показал три сценки о трех пианистах, один из которых, любитель женщин, играл на пианино

и кокетничал со зрительницей, второй, любитель балалайки, играл на пианино, как на балалайке, а третий, любитель серьезной музыки и Второго концерта Рахманинова, играл Вторым концертом Рахманинова с таким экстазом, что сломал себе руку об клавиатуру, но все равно играл и со сломанной рукой.

Смех в зале. Аплодисменты.)

Это все, что я говорил здесь, было вступление к главному. Теперь мое поздравление моему другу Осеньке! Пока я сидел здесь, я накропал стишок.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ИОСИФУ РАСКИНУ

Пишет о народе
наш товариш Раскин.
Не писал порой ты,
не писал ты сказки,

Но расшифровал нам
буквы «хэ» и «жэ»
И над остальными
тудишься уже.

Разом обошел ты
всех коллег по цеху,
Значит, сделал хорошо,
что ты не уехал.

Даже не смотря на
пятую графу,
Книга Раскина стоит
у Путина в шкафу.

Юбилей справляешь ты
на Большой Никитской.

По-писательски с тобой
надо б нам напиться.

Двести граммов просто
в печень ты не лей,
Ты послушай тосты
от своих друзей.

Тост у меня будет такой. Аркашка Арканов сказал мне: «Передай Иосифу мой тост». — Осенька, живи столько, сколько у тебя верхнее давление!

Иосиф РАСКИН: Продолжаем наш концерт. И прежде чем объявить следующий номер, я хочу рассказать анекдот о музыке, о пианисте.

Так вот.

«Один вор-карманник влюбился в молодую девушку. И она пригласила его на вечер пианиста в Большой зал консерватории. И вор-карманник, глядя на пианиста, на его музыкальные пальцы, говорит девушке, шепотом, в мертвой тишине: «Надо же, у него такие пальцы, а он такой херовиной занимается» (играет на пианино).

(Смех в зале. Аплодисменты.)

ИОСИФ РАСКИН и пианистка ТАТЬЯНА РУБИНА

Иосиф РАСКИН: Вот моя племянница, Татьяна Рубина, потрясающая пианистка, народная артистка России! Она закончила консерваторию. Аккомпанировала многим известным певцам, Артуру Эйзену и так далее. Она исполняет сочинения Шуберта, Шопена, Рахманинова... И не дай Бог попросить ее исполнить какую-нибудь эстрадную песню, попу, что-нибудь легкое... Она закатила страшный скандал. А для меня не существует серьезной или легкой музыки. Я считаю, есть хорошая музыка и есть плохая... А Моцарт — это попса какого века? Каприччио Моцарта? Это для меня просто хорошая музыка. И сейчас Таня исполнит песню Бабаджаняна «Мои следы». Я очень хочу попросить Таню исполнить для меня, для юбиляра, песню «Мои следы».

(Татьяна Рубина садится к роялю и играет мелодию песни Арно Бабаджаняна «Мои следы». Аплодисменты зала.)

**ИОСИФ РАСКИН и певец АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН
и поэтесса НИНА КРАСНОВА**

Иосиф РАСКИН (*зрителям*): Вы понимаете, у нас сегодня не просто концерт каких-то там артистов, а каждый артист — это в чем-то чудо! Возьмите вы Валентину Толкунову, которая выступала здесь. Разве это не чудо? Возьмите вы Левона Оганезова? Разве это не чудо? Возьмите вы Льва Шимелова, который помогает мне вести концерт. Это тоже чудо. Еще вы увидите много чудес. А вот однажды, это было где-то в конце 60-х годов, по-моему. Я тогда работал с книгами у «Детского мира» (продавал книги в подземном переходе) и бегал в ЦДРИ, бегал туда звонить домой, бегал зимой погреться, перекусить, и ходил там, бродил по залам. И однажды я обратил внимание на одного молодого человека, такого... полукавказской внешности. Молоденький мальчик... он так ходит... какой-то, ну такой... очень рассеянный. Я у него что-то спросил, мы с ним разговорились. А он сказал мне, что он приехал в Москву откуда-то... то ли с Кубани, то ли еще откуда-то, я не помню, это он сам скажет вам, может быть. И вот он сказал мне, что он поет и сам пишет песни и что он хотел бы показаться кому-нибудь... А я в то время дружил с певцом Колей Никитским, очень дружил, а он пел в оркестре Утесова. А этот мальчик... зовут, звали его Толя... он мне очень был симпатичен. И мне как-то хотелось ему... ну... как-то помочь. Я дал ему свой телефон, и Толя мне позвонил... Я позвонил Никитскому и говорю ему: «Коля, — я говорю, — по-моему, Толя хороший мальчик, он поет, послушай его...». И они встретились, и Коля Никитский поговорил с Утесовым, и Толю Шамардина взяли в оркестр Утесова, дали ему, как бы сказать, такую дорогу в жизнь. А потом так получилось, что он почему-то мне перестал звонить и начал ездить по разным городам, и он

так и остался нераскрученным. А у нас ведь много потрясающе талантливых нераскрученных людей, а много раскрученных, которые — ну просто гавно. (*Смех и аплодисменты зала!*) Так вот сейчас на сцену выйдет Толя Шамардин спеть для вас. Он поет изуми-и-и-тельно, послушайте его!

Толя Шамардин пришел сюда вместе со своим большим другом, с великолепным поэтом, с Ниной Красновой. Кстати, она тоже замечательная поэтесса. Давайте мы тоже поаплодируем ей! (*Аплодисменты зала. Нина Краснова, которая стоит около сцены и фотографирует участников и гостей вечера, кланяется зрителям.*) Это очень хороший поэт, у нее много книг стихов. А еще она — автор замечательных частушек, и скоро выйдет книжка ее частушек, и ее стихи и частушки в моей книге «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса». Мне уже надоело ей это обещать — я обещаю это вам!

А сейчас поет Толя Шамардин!

(*Аплодисменты зала.*)

Анатолий ШАМАРДИН (*легкой, стремительной походкой выходит на сцену, держа в руках гитару, а вместе с ним на сцену выходит и его музыкальный струнный ансамбль «Милос», два гитариста, Анатолий Кузнецов и Василий Новиков, и бузукист Дмитрий Ратушный*): Иосиф действительно сыграл в моей судьбе такую вот важную роль... Это был не 1969-й год, а конец 1970-го. Я направлялся в совершенно другой город, в Кострому, преподавать там немецкий и английский язык в тамошнем институте. И оказался в Москве. И познакомился с Иосифом, а Иосиф познакомил меня с Николаем Никитским. И когда Николай Никитский послушал меня, он позвонил Леониду Осиповичу Утесову и сказал: «Леонид Осипович, вот у меня (дома) сидит певец... Он не просто хорошо поет (хорошо поют многие певцы, но не у всех у них красивые голоса), а у него красивый голос! Послушайте его...». И так я попал к Утесову... А потом у нас с Иосифом получился большой перерыв в отношениях... Потому что у меня не было ни прописки, ни своего угла, ничего этого

не было, и я колесил по всей стране, по разным филармониям (и растерял все телефоны, и телефон Иосифа потерял). И уже только много лет спустя, потом, увидел Иосифа здесь, в ЦДЛе... Мы опять встретились с ним, и он подарил мне свою книжку («Энциклопедию Хулиганствующего Ортодокса»)... Я очень люблю этого человека, остроумного, замечательного писателя, великолепно понимающего юмор, и вообще замечательного человека! И сейчас я хочу спеть и спою, наверное, те песни, которые я начал петь в оркестре Утесова... Утесов разрешил мне, единственному певцу в этом оркестре, петь песни на иностранных языках, которыми я владею. Один из языков — греческий — является мне родным по матери. Я помню, в то время на экраны вышел фильм, который назывался «Грек Зорба». И вот я пел песню из кинофильма «Грек Зорба». Я выходил так вальяжно на сцену и пел ее в ритме сиртаки. Послушайте, как она звучит.

(Анатолий играет на гитаре и поет песню из кинофильма «Грек Зорба», а ансамбль «Милос» аккомпанирует ему. Аплодисменты зала!)

А теперь быстрая такая, веселенькая песенка, на итальянском языке, называется она «Веселые крестьянки».

(Анатолий поет песню «Веселые крестьянки». Аплодисменты зала и крики «Браво!».)

Спасибо. И еще одна песня, старинная итальянская песня, «Гитара романа», она — она в ритме танго. Я вообще люблю очень песни в ритме танго, и сочинил много танго. Ну а эта песня была — моя любимая песня, я пел ее и в оркестре Утесова, а аккомпанировал мне малый состав оркестра Утесова и замечательный пианист Леонид Чижик.

(Анатолий поет «Гитару романа». Аплодисменты, крики «Браво!».)

Спасибо. И в заключение (*Иосиф подходит к Анатолию, говорит: Толя, у нас еще много выступающих! Анатолий умоляющего смотрит на Иосифа, поднимает один палец вверх*)... одна коротенькая песня! Коротенькая! Она звучит всего полторы ми-

нуты! (Иосиф отходит в сторону.) «Девушка в желтом платье»! В зале столько много красивых девушек!.. Песня в честь Иосифа!

Иосиф РАСКИН: Понятно... (Смех и аплодисменты в зале!)

Анатолий ШАМАРДИН (ансамблю «Милос»): Поехали! Она (эта песня) всего полторы минуты звучит...

(Анатолий поет песню на греческом языке «Девушка в желтом платье». Аплодисменты, овации, крики «Браво! Браво! Браво!»). Анатолий счастливо улыбается, показывает публике рукой на свой ансамбль «Милос», разделяя с ним свой успех, обнимает Иосифа и быстро уходит за кулисы).

Иосиф РАСКИН (берет со стола свою книгу, идет за Толей, чтобы вручить ее ему в качестве приза): Толя, Толя... (Возвращается на сцену.) У нас еще много будет чудес (на этом вечере).

ИОСИФ РАСКИН и радиожурналист МАРК ДЕЙЧ

Иосиф РАСКИН: Мне интересно, находится ли в зале потрясающий, тоже легендарный человек. Я сейчас скажу, почему он легендарный. Находится ли он в зале? Марк Михайлович Дейч!

Марк ДЕЙЧ (из зала): Да, тут я, тут!

Иосиф РАСКИН: Рассказываю. В самые застойные времена и в самое, спокойное время для нашей страны все у нас исподтишка слушали иностранные голоса. Я каждый вечер гулял с собакой по двору, и со мной ходил со своей собакой один мой приятель, и каждый вечер, примерно без пяти девять, он говорил: мне нужно срочно бежать домой, сейчас по радиостанции «Свобода» будет выступать Марк Дейч. И каждый день мой приятель боялся пропустить и не услышать это.

Потом Марк Дейч уже жил в нашей стране и работал у нас. И, когда здесь вышла моя книга, то первый, кто обратил на мою книгу свое внимание, был Марк Дейч, он сделал о ней две замечательные передачи по радиостанции «Свобода». И вел со мной эту передачу. Он оказался очень хорошим и очень порядочным человеком.

Я очень прошу Марка Дейча сказать буквально несколько слов. Будь добр, поднимись сюда, Марк, пожалуйста.

Марк ДЕЙЧ (*поднимается на сцену, подходит к бюсту Иосифа, смотрит на него, потом на Иосифа и говорит*): Иосиф! Это ты!

Иосиф РАСКИН: Да.

Марк ДЕЙЧ: До чего похож, однако.

(*За кулисами звучит смех Анатолия Шамардина. А в зале — смех зрителей.*)

Я рад поздравить моего давнего друга Иосифа Захаровича с выходом его книги и с его юбилеем, хотя какой это у него юбилей? Поглядите, Иосиф — молодой человек, поглядите на него, на его загорающийся глаз, и вам сразу все будет ясно. Я хорошо помню, как мы с ним обсуждали его задумку написать эту книгу, как он советовался со мной в этом, оказав мне такую честь.

Я буду очень короток. Книга эта свидетельствует о двух вещах, довольно серьезных. Во-первых, она свидетельствует о чувстве юмора, которое есть у автора, поскольку это очень редкое чувство. Кажется, Юлиан Тувим сказал: если у человека нет чувства юмора, у него хотя бы должно быть чувство, что у него нет этого чувства юмора. Иосифу это не грозит — у него чувство юмора есть. И, во-вторых, эта книга свидетельствует еще об одном. Иосиф начал этот вечер со стихотворения Александра Галича, моего любимого поэта. Иосиф, к сожалению, забыл его стихотворение, концовку, но это не из-за склероза, это из-за волнения. И поэтому в возмещение этого ущерба я прочту две строфы из Галича.

Кто разводит безгласных рыбок,
Кто, забавник, свистит в свирельку,
А я поеду на птичий рынок
И куплю себе канарейку...

Привезу ее, суку, на дом,
Обучу канарейку гимну,
Благо — слов никаких не надо...

«Соловей, соловей, пташечка! Канареечка жалобно поет...».

Второе свидетельство этой книги еще и в том заключается, что те времена, которым так много внимания уделяется в книге Иосифа Раскина, в анекдотах и историях, могут, к несчастью, вернуться в любой момент. И поэтому эта книга — нам еще и предупреждение о том, чтобы, не дай Бог, они не повторились. Спасибо...

(Аплодисменты.)

Иосиф РАСКИН: То, что сказал Марк Дейч, я проиллюстрирую анекдотом. Расскажу такой старый анекдот 70-х годов, анекдот-загадка.

«Третья мировая война. Все живое уничтожено. Никого на земле не осталось, ни одной живой души. Только в бункерах выжили два человека — Брежнев и Рейган, больше нет никого на всем земном шаре. И вот Рейган берет здоровый булыжник и тихонечко подкрадывается с ним к Брежневу. И хочет опустить этот булыжник ему на голову. И едва только заносит его над головой Брежнева, как в это время кто-то — бах! — бьет Рейгана по спине со всей силой. Вопрос: кто это был? Ответ: это был вечно живой Ильич.

(Аплодисменты.)

ИОСИФ РАСКИН и танцовщица ТЕРИ ХАН

Иосиф РАСКИН (*зрителям*): Скажите, пожалуйста, кто-нибудь из вас бывал в Тунисе?

ГОЛОСА из зала: Да!

Иосиф РАСКИН: Да? Есть такие люди? Тогда для них сейчас будет вдвойне прекрасный подарок. Потому что сейчас на сцену выйдет, по-моему, самая красивая девушка Туниса, хотя она живет в Москве и по своей национальности она никакого отношения к Тунису не имеет, но она исполнит потрясающий танец, который называется «Тунисские барабаны».

Исполнит этот танец потрясающая, чудесная девушка, милая, ну, красивая — это понятно, это само собой, она лауреат многих международных конкурсов, ее зовут Тери, а фамилия у нее — Хан. Пожалуйста, Тери!

Тери ХАН (*выходит на сцену в светло-бирюзовом одеянии, в легких брючках и в топике*): Дорогой Иосиф, я от всей души поздравляю Вас с юбилеем и хочу посвятить Вам слова видной персидской поэтессы Надирей:

Душа моя — устам твоим медовым жертва,
Вся жизнь моя — твоим волшебным взорам жертва,
Разлука губит всех, кто ждет с тобой свиданья,
Судьба и вся их жизнь — манящим взорам жертва,
И солнце и луна — лишь выдумка и сказка.
Ты — солнце!
Я лишь твоим лучам багровым жертва.
Ты солнце!

Иосиф РАСКИН (*этой девушке*): А вдруг я поверю (тебе)?
(*Тери Хан танцует танец «Тунисские барабаны». Аплодисменты, овации, крики «Браво!»*)

Спасибо огромное! Когда я увидел эту очаровательную девушку, меня сразу поразило то, что рядом с ней всегда и всюду была молодая, интересная женщина. Оказалось, что это ее мама. Она сегодня здесь. Давайте поаплодируем ей за то, что она воспитала такую чудесную дочь! Если бы я был мамой этой девушки, я бы тоже не отпускал ее от себя ни на шаг. (*Смех в зале. Аплодисменты.*) Чудеса продолжаются!

ИОСИФ РАСКИН и цыганская певица ГАЛИНА ЭРДЕНКО

Иосиф РАСКИН: Сейчас на сцену выйдет родная сестра великого цыгана, Сергея Эрденко, он не раз выступал на моих концертах, на моих вечерах, он фантастический музыкант! Его музыка —

это божественная музыка, яркое, реальное подтверждение того, что Бог есть, а все остальное — это посланники Бога на земле. И сейчас выйдет на сцену его не менее талантливая сестра, певица Галина Эрденко. Давайте поаплодируем ей, она этого стоит.

Галина ЭРДЕНКО: Дорогой наш юбиляр! Поздравляю Вас с таким замечательным Вашим юбилеем и с выходом Вашей книги в свет! Поздравляю и от себя, и от всего нашего цыганского племени, от всего нашего большого рода, от всего клана Эрденко! К сожалению, все наши ребята на гастролях, и мне, естественно, приходится за них за всех отвечать.

И, естественно, какое выступление без цыганского романса?
(Галина Эрденко поет романс.)

Я так любила вас, о друг вы мой прекрасный...

Скажите, кто соперница моя?..

(Аплодисменты.)

А сейчас я хотела бы спеть цыганскую песню на цыганском языке. Начинается все грустно, а заканчивается веселой свадьбой.

(Галина Эрденко поет цыганскую песню. И танцует.)

Ай, ночь темная...

Ты желанный, милый мой...

(Аплодисменты зала.)

Иосиф РАСКИН (целует певице руку): Спасибо огромное! Вообще я преклоняюсь перед этим народом!

**ИОСИФ РАСКИН и худрук еврейского театра
ЮРИЙ ШЕРЛИНГ со своей дочкой и со своей женой**

Иосиф РАСКИН: А сейчас вас ожидает, наверное, все-таки... я так думаю, это, конечно, мое личное мнение, но я думаю, вас ожидает самое большое чудо сегодняшнего вечера.

Мне когда-то сказали, и это было для меня действительно чудо, что в кинотеатре «Таганский» на площади Таганской работает, проводит репетиции биробиджанский еврейский

камерный театр. Когда сказали об этом Брежневу, он спросил: «На сколько камер?..». Брежнев думал, что раз театр камерный, значит там камеры. (*Смех в зале.*) Так вот я пришел туда, там находилась базовая площадка, я пришел на базовую площадку. Театр официально находился в Биробиджане, а когда артисты этого театра выступали в Москве, они 2 раза в год выступали в Москве, в театре Эстрады и в комплексе «Олимпийский», считалось, что это у них — гастролы. А главным художником-оформителем этого театра был Илья Сергеевич Глазунов. Он делал первые спектакли этого театра. И когда мне говорят, что он антисемит, я готов глотку драть за этого человека. У нас почему-то всегда считается, что когда человек говорит, что русский народ хороший и что русский народ испытывает большие трудности, сразу начинают говорить, не все, но некоторые, что этот человек — антисемит. Я видел своими глазами, как Илья Сергеевич Глазунов вставал на колени перед художественным руководителем и гениальным создателем этого гениального театра и, когда они исполняли еврейскую песню, в зале, где были одни русские, зал рыдал, я не утрирую, весь зал плакал! А на манежной выставке висел замечательный портрет Бориса Шерлинга. Об этом человеке можно говорить, что это уникальная личность. В него потрясающие женщины влюблялись, и это с их стороны не была какая-то карьерная интрига, а именно они влюблялись в него, безумно любили его. О нем очень много можно рассказывать. И сегодня вы увидите самого Юрия Борисовича Шерлинга, народного артиста, и его очаровательную дочь, это звезда мирового класса, певица, и его жену, которая закончила и консерваторию, и аспирантуру. Он сам про них все расскажет... А сейчас перед вами выступит народный артист, с огромным количеством разных званий, академик музыки, но главное — гениальный режиссер Юрий Борисович Шерлинг, которого я очень люблю.

Юрий ШЕРЛИНГ (*выходит на сцену*): Дорогие друзья, шелом алейхем! Мир вам! Спасибо, что вы пришли сюда. Сей-

час расслабьтесь. Потому что все, что было до этого, уже закончилось.

Я хочу вернуть Иосифа в детство, в то еврейское местечко, в котором он вырос. Но для этого мне понадобятся две минуты, чтобы подключить аппаратуру. (*Подключает аппаратуру.*) Мне хочется компенсировать ваше терпение. Но перед тем, как мы начнем показывать вам нашу композицию, мне хочется задать вам вопрос: вы не устали? вы никуда не спешите?

ГОЛОСА из зала: Нет!

Юрий ШЕРЛИНГ: Я очень боюсь, что вы устали.

ГОЛОСА из зала: Мы не устали!

Юрий ШЕРЛИНГ: Тогда позвольте вам представить лауреата международных конкурсов, самую очаровательную женщину в моей жизни — Олесю Шерлинг, мою жену, которая сегодня вместе со мной поведет вас в очаровательный мир.

Когда-то, очень-очень давно евреи собирались вместе тайком, не так, как сегодня. Сказать, что еврей будет праздновать свой юбилей в Большом зале ЦДЛ, об этом говорить не приходилось.

Камерный еврейский музыкальный театр был создан в 1977 году. Это было тяжелейшее время. Это все равно, что создать немецкий фашистский театр на Красной площади. Приблизительно вот такая реакция была на это. Но мы понимали, что наш народ должен петь свою песню. И вот тогда, очень давно, мы начали петь. (*Звукооператорам.*) Чуть-чуть прижмите свет. Пусть здесь будет камерная обстановка. И мы отправимся в далекое-далекое местечко.

(*Поет протяжную еврейскую песню, на пару со своей женой.*)

Юрий ШЕРЛИНГ (зрителям): Я очень боюсь, что вы устали...

ГОЛОСА из зала: Нет-нет-нет!

Юрий ШЕРЛИНГ (Иосифу): Мы тебя очень любим. Иди садись на свое место (за столик). Я свое уже отсидел.

Иосиф РАСКИН: А за то ты сидел?

Юрий ШЕРЛИНГ: За то, что все говорили, будто я откусил нос миллионеру. А меня посадили не за это, а за то, что я не вернул милиционеру этот нос.

Иосиф РАСКИН: Но значит — ты его все-таки откусил?

Юрий ШЕРЛИНГ: Это все шутки. Садись, садись, Иосиф дорогой... Сегодня такой дорогой день...

Я сейчас хочу пригласить мадонну с младенцем. Мою жену и мою дочь. У меня есть доченька, ей 15 лет. Так случилось, что она уже много-много раз — лауреат международных конкурсов, лауреат премии «Триумф». Я хочу, чтобы мать и дитя спели для вас песню. А я пока удалюсь.

(Дочь Юрия Шерлинга поет песню на английском языке. Жена подпевает ей. Аплодисменты зала.)

Юрий ШЕРЛИНГ (зрителям): Вы не устали, нет? Не устали?

Был вот такой случай в истории моего народа, когда Моисей пришел к фараону и сказал ему: отпусти народ мой... Наверное, мне не надо рассказывать вам историю исхода евреев из Египта... Моисей повел свой народ по пустыне. Сорок лет водил он свой народ по пустыне. Для того, чтобы умерло поколение, которое жило в рабстве. Казалось бы, народ, выйдя из рабства, должен был бы очухаться. Но, как сказал бы Иосиф Раскин, мы не очухались. Не пришли в разум и сотворили Золотого Тельца. Моисей поднялся на гору, спустился с горы и принес скрижали, но скрижали треснули в его руке, от горя. Композиция, которую мы сейчас исполним, называется «Трудная и длинная дорога».

(Юрий Шерлинг и его жена поют еврейскую песню на еврейском языке.)

Иосиф РАСКИН: Браво, браво!

Юрий ШЕРЛИНГ: 120 лет тебе, Иосиф, дай Бог!

Иосиф РАСКИН: Спасибо. Есть такой тост, который я когда-то любил, когда был совсем-совсем молодым. Выпьем за мое здоровье! — Буду здоров я — будет здорова моя жена! — Будет

здорова моя жена — будете здоровы вы! — Будете здоровы вы — будут здоровы ваши жены! — Будут здоровы ваши жены — буду здоров я! Так выпьем за мое здоровье!

(Смех, аплодисменты.)

ИОСИФ РАСКИН и поэтесса ИННА РАЗДОЛЬСКАЯ

Иосиф РАСКИН: По-моему, где-то здесь находится... я видел ее в фойе... одна женщина... А, вот она, идет ко мне с цветами... Спасибо! Идите сюда, на сцену. Эта женщина, которая в детстве пережила настоящее фашистское гетто, когда была ребенком. Она пишет стихи, она кровью вымучила свои стихи. У нее два здоровых сына, которых она вырастила, два очень хороших мужика. И вообще она милая женщина. Я хотел бы, чтобы она... я очень хотел бы, чтобы она исполнила парочку-троечку своих коротеньких стихотворений. А после этого будет еще чудо. Простите, извините меня, я не объявил, как зовут эту женщину. Это замечательный поэт Инна Давыдовна Раздольская, у которой издано несколько сборников поэзии, ну и так далее.

Инна РАЗДОЛЬСКАЯ: Я прочитаю что-то вроде пародий.
(Читает несколько стихотворений, очень боевым голосом.)

Утро упруго,
Бодры рифы,
Ударьте грубо
По строчкам рифмы...

Натура — дура.
Разгул Амура.
Какая на хер
Литература?

И вот из сборника «Ларец» — несколько маленьких миниатюр.

Тоска на роже —
Себе дороже.

Пока поймешь, как надо жить,
Пора с базара уходить.

(Уходит со сцены.)

ИОСИФ РАСКИН и режиссер МАРК РОЗОВСКИЙ

Иосиф РАСКИН: Я говорил, что я так старался, чтобы на этой сцене были одни чудеса. Сейчас на сцену выйдет потрясающе чудесная супружеская пара. Выйдет на сцену народный артист, великий, я считаю, режиссер. У нас есть гражданственные режиссеры, свобододолюбивые, академические. А этот режиссер — потрясающе честный. Мы обязаны ему тем, что мы иногда слушаем Хазанова, Филипенко, Фараду — это все его воспитанники. Этот режиссер создал «Холстомера» по Толстому.

Марк РОЗОВСКИЙ *(появляется из-за кулис):* Иосиф, хватит (меня расхваливать)...

Иосиф РАСКИН: Минуточку... я не заканчиваю. *(Обращается к зрителям.)*

Как вы поняли, это Марк Григорьевич Розовский! Я счастлив, что я знаком с его сыном, которому 8 лет... сыну Марка Григорьевича 8 лет. А еще у Марка Григорьевича есть дочка, которой 42 года. Дочке 42 года, а сыну 8 лет. И еще у Марка Григорьевича есть потрясающая, обаятельная и одаренная жена...

Марк РОЗОВСКИЙ: Иосиф, хватит...

Иосиф РАСКИН: Минуточку... Жена у Марка Григорьевича — великолепный директор и музыкальный руководитель театра у Никитских ворот. Ей 42 или 43 года. Татьяна Ремзина! И они сейчас вам что-то споют.

Марк РОЗОВСКИЙ: Сегодня не наш творческий вечер...

Иосиф РАСКИН: Ну ладно, тогда я ушел *(уходит к кулисам, садится за столик с книгами).*

Марк РОЗОВСКИЙ: Ну вы уже поняли, что у Иосифа все великие!

Иосиф РАСКИН: Ну а если я стараюсь, чтобы сюда приходили только великие...

Марк РОЗОВСКИЙ: Эти преувеличения свойственны Иосифу, его натуре. Потому что он — человек необузданный, бескрайний, беспредельный в каком-то смысле...

Иосиф РАСКИН: Два слова я все-таки позволю себе сказать Вам в ответ...

Марк РОЗОВСКИЙ: Нет-нет, Вы сидите, Иосиф, сидите, сидите... *(Смех в зале.)*

Иосиф РАСКИН: Вы расскажете, как Татьяна меня обещала никогда больше в театр не пускать.

Марк РОЗОВСКИЙ: Не знаю, что ответить на это, но что-то надо... *(Иосифу, который пытается встать и что-то сказать.)* Вы сидите, Иосиф, сидите...

Что я скажу? Конечно, Иосиф Раскин — совершенно такое неординарное явление в нашей книжной торговле, а также в нашей литературе. Потому что в нем как-то так очень хорошо совмещается, так сказать, генетика Баркова, которую обожал Пушкин, и, собственно, такое раблезианство, моцартианство или раблезианство. Он очень жизнелюбивый человек, несмотря на то, что он еле ходит после инфаркта, после болезни, у него какая-то одышка, но, черт возьми, это абсолютно молодой человек, это человек с такой энергетикой и с такой живостью восприятия жизни, с таким любопытством, с такой любознательностью с такой щедростью, понимаете, к друзьям, к близким, к знакомым. Он, действительно, когда приходит на мои спектакли, то публика перестает смотреть мои спектакли, потому что он орет, кричит: «Браво!», — кричит: «Великий!» (спектакль и Радзинский), — и все оборачиваются на него, и все думают уже, что не спектакль великий, а он, Иосиф, великий! Это нормально, понимаете, потому что он — ненормальный, он абсолютно вот, как я сказал, раблезианский человек, раблезианский... знаете, вот

у Рабле в его великом романе... там, я не помню... может быть, здесь критики есть, искусствоведы, литературоведы, они знают лучше... но, по-моему, там, в этом романе, у Рабле приводится такой список подтирок приводится, простите за такое простое слово... и этих подтирок там то ли 500, то ли 800... и последняя подтирка там, по-моему, такая... очень эстетская, подтирка цыплятами... то есть подтирку надо, оказывается, делать вот так... Ничего запретного! Жизнь прекрасна во всех, даже низменных, своих проявлениях! Это Иосиф Раскин, понимаете, который нам дает урок любви к этой жизни, бесконечной жизни! Поэтому, лицемеры, замолчите! Поэтому, люди, будьте все молоды, будьте все сочными, яркими, живыми!

Вот комедия Дель Арте, я театральный человек, есть даже такой термин в комедии Дель Арте, знаете, «аниме аллегро» — радостная душа, внутреннее ликование! Вот он владеет этой радостной душой, несмотря на свой возраст, несмотря на свои болезни! Он жизнелюбив, он любвеобилен, и, самое главное, он прекрасный друг! Иосиф Раскин — прекрасный друг! И пусть в качестве моего приветствия тебе, дорогой Иосиф, прозвучит песня, к которой я тоже некоторое отношение имею. Я когда-то писал сценарий к фильму, вы, наверное, видели его, «Д, Артаньян и три мушкетера», музыку к фильму написал мой хороший товарищ, Максим Дунаевский, а стихи — тоже мой не менее хороший товарищ, Юрий Ряшенцев. Ну а я писал сценарий, знаете, по бессмертному роману Дюма. Ну и раз я сказал, что ты, Иосиф, хороший друг и здесь такая дружеская атмосфера, то разрешите мне закончить этот вечер песней о мушкетерской дружбе!

(Марк Радзинский поет песню о дружбе.)

На волоске судьба твоя,
Враги полны отваги.
Но, слава Богу, есть друзья,
Но, слава Богу, есть друзья!

И, слава Богу, у друзей есть шпаги...

И т. д.

(Затем Марк Розовский идет к бюсту Иосифа, целует этот бюст, смеется, и обнимает Иосифа.)

Иосиф РАСКИН: Дорогие друзья, уже много времени. Я очень прошу простить меня за то, что здесь не выступили некоторые очень достойные люди, которые хотели что-то сказать, что-то исполнить... вот близкие мне люди из Чехословакии, несколько человек, вот еще здесь сидит человек, которому я много чем обязан... Но меня здесь дико все торопят... Надо заканчивать вечер. Извините меня, милые люди! Всего вам доброго!

(Зрители кидают на сцену разноцветные резиновые надувные шары, идут к нему и дарят ему цветы. Просят его подписать им книги.)

Я не могу здесь подписывать свои книги, я пойду вниз, в Пестрое кафе, там буду подписывать их. Идите туда.

(Зрители идут в Пестрое кафе, на фуршет, и там общаются с Иосифом Раскиным и друг с другом. И фотографируются с ним. И пьют и едят за его здоровье.)

Материал подготовила (с видеозаписи)

Нина КРАСНОВА

1–20 сентября 2016 г.

(посл. вычитка 16 июля 2017 г. и 6 августа 2018 г.),

Москва

ИОСИФ РАСКИН: «Валерий ЗОЛОТУХИН, Анатолий ШАМАРДИН и Нина КРАСНОВА — МОИ ДРУЗЬЯ...»

(Отрывки репортажа вечера Нины Красновой в Малом зале ЦДЛ, под флагом журнала «Наша улица», 15 марта 2005 г., с видеодиска)

15 марта 2005 года в Малом зале ЦДЛ, прямо в день рождения поэтессы Нины Красновой, состоялся ее юбилейный вечер, который вел главный редактор журнала «Наша улица» писатель **Юрий КУВАЛДИН**. На вечере, кроме ведущего Юрия Кувалдина, выступили: народный артист России, член Союза писателей Москвы **Валерий ЗОЛОТУХИН**, певец и композитор, солист оркестра Леонида Утесова **Анатолий ШАМАРДИН**, автор «Энциклопедии хулиганствующего ортодокса», собиратель анекдотов, частушек, знаток литературы, член Союза писателей Москвы **Иосиф РАСКИН** и многие другие.

Выступала также и **Нина КРАСНОВА**.

(...)

Юрий КУВАЛДИН: Так... Валерий Сергеевич упомянул здесь замечательную книгу прозаика, веселого прозаика... Иосифа Раскина, книжника до мозга костей. Иосиф даже забыл, что мы с ним сталкивались где-то в 1988–1989 году... когда у него была контора в «Гостином дворе»... И я приезжал туда... Я как первый частный издатель... давал ему часть тиражей своих... книг. Он с удовольствием брал и быстро продавал и давал мне мешок денег. Иосиф Раскин к микрофону.

(Аплодисменты.)

Иосиф РАСКИН: Я прошу прощения...

Нина КРАСНОВА *(Иосифу Раскину, с которым она стоит в дверях, и там же стоит Валерий Золотухин, который уже выступил и собирается уходить):* В микрофон, пожалуйста (говорите)...

Иосиф РАСКИН: Я рад, что я сейчас вынужден выступить здесь перед Валерием Золотухиным, перед этим замечательным человеком, до того, как он уйдет отсюда, из ЦДЛ... Потому что сейчас уходит Валера... А я не могу не сказать несколько слов, чтобы он их все-таки слышал. Я хочу сказать... Я буду долго говорить...

(Смех в зале.)

Юрий КУВАЛДИН: Это правильно. Давайте.

Иосиф РАСКИН: Я хочу сказать... Что главное, что объединяет Краснову Нину и Золотухина Валеру... Вот главное, что их объединяет. Это истинно великие, выдающиеся русские художники... Потому что поэт — это тоже художник. Актер — это тоже художник. И еще вот что. Я с Валерой знаком с 1965 года... значит...

Юрий КУВАЛДИН: С начала Таганки прям...

Иосиф РАСКИН: Сорок лет... Я тридцать восемь раз видел его Водоноса. Вы знаете, я ужасно не люблю... когда-то я придумал фразу: из-за вас, жидов, нас, евреев, не любят.

(Смех в зале.)

Можно ли представить Есенина антисемитом... Нет. Истинно русский человек, истинно прославляющий русскую культуру, русскую историю, он никогда не может быть и не будет антисемитом. И вот что отличает Золотухина, как великого русского актера, истинно... я клятвенно говорю, не стесняясь, что это великий русский актер... Просто... И вот (его) трагедия состоит в том, что на Таганке оказался... и как бы стал знаменем Таганки, знаменем Любимова — Высоцкий... который просто вовсе не актер. А Золотухин — это великий русский актер. И я не согласен с ведущим... с Кувалдиным... по многим моментам... Когда он говорит слово поэтесса... Я не люблю это слово. *(А Нина Краснова любит слово поэтесса применительно к себе. — Н. К.)* Здесь сидит потрясающий поэт, именно поэт, потрясающий, выдающийся поэт... Это **Нина Краснова**. Потому что ее проза — это тоже поэзия в прозе. Ее частушки — это поэзия. Ее книжка

о Вознесенском — это действительно настоящая поэзия в прозе. И слово «поэтесса» я не люблю. Есть у нас поэтессы и в брюках. Но это уже стихотворцы... (Нина Краснова на свой юбилейный вечер, по просьбе Юрия Кувалдина, пришла в юбке, в миди-юбке, бело-серо-черно-диагонально-клетчатой, в шведском стиле, и в такой же шали поверх черной вязаной ажурной кофточке с просветами, и в полусапожках на высоких каблуках.) Второй момент. Еще я хочу что сказать? Когда мне иногда говорили раньше и сейчас девчонки, раньше и сейчас: все мужики сволочи, какие все люди злые... Я всегда говорю: есть железный закон жизни — кругом тебя такие люди, какой ты сам. Будешь сам говно, и будет вокруг тебя говно. Будешь хорошим человеком, и вокруг тебя (с тобой рядом) будут прекрасные люди. Вы знаете... Нину Краснову... выделяет то, что вокруг нее... ее окружают очень хорошие люди... Вот я смотрю... примерно столько же, сколько я знаком с Валерой Золотухиным, я знаком с одним замечательным тоже поэтом... тоже (только) поэтом в музыке... поэтом, из которого поэзия выходит... это (певец и композитор) Толик Шамардин, который пел здесь... И вот это счастье, что я вдруг случайно... я его не видел лет двадцать (мы не виделись с ним лет двадцать-тридцать)... И вдруг оказалось, что они знают друг друга, Валера — Толика, и Толик — Валеру. Я сейчас Валерку увидел Золотухина, я обалдел... Оказывается, они близко знакомы. Вот с Ниной рядом — только хорошие люди. Только. Это очень здорово. Это Нине повезло. Нина, всегда будь с ними. И всегда будь с Толиком Шамардиным. А еще... я могу рассказать анекдот... Ну как я могу без анекдота уйти? Вы сами понимаете. Это анекдот замечательный. В средней полосе России. И один американец собирал грибы. И он заблудился в лесу и вышел в поле, огромное поле до горизонта, дикая, страшная грязь, распутица... И в этом поле едет вдалеке... телега... он увидел... увидел телегу. И в этой телеге едет старый мужичонка, весь заросший, самокрутка в зубах... трех, фуфайка... Сидит он на этой телеге, полной дерьма, говна... И оно падает с телеги и тянется через поле... Америка-

нец увидел живую душу, увидел мужика, бежит к нему, падает, спотыкается, падает в эту грязь, поднимается... И опять бежит, и опять бежит... И подбегает к мужику: «Дую спик инглиш?». Мужик так смотрит на него и говорит: «Я сойду, но хули толку?»

Юрий КУВАЛДИН: Ах, ха-ха-ха...

(В зале смех и хохот.)

Иосиф РАСКИН: Понимаете... Я тут недавно... Это, кстати, этот анекдот касается многих наших поэтов... многих наших писателей... Это мой любимый анекдот. «Я сойду, но хули толку?» Понимаете? А Нина — потрясающий поэт. Дай Бог ей добра, дай ей Бог, чтобы как можно меньше сволочей встречалось ей в жизни... Дай ей Бог жить столько, сколько у нее верхнее давление. И дай Бог, чтобы рядом с ней были хорошие люди. Ниночка, милая, я тебя очень люблю. И еще тоже хочу передать тебе свои поздравления... Вы знаете, мне когда-то один человек сказал: что самая высочайшая, самая высокая внутренняя культура во всем мире, во всем мире — это в глухой русской деревне. Вот выше не бывает. Вот самая высочайшая, самая внутренняя культура, которая не дается ни образованием, ничем... это внутренняя культура... это глухая, глухая русская деревня. А и Золотухин и Нина — это глухая русская провинция... Это можно назвать и деревней. Так вот. Я расскажу анекдот про внутреннюю культуру. Два англичанина выходят из туалета... Один говорит другому: «Нас после туалета учили мыть руки». А другой говорит: «А я когда учился в Оксфорде, нас учили не ссать на руки». Разное понимание культуры...

(Смех, хохот.)

Разное понимание культуры... Есть внутренняя культура... И вот тут сидит один поэт... Я не хотел назвать его фамилию. Если попросят сказать его фамилию, я назову. Он поклонник Нины Красновой и написал хорошие стихи, свое посвящение ей. И мне очень понравилось его посвящение.

Валерий Лобанов

ОБЛОМ

Юной пионерке Нине Красновой

Свиданье предстояло
не в песне Доризо,
да туча-одеяло
затмила горизонт.

Смешались в общем хоре,
сроднились, как семья,
шум ветра, вздохи моря,
и музыка твоя.

Пока я ждал погоду,
красивый, как Рабле,
ты обрела свободу
на ближнем корабле.

Кому-то пригодился
мной купленный билет...
Зеленая водица
разглаживает след.

И, дурню в назиданье,
ты машешь с корабля.
Какое, бля, свиданье!
Какая ...бля, бля!

24 января, 2004 г.

(Хохот.)

Нина КРАСНОВА (*Иосифу Раскину*): Это мне подарите, пожалуйста (я собираю все посвящения мне в стихах).

Иосиф РАСКИН: Да, обязательно подарю.

Нина КРАСНОВА: Я автора знаю. Это Валерий Лобанов. Очень скромный и очень застенчивый мой почитатель. Он читал мне все это по телефону.

Иосиф РАСКИН: Я страшно рад... Сегодня потрясающий день. В Нинин день рожденья я еще увиделся здесь с Валерием Золотухиным. ...Это правда — великий русский актер. Я ни капельки не преувеличиваю.

Нина КРАСНОВА: И писатель великий!..

Иосиф РАСКИН: Я знаю двух великих актеров. Это Валерий Золотухин и Славина... Все. И великого певца... Это Анатолий Шамардин... А Нина Краснова — это потрясающий русский поэт. И никакой она не литератор, это все херовые слова всякие: она «поэте-е-сса»... Она — поэт. А это разве (*смотрит на Кирилла Ковальджи, который сидит в президиуме*)... назовите его... разве можно о нем сказать: это поэтесса? Вот поэтессой назвать его?

(Смех в зале.)

Материал подготовила

С видеозаписи вечера Нины Красновой 15 марта 2005 года

Нина КРАСНОВА

17 марта 2005 г.

и (с уточнениями) 11 октября 2016 г.,

Москва, Перово

**ИОСИФ РАСКИН — ОТКРЫВАТЕЛЬ
И ПОКРОВИТЕЛЬ ТАЛАНТОВ**

(Выступление Иосифа Раскина в сольном концерте Анатолия Шамардина, в Политехническом Музее, 16 марта 2006 года, во 2-м отделении, вечер вел Виктор Балашов, стенограмма с аудиокассеты)

Анатолий ШАМАРДИН: Здесь, в зале, находится легендарный писатель, мой друг уже более тридцати лет. Может быть, его имя у кого-то на слуху. Это — Иосиф Раскин! Он хочет сказать пару слов. Пожалуйста!

Иосиф РАСКИН (*сидит в первом ряду рядом с поэтессой Ниной Красновой, встает со своего места*): Я очень громко буду говорить (меня будет хорошо слышно отсюда). Поэтому я не буду лезть на сцену. Ладно? Дело в том, что это было, ну, лет сорок назад... может быть, тридцать пять (лет назад). Я тогда продавал книги в подземном переходе (в центре Москвы) и бегал каждый день в ЦДРИ — позвонить (кому-то по телефону), кофе попить, погреться... дело было зимой... И вот я обратил внимание на молодого человека, очень застенчивого, очень стеснительного, который ходил (там), и у меня было такое ощущение, что он то ли кого-то искал, то ли не знал, к кому ему обратиться*. И мы с ним разговорились. Он сказал, что он приехал откуда-то, я не помню, откуда...

Нина КРАСНОВА: Со Ставрополя...

Иосиф РАСКИН: Откуда?

Нина Краснова: Из Ставропольского края**...

* Анатолий Шамардин вообще-то рассказывал мне, что он познакомился с Иосифом Раскиным не в ЦДРИ, а в подземном переходе, где Иосиф продавал книги. Анатолий купил у него книгу, и они с Иосифом разговорились. А потом, они уже и в ЦДРИ виделись. — *Н. К.*

** Вообще-то в то время Анатолий Шамардин приехал в Москву не из Ставропольского края, где он родился, а из Ленинграда, где он окончил аспирантуру при университете и работал в Ленинградской филармонии, но откуда ушел, потому что решил переехать в Москву и приехал туда и не знал, кому там показаться, чтобы попасть на эстраду. — *Н. К.*

Иосиф РАСКИН: Ниночка подсказывает мне... Он приехал из Ставропольского края. Ему хотелось бы кому-то показаться, чтобы его кто-то послушал (как он поет). Мне этот молодой человек был очень симпатичен. Я всегда был довольно твердый, устоявшийся (в своих принципах и наклонностях)... был всегда... как это называется... То есть я до этого был два раза женат, и после этого был четыре раза женат... (*Смех в зале!*) Но дело в том, что этот молодой человек был мне очень симпатичен своей какой-то такой интеллигентностью, своей какой-то такой, вот именно, застенчивостью... А я в это время был очень дружен с певцом Колей Никитским... Николай Николаевич Никитский — был тогда такой потрясающий и, я считаю, лучший у нас в стране исполнитель романсов. Он пел в то время у Утесова в оркестре. И я думаю: дай я позвоню ему, и попрошу: «Коля, послушай хорошего мальчика (певца и композитора). А может, он правда что-то хорошее из себя представляет». И я позвонил Коле Никитскому. И этот Коля Никитский взял на себя довольно большую ответственность — говорить с Утесовым... рекомендовать ему молодого артиста, даже не слушая (не прослушав) этого певца и композитора*... Вот. И Никитский познакомил их. И Толя Шамардин очень понравился Утесову! Очень! И Толя Шамардин несколько лет пел с Утесовым, с его оркестром.

Анатолий ШАМАРДИН (*со сцены поправляет Иосифа Раскина, уточняет*): Год (а не несколько лет, и даже меньше).

Иосиф РАСКИН: Год. Вот. И после этого мы с Толей Шамардиным много лет не виделись. У меня работа, работа... И у него работа (концерты, гастролы по стране)... и мы с ним не виделись... И вдруг он как-то раз подбегает ко мне в подземном переходе... такой счастливый! Показывает мне свою пластинку большую! И там уже появились (стали соавторами его песен) большие по-

* Николай Никитский прослушал Анатолия Шамардина, прежде чем рекомендовать его Леониду Утёсову. Николай Никитский пригласил Толю к себе домой, и Толя пришел к нему и спел ему свои песни, под гитару, и очень понравился ему, и тогда тот познакомил его с Леонидом Утесовым, сказал Утесову: «Леонид Осипович, бери Толю в оркестр. Это ценный, ценный певец! Это — верняк (он принесет оркестру успех)!». — *Н. К.*

эты, потрясающие поэты — Виктор Боков, Алим Кешоков, Нина Краснова*, которая явилась для Толика не просто поэтом великолепным... Нина Краснова — у нее много сборников потрясающей поэзии. Я не люблю слово «поэтесса», потому что она — действительно, настоящий поэт! И вот это Толе явилось счастьем — и то, что он встретил Виктора Бокова, и то, что он встретил Алима Кешокова, и то, что он встретил Николая Старшинова, и то что, он встретил Нину Краснову, безусловно. И поэтому я очень счастлив, что Толя Шамардин сегодня выступает здесь.

Другое дело, что его застенчивость ему сильно помешала (в его «карьере»). Он никогда не был в шоу-бизнесе, он никогда не занимался своим раскручиванием. И я только сегодня первый раз за все годы... я сегодня первый раз присутствую на его сольном концерте! И получаю огромное удовольствие, огромное! Толя молодец! Честь ему и хвала! А можно и быть и раскрученным, но быть никем. А можно быть и нераскрученным, но быть — потрясающим певцом! Главное — петь, как он, и иметь такой голос, как у него! Bravo, Толя! Все!

(Аплодисменты зала.)

В речи Иосифа Раскина и в реплике Нины Красновой на концерте Анатолия Шамардина в Политехническом музее в 2006 году есть неточности, которые по большому счету не так уж существенны.

Материал подготовила

с диктофонной записи вечера Анатолия Шамардина 2006 года

Нина КРАСНОВА

10 октября 2016 г.,

Москва, Перово

* На большой долгоиграющей пластинке «Гитары любви» (1982) меня у Анатолия Шамардина тогда не было, мы с ним познакомились позже. А на диске «Золотая иволга» (2004), да, была и я, и были Виктор Боков, и Алим Кешоков, и Николай Старшинов, то есть песни Анатолия на наши стихи. — Н. К.

**АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР ИОСИФА РАСКИНА
В ПЕРЕДЕЛКИНО,
В МУЗЕЕ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО, 2009 год**

(Стенографический репортаж Нины Красновой, с видеозаписи)

ПРЕЛЮДИЯ ВЕЧЕРА

Переделкино. Двор музея Корнея Чуковского, литературного «Гаража», знаменитого литературного салона, хозяйкой которого много лет является Алла Рахманина, член Союза писателей Москвы и приемной комиссии этого Союза, вдова писателя Бориса Рахманина. Иосиф Раскин — с незажженной сигаретой в руке — сидит в кресле. Около Иосифа стоят гости, которые пришли на его вечер. Тут и две его экс-жены, Раиса и Ирина, тут и его сын от Раисы Михаил, тут и литераторы Владимир Гальперин, Андрей Дебабов... и еще несколько человек.

Голос из окружения Иосифа Раскина: Алла сказала: «Сюда придет человек эпохи».

Иосиф Раскин: Кто сказал?

Голос из окружения Иосифа Раскина: Алла!

Иосиф Раскин (смеется): Хе-хе-хе-хе... *(Начинает представлять всем своего сына Михаила Раскина.)* А это мой сын... Миша...

Михаил Раскин (всем): Здравствуйте...

Иосиф Раскин (своему сыну Михаилу): Дай лапу...

Михаил Раскин (своему отцу Иосифу Раскину): Ладно, мэтр, кончай смолить. Пошли на трон *(в литературный «Гараж» Корнея Чуковского; помогает отцу подняться, берет его за руку)*.

Иосиф Раскин (тяжело поднимается с кресла, опирается на руку сына, идет с ним): Пошли... Все, сегодня я больше ходить не могу...

1-Я ЧАСТЬ ВЕЧЕРА

(Ход вечера)

ЮНАЯ ПИАНИСТКА НАТАША НА ВЕЧЕРЕ ИОСИФА РАСКИНА

Иосиф Раскин (*сидит в литературном «Гараже» Корнея Чуковского, во главе стола, в самом центре, на стуле, держит в одной руке трость и незажженную сигарету в пальцах, звонит по мобильному телефону... кому? водителю машины*): Алло! Не отвечает... не отвечает... Он не отвечает просто... (*Дозвонился до него, наконец.*) Послушай, я в машине оставил свои книги, а они мне срочно нужны... (*Водитель обещает привезти их.*) Хорошо... Все... Спасибо... Все сейчас будет...

Иосиф Раскин (*обращается к залу, ко всем, кто сидит за длинным прямоугольным столом, который занимает почти всю площадь помещения, начинает выступать*): Дорогие друзья я хотел бы, действительно, в самом начале сказать, что я страшно рад всем, кто сюда пришел. Но я хотел бы немножко отметить кое-кого и поблагодарить их, что они пришли сюда. И вот я хочу сказать, что вы присутствуете... думаю, большинство впервые присутствует на открытии колоссального таланта... Я думаю, что этот талант будет когда-то известен очень сильно всем, а не только вам. Это фортепьянный талант, это Наташа. И как она играет, уж я (в этом разбираюсь)... У меня племянница моя — народная артистка России, окончила консерваторию, все это было при мне. Но такой игры, как у Наташи, я не слышал. Это потрясающая игра, и девочка эта колоссально талантлива. Вот все, я больше ничего не хочу сказать.

Наташа (*юная пианистка*): Сергей Васильевич Рахманинов. «Музыкальный момент номер четыре».

(*Наташа играет сочинение Рахманинова. Аплодисменты.*)

Иосиф Раскин: Я не сказал еще одну важную деталь. То, что Наташа играла сегодня, это (с ее стороны) подвиг, вдвойне подвиг. Ведь она играла на совершенно расстроенном инструменте, где западают некоторые ноты и где вообще их нету. И вот так (великолепно) она сумела сыграть. Наташенька, спасибо тебе огромное!

(Аплодисменты.)

ИОСИФ РАСКИН БЫВАЛ У ЧУКОВСКОГО МНОГО ЛЕТ НАЗАД

Иосиф Раскин: Теперь переходим к главному. Я вот щас немножко даже заплакал, у меня как бы подкатил комок к горлу... *(На глазах у Иосифа Раскина — слезы.)*

Вы знаете, для меня колоссальная честь — быть сегодня в этом доме, быть сегодня на этом участке, на этой территории, потому что... конечно, Корней Чуковский и я... ну, это вещи совершенно какие-то (несравнимые)... Но еще не забывайте то, что я когда-то... лет сорок тому назад... был на этом участке. Я был в гостях у Корнея Ивановича. Я не видел его. Я долго сидел на его участке, здесь скамеечка есть, поправее, там, как раз прямо напротив его дома. И вот на этой скамейке мы долго сидели с садовником. Садовник — пожилой мужчина. И он мне много всего рассказывал. Это мне было очень интересно. Но, к сожалению, я щас все это уже забыл. Мы довольно-таки долго с ним просидели. И мне было это опять-таки очень приятно.

Сейчас скажу про свою оплошность.

Ко мне вышла женщина, из дома Чуковского. Там был слышен кашель (Чуковского), страшный кашель, он был слышен издалека. Вышла ко мне женщина, извинилась (за то, что Чуковский не может меня принять, болеет), передала мне письмо от него, от Корнея Ивановича, с его очень удивительно сразу узнаваемой подписью. Это письмо находится где-то у моего сына, у его мамы... среди каких-то моих бумаг. (Моя оплошность состоит в том, что оно затерялось там.)

Потому что жизнь у меня была такая... миллион разводов, миллион женщин, и все это ушло... Я буду очень благодарен моему сыну, если он когда-нибудь найдет эту бумагу, это письмо, оно где-то там, в доме. Я не мог его уничтожить... Вот. В общем, я был здесь когда-то, это очень важно. Так же, как был я и дома у Кассиля. Кассиль Лев Абрамович жил здесь через пару домов. Я у него тоже здесь бывал. Вот.

Но то что я был здесь когда-то и что и сегодня я здесь, да еще как бы с анекдотами... это очень важно. Хотя вы зря ждете от меня матершинных анекдотов... То есть зря думаете, что я буду употреблять здесь ненормативную лексику. Если это и будет, то это будет чисто случайно. И я могу только извиниться за это перед собой и перед памятью Корней Ивановича и перед вами. Но я постараюсь обойтись без всего этого. Это первое.

ИОСИФ РАСКИН ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВЕДУЩУЮ ВЕЧЕРА АЛЛУ РАХМАНИНУ

Иосиф Раскин: Второе что я хочу сказать... что мне очень приятно, очень приятно, что этот вечер готовила Алла... Андреевна? Ефимовна? Да, Алла... Я знал ее молодой и красивой. Она и сейчас молодая и красивая. Но я хочу сказать, что для меня это высокая честь, что этот вечер организывает Алла Рахманина, жена потрясающего писателя... к сожалению, мало кому известного все-таки, хотя он потрясающий писатель, и я думаю, что он все же и известен многим... Да. Вот. Это Рахманин Боря, потрясающий человек... он не так известен как писатель, но он потрясающий человек. Это человек... в нем есть что-то святое. Вот. Я давно говорил, что вот Аллочка... она обязана организовать здесь его вечер. Это был изумительный писатель. Стоит хотя бы назвать его книги о ночной Москве. Это тоже говорит о чем-то таком. Он потрясающий был человек. Даже помню, что он вместе с поэтом Ковальджи сподвигнул меня вступить в Союз писателей.

ИОСИФ РАСКИН ПРЕДСТАЛЯЕТ СВОЕГО СЫНА МИХАИЛА

Иосиф Раскин: И мне очень приятно, очень приятно... я знаю, как мой сын ко мне относится, я знаю, как он колоссально много помогал и помогает мне в жизни. Я для него сделал в тыщу раз меньше, чем он для меня, и делает сейчас. Но вот, конечно, мат мой он сильно не любит, сильно, и книги мои он не любит, и не считает меня за писателя, и правильно, а я вообще не писатель, это абсолютно точно, но все-таки он приехал сюда, на мой вечер, приехал, и я услышал от него какие-то добрые слова. И это уже мне очень приятно.

ИОСИФ РАСКИН ЛЮБИТ ЧАСТУШКИ С САМОГО ДЕТСТВА

Иосиф Раскин: А теперь перейдем к главному.

Дело в том, что я родился в 1935 году, рядом с Красной площадью, на Солянке, и родился я в сорочке, как мне все говорили, но, наверное, в грязной сорочке, потому что мое неряшество — это что-то такое непостижимое. Потом, во время войны, мы уехали (эвакуировались) в Томск. И там мы жили до 1943 года. Чем я занимался в Томске в свои шесть-семь-восемь лет? Много чем. Играл с девчонками и мальчишками во дворе. Первое. Я никак не мог запомнить значение слов, определяющих женские и мужские половые органы. Я постоянно путал эти слова, долго пытался запомнить их, и запомнил их слишком хорошо и надолго.

И второе. Я влюбился. Мне было семь лет. И я сильно влюбился, сильно... в одну девочку. Эту девочку звали Грета. А моя сестра, она была замечательная пианистка, на семь лет старше меня, и она устроилась работать в кинотеатр имени героя Советского Союза Черных. Кинотеатр находился недалеко от нас. И она там работала всем, и директором, и администратором, и кассиром, но главное, что она между сеансами — кто помнит, в Москве было то же самое — были такие перерывы, музыкальные концерты, выступления

между сеансами. И вот она между этими сеансами выступала с такими вот всякими концертами, играла на рояле и, кстати, аккомпанировала Гелене Великановой, которая тогда тоже там была. Илья Лобанов тоже рядом с нами жил, по соседству с нами, много кого я там видел, много кто там был. И там была Грета... три девочки, и среди них Грета... Там тогда было много ссыльных немцев. И вот, видно, Грета была из семьи ссыльных. И вот она и еще две девочки выступали в кинотеатре между сеансами, пели частушки со сцены, которые я очень люблю. А частушки были такие:

Между небом и землей
Поросенок вился,
Он нечаянно хвостом
К небу прицепился.

Но в часы веселья
Тараканы гирьки съели,
Обе стрелки обкусали,
И часы ходить не стали.

Ну и так далее.

И вот три девочки пели частушки. И среди них Грета. И это стало началом моей любви к ней и... к частушкам, к анекдтам, к мату. Я страшно любил частушки, и люблю до сих пор, по моему, не меньше, чем анекдоты.

ИОСИФ РАСКИН ЛЮБИТ МАТ КАК ЧАСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Иосиф Раскин: Почему-то я в народе держу славу матершинника. А потому что я люблю мат. Я матом пользуюсь как русским языком. Я мат люблю как русский язык (как часть русского языка). Но когда говорят, что я безумно люблю мат, это чушь, это неправильно.

Когда мне говорят, что почему ты ругаешься матом, я говорю всегда одно и то же: я никогда не ругаюсь матом, я просто разговариваю им. Как поет Толкунова, «я не могу иначе». Вот это главное.

ИОСИФ РАСКИН ПОМНИТ АНЕКДОТЫ С ВРЕМЕН ВОЙНЫ

Иосиф Раскин: Что еще? Скажу об анекдотах и о своих книгах. Я анекдоты помню еще со времен войны. Вот. Правда, я недавно упал, надо же. Я думал, что мне память отшибло. Оказалось, что нет, я помню анекдоты еще со времен войны. Я помню самый первый анекдот, который я услышал.

АНЕКДОТ ПРО СТАЛИНА И ЛЕВИТАНА

Иосиф Раскин: У Сталина спрашивают: «Когда война кончится?» — Он ответил: «Левитан скажет».

Мало кто помнит, что за Левитан, что это вообще такое: «Левитан скажет». А это уже анекдот: «Левитан скажет». Ну и много чего было, анекдоты, частушки.

Вот. Так постепенно я полюбил анекдоты. Я всегда, если кого знаю и кого помню, всем звоню и рассказываю новый анекдот. Это всегда, всю жизнь, до последнего времени. Вот мне на днях, недавно, рассказали анекдот. Я стараюсь рассказать его всем.

АНЕКДОТ ПРО ВНУКА

Иосиф Раскин: Встретились двое мужчин, пожилых. Один другому говорит: «Вася, я слышал, тебя можно поздравить. У тебя седьмой внук родился». — «Да, — говорит тот: — Внуков я еще могу делать».

Иосиф Раскин: Да, вот такие анекдоты я слышу иногда. И тут же звоню всем и рассказываю.

**КАК ИОСИФ РАСКИН РЕШИЛ НАПИСАТЬ И ИЗДАТЬ
«ЭНЦИКЛОПЕДИЮ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО ОРТОДОКСА»**

1.

Иосиф Раскин: В 90-е годы стало появляться огромное количество брошюрок, с глупыми анекдотами, ужасно глупыми. Это даже не анекдоты, это же чушь какая-то. И огромное количество таких брошюрок стало появляться в Москве. Мне это стало противно. Я думаю: ну в каждой брошюрке, дай Бог, если найдется один анекдот. А мне все мои друзья, вот Ира — свидетель, говорили: «Издай ты книгу анекдотов, напиши книгу». А я лет тридцать работал в книжной торговле. Причем я был фигура не менее одиозная и не менее заслуженно одиозная, чем авторы книг. Я продавал книги в самом центре Москвы, где гостиница «Москва», «Детский мир». Потом появилась такая замечательная профессия — книгоноша. Я помогал магазинам выполнять план — продавать книги, торговал в переходе. Очередь у меня за книгами тогда была во весь переход. Книги, которые в магазинах лежали, а у меня проходили на «ура». Вот так, таким образом я узнал многих великих людей, познакомился с ними. Потому что я постоянно бегал на склад в депутатский зал... Я познакомился с Михаилом Кантария... Познакомился с великим грузинским писателем, он отец посла... фамилия его выскочила у меня из головы... Я познакомился с Юлией Дуниной, с Эдуардом Межелайтисом, с Салынским, с Михаилом Дудиным... у меня салфетка до сих пор есть, на которой он мне написал великолепные частушки, свои частушки, матершинные... Одна из них — авточастушка, автопародия на себя. Но я не буду вам читать ее. Ее можно прочесть где-то, но не здесь, не в доме Чуковского. Она с ненормативной лексикой, слишком хулиганская, но очень веселая. Это была такая автопародия на себя, на Михаила Дудина. Много с кем я познакомился. Вот такие дела.

2.

Иосиф Раскин: Но потом я все-таки решился написать книгу анекдотов и частушек. Я, наверное, целый год ходил с ученической тетрадкой, где две первые страницы были исписаны, хвалился всем, что вот я пишу книгу. Эти страницы стали началом моей книги. Книгу я писал год. Что значит — писал? Я не писал, я носил при себе тетрадку ученическую. А потом написал книгу. И она вышла, и, безусловно, в какой-то степени опять-таки благодаря моему сыну. Потому что сын мой командует большой фирмой, и в ней два соруководителя, и они посоветовались и решили мне выдать деньги, аванс на книгу. И так как книжная торговля меня знала, то «Библио-глобус» твердо пообещал эту книгу продать, 10 тысяч экземпляров. И вот я у моего сына Миши взял деньги, и благодаря ему выпустил книгу «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», 10 тысяч экземпляров. Но хочу отдать должное, Богу Богово, кесарю кесарево, деньги сыну, не ему, а его фирме мы вернули до копейки.

Как только книга появилась на свет, все захотели издавать ее. Один парень из Ленинграда издал ее без моего разрешения! А я же работал на Красной площади, со мной рядом все мои друзья... От них ничего не скроется. И я узнал, что он издал мою книгу, на ней было написано название издательства, а внизу, под названием: «Москва — Тель-авив». Меня это поразило. Я тут же позвонил издателю, закатил ему дикий скандал. Сказал: «Немедленно прекрати издавать мою книгу». Она оказалась честным, тут же прекратил. Потом у меня выходили другие книги. И мне очень приятно, что все они раскупались (и самоокупались, и не были убыточными). И я даю вам честное свое слово... ну, конечно, мой сын часто тратит свои деньги на проведение моих вечеров... но я лично ни одного рубля не потратил на издание своей книги, кроме как на самое первое. Причем никакой рекламы, ничего этого не было, а книга раскупилась очень быстро. Я рад, что прошло уже пятнадцать лет, как моя «Энциклопедия...» издается (и имеет спрос).

И я был недавно в Америке... опять благодаря своему сыну, пусть я много говорю о нем, но так оно и есть, он очень много для меня делает, это правда, он меня отправил в Америку, довез до дверей квартиры моего брата... Я был в Америке, был в Калифорнии, в Нью-Йорке. Мне было приятно, что в Нью-Йорке и в Калифорнии лежат в магазинах мои книги. А за три года до этого я был в Париже, и мне было приятно, что в магазине Струве, в русско-язычном магазине, мои книги есть в продаже. Так что книга моя, как мне сказал мой издатель, у меня потрясающий издатель, он мне давно сказал: «Вы не беспокойтесь, ваша книга будет продаваться всегда». И я знаю, что она до сегодняшнего дня продается и продолжает продаваться и раскупаться, несмотря ни на какие кризисы.

ИОСИФ РАСКИН И ЕГО РОДСТВЕННИКИ, ДРУЗЬЯ, ЖЕНЫ И МОСКОВСКИЕ РЕСТОРАНЫ

Иосиф Раскин: О книге я рассказал. Что еще? Есть гениальная мудрость: родственников дает нам судьба, а друзей выбираем мы сами. Вот у меня есть потрясающие друзья. Это прежде всего — мой сын, Миша. Он для меня очень большой друг. Поверьте мне, что от родственников такое (что я сейчас говорю) навряд ли можно услышать (в адрес своих родственников). (Очень редко дети бывают еще и друзьями своих родителей). Когда у меня был инфаркт, а у меня был очень тяжелый инфаркт, я лежал в больнице, ко мне приехал мой сын, он часто меня навещал... Как-то он приехал ко мне, я ему говорю: «Миша, врачи мне говорят, что мне необходима операция...». А операция в Израиле или в Германии стоила колоссальных денег... несколько десятков тысяч долларов. Я Мише говорю: «Миш, давай попросим Соломоныча... Шаевича, чтобы он кого-то попросил, чтобы мне помогли с операцией...». На что мой сын, вот этот мальчик, вы его видите здесь, заулыбался — не засмеялся, а именно заулыбался и сказал мне: «Папа, неужели ты думаешь, что я не найду тебе денег на операцию?». Я заплакал, я понял, что

мой сын — он еще именно и мой друг. Это редко бывает, когда мама является другом, когда папа является другом своего сына, или когда сын является другом своей матери и своего отца. Это очень большая редкость. Мне повезло очень сильно в этом, потому что мой сын для меня — это очень большой мой друг.

А моя мама и сестра моя и племянница моя... как-то это так жизнь сложилась, но они для меня чужие люди. Когда мне было пятнадцать лет, я убежал из дома. Да, я хулиган, конечно, но я все-таки не такой хулиган, чтобы я там кого-то поджег... Я решил убежать из дома, потому что мне не хотелось дома жить. Я уехал сначала в Киев, ночевал на скамейке, на бульваре Шевченко, три ночи, а потом уехал в Донбас, решил стать шахтером. Моя мама — врач, всю жизнь проработала врачом. Папа у меня умер в 1945 году, работал в наркомате обороны... Ну и вот еще племянница у меня есть, народная артистка России, она работала в консерватории... О деталях мне не хотелось бы говорить. Но вот в целом я сказал вам главное.

И еще я был очень много раз женат. И у меня было очень много женщин знакомых в моей жизни, не просто знакомых. Есть знаменитый фильм «Белое солнце пустыни». Там в гареме у мужчины было много жен, человек пятнадцать жен. И среди них была главная жена. А моя... не главная жена, это к ней не подходит, а моя лучшая женщина в моей жизни... я даю честное свое слово, и пусть сын мой на меня не обидится, я знаю, что для него это большой вопрос, но куда мне деться, не могу же я себя изменить... пусть мой сын не обидится на меня...

Голоса: Вырастет — поймет!

Иосиф Раскин: Я даю честное слово, самая лучшая женщина в моей жизни, самый мне большой друг... и, кстати, вот она сидит перед вами... это Ирина Александровна. Она, как и я, тоже проработала много лет в книжной торговле. Она была моей начальницей, было такое дело...

Голоса: Вы даже начальницу соблазнили...

Голоса: Какой нехороший...

Иосиф Раскин: Если кто-то думает из женщин и из мужчин, что мужчина кого-то может соблазнить, то это страшная чушь и неправда! Потому что всех мужчин соблазняют только женщины. Я даже могу рассказать о некоторых способах обольщения...

Голоса: Володе (*молодому человеку, оператору, который заснимает вечер Иосифа в Музее Чуковского на видеокамеру.* — Н. К.) это особенно интересно!

(*Володя смеется. И все смеются.*)

Иосиф Раскин: Я Володе потом расскажу более важные вещи, не при камере, я не могу рассказывать это при камере, да еще в этом доме...

Первые способы обольщения были такие. Я любил рестораны, любил ходить в рестораны. Сейчас я только благодаря моему сыну бываю там иногда. А раньше я ходил в рестораны постоянно. И, конечно, в «Москву». Я ходил туда, как к себе домой. Там были биточки, рубленные «по-буденновски», биточки с горошком, далее селедочка и чашечка кофе, все это стоило 22 копейки. Я не шучу.

Так вот, а самое дорогое блюдо во всех московских ресторанах... если кто не помнит, я напомним, потому что еврею пойти в ресторан — это надо было совершить подвиг, не дай Бог — тебя там увидят... самое дорогое блюдо в ресторане было блюдо по-московски, и это была не курица, а...

Михаил Раскин: ...осетрина...

Иосиф Раскин: Да, самое вкусное и самое дорогое блюдо было — осетрина по-московски. Я рад, что мой сын Миша помнит это. Осетрина по-московски стоила 5 рублей 20 копеек. Я помню это, как сейчас.

В магазинах... например, в здании «Москвы», в гастрономе номер три, в подвале, давали дефицитные продукты. Давали их по распределению, по талончикам, не для всех, не для простых людей, а только для начальства, для евреев и... для меня! Меня очень любил заведующий гастрономом. И я там всегда набирал себе огромное количество продуктов, любых, но самое вкусное

для меня было блюдо — это копченый угорь... Вот Ира (жена Иосифа, гостя Музея Чуковского. — Н. К.) заулыбалась, помнит... Миша Ножкин, мой в то время друг был... я давал ему по десять, по пятнадцать килограммов угря... Мы вместе подъезжали к магазину, я брал себе и Ножкину копченого угря... это вот было такое объедение... Особенно было приятно кушать шкурки, я любил объедать эти шкурки угря. А стоил он 2 рубля 10 копеек килограмм. Я вам даю вам честное свое слово, килограмм угря стоил 2 рубля 10 копеек килограмм.

ИОСИФ РАСКИН НИКОГДА НЕ БОЯЛСЯ РАССКАЗЫВАТЬ АНЕКДОТЫ

Алла Рахманина: Теперь, если вернуться к анекдоту... Иосиф Захарович, вы называете анекдот чудом человеческой мысли.

Иосиф Раскин: Конечно.

Алла Рахманина: В советское время анекдоты ведь были немножко под запретом... особенно некоторые... Их тогда было больше или сейчас больше? И качество анекдотов тогда было лучше или сейчас?

Иосиф Раскин: Значит, так, Аллочка... Ну что спрашивать такие вещи?

Анекдоты — это самая большая мудрость жизни. И не просто мудрость жизни. Анекдоты — это чудо. И если двое сидят и рассказывают анекдоты, то этих двоих в советское время могли посадить, обязательно их могли посадить. Потому что двое — это уже группа. Это уже групповая статья. Я знал людей, которых посадили за анекдоты, могли посадить и сажали, сажали. А я всегда знал много анекдотов и всегда рассказывал их. И ничего не боялся. Я был очень храбрый почему-то. У меня есть моя внутренняя причина, почему я был такой храбрый. Зря ничего не бывает.

Я помню, у нас в 24-й школе на Покровке, где я учился, всех собирали в большом актовом зале, и все громко пели хором, весь этот огромный зал пел хором гимн Советского Союза: «Союз нерушимый

республик свободных...». Вся школа пела. Кроме меня. Я пел: «Союз нерушимый, засранный и вшивый...». За это мне досталось от директора школы. Ему донесли на меня. И меня исключили из школы на десять суток. Была тогда такая форма наказания — исключать провинившихся на пять — десять суток.

А за анекдоты кого-то сажали, да. Но я рассказывал их всегда и везде. И никто меня не посадил.

АНЕКДОТ ПРО СУФЛЕ И САЛЮТ ВРЕМЕН ВОЙНЫ

Иосиф Раскин: Могу вспомнить первые самые анекдоты, которые я запомнил с времен войны. Один из них был такой. Про суфле. В войну был такой продукт, который назывался суфле. Жрать было нечего. Все выдавалось тогда по карточкам, хлеб, молоко и все такое. А суфле — нет, суфле продавалось в магазинах, и его можно было купить. Это такой молочный отжим, что ли, молочные отходы, сладенькая водичка белого цвета.

А в войну, в конце войны, когда наши войска овладевали какими-то маленькими городками в Польше, в Чехословакии, в Венгрии, то в честь этого в Москве всегда был салют, приказ верховного главнокомандующего и салют из двенадцати орудий.

И вот, короче говоря...

Великая Отечественная война. Наши войска взяли очередной зарубежный город. В Москве салют по поводу этого. По улице идет мужчина, несет суфле. А чтобы купить суфле, надо было знать, где, в каком магазине оно продается, и искать этот магазин.

Идет мужчина, несет суфле. А навстречу мужчине идет бабка и спрашивает у него: «Что взяли?» — Она хочет узнать, какой город взяли наши войска. А он несет суфле и думает, что она спрашивает про суфле. И он отвечает: «Суфле». Она думает, что это за город такой, она никогда про него не слышала, и спрашивает: «А где это находится, в каком направлении?». — А мужчина кивает головой в сторону гастронома и говорит: «А вон там, за углом...».

АНЕКДОТ ПРО ООН И ВЫШИНСКОГО

Иосиф Раскин: Когда организовали организацию Объединенных наций, а в этом была большая инициатива Советского Союза, тут же появился анекдот про Вышинского, представителя СССР при ООН.

На территории ООН — огромная клумба цветов, а в середине клумбы — большой шип, шиповник. Все спрашивают: «Что это такое за безобразие? почему такая прекрасная клумба, а на ней такой шип?». — Вышинский Андрей Януальевич объясняет: «Это Советский Союз, а цветы вокруг него — это все вы». Наутро все приходят, а там все цветы собраны в кучу, а Вышинский сидит на них. Все спрашивают его: «Это что такое, Андрей Януарьевич?» — Он отвечает: «Цветы — это все вы. А я — это Советский Союз. Понимаете? Я на вас сел. А вы попробуйте на меня сядьте».

АНЕКДОТ ПРО ЛИСИЦУ, ВОРОНУ И ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА

Иосиф Раскин: Безусловно, всегда было огромное количество анекдотов. Из последних анекдотов могу рассказать наиболее веселый, наиболее интересный... (*обращается к своей жене Рае*) не смотри, Рай, я сказал, не будет здесь ненормативной лексики. Так вот. Выборы президента Путина, первые выборы, хочу подчеркнуть. И сейчас достаточно веселый анекдот. Представьте себе время, когда Путина еще не избрали президентом, а только собираются выбирать.

Сидит на дереве ворона, ест сыр. Мимо бежит лисица и спрашивает: «Ворона, за Путина будешь голосовать?» — Та молчит. Ест сыр, не обращает внимания на лисицу. Лисица второй раз спрашивает: «Ворона, ты будешь за Путина голосовать?» — Та молчит, ест сыр. Лисица третий, четвертый, потом пятый раз спрашивает: «Такая-сякая, ты будешь голосовать за Путина?» — Та говорит: «Да». — Сыр упал, выпал у нее изо рта. Лиса схватила сыр и убе-

жала. А ворона сидит и думает про себя: «Ну, а скажи я «нет», и что бы изменилось бы?».

Иосиф Раскин: Гениальный анекдот!

АНЕКДОТ ПРО ВЕРБЛЮДА И ЛУБЯНКУ

Иосиф Раскин: Стоят два старых еврея у ГУМа. Из ворот Лубянки выводят верблюда. Один еврей говорит другому: «Хайн, ты посмотри, что эти суки сделали с лошадью!..»

АНЕКДОТ ПРО УЕХАВШЕГО В ИЗРАИЛЬ

Иосиф Раскин: Или, например, анекдот про выезд в Израиль.

Поехал один человек в Израиль. Пишет оттуда письмо другу: «И вот я уже в Израиле, и вот мне здесь уже хорошо, и вот мне уже так хорошо, так хорошо, что мне, б.ди, так и надо!».

Иосиф Раскин: Это вот были такие анекдоты. Таких анекдотов было большое количество. Это вот самый первый анекдот на тему выезда в Израиль.

АНЕКДОТ ПРО ИСТОРИЧЕСКУЮ РОДИНУ

Иосиф Раскин: А самый последний анекдот на тему выезда в Израиль вот такой.

Старые-старые евреи едут в Израиль. Они приезжают в аэропорт Демурен. Их там спрашивают: «Вы такие старенькие. Зачем вы сюда к нам приехали?» — Они отвечают: «Вы знаете, мы хотим умереть на своей исторической родине». А те говорят: «Ну-у?...» (Мол, так в чем же дело?)

(Иосиф разводит руками.)

ЭПИГРАММЫ ВТОРОГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ

Иосиф Раскин: Я любил эпиграммы, какие-то пародии интересные. Я не забуду пародии, которые, перепечатанные на машинке, ходили по рукам, когда я служил в армии и когда в Москве проходил Второй съезд писателей... в 1957 или 1958 году... Я помню кое-что из этого...

Второй съезд — кто кого съест.

Некоторые эпиграммы, я уже... прошу прощения... они «неприличные», но это не я сочинил их, это Второй съезд писателей, писатели Второго съезда. Например.

Маленький Турсун на большом заде.

Стас Айдинян: Там была эпиграмма про Фадеева. «Когда он выпьет натурального...».

Иосиф Раскин: Про Фадеева:

Когда он выпьет минерального,
Тогда мы видим Генерального.
Когда же выпьем натурального,
Тогда не видно Генерального.

Там было очень много великолепных эпиграмм. Например, про Веру Инбер:

Ах, у Инбер, ах, у Инбер
В завитушках лоб.
(Вариант: Что за носик, что за лоб. — Н. К.)
Все смотрел бы, все смотрел бы
На нее б, на нее б.

Про Мариэтту Шагинян:

Железная старуха
Мариэтта Шагинян —
Искусственное ухо
Рабочих и крестьян.

СТИХОТВОРЕНИЕ ОДНОФАМИЛЬЦА ИОСИФА РАСКИНА ПРО ГУМ

Иосиф Раскин: Когда открылся ГУМ... я не помню, какой это был год... пожилые люди помнят, но не более пожилые, чем я... а до этого там очень много лет во время войны и после войны находился Малый Совнарком, Совет народных комиссаров и Совет министров РСФСР... а потом его решили открыть как ГУМ... это все было уже при Хрущеве. Много чего хорошего было при Хрущеве. Так вот, когда открылся ГУМ, тогда в «Литературной газете» появилось маленькое стихотворение. Под фамилией Раскин Александр, моего однофамильца. Оно не имеет ко мне никакого отношения, я заявляю об этом официально. Стихотворение такое:

Не день сегодня, а фиерия!
Ликует публика московская.
Открылся ГУМ, накрылся Берия,
И напечатана Чуковская.

Я помню это своими глазами. В один день открылся ГУМ, забрали Берию и напечатали Чуковскую.

ПАРОДИЯ БОРИСА БРАЙНИНА НА ГАМЗАТОВА

Иосиф Раскин: Я помню еще много великолепных, гениальных частушек, пародий, я собирал их. Например, у того же Бориса Брайнина мне особенно понравилась пародия на Гамзатова. Я не могу не прочитать ее.

Кто-то в саклю мне стучит.
Я сейчас не жду никто.
Это девочка стучит,
Он е.ться мне принес.

АВТОПАРОДИЯ МИХАИЛА ДУДИНА

Иосиф Раскин: Или, например, я помню совершенно потрясающую частушку Михаила Дудина... «Перестройка, мать родная...». Миша мой знал этого человека. Мы много раз сидели в ресторане «Москва»... это был такой человек... я не знаю, какой он поэт, мне это все равно... но человек он был потрясающий. Михаил Дудин всю блокаду провел в Ленинграде, Герой социалистического труда... ну, очень достойная личность и потрясающий человек!

У него есть автоэпиграмма, автопародия... Как сказал один человек, только очень хороший человек мог написать про себя такое. Дудин написал мне на бумажной салфетке некоторые свои частушки и эту автоэпиграмму, автопародию... я, конечно, прошу прощения, но я не могу не прочитать ее:

Умишком скуден,
Х...шком блуден —
Мишка Дудин.

(В Музей зашли новые гости. Алла Рахманина рассаживает их за столом. Иосиф Раскин снимает с себя свой теплый сиреневый шарф, которым обматывал свою шею, снимает с себя пиджак, остается в белой рубашке с сиренево-черными подтяжками. Юная пианистка Наташа играет на пианино.)

2-Я ЧАСТЬ ВЕЧЕРА (Продолжение)

АНЕКДОТЫ В ПЕЧАТИ ПОЯВИЛИСЬ С ЛЕГКОЙ РУКИ НИКУЛИНА

Иосиф Раскин: Ну а теперь я хотел бы вот о чем сказать. Анекдоты появились у нас в печати с легкой руки милейшего человека, сложного человека, очень хорошего моего знакомого... безусловно, не друга, но очень меня уважающего и очень мной уважаемого. Они появились в печати с легкой руки Никулина Юрия Владимировича. Само слово анекдот появилось там с его легкой руки.

Владимир Гальперин: До этого оно появлялось в «Крокодиле», и появлялось еще в «Литературке»...

Иосиф Раскин: До этого было много чего. Под рубриками «Юмор», «Иностраннный юмор». Но я могу держать пари, что слово «анекдот» появилось впервые только в «Огоньке», при Коротиче, когда там были опубликованы анекдоты от Юрия Владимировича Никулина.

АНЕКДОТ — ЭТО НЕ ПРОСТО ЮМОР

Иосиф Раскин: Но что самое главное — анекдот это не просто какая-то юмореска, юмор, это не просто что-то смешное. Анекдот это всегда мудрость. Если появился анекдот про какого-то человека, то по этому анекдоту сразу видно этого человека, про кого там идет речь. Если появился анекдот про какую-то страну, про какое-то государство, то сразу видно эту страну, это государство. Если же по анекдоту ничего не видно, то это не анекдот. Я помню, в 1949 году к 150-летию со дня рождения Пушкина вышла большая книга. И там был такой раздел — «Анекдоты». И первое, что я сделал, когда получил эту книгу, сразу начал

смотреть раздел анекдотов. И не нашел там ни одного анекдота в моем понимании. Открыл раздел «Достойные разговоры». Там появилось что-то похожее на анекдоты, но тоже их сложно называть анекдотами.

В анекдотах есть не только юмор, но и ответы на любые вопросы: политики, экономики, секса, чего угодно. Настоящий истинный ответ на все вопросы есть только в анекдотах.

АНЕКДОТ ПРО СОРОК ЛЕТ НАЗАД

Иосиф Раскин: Армянское радио спросили, когда будет лучше? Армянское радио отвечает: «Лучше уже было, сорок лет назад».

ИОСИФ РАСКИН И ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

Иосиф Раскин: Я расскажу вам, как я познакомился с Владимиром Максимовым. Вы бы мне, может быть, не поверили бы, но здесь, в Музее Чуковского, присутствует свидетельница этого, Галина Александровна. Мы с ней пришли, приходим в ЦДЛ, в Дом литераторов, в Дубовый зал. И я смотрю, там сидит Мессерер, муж Ахмадулиной, которого я немножко знал. А рядом с ним сидит Максимов, человек, перед которым я преклонялся, читал какие-то его книги. Владимир Максимов — писатель, хулиган, бандит, создатель журнала «Континент». Я обалдел, для меня это был вообще кумир. Я говорю своей спутнице: «Сейчас я попробую подойти к Мессереру, поздороваться с ним и познакомиться с Максимовым». Подошел к Мессереру, поздоровался с ним, слово за слово, он меня представил Максимову, и мы сели и стали травить анекдоты. И мне было приятно, что Максимов почти не знал анекдотов, которые я рассказывал, почти никаких из них не знал. Но он знал много других и рассказывал их мне. Например, мне запомнился анекдот, когда двое встречаются, один спрашивает другого: «Вася, который сейчас час?» — а тот говорит: «Федя, живи проще».

АНЕКДОТ ПРО ДОЛЛАР

Иосиф Раскин: Был период, лет десять-восемь назад, когда доллар то чуть-чуть поднимался в цене каждый день, то опускался, то поднимался, то опять опускался. И вдруг Максимов говорит мне: «Хотите, я расскажу вам любимый анекдот Рейгана?» — «Конечно, да, конечно». — «Я когда-то рассказал его Войновичу, Войнович — Метлоху рассказал, а тот Рейгану. Рейган теперь говорит, что это его любимый анекдот.

Встречаются двое пьяных. Один говорит другому: «Вася, ты слышал новость? Все говорят, что доллар падает». — Вася отвечает: «Федя, дай Бог, чтобы у тебя х.й так стоял, как доллар падает».

АНЕКДОТ ПРО КАРТЫ И САМОЛЕТ

Иосиф Раскин: В анекдотах всегда содержатся ответы на все вопросы.

Вот анекдот, который мне рассказал Владимир Максимов. Во время перестройки возник вопрос: куда мы идем, куда двинется наша страна? Ответ был прекрасный.

Самолет заполняют пассажиры. Экипаж готовится к вылету. И вдруг командир экипажа обращается к штурману, спрашивает у него: «Вася, ты взял карты?..» — «Ну как же? Взял, две колоды...» — Штурман схватился за голову: «Мать твою! Так мы опять по Беломору полетим...».

Вот так наша у нас страна летела по Беломору.

АНЕКДОТ ПРО ДЕНЬГИ ВО ВРЕМЯ РЕФОРМЫ

Иосиф Раскин: Или, например, еще был такой вопрос, помните? Куда девать, вкладывать деньги, чтобы они не пропали? И вот анекдот об этом.

Старый еврей приходит в синагогу и говорит: «Реби, я слышал, скоро будет реформа. Дай мне совет, куда мне класть день-

ги? Мне класть деньги на сберкнижку книжку или снимать деньги со сберкнижки?» — Тут вбегает молоденькая девочка, такая радостная, довольная, такая счастливая, и говорит: «Ребе, у меня сегодня первая брачная ночь. Посоветуй мне, мне спать в рубашке или без рубашки?». — Тот говорит ей: «Ляжешь ли ты в рубашке или ляжешь ли ты без рубашки, все равно тебя...».

К вам ко всем это тоже относится. Это ко всем относится — класть деньги на сберкнижку или снимать деньги со сберкнижки. То есть в анекдотах есть ответы на любые вопросы. Как в анекдоте, который я уже рассказал вам.

У Сталина спрашивают: «Иосиф Виссарионович, когда война кончится?». — Сталин отвечает: «Левитан скажет».

Иосиф Раскин (гостям Музея Чуковского): Вы еще не устали от меня? Если устали, то это вина этой женщины (Аллы Рахmaniной), и не только этой женщины, а еще и Корнея Чуковского.

ИОСИФ РАСКИН И ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

Иосиф Раскин: Я очень рад и очень горжусь тем, что я знаком, очень хорошо знаком с Юзом Алешковским. И его мат это, конечно, нечто.

И для меня большая честь, и я горжусь тем, что у меня дома лежит книга Юза Алешковского, в библиотеке сатиры и юмора, большая книга, и там его надпись... конечно, я понимаю, что это написано с юмором, я понимаю всю эту несерьезность, но все же там написано Алешковским: «Великому Раскину от Юза». Мне это очень приятно было читать. Хотя я далеко не великий, я говорил это не раз и хочу еще раз всем сказать, чтобы все это слышали.

ИОСИФ РАСКИН НЕ СОЧИНИЛ НИ ОДНОГО АНЕКДОТА

Иосиф Раскин: Я даю честное слово, что я не писатель. Я никакого отношения к слову «писатель» не имею. Я не написал в жизни ни одной строчки сам. Только в 1969 году написал всего две строчки. Я помню их:

Ах, бутылки, бутылки, бутылки,
Колокольный ваш слышу звон.
Ах, бутылки, бутылки, бутылки,
Ах, бутылки со всех сторон.

Поэтому я не писатель, я даю честное слово. И ни одного анекдота я в своей жизни не сочинил. Хотя я знаю людей, которые сочинили анекдоты.

ИОСИФ РАСКИН И СОЛОУХИН

Иосиф Раскин: Я сейчас еще одну тему затрону, интересную, на мой взгляд. Я в этом отношении очень оригинален.

Я помню, в Доме литераторов когда-то был большой скандал. Когда появилось такое общество «Апрель». И тогда же появилось такое общество «Память». И у них между собой возник скандал. Я думаю, что кому-то нужны были эти общества, и эти скандалы, кому-то все это было на руку, что все это было спровоцировано. Я не уверен в этом, у меня нет доказательств. Но я думаю, что это так. И тогда же, вечером это было, я встретился с Владимиром Солоухиным, с которым я был знаком. Многие считают, что он страшный антисемит. А я считаю, что это страшная глупость. Это порочит память великого человека. Он был очень оригинальный. Он носил с перстень с изображением царя, по-моему, еще при Сталине (нет, позже. — *Н. К.*). Солоухин был великий человек и великий русский писатель. И он, конечно, как любой русский человек, беспокоится о русской культу-

ре, о русском языке и о России, чем вызывает у меня уважение. И это не значит, что он антисемит. Солоухин никогда не был антисемитом. И вообще, если русский человек беспокоится о России, это совсем не значит, что он антисемит. Мы с Солоухиным в тот вечер вместе посидели в ресторане ЦДЛ. Прошло три дня. Мне рассказывают анекдот и говорят: директор ресторана Алешечкин так хохотал над этим анекдотом, что ему даже стало плохо. Я услышал этот анекдот буквально на второй день, а потом узнал, кто был автором.

В ресторане Дома литераторов открыли новый зал и назвали «Апрель», а фирменное блюдо, которое там подают к столу, это «жидочки, рубленные по-буденновски». Вот был такой анекдот, на второй день после этого мероприятия и после скандала между «Апрелем» и «Памятью».

ИОСИФ РАСКИН И ГЛАЗУНОВ

Иосиф Раскин: Я очень хорошо знаком лично с Ильей Глазуновым, лично. Я уже давно с ним не общался, но очень хорошо знаком с ним, с Ильей Сергеевичем. Мы с Ириной ходили к нему в еврейский театр. Смотрели спектакль «Белая уздечка...» какой-то кобылицы. Глазунов был главным художником еврейского театра. И занимался художественным оформлением спектаклей.

Когда в Манеже была открыта выставка Глазунова, чуть ли не первая, я забыл, какой это был год (1979? — *Н. К.*), у меня есть альбом с этой выставки. И там, на этой выставке, был потрясающий портрет руководителя еврейского театра. Портрет работы Глазунова.

Все разговоры о том, что Глазунов антисемит, это неправда, это чушь собачья. Когда так говорят, мне хочется в морду дать тому, кто это говорит. Если человек любит Россию, переживает за нее, если он считает себя русским человеком, это не значит, что он ненавидит евреев. Это совсем не одно и то же. Очень часто евреев ненавидят те, кто маскируется под тех, кто любит Россию.

ИОСИФ РАСКИН И КОВДА

Иосиф Раскин: Если человек является антисемитом и кричит, как он любит Россию, это позор для человека! Это говорит о том, что он ненавидит Россию. Я не могу не коснуться этой темы. И начну с себя. Когда мне было лет пятнадцать, я тогда придумал фразу:

Из-за вас, жидов, нас, евреев, не любят.

А потом эта фраза вернулась ко мне. Прошли годы, и вдруг я услышал гениальную фразу:

Еврей, прости антисемиту,
Он иногда бывает прав.

Я услышал эту фразу из уст Евгения Рейна. Я подумал, что это Рейн написал ее. Так вот, я встретил Рейна в Доме литераторов. И спросил: «Жень, это ты написал?» — Он ответил: «Нет. Ты что? Это Ковда. Есть такой поэт, Вадим Ковда... Это он написал». Так я услышал, что есть такой поэт — Ковда. Я потом спрашивал у всех, кто такой поэт Ковда? Никто не знал и не мог мне ответить. Прошли годы. Я первый раз в жизни оказался в Доме творчества, в Переделкино. Зимой. Там было всего несколько человек, человека три, четыре или пять. Я спросил у дежурной: «А кто из поэтов здесь есть?» — Она ответила: «Да никого здесь нет. Вон Ковда сидит...», — в фойе. Я обалдел. И там мы с ним познакомились. Издательница Света, она присутствует здесь сегодня, в музее Чуковского, потрясающая издательница, издала книгу Ковды, потрясающую книгу.

Ковда — человек очень тяжелый, как все гениальные люди. Но дело не в этом. А дело в том, что он поэт хороший. Одна эта фраза чего стоит! Я все время повторяю ее:

Еврей, прости антисемиту,
Он иногда бывает прав.

Иосиф Раскин: О чем еще, Аллочка, говорить? О евреях? О евреях можно много говорить...

ЧУКОВСКИЙ, НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА И БОНТОН

Алла Рахманина: Давайте поговорим о языке. Как вы считаете, не происходит ли без цензурной лексики выхолащивание языка?

Иосиф Раскин: Наверняка происходит. Я не знаю никакой цензурной лексики (и никакую лексику не считаю цензурной). Есть великий русский язык, и, конечно, мат, или цензурная лексика... как хочешь, так это и называй. Мат, или ненормативная лексика — это часть великого русского языка. Другое дело, что кому-то это нравится, а кому-то нет. Если я знаю, что, например, Света (потрясающая издательница, которая присутствует сегодня здесь, в музее Чуковского) не любит и терпеть не может мат, я при ней говорить матом не буду.

И еще... Все-таки есть такое понятие: намолено. Это уже идет как бы от Бога, я не знаю, отчего. Я, например, не могу понять, почему в доме Чуковского нельзя сильно матюгаться, мне это непонятно. Но мне понятно другое. Понятно, что это место намолено. Ну не хочется здесь матюгаться. Я думаю, что моим внукам будет на это наплевать. Но мне на это не наплевать. Я, кстати, хочу спросить... кто мне ответит: Чуковский использовал мат в разговорах, в жизни, или нет? Это очень важно.

Володя (оператор): У Корнея Ивановича было одно главное ругательство: пошляк и пошлость.

Иосиф Раскин: Я вам сейчас отвечу...

Алла Рахманина: Володенька, ты прав и неправ. Ты помнишь, к нам сюда приезжал дяденька из Оксфорда, замечательный такой? Когда он был студентом, к нему в общежитие приехал Чуковский. Они долго беседовали, ели, пили, чудесно подружились, и Чуковский сказал: «А как у вас тут с б.д.ями?».

Иосиф Раскин: Я прошу разрешения прокомментировать это. А вы знаете, какую книгу я считаю основанием моей книги «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса»?

Когда я был маленьким ребенком, у меня были две любимые книги. Одна — это Борис Житков. Большая книга с красивыми иллюстрациями. И вторая книга — Корней Чуковский, «От двух до пяти». Это по существу абсолютная копия моей книги. Я могу привести примеры, которые я запомнил со времен войны. Например.

«Мамочка, а почему такое происходит? Все люди пьют чай, компот, кофе, какао, а из меня выходит один чай». Ну и так далее. Это все из книжки «От двух до пяти». Я думаю, что сам он ни одной фразы не придумал, все эти фразы он собирал, но главное он собирал, как кристаллики русского языка. Поэтому думаю, что я ответил на ваш вопрос.

По поводу языка Чуковского... Грош цена была бы этому мальчику, герою книги, если бы он не говорил так, как он говорит. Ему свято положено не соблюдать, не блюсти какие-то условности, какие блюдут взрослые люди. Взрослым положено что-то блюсти, это их долг, это их обязанность. Но иногда это мерзко, когда человек что-то блюдет (соблюдает какой-то этикет. — *Н. К.*).

Я знаю, что недавно в каком-то журнале или в какой-то газете появилось сообщение, это у меня есть, сообщение о том, что Маршак, всемирно известный поэт, пишет своим друзьям, кому-то из своих известных друзей, и просит и умоляет прислать ему похабные частушки, очень хочет получить их, очень соскучился по хорошим похабным частушкам. Это Самуил Яковлевич Маршак. О котором, как и о Чуковском, даже и не подумаешь, что он любил это и что он пользовался матом.

По поводу Корнея Чуковского, да простит меня Бог, и кто угодно пускай меня простит, и да простит меня память Корнея Ивановича Чуковского, но я убежден, что он очень любил мат, ненормативную лексику. Но он был очень воспитанный, очень культурный человек и поэтому всегда делал вид, что он не любит

мат (соблюдал бонтон. — Н. К.). Есть такие люди, которые на людях всем будут говорить о чем-то: «Ой, ой, какая гадость...» — А сами все это любят. Я, если Алла Рахманина мне разрешит, расскажу свежий анекдот. На тему пошлости. Хороший анекдот.

Алла Рахманина: Володя же все равно вырежет это, так что рассказывайте...

Володя (оператор): Нет, нет, меня мальчиком обозвали, теперь не вырежу...

Иосиф Раскин: Нет, я бы не хотел бы, чтобы это вырезали. Короче говоря... я сначала думал, что здесь нет девочек... потом думал, что здесь есть девочки...

Алла Рахманина: Есть, Олечка...

Иосиф Раскин: Кто? Оля? Девочка? Я знаю, что Оля была замужем, что у Оли был хороший муж...

Ладно, рассказываю. Трое ребят одновременно имеют одну женщину, одновременно, кто-то в одно место, кто-то в другое место, кто-то в третье, места эти общеизвестны, знакомы и популярны.

В это время один из этих троих ребят засмеялся. А другой спрашивает: «Ты че смеешься?». — «Я анекдот вспомнил». — Отвечает тот. — «Ну расскажи...». — Тогда эта девушка вытаскивает изо рта то, что у нее там было, и говорит: «Мужики, только давайте без пошлостей».

Это очень мудро, это очень правильно, надо знать, когда где что можно делать и говорить, а когда нельзя.

Я думаю, Толстой, который потрясающе употреблял мат в своей речи, сидел бы вот так в компании, наподобие нашей компании, и говорил бы: «Ой, мат! Это такая пошлость!». И говорил бы человеку, который употребляет мат: «Ты пошляк, та-кой-сякой...».

Мы рабы — обстоятельств (рабы правил и условностей), рабы людей. И вот я рад за себя, что я никогда не был и уже не буду рабом всего этого. Я всегда говорил, мне все равно, кто что думает обо мне, когда я говорю матом, Я всегда говорил, как поет Толкунова: «Я не могу иначе».

ИОСИФ РАСКИН СЧИТАЕТ, ЧТО НЕЛЬЗЯ РУГАТЬСЯ МАТОМ

Алла Рахманина: Иосиф Захарович, я хотела бы спросить у вас... А вот есть такое расхожее мнение, что мат — это орудие интеллигенции, и что в настоящей русской деревне никто не матерится, что там никакого мата нет.

Иосиф Раскин: Ничего подобного.

Алла Рахманина: Это я все понимаю... Но есть такая гипотеза...

Иосиф Раскин: Я считаю, что мат... кстати, один великий человек, сказал, и это не просто кто-то великий сказал, а Солженицын, или Лихачев, да, по-моему, это Лихачев сказал, что мат — это язык интеллигенции. Да, безусловно, это язык интеллигенции. Но и не только интеллигенции... И в этом величие мата, что это язык для всех людей. Это прекрасный язык! Но я еще раз говорю и повторяю, что матом нельзя пользоваться, категорически нельзя, в двух случаях. По отношению к женщине, которая рядом с тобой.

Алла Рахманина: А по отношению к той, которая подальше?..

Иосиф Раскин: Ради Бога, это можно. Но я еще раз повторяю, что нельзя употреблять мат по отношению к женщине, которая рядом с тобой. Это мерзко, противно! И нельзя мат употреблять для ругани, нельзя ругаться матом.

Я помню, когда я учился в младших классах, у нас было такое ругательство, было такое ругательство, очень плохими словами. Я считаю, что ругаться лучше прекрасными словами, а лучше вообще не ругаться.

ИОСИФ РАСКИН СОВЕТУЕТ ДАВАТЬ ЧИТАТЬ «ЭНЦИКЛОПЕДИЮ...» ДЕТЯМ

Иосиф Раскин: Теперь я скажу о моей «Энциклопедии Хулиганствующего Ортодокса». Когда вышло первое издание этой книги, то в «Библио-глобусе», который тогда был просто 120-м книжным магазином, состоялась ее презентация. И за две неде-

ли до этого по радио каждый день вещали, что в 120-м магазине такого-то числа состоится презентация книги Иосифа Раскина «Энциклопедия Хулиганствующего ортодокса» и вы можете взять автограф у нашего известного книжника. И вот я сижу за столом, на первом этаже, и жду, когда кто-то подойдет ко мне брать у меня автограф. Потом-то я кому только не давал автографы, и Зюганову, и Явлинскому, много кому... А тогда я еще никому в жизни не давал их. Это надо понять. Правда, незадолго до этого давал автограф Майе Плисецкой. Мы с ней сидели в кабинете у директора «Библио-глобуса» Есенькина. Она была со своей ручкой золотого цвета, со своим другом, мужем Родионом Щедриным. У нее был такой специальный карандаш или такая ручка золотого цвета. И, когда я приготовился к презентации своей книги, я кого-то попросил, чтобы мне достали такую же ручку. И вот я сижу и жду, когда ко мне начнут подходить люди, и я буду давать им автографы. И вдруг смотрю, ко мне через весь зал направляется женщина с мальчиком. Мальчику лет 10–12. И она ко мне идет и пролистывает мою книжку, которую она купила, а там, любую страницу открой, на каждой странице мат или слово «жид», мат или «жид». И она ко мне подходит. И говорит: «Это вы (автор книги)? А можно у вас взять автограф?». — «Можно, конечно, — говорю я. — Как вас зовут?» — Я беру ручку и спрашиваю: «Как вас зовут, как ваше имя отчество?». А она: «Да не мне дайте автограф, а мальчику (я ему купила вашу книгу)». — Я обладаю! Мальчику лет 11 или, если он переросток, то, может быть, лет 12. Я спрашиваю: «Мальчику?» — «Да, конечно, да не мне — а мальчику». — Я говорю мальчику: «Как тебя зовут?» — Я уже не помню, как. К примеру, Саша. И я пишу... не знаю, как это пришло мне в голову... вот, кстати, мой ответ кому-то... на вопрос о том, что я впервые написал, и мне это понравилось: «Милому Сашеньке с твердой уверенностью, что книга явится истинным иммунитетом против пошлости и ценизма». — Мать Саши прочитала это при мне, заулыбалась и сказала: «Как же вы правильно написали!». А потому что я убежден, что эта книга является иммунитетом против

пошлости, при всем огромном мате, который есть в этой книге, и в этом моя заслуга, что он там есть без точек... Один издатель меня умолял, с Успенским, убрать мат, заменить все это точками... Я говорил: «Никаких точек чтоб не было!». — Поэтому книга у него так и не вышла, и он теперь волосы на себе рвет. И мне стоило трудов — добиться, чтобы книга вышла в таком виде, как я хотел. Я всем говорю: «Давайте детям читать эту книгу. Если маленький мальчик, ребенок, прочитает эту книгу, он будет совсем по-другому воспринимать мат, который звучит во дворе. Поэтому я считаю, что детям можно читать мою книгу.

Алла Рахманина: Только если Джигурду оттуда убрать из вашей книги, стихотворение Джигурды против мата...

Иосиф Раскин: Почему? Пусть все знают, что такое Джигурда...

ИОСИФ РАСКИН И ДЖИГУРДА

Иосиф Раскин: С Джигурдой... кстати, у меня дома много его фотографий... я долго общался на «Кинотавре», каждый день. Джигурда был там со своей любимой женщиной... как же ее звали? Я не помню...

Голос: Он ушел от нее. У нее теперь другая любимая...

Иосиф Раскин: Пусть третья... Не в этом дело. Они там очень долго со мной общались. Они ходили на рынок каждый день. Перед обедом. Покупали специально к столу разную зелень... морковку, петрушку... что там еще к обеду полагается? Джигурда сам все это выбирал. Тогда же он написал потрясающее стихотворение против мата. Оно, кстати, есть у меня в моей книге. Я знаю Джигурду очень хорошо. Но, по-моему, он просто больной человек. Когда человек делает то, чего от него не ожидаешь, то это не обязательно значит, что он лгун или лицемер, а это значит, что он просто немножко больной человек. Вот тогда я узнал, что такое Джигурда. Он молился постоянно, он постоянно говорил о Боге, он не признавал никакого мата, он не признавал ничего такого... вот что такое Джигурда.

ИОСИФ РАСКИН И ГУБЕРМАН

Алла Рахманина: Иосиф Захарович, расскажите, пожалуйста, историю с Губерманом. Почему Губерман не принял вашу книгу «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса»? Такую интересную книгу такой талантливый человек не принял. Почему? Что это за история?

Иосиф Раскин: Я не знаю. Эта история с Губерманом вся от слова до слова описана в моей книге. Поэтому я ничего не знаю и ничего добавить к этому не могу. Все люди бывают разные. Кому-то книга нравится, кому-то нет. Речь идет о другом. Человек должен быть честным, а он очень много наврал неправды, а я взял и честно об этом написал.

ИОСИФ РАСКИН И НОЖКИН

Иосиф Раскин: Я хочу рассказать о человеке, который в общем-то является как бы скандальным, но я хочу сказать правду о нем. Уж кто его знает хорошо, так это мой сын, который знает его с девяти или восьми своих лет.

Я хочу рассказать вам о человеке, который обязан войти в историю, о человеке, о котором люди обязаны говорить своим детям и внукам, о человеке, талантливом от Бога, но человеке с больной психикой. Вот в этом его единственная вина, в том, что он психически больной человек. Этот человек написал песню, он много песен написал, среди них: «Я люблю тебя, Россия, дорогая наша Русь...». Он написал слова этой песни. А пела эту песню Ненашева, и много кто еще, все пели.

Проходит несколько лет. Появляется песня «Я в весеннем лесу пил березой сок». Ее пел в фильме Михаил Ножкин. И о ней заговорила вся Москва. Все говорили, что это песня Михаила Ножкина. Но лично мне он ни разу не сказал, что это его песня. А когда я спрашивал у него, его ли эта песня, он уходил от ответа. Потом я услышал эту песню из уст одного очень хорошего человека старого-старого еврея. Я не помню его фамилию. Оказалось, что это

его песня. Я после этого позвонил Ножкину, хотя после этого редко звонил ему. Я спросил его: «Миша, эту песню ты написал?». — Он сказал: «Ну какое это имеет значение?! — то есть не ответил мне, ушел от ответа. Вот. Но это больной человек...

После того, как появились эти песни, да еще «Последний бой, он трудный самый...», он себя возомнил великим и святым. Я никогда не забуду, как был митинг на Манежной площади, был митинг этих самых... не демократов, а наоборот... этих... коммунистов. И на трибуну выходит Ножкин и громко говорит собравшимся: «Братцы! Братки!...». А все как закричат: «Какие мы тебе братки? Никакие мы тебе не братки!».

Он был женат на жене, которая была завлитом театра эстрады и которую звали Ляля. Она была на 24 года старше его. Ничего плохого в этом нет. Я знаю женщин, которые на 70 лет старше своих мужей. И тоже не вижу в этом ничего плохого.

Голоса: Что-о? Жены на 70 лет старше своих мужей?!

Иосиф Раскин: А что такого? Что — мужья могут быть старше своих жен, а жены — нет?

Так вот. Он уже был не очень нормальный человек, причем в полном комплекте. И мне кажется, что у него было «головокружение от успеха».

Я помню, один его концерт в Политехническом музее, в центральном лектории. Полный зал народа. Эстрадный концерт. Ножкин выступает. Аплодисменты. А когда он спел одну — я не помню, какую, — песню, я говорю вам честно, я был свидетелем этого, он спел эту песню, и весь зал встал. Такого я никогда не видел. Я такого не видел даже на концертах Пугачевой в советское время, чтобы она спела песню, а весь зал встал. У него были песни потрясающие:

Зачем человеку заборы?

Заборы мешают людям.

Я верю, что очень скоро

Заборов у нас не будет...

И так далее, и так далее.

Ножкин, конечно, — потрясающий человек. Хотя и больной. Помимо всего прочего он придумал фразу, когда в Москве был съезд колхозников и они все ринулись в «Детский мир» за покупками, он придумал фразу: «Десять дней, которые потрясли «Детский мир». Эта фраза принадлежит Ножкину. Или еще такая фраза: «Ничто посреди нигде». Или такая фраза: «Я ли, не я ли? — говно в одеяле». А еще он рассказал мне один анекдот. И мне почему-то кажется, я не могу этого утверждать... иначе если я скажу сегодня это, он может на меня в суд подать... но мне почему-то кажется, что этот анекдот сочинил он, анекдот 70-х годов.

АНЕКДОТ ПРО ПОРТРЕТЫ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО

Иосиф Раскин: Приходит старый еврей в магазин, в книжный: «Скажите, пожалуйста, а у вас есть портреты членов политбюро?» — «Есть». — «А скажите, пожалуйста, у вас есть портреты всех членов политбюро?» — «Да, конечно». — «А скажите, пожалуйста, а у вас есть портреты размером 2 метра 20 на 1 метр 80?» — «Ради Бога». — «Скажите, а вот 1 метр 80 на 1 метр 20 у вас есть?» — «Есть». — Там еще: «А вот шесть на девять есть?» — «Есть». — «А девять на...» — «Есть. У нас есть все размеры есть. Что вы хотите?» Он: «Вы знаете, мне бы хотелось бы у вас купить, чтобы вы мне упаковали каждого размера каждого портрета по несколько экземпляров». — Все удивляются: «Зачем вам это надо?» — Он: «Хочется. Я старый еврей еду в Израиль. Может быть, мне удастся там какое-нибудь дело организовать, бизнес». — Все смеются: «Какой бизнес?» — «Тир».

Иосиф Раскин: Мне почему-то кажется, мне почему-то кажется, что именно этот анекдот придумал сам Ножкин. Но я это не утверждаю. Вот. Понимаете? Поэтому Ножкин... Я очень его уважаю до сих пор. Но, по-моему, в нем осталась патологическая (нелюбовь к евреям)... это опять-таки не моя вина, не моя заслуга, но, наверное, все-таки, может быть, в какой-то «степени» в кавычках и заслуга моя:

Еврей, прости антисемиту,
Он иногда бывает прав.

По-моему, Ножкин стал очень большим антисемитом. Но это уже как бы приросло к нему.

Алла Рахманина: И всегда был.

ИОСИФ РАСКИН И ГОРБАЧЕВ

Алла Рахманина: ...Иосиф Захарович, скажите, вы были знакомы с великими людьми, с потрясающими людьми. Кто из них оставил у вас наибольшее впечатление?

Иосиф Раскин (улыбается): Алла Ефимовна...

Алла Рахманина: Да? Ну а кто, кроме меня и Наташи?..

Ну вот Горбачев вам присылает вам свои поздравления с днем рождения...

Иосиф Раскин: Я уважаю Горбачева. Значит так. Отвечаю. Была по телевизору передача, которую вел Дибров, по НТВ. Я не помню, как она называлась. «Старая квартира», нет, «Старый телевизор». После этой передачи Дибров не стал работать там. А стал работать Новоженков. Это было тогда, когда президентом у нас в стране был Ельцин.

И вот идет передача со мной. Я рассказываю анекдоты. Рассказал и про Ельцина анекдот. Хороший анекдот. Передача была в прямом эфире. Дибров задавал мне вопросы. Я отвечал. Он задавал вопросы: как вам жизнь сейчас, как вам то и как это (нравится или не нравится). Я всегда говорю честно и ответил так. Знаете, в нашей жизни много плохого и много хорошего. Я убежден, что все что в нашей жизни есть хорошего — это только благодаря Михаилу Сергеевичу Горбачеву, только ему. А все самое мерзкое, самое ужасное и самое страшное — это только благодаря поддонку Ельцину. Так я говорил.

У меня есть две книги Горбачева, очень тепло подписанные им.

ИОСИФ РАСКИН И ЯВЛИНСКИЙ

Иосиф Раскин (отвечает Алле Рахманиной на ее вопрос о великих политических деятелях, с которыми Иосиф был знаком): В своей беседе с Дибровым на НТВ я сказал тогда, что вообще-то идеальных людей, особенно среди правительства, не может быть. Не может там быть хорошего, честного человека, не может быть по определению. Может быть более или менее хороший, или менее плохой, чем другие. Короче говоря, все — говно, Аллочка, но есть говно больше, а есть говно меньше.

Я очень уважал и до сих пор уважаю Явлинского. Но он тогда еще не был в правительстве. Все порядочные люди, которых я знаю, почти все голосовали только за Явлинского. Почему-то этого никто не знает.

Алла Рахманина: У Явлинского — две любимые книжки, Булгаков и ваша.

Иосиф Раскин: Я еще дойду и до этого.

Как я узнал о Явлинском, о том, что ему нравится моя книга «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса»? Я был то ли на «Кинотавре», то ли где-то еще. Короче, мне говорят: «Ты знаешь, сегодня по «Эху Москвы» было интервью с Явлиинским. А он там впервые появился, перед первыми выборами, в которых он должен был участвовать. Его спросили по радиостанции «Эхо Москвы»: «Какие ваши самые любимые писатели и книги?». — На что он сказал: «У меня под руками всегда томик Пушкина, Булгакова...». — Назвал еще книгу какого-то еще писателя и «Энциклопедию Хулиганствующего Ортодокса». Он не называя моей фамилии, но назвал мою книгу. После этого я сразу же позвонил ему. Его помощница меня с ним связала. Я поговорил с ним. И тут же принес ему огромное количество книг, подарков. Всем подписал свою книгу.

Что касается Булгакова... У него слишком риторические произведения, он слишком любит декларировать. Вот говорит, что рукописи не горят. Прекрасно горят! Еще он что-то там гово-

рит. И постоянно декларирует, у него, понимаете, одни декларации, с которыми я не согласен.

ИОСИФ РАСКИН И ГОВОРУХИН

Алла Рахманина: Иосиф Захарович, Говорухин тоже очень высоко о вас отзывался.

Иосиф Раскин: Да, Говорухин тоже... Если всех перечислять, то всех не перечислишь.

Это было на «Кинотавре». Мы стоим на берегу. Стоим — Игорь Иртеньев, Алла Боссарт, был Мишин, еще кто-то был. И вдруг из волн выходит, а вода была холодная... я смотрю, оттуда выходит Говорухин. Я ему говорю: «Вот вы занимаетесь в Госдуме культурой...». — А он так важно: «Я председатель Комитета по культуре». — А я ему: «Ну тем более. Вы занимаетесь культурой. Скажите, что, моя книга — плохая?» — А он так, очень громко, при всех, и мне это было страшно приятно: «Мне ваша книга очень нравится». Я не знаю, кому она не нравится. Но она многим нравилась и нравится. Что еще я хотел сказать?

ИОСИФ РАСКИН О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ НЕ ПЬЮТ И НЕ ЛЮБЯТ МАТ

Голос: А вопрос можно вам задать?

Иосиф Раскин: Любые. Кстати, извините, пожалуйста, мне бы очень хотелось, чтобы это было не мое выступление (не мой монолог. — *Н.К.*), а как бы наша с вами беседа, чтобы вы не стеснялись задавать мне вопросы. Я говорю всем: если человек не любит мат, если человек не пьет, как он говорит, и еще что-нибудь не делает, не верьте им, и поверьте мне, что это не очень хороший человек.

Юная пианистка Наташа: Почему?

Иосиф Раскин: А потому что это так и есть. Если человек выпьет рюмку вина, не обязательно напиться вусмерть, но если он

немножко выпьет, и если он скажет «... твою мать»... ну и что? В этом нет ничего страшного.

АНЕКДОТ ПРО ГОЛОСОВАНИЕ В КНЕССЕТЕ

Иосиф Раскин: Вот еще анекдот.

В Кнессете голосуют, встают и говорят: «Мы никогда арабов не победим, потому что за ними стоит Советский Союз». — Голос: «Так надо объявить войну Советскому Союзу?». — Все голосуют «за». И только самый старый депутат голосует «против». Его спрашивают; «Все голосуют, чтобы объявить войну Советскому Союзу. А вы почему против?». — Тот отвечает: «Я подумал: «А вдруг мы победим, простите. А вдруг мы выиграем эту войну?»».

Да, это известно: «А где мы возьмем столько евреев?» (для войны).

АНЕКДОТ ПРО СТЕНУ ПЛАЧА И ПРО ЛОТЕРЕЙНЫЕ БИЛЕТЫ

Иосиф Раскин: У Стены Плача, где много молящихся, которые кладут к Стене свои записочки, стоит старый еврей и плачет. Сосед спрашивает его: «Ты чего плачешь?». — А тот говорит: «Да вот я молю Бога, я прошу Бога, чтобы он послал мне выигрыш какой-нибудь по лотерейному билету». — Тогда сосед тоже стал молиться: «Господи, ну пошли Ты этому несчастному какой-нибудь выигрыш! Ну пускай он выиграет...». — И вот разверзаются облака, и там появляется бородатый Бог и говорит: «Но ведь этот мудака не покупает лотерейные билеты. Ну как он может выиграть что-нибудь, если он не покупает лотерейные билеты?»».

АНЕКДОТ ПРО ЧАШЕЧКУ КОФЕ

Иосиф Раскин: Голда Мейер, тогдашний премьер-министр Израиля, летит на самолете, на этом же самолете летит Косыгин, председатель Совета министров СССР, и летит Насыр, президент Египта. Стюардесса обращается к ним: «Господа, наша фирма предлагает вам одну дополнительную услугу. Мы выполняем абсолютно любое желание каждого нашего пассажира, абсолютно любое». — Обращается к даме: «Госпожа Голда Мейер, какое ваше желание?». — «Чтобы в течение 24 часов были уничтожены все арабы». — Стюардесса записывает это в книжечку. Обращается к Насыру: «Господин Насыр, какое ваше желание?». — Тот: «Чтобы в течение 24 часов были уничтожены все евреи». — Стюардесса обращается к Косыгину: «Господин Косыгин, какое ваше желание?». — Тот: «Скажите, мисс, а ваша фирма, она вообще гарантирует выполнение желания?». — «Конечно, наша фирма такая солидная. Мы гарантируем выполнение любого вашего желания». — «Тогда будьте любезны, принесите чашечку кофе».

Иосиф Раскин: Это очень хороший анекдот того времени. «...чашечку кофе...». Дальше.

АНЕКДОТ ПРО ПАРЛАМЕНТ И ПРО ЖИЛЕТКУ

Иосиф Раскин: В Кнессете, в израильском парламенте сидит один депутат без жилетки, Рабинович. Ему говорят: «Рабинович, ты почему в парламенте сидишь без жилетки?». — Тот говорит: «А мне в английском парламенте разрешили сидеть без жилетки». — «Как так?». — «А вот так. Я сидел в английском парламенте, был без жилетки. А мне сказали: «Знаешь, Рабинович, без жилетки ты будешь сидеть у себя в парламенте».

ИОСИФ РАСКИН О НЕДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ АНЕКДОТОВ, О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И ОБ ИЗРАИЛЕ

Иосиф Раскин: Все дело в том, что анекдоты — это не документалистика. Анекдоты, они как бы дают образы людей и сплетни или слухи о них и о каких-то событиях, случаях, ситуациях. И я не претендую на документалистику, на документальную точность, она в анекдотах и не нужна. И я убежден, что я прав.

Кстати, я думаю (и я убежден, что по большому счету я прав), что если бы Израиль не состоял на 70 или 80 процентов из бывших советских граждан, то Израиля давно не было бы.

...Вы знаете, война на Ближнем Востоке, война между евреями и арабами, в корне изменила отношение русских к евреям в лучшую сторону, не в сторону антисемитизма. Сильно изменила.

Еще раньше мы узнали, что евреи занимают второе место после русских по количеству героев Советского Союза. Что евреи научились как следует воевать. Недаром появилась такая концовка в одном анекдоте про героев: а где мы возьмем столько евреев?

Так вот я убежден, что если бы не Советский Союз (который, кстати, и способствовал созданию этого государства. — *Н.К.*), то Израиля, даже тогда, когда мы были с ним враги, уже давно не было бы. Для нас было очень важно сохранить Израиль. Потому что население Израиля это на три четвертых — бывшие советские люди. И когда на Ближнем Востоке были уничтожены все компартии, ни одной там не осталось, то в Израиле сохранились три компартии. И поэтому для наших политбюровщиков было важно сохранить Израиль. Но сохраняя при этом и Ближний Восток.

Продолжаю анекдоты.

АНЕКДОТ ПРО АРАБСКИЙ ТАНК

Иосиф Раскин: Война евреев с арабами на Ближнем Востоке. Один еврей, один солдат, который участвует в этой войне, говорит своим: «Я хочу поехать с войны домой». Они говорят ему: «Ты что? С ума сошел? Нельзя. Война идет. Как ты уедешь с войны?» — А тот: «Ничего не знаю, хочу домой, и все!». — Тогда ему говорят: «Тогда тебе надо взять отпуск». — Тот: «Хочу в отпуск!». — Ему говорят: «Тогда тебе надо совершить какой-то геройский поступок». — «Какой поступок?». — «Ну, например, надо захватить и притащить сюда арабский танк». — «Хорошо», — сказал тот и ушел. Через день привлекает с собой арабский танк». — «Молодец!». — Его отпускают в отпуск, домой. Он приезжает домой. Его спрашивают: «Рабинович, как ты сумел так быстро захватить арабский танк?» — «Как? Очень просто. Я пришел на линию фронта и кричу: «Арави, кто хочет в отпуск, давайте меняться танками!» И мы поменялись танками...».

АНЕКДОТ ПРО БРАКОВАННЫЕ ГРАНАТЫ

Иосиф Раскин: Дальше. Еще было много анекдотов на эту тему, про евреев и арабов.

Арабы прислали нам, Советскому Союзу, ноту протеста, за то, что мы посылаем им бракованные гранаты. Наш человек спрашивает у арабов: «Почему вы думаете, что они бракованные? Понимаете, ими надо пользоваться так, как написано в инструкции». — А те: «А мы так и пользуемся ими, как написано в инструкции». — «А как там написано? Араб берет гранату, вытаскивает чеку, считает до десяти и бросает ее». — «А мы так и делаем. Араб берет гранату, вытаскивает чеку и считает до десяти, держит гранату под мышкой и считает: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... Граната взрывается!».

АНЕКДОТ ПРО ОДНОГЛАЗЫХ ПОЛКОВОДЦЕВ

Иосиф Раскин: Дальше. Еще мне очень нравится анекдот про полководцев.

Брежнев Леонид Ильич звонит Подгорному ночью и говорит: «Алексей Николаич, извини, ты, еще не спишь? Я тут ребус решаю, кроссворд разгадываю». — Подгорный: «Ну и что?». — «Помоги мне, пожалуйста. Великий еврейский полководец, одноглазый. В слове четыре буквы... Скажи, кто это?» — «Даян». — Брежнев пишет: «Даян. Правильно». — Второй раз звонит: «Алексей Николаич, извини, я тебе спать не даю. Но помоги мне, пожалуйста... Великий арабский полководец, одноглазый. В слове Пять букв... Скажи, кто это?». — «Насыр». — «Правильно. Спасибо...». — Третий раз звонит Подгорному: «Ой, Алексей Николаич, извини, ты уже спишь, наверное? А я никак не могу уснуть. Великий российский полководец, одноглазый...» — «Давай выколем нашему Гречке один глаз? Потому что все великие полководцы одноглазые».

ИОСИФ РАСКИН НИКОГДА НЕ ЗАПИСЫВАЛ АНЕКДОТЫ

Алла Рахманина: Вы говорите, что вы не писатель. Да, вы — как Даль, как Афанасьев... записываете все, я имею в виду... вы коллекционируете, собираете анекдоты.

Иосиф Раскин: Отвечаю на вопрос. Вопрос, конечно, интересный. Я даю честное слово, и благо — есть свидетели этому, что я никогда не записывал анекдоты, никогда! Но у меня есть брат в Киеве, он очень любит анекдоты, больше, чем я, и мат, кстати, он любит, и вот он всю жизнь записывает анекдоты. Я никогда не записывал их. Но когда вышло второе издание моей книги и я понял, что выйдет еще, что надо сделать еще третье и четвертое издание, то тогда я уже стал все записывать. Вот ответ на Ваш вопрос.

А вообще, я помню, что мы с Ириной (женой) вместе были в круизе по Ближнему Востоку, по Средиземноморью. И с нами были нефтяники, был там Юрий Антонов, он здесь недалеко жи-

вет... Еще были ребята... Мы были в кризисе две недели, и мы то ехали, то стояли... И мне хватило на все две недели рассказывать анекдоты. Я никогда их не записывал, они все были у меня в памяти, но вот память у меня сейчас уже не та, конечно, надо записывать анекдоты.

Один из участников вечера, Н: Но все время записывать тоже рискованно...

Владимир Гальперин: Я делаю по-другому. Я просто вырезаю анекдоты из газет и журналов и наклеиваю в тетрадь. У меня есть анекдоты на все случаи жизни.

Иосиф Раскин: Прекрасно! А почему записывать анекдоты рискованно?

Один из участников вечера, Н: Почему рискованно? Мой брат, Валерий, который живет на Украине, он был председателем колхоза, возглавлял колхоз, и приезжал ко мне в Москву за анекдотами, как за песнями. Говорил: «Ну расскажи мне последний московский анекдот»... Помню, я рассказал ему анекдот про колхозников и про салют, как один колхозник рассказывает колхозникам, что такое салют, и говорит: «Оп, твою мать!». Брат мой не стал записывать весь анекдот, а записал в записной книжке только: оп, твою мать. Вот возвращается он к себе на Украину, к нему приходит его друг, секретарь райкома, спрашивает: «Ну что новенького ты привез, Валера?» — Брат смотрит в свою записную книжку, читает: «Оп, твою мать... а что это за анекдот, я и забыл...».

АНЕКДОТ ПРО ХОДОКОВ К ЛЕНИНУ И ПРО СОЛОМУ

Алла Рахманина: Иосиф Захарович, расскажите про политических деятелей.

Иосиф Раскин: Рассказываю.

Приходят ходоки к Ленину. Говорят: «Что делать, Владимир Ильич? Людям нечего жрать. Люди умирают от голода. У них осталась одна солома». Он говорит: «Осталась одна солома?»

Ну и прекрасно! Пусть едят солому». — «Да вы что — смеетесь, Владимир Ильич? Люди мычать начнут». — «Да вы что? Я вот ем липовый медок, но я же не жужжу».

Иосиф Раскин: Я как-то отдыхал маленьким ребенком... это был 1945 год... июнь, парад Победы на Красной площади, а я в эти дни отдыхал в лесной школе в Сокольниках. Там висела такая мемориальная доска, на которой было написано, что здесь бывал Ленин с Крупской, на елке детей. И вот как раз есть такой анекдот...

АНЕКДОТ ПРО ДОБРОГО ЛЕНИНА

Иосиф Раскин: Ленин с Крупской приехали в Сокольники на елку. Дети окружили Крупскую. Кричат: «Бабушка Надя, расскажи нам, какой дедушка Володя...». Крупская говорит: «Он очень добрый, он очень добрый, хороший... Я помню, приходят к нему дети, говорят ему: «Дедушка Володя, поиграй с нами! А он им, он ведь был очень добрый, хороший: «Пошли к е.ной матери!». А ведь мог бы и бритвочкой... он был очень добрый человек, мог бы и бритвочкой...».

Иосиф Раскин: Дальше. Один известный анекдот из этой серии. Великий, очень мудрый анекдот, а не просто информационный.

АНЕКДОТ ПРО СТАЛИНА И КРУПСКУЮ

Иосиф Раскин: Сталин вызвал к себе Крупскую. Говорит ей: «Если ты, такая-сякая, будешь много болтать, то женой Ленина мы назначим Землячку. Или Стасову...».

Иосиф Раскин: Это очень мудрый анекдот. У нас кого надо, того и назначают. Это всегда было, есть и будет.

АНЕКДОТ ПРО ДНЕВНИК ПАРТИЗАНА

Иосиф Раскин: Дальше. Начало войны... Кстати, маленькая особенность. Когда у нас в стране происходит какое-то горе, какая-то беда, землетрясение в Баку или в Ереване и т. д., то у нас сразу возникает много анекдотов про это, всплеск анекдотов! Рассказываю анекдот времен войны. Очень сильно мне нравится анекдот про дневник партизана. Это изумительный анекдот.

12 июля. Пришли немцы — выбили нас из леса.

13 июля. Пришли наши — выбили немцев из леса.

14 июля. Пришли немцы — выбили нас из леса.

15 июля. Пришли наши — выбили немцев из леса.

16-е. Пришли немцы — выбили нас из леса.

17-е. Пришли наши — выбили немцев из леса.

18-е. Пришли немцы — выбили нас из леса.

19 июля. Пришел лесник и прогнал всех к е.ной матери.

(У кого-то из гостей Музея Чуковского звонит мобильник.)

Иосиф Раскин (*отпивает чай из кружки*): Я всегда всем говорю (что говорю? отключайте мобильник? Нет. — *Н.К.*)... я всегда всем говорю: никогда не выключайте мобильник. Пусть он звонит.

АНЕКДОТ ПРО ВЫСОТКУ

Иосиф Раскин: Немцы захватили нашу высотку. Приходит приказ от нашего командования: любой ценой взять высотку, любой ценой освободить ее от немцев! Наши кинули туда против них сотни солдат... всех положили, всех наших положили немцы, которых было двадцать человек, двадцать человек положили сотни наших солдат, но высотку мы взяли. Из всех наших случайно выжили только двое, двое тяжелораненых. Проходит 50 лет. Идет торжественное собрание, посвященное 50-летию освобождения высотки. Полный зал народу, некуда упасть никому... то есть яблоку негде

упасть. И сидят эти двое, которые выжили тяжелораненные. Один говорит другому говорит: «Вася, как мало нас было, и как много нас осталось».

Иосиф Раскин: Это очень мудрая притча.

АНЕКДОТ ПРО ПОПРАВКИ В ДУМЕ

Иосиф Раскин: В Госдуму поступило два проекта: один — не убий, а другой — не укради. Депутаты работают над поправками.

КЛАССИФИКАЦИЯ АНЕКДОТОВ

Стас Айдинян: Я хотел сказать, что анекдоты-то бывают разные, если рассматривать их в русле анекдотов, проверенных временем. Был в XIX веке такой источник анекдотов, это воспоминания графа Владимира Сологуба. Это дворцовые анекдоты. Там анекдоты виртуозные. Вот один такой:

Сидят за столом князь Голицын, а рядом с ним — граф Великогорский. И граф говорит князю: «Попробуйте, — говорит, — вина. Урожай 1750 года». — «Однако ж, — говорит князь. — Не знаю, как вино, но масло — наверное». Говорят, что это старейшие анекдоты. Неправда. Анекдоты записывались еще во времена Третьяковского и Сумарокова, в XVIII веке.

Иосиф Раскин: И намного раньше.

Стас Айдинян: Я имею в виду не устное народное творчество, которого целые книги изданы, я не это имею в виду, а литературу. Кстати, Третьяковскому приписывают, например, такой анекдот:

Стоит древесно, к пупу примкнуто.

В любви прелестно, когда воткнуто.

Владимир Гальперин: Это типа загадки получается...

Стас Айдинян: Ну это XVIII век, зафиксированный письменно. Мы не будем, естественно, говорить о том, что все знают, о том, как это зафиксировано у Пушкина, у Афанасьева, об этом не будем.

Анекдоты поддаются классификации. То есть можно сказать: это дворцовый анекдот, это исторический, это политический. Анекдот как бытование особой литературной формы, даже пусть она будет низовая, он существует, то есть существует как литературный акт. А есть анекдоты, которые граничат с историческими вехами народа и по-своему трактуют историю и государственных деятелей. Допустим, тот же известнейший АНЕКДОТ ПРО МИКОЯНА И МАШИНУ:

«К подъезду машину товарища Молотова! К подъезду машину Кагановича! К подъезду машину Микояну! А ваша машина где, товарищ Микоян Анастас Иванович?». — Он: «А мне не нужно. Я между стройками пробегу...». Вот вам, пожалуйста. Познавательный анекдот.

АНЕКДОТ ПРО БУКВУ «М» В РУССКОМ АЛФАВИТЕ

Иосиф Раскин: Насчет Микояна. Анекдот времен Хрущева. При Хрущеве... я не буду говорить о всем том хорошем, блестящем, о том великом, я не боюсь этого слова, что сделал Хрущев для нашей страны, для людей. Но там было еще такое... именно при Хрущеве у нас в стране впервые появилось подорожание цен на продукты. При Сталине каждый год были удешевления цен на продукты. А при Хрущеве появилось подорожание цен на продукты. И тут же появился такой анекдот.

Армянское радио предложило выбросить из русского алфавита букву «М». Все спрашивают: почему? Армянское радио отвечает:

— Как почему? Мяса нет. Масла нет. Молока нет. Молотова нет. Маленкова нет. А что мы будем из-за одного армянина Микояна держать букву «М» в русском алфавите?

АНЕКДОТ ПРО ГОВНО НА ПОЛЕ

Иосиф Раскин: Безусловно, каждый анекдот — это не просто законченная мысль, не просто юмор, а произведение литературы.

Начинаю рассказывать следующий анекдот.

Большая группа людей идет через пустыню, по полю. А оно сплошь покрыто говном. Люди идут по этому полю сутки, вторые сутки, третьи сутки. Показалась гора. Они поднялись на гору. С горы видят, на поле до самого горизонта кругом одно говно. Они спустились с горы, идут дальше. Наконец, вышли на потрясающе красивую зеленую лужайку. Остановились. И старший группы сказал:

— Ну вот, теперь, наконец, нам есть где посрать.

Иосиф Раскин: Этот анекдот — разве не великий роман, достойный Японии?

Продолжаю дальше рассказывать анекдоты.

АНЕКДОТ ПРО МУЖИКА НА ТЕЛЕГЕ И ПРО АМЕРИКАНЦА

Иосиф Раскин: Один американец приехал в Россию и пошел грибы собирать, и заблудился в лесу. Бродил, бродил по лесу и вышел на огромное поле. И видит вдалеке: телега, старая лошадь, запряженная в телегу. Телега, полная говна. На телеге сидит мужичонка в тулупчике, в треухе, и это летом, держит в руке козью ножку. Американец бежит к нему, спотыкается, опять бежит, опять спотыкается. Подбегает к мужику, спрашивает: «Дую спик инглишь?» Мужик отвечает: «Я сойду, но х.ли толку?».

Иосиф Раскин: Минуточку дальше я буду много говорить...

АНЕКДОТ ПРО ПОГРОМ И ПРО ХРИСТА

Иосиф Раскин: В Одессе — погром. Погромщики врываются в дом к одному старику, вытаскивают его, сонного, из постели, орут: «Ой, жидовская морда, мы тебя сейчас пришьем...» — Тот: «За что, товарищи?..» — «А за то, что вы, евреи, распяли нашего Христа!» — «Да это не мы — это кишиневские евреи...»

АНЕКДОТ ПРО СОКУРСНИЦУ БРЕЖНЕВА

Иосиф Раскин: Гениальные анекдоты были при Брежневе. При Хрущёве тоже было много анекдотов, но ничего особенно интересного среди них не было. А при Брежневе было много интересного. Я, с вашего позволения, попытаюсь рассказать вам, может быть, не столько лучшие, сколько наиболее приемлемые анекдоты.

В приемной Брежнева раздаётся телефонный звонок. К телефону подходит секретарша Виктория. Женский голос в трубке: «Попросите, пожалуйста, Леонида Ильича». — Секретарша: «А кто его спрашивает?» — «Это его сокурсница». — «Положи трубку, б.д.ь! Он никогда нигде не учился!».

АНЕКДОТ ПРО БРЕЖНЕВА НА ПЛЯЖЕ И СОБАКУ

Иосиф Раскин: Дальше. Еще один анекдот про Брежнева.

Брежнев лежит на пляже и читает газету. Читает газету и лежит на пляже. И вдруг собака начинает ему лизать то, что есть у мужчины между ногами. Тогда Брежнев, не отрываясь от газеты и не глядя на собаку и не видя ее, говорит: «Товарищи, это уже лишнее...».

Иосиф Раскин: Много анекдотов есть про Брежнева.

А еще мы пропустили несколько анекдотов про Сталина. Анекдоты про Сталина возникли уже после смерти Сталина. А при жизни Сталина я не помню ни одного анекдота о нем,

не помню, чтобы кто-то рассказывал такие анекдоты. При нем было много других анекдотов.

АНЕКДОТ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Алла Рахманина: В какие годы возродился анекдот (как жанр)?

Иосиф Раскин: Анекдот никогда не угасал.

Алла Рахманина: В литературном аспекте, я имею в виду...

Иосиф Раскин: В литературном аспекте анекдот появился в журнале «Огонек», при Коротиче, когда Коротич был главным редактором «Огонька». Тогда впервые там появились анекдоты с подписью Никулина. До этого был иностранный юмор, или просто юмор. А анекдотов не было, я это утверждаю, хотя многие не согласны со мной, они появились в печати только при Коротиче, в журнале «Огонек», хотя существовали всегда.

АНЕКДОТ ПРО СТАЛИНА И ГЕНЕРАЛА

Иосиф Раскин: Про Сталина были, например, такие анекдоты.

Прием в Кремле. Начало войны. Из приемной выходит Сталин. Проходит мимо всех, кто сидит в коридоре, проходит мимо какого-то генерала, допустим, по фамилии Иванов. Коротко кидает в его сторону: «Расстрелять!» — У того — чуть ли не инфаркт. Правда, никто этого генерала не арестовывает, не хватает, не сажает в камеру. Бедняга быстро садится в машину, едет к себе домой, прощается там с женой, с детьми. Думает, что вот сейчас за ним приедут и заберут его. Но никто за ним не приезжает и никто его никуда не забирает. Проходит день, второй, третий... Никто генерала никуда не вызывает, никуда не ведет. Прошла вся война. Наступила победа. Прием у Сталина в Кремле, в честь победы. Сталин выходит из приемной. Идет мимо того же самого генерала, говорит ему: «Вот видите, товарищ генерал, товарищ Иванов, мы и в тяжелые времена находили время для шуток».

АНЕКДОТ ПРО СТАЛИНА, БЕРИЮ И КАГАНОВИЧА

Иосиф Раскин: Дальше.

Время — два часа ночи. Сталин сидит в кабинете. Снимает телефонную трубку: «Алло! Это кто? Товарищ Берия?» — Тот: «Да, товарищ Сталин». — «А что? Это правда говорят, что ты — грузин, нЭт?» — «Ну как же, всем известно, что я грузин. Я от этого никогда не отказывался, товарищ Сталин». — «Да это нЭ я говорил. Это Каганович говорил. Спокойной ночи». — Опять поднимает трубку: «Алло, это товарищ Каганович» — «Да, товарищ Сталин». — «Послушай, ты, что — еврей?» — «Я от этого никогда не отказывался, товарищ Сталин». — Да это нЭ я говорю, а это Берия говорил». — Вешает трубку, говорит сам себе: «Что за дурацкий характер? Пока всем товарищам по борьбе нЭ пожелаю спокойной ночи, нЭ могу уснуть».

ИОСИФ РАСКИН И МЕДАЛЬ ОТ КАТАЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН

Иосиф Раскин: Среди армян много известных людей. Был Возген Первый, Верховный Патриарх и Каталикос всех армян. Он мне при всех вручил памятную медаль из чистого серебра, с номерным сертификатом. Вот эта медаль из чистого серебра, приготовлена в Лондоне в таком-то году. И он мне привез и вручил мне эту медаль. Она до сих пор хранится у меня. Она меня много раз выручала в известных интересных ситуациях. Об этом написано в моей книге.

ПРО ПРИЕЗЖЕГО И ПРОСПЕКТ РУСТАВЕЛИ

Иосиф Раскин: Я очень много раз бывал в Грузии. Я расскажу вам хороший анекдот про Грузию, мой любимый анекдот.

По Тбилиси идет мужчина, приезжий, подходит к прохожему, говорит: «Извините, пожалуйста, вы не можете мне подсказать?..

вы уж простите меня, ради бога... я у вас много времени не займу... Вы мне не подскажите, а?... как мне пройти на ваш замечательный, удивительный проспект?... как мне пройти на ваш такой потрясающий проспект?... вы не обижайтесь на меня, пожалуйста, я щас закончу... как пройти на ваш прекрасный проспект Руставели?... как мне туда пройти?» — Прохожий слушал, слушал и говорит; «Как же ты красиво говоришь... Иди как хочешь!»

АНЕКДОТ ПРО БИЛЕТ ДО МОСКВЫ

Иосиф Раскин: Дальше. Мне очень нравится вот этот анекдот про грузина.

Мужчина, грузин, приходит в кассу своего вокзала, просит у кассира билет до Москвы. Кассир говорит: «НЭт билетов». — Тот достает и протягивает ему 25 рублей. Кассир: «Я сказал: нЭт билетов!». Тогда тот достает 50 рублей. Кассир: «Ты что — мне взятку даешь? Ты мне, коммунисту, даешь взятку?!» — Снимет телефонную трубку: «Алло! Это прокурор?» — Пассажир пытается уйти. Кассир пассажиру: «Стой! Никуда не уходи! Постой, тебе говорят, никуда не уходи!.. Алло! Это прокурор?» — Пассажиру: «Стой! Не никуда уходи!» — Прокурору: «Это прокурор, да? Ты в Москву нЭ поедешь». — Пассажиру: «Ты поедешь!».

ИОСИФ РАСКИН И ГРУЗИЯ И НИТА ТАБИДЗЕ

Иосиф Раскин: Я написал книгу о Грузии. Книга называется «Грузия, ты в моем сердце». Я горд и рад, что я смог сам написать эту книгу. Полкниги я посвятил Ните Табидзе. Когда на Пастернака были гонения, тогда был какой-то съезд партии, Пастернаку специально посоветовали, и он уехал в Тбилиси и жил в доме у Ниты Табидзе. Она тогда была маленькой девочкой, ей было лет десять — двенадцать. И Нита и Пастернак, они постоянно гуляли по Тбилиси. Она рассказывала ему и про Ивинскую, и про многое.

Нита Табидзе — великая женщина. Я могу рассказать о моем знакомстве с ней.

Я был с одной девушкой, с одной молодой женщиной, журналисткой, в Тбилиси. Мы спросили у какой-то женщины, как пройти к музею. Она стала, подробно объяснять нам это, потом, слово за слово, стала рассказывать обо всех событиях в Тбилиси, а она жила на проспекте Руставели, и как солдаты шли по этому проспекту, как они топали и стучали касками. Она красиво все это рассказывала. А я рассказывал анекдоты, много анекдотов. И так мы шли и шли. Потом она говорит: «Давайте я вас познакомлю с потрясающей женщиной». — Мы: «Давайте». — И вот она повела нас в гости. Нас встречает божья старушечка. Слово за слово, я начинаю рассказывать анекдоты, потихонечку, потихонечку, по одному анекдоту, она смеется над первым анекдотом, смеется над вторым, над третьим. И вдруг начинает хохотать таким хохотом... Она так хохотала, даже задыхалась, я думал и боялся, что с ней что-то случится, не дай Бог. Потом я узнал, что этот ее хохот знаменит на весь Тбилиси, весь Тбилиси знает ее хохот. Как она умеет хохотать, воспринимать юмор. Я рассказал ей еще пять анекдотов. И, наконец, подарил и подписал ей свою книгу, меня поразило, как прекрасно она воспринимает анекдоты, любые анекдоты, и мат, лишь бы это вызывало смех, а смех — это главное в анекдоте. Потом мы с ней поближе познакомились. Я часто звонил ей, а потом у нее была круглая дата, девяностолетие. И я специально поехал к ней, взял с собой диктофон, кассеты, решил сделать книгу о ней. Я каждый день бывал у нее дома. К ней приходили гости. Они сказали мне, что моя книга у Ниты Табидзе постоянно находится под подушкой, хотя эта книга — сплошной мат. Я даже не буду приводить примеры, потому что это здесь, в этих стенах, нельзя. Я как-нибудь, если вы хотите, приду сюда специально, на территорию музея, и, не заходя в музей, буду рассказывать вам анекдоты, всем, кто придет сюда. Мы будем сидеть на лавочке. И я буду весь вечер рассказывать такие анекдоты, что вы обалдеете.

АНЕКДОТ ПРО БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА И ПРО ПОРТНЫХ

Алла Рахманина: Иосиф Захарович, какие книги больших, известных писателей произвели на Вас самое большое и сильное впечатление в течение жизни?

Иосиф Раскин: Как можно задавать такой вопрос? И как можно на него ответить? Ну как можно ответить на него?

Алла Рахманина: Здесь, на том месте, где Вы сейчас сидите (в музее Чуковского), сидел Олег Михайлов, знаменитый Олег Михайлов тут сидел. Он говорил, что у каждого человека должна быть своя великая книга, которая произвела на него самое сильное впечатление и оказала на него самое сильное влияние...

Иосиф Раскин: Отвечаю на это анекдотом, который мне очень нравится.

Один большой человек поехал в Америку. Ему в Америке подарили роскошный отрез на костюм. Большой человек не хотел возить отрез туда-сюда. Вызвал к себе лучших американских портных и говорит им: «Вот мне здесь подарили отрез на костюм. Я не хочу возить этот отрез туда-сюда. Можно мне здесь сшить из него костюм?». Те посмотрели отрез и сказали: «Нет, вы знаете... Вы такой большой человек, а отрез такой маленький... Мы не беремся шить из него костюм для вас». На обратном пути большой человек оказался в Париже. Вызывает к себе лучших парижских портных, самых лучших, и говорит им: «Мне подарили в Америке отрез. Я хотел бы сшить себе из него костюм». Те посмотрели отрез, сказали: «Вы такой большой человек, а отрез такой маленький. Мы не решаемся шить вам из него костюм». В Москве лучшие московские портные сказали большому человеку то же самое. Потом он оказался в Одессе. Проходит по улочке, видит — мастерская, на двери вывеска, на которой написано: «Индивидуальный пошив одежды». Большой человек заходит в мастерскую, видит, там сидит старый еврей. Большой человек показывает ему свой отрез, спрашивает: «Можно мне сшить

из него в костюм?». — «Ради бога (конечно, можно). Приходите в четверг. Костюм будет готов». Приходит большой человек в четверг. Меряет костюм. Пиджак сидит прекрасно, брюки сидят прекрасно. Портной приносит еще и жилетку. Большой человек с удивлением говорит: «Как? Еще и жилетка получилась из такого маленького отреза? Я был в Америке, был в Париже, был в Москве... Лучшие портные везде говорили мне: такой большой человек и такой маленький отрез...». — Старый еврей отвечает: «Это для них вы — большой человек, а для меня вы — говно. Не надо ли вам еще и кепочку к костюму?...».

Алла Рахманина: Классический анекдот.

Иосиф Раскин: Да, конечно, он потому и классический... в данном случае речь идет о том, что нельзя говорить о людях, что этот человек большой, а этот небольшой. Конечно все люди — большие. Каждый человек — великий и прекрасный. Здесь, в Переделкине, жил человек и поэт Юрий Левитанский, не великий, но прекрасный. Он говорил (писал): «Каждый выбирает по себе женщину, религию, дорогу...». Поэтому каждый живет, как он считает нужным, и судить и осуждать никого никогда нельзя.

(Аплодисменты! Иосиф Раскин пьет чай из чашки. Подписывает гостям свои книги. Юная пианистка Наташа играет на пианино веселую классическую музыку.)

Голоса гостей: Давайте танцевать!

Голоса гостей: Незапротоколенный какой вечер получился!

(Все рады и довольны.)

Материал подготовила

Нина КРАСНОВА

(расшифровка с видеокассеты и литературная обработка)

4–18 августа 2016 г.

(посл. вычитка 16 июля 2017 г. и 7 августа 2018 г.),

Москва, Перово

4. КОРИФЕИ ЮМОРА ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ, И ИОСИФ РАСКИН О НИХ

Аркадий АРКАНОВ,
писатель-сатирик

«ИКС», «ИГРЕК», «И» С ПТИЧКОЙ

(Предисловие к книге Иосифа Раскина «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», М., 1998, расширенное и дополненное издание)

Прежде чем прочитать эту книгу, возьмите карандаш и бумагу и поставьте рядом три буквы латинского алфавита, вынесенные мною в заглавие предисловия. Прочтите, что у вас получилось. Прочли? Теперь смело в бой! Страницу за страницей...

Итак, мы получили еще одну книгу, которая вызовет ожесточенные споры, как в частной беседе, так и в официальной полемике. Опять мат! Сколько можно! И т. п.

Я не призываю читателя непременно пользоваться матюгами «ежеминутно, ежечасно, всемирно и в массовом масштабе»... Кажется, так говаривал В. И. Ленин, правда, по другому случаю. Но я и не сторонник выхолащивания языка до такого искусственного состояния, когда при слове «жопа» человек будет падать в обморок, как любит говорить мой друг В. М. Влади́н. В конце концов, неприятие мата в обществе — это всего лишь условность, и люди ее сами себе придумали. Замените нецензурное значение женского полового органа на какое-нибудь другое, например, на «хлюпа», придайте ему неприличный смысл, вне-

дрите это в умы подрастающего поколения, и через двадцать лет слово «хлюпа» тоже нельзя будет произносить в обществе.

Л. Н. Толстой, если не ошибаюсь, в своем творчестве лишь однажды употребил слово «говно», да и то через «г» с точками. Лев Николаевич великий писатель и «зеркало русской революции». Юз Алешковский, если не ошибаюсь, в своем творчестве два раза обошелся без мата. Алешковский замечательный писатель и зеркало русского «разговорного» языка. Иосиф Раскин попытался собрать и обобщить нецензурные и околоцензурные анекдоты, касающиеся очень маленького и одновременно очень большого периода нашей с вами жизни.

Я убежден в истинности выстроенной мною модели. Вот она. Представим себе, что вся наша цивилизация погибла. Ничего не осталось. Ровным счетом ничего. Пронеслись тысячелетия, возникла новая цивилизация, и ученые, преодолевая один археологический слой за другим, натываются на закупоренный сосуд, в котором обнаруживают странные письмена, относящиеся к нашему времени. Ученые расшифровывают эти письмена, и выясняется, что находка есть не что иное, как собранное когда-то каким-то добросовестным чудаком типа начальника этой книги несметное количество анекдотов. Убежден, что только по этим анекдотам уже можно будет составить полное представление о нашей жизни во всех ее областях культурной, политической, духовной, медицинской, лагерной...

Но теперь представьте, что тот самый чудака — собиратель анекдотов — в жизни своей был чистоплюем, «цирлих-манирлихом» и вышепридуманной мной «хлюпой в незабудках». И он, видите ли, заменил все «суровые» слова эвфемизмами. Думаю, что ученые, обнаружившие эту галиматью, никогда бы ее не расшифровали и ни разу бы не улыбнулись. Из песни, а тем более из анекдота, слова не выкинешь.

Господа! Мы много лет подряд заменяли жизнь имитацией жизни. Давайте не будем подменять язык имитацией языка. Давайте признаем, что наша необъятная страна много лет подряд

жила по законам «зоны» и была по сути своей одной большой, отдельно взятой необъятной зоной. Давайте, наконец, поверим в то, что вожди наши между собой перебрасывались и, я уверен, с удовольствием перебрасываются матюжком, чтобы понятней было, потому что в зоне и у заключенных, и у надзирателей один язык. И надо признать, что мат обладает огромным эмоциональным зарядом и является неотъемлемой, хотя часто и неловкой частью нашего великого, могучего, как говорил Иван Сергеевич Тургенев...

Говорят, что мат — это орудие интеллигенции (в отличие от булыжника пролетариата), что в настоящей русской деревне мат не принят. Встречал я разных интеллигентов — и матерщинников, и тех, что падали в обморок не только от слова «жопа», но и от слова «попа». Встречал я изысканных матюгал — прекрасных и чистейших людей. Встречал я и «интеллигентов» — выдающихся мерзавцев и нелюдей. Бывал я в деревнях, где разговаривают на языке, свободном от мата. Бывал и в таких деревнях, где без мата не произносится ни одно предложение, и мат не считается неприличным.

Одно могу сказать. Не следует стыдливо натягивать юбочку на коленки, коль вы пришли за помощью к венерологу. И еще. Мыслимо ли, выехав отдохнуть на природу, весь день проходить в костюме, в галстуке и в мокасинах, ни разу не раздевшись и не пробежавшись босиком по чистой земле, даже и вляпавшись в коровье дерьмо?

Эта книга — это наша жизнь и наш уникальный юмор, который нас возвышает и помогает выжить, как сказал З. С. Паперный. И дай Бог здоровья и денег автору на вторую, на третью, на десятую книгу подобного рода. Ведь это в какой-то степени энциклопедия нашей жизни...

А если, уважаемые читатели, вы не согласны, то смело можете послать и автора книги, и автора предисловия на те три буквы латинского алфавита с птичкой... Мы не обидимся.

«ОСТАВАЙТЕСЬ С НАМИ...»

(Отрывки вечера Иосифа Раскина, презентация его книги «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», Большой зал ЦДЛ, 1999 г., стенограмма, сделанная Ниной Красновой с видеокаслеты)

ИОСИФ РАСКИН — О СВОЕЙ СЕСТРЕ АННЕ

Иосиф РАСКИН: Когда я был маленький, у нас в стране (и у нас в семье) был голод, и что самое ценное было тогда — это картошка. И свою любимую сестру я звал Картоха. А вообще она Аня. И сейчас две пианистки сыграют вам тарантеллу из балета Гаврилина «Аня».

(Двоюродная сестра Иосифа Раскина, народная артистка России Татьяна Рубина и его сестра Анна, мать Татьяны Рубиной, играют тарантеллу из балета Гаврилина «Аня». А до этого играли веселое сочинение Моцарта. Открывали вечер Иосифа Раскина в Большом зале ЦДЛ.)

**ИОСИФ РАСКИН — О МАРЛЕНЕ КОРАЛЛОВЕ,
И МАРЛЕН КОРАЛЛОВ — ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ**

Иосиф РАСКИН: Есть у меня очень близкий человек, которого я знаю много-много лет. Он когда-то читал в пединституте, где я учился, западноевропейскую литературу. (Он был преподавателем, а я студентом.) Через много лет мы снова встретились с ним. Он прошел лагеря, сейчас он председатель мемориального комплекса (репрессированных)... Но главное — он прекрасный писатель, прекрасный литературовед. Он 30 лет сотрудничает с журналом «Новый мир». Я хотел бы попросить этого человека что-то сказать о моих книгах. Марлен Михайлович Кораллов!

Марлен КОРАЛЛОВ: Я не мог не прийти на этот вечер. Как говорят: «Ты меня уважаешь? Я тебя уважаю». — Я уважаю Иосифа

фа, потому и пришел сюда. Вы слышали, какая музыка здесь звучала в начале вечера? Моцарт, а не какой-нибудь тяжелый рок.

Я когда-то преподавал в педагогическом институте имени Крупской. И там был студент Иосиф Раскин. Прошло много лет. И как-то я пробирался в подземном переходе метро. И вдруг слышу (в толпе людей, которые окружили лоток с книгами) — громкий баритональный, теноровый голос: «Только три штуки в одни руки! Больше не давать!» — Что-то знакомое. В чем дело? Я задержался, присмотрелся, вижу: это Иосиф. Продает книги, которые идут нарасхват. Он открывает один ящик с книгами, потом второй... Его методология торговли меня заинтересовала. Мы с ним обменялись телефонами. Через какое-то время он звонит мне, говорит: «Пора нам повидаться. В Гостином дворе книжки хорошие. Бери — не хочу. Приходи ко мне за книжками». Он надарил мне книг, я даю ему деньги, а он: «Денег не возьму ни за что!». Потом я первый раз оказался у него дома. Абсолютно удовлетворенный гостеприимством и библиотекой Иосифа, собираюсь уходить, а он: «Нет, ты подожди! А вот этот анекдот ты знаешь? — рассказывает мне анекдот. — А вот этот анекдот ты знаешь?» — Рассказывает мне другой анекдот, еще смачнее, чем предыдущий... — Мы простились, и я стал захаживать к нему. Он был рад мне. И все время рассказывал мне анекдоты. И я сказал ему: а ты возьми и запиши их, пиши книгу... «Целый день ты мне поешь. Без поллитры не поймешь». При следующей нашей встрече он был грустный, сказал: «Я начал писать книгу, но что-то она у меня не идет, что-то у меня заело...». Потом при следующей нашей встрече он смотрит на меня счастливыми глазами, говорит: «У меня пишется книга «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». Я подумал: почему — «хулиганствующего»? и почему — «ортодокса»? он человек из приличной семьи. Потом читаю книгу и начинаю размышлять о ней. Ну, конечно, перестройка, ну, конечно, цензора нет. Царство полной свободы, и необходимость торговать своими книгами... привлекать к ним внимание читателей анекдотами, шутками... Он нашел себя в этом, и дело у него пошло. И книга получилась на-

родная, у которой нет одного автора, а много авторов, это и он сам, и армянское радио, и чукча... и поэты-юмористы... Он высоко си- ганул. Эту книгу читают и мэры, и министры, и президенты...

Испытание славой — это великое испытание, и мало кто вы- держивает его. Но Иосиф выдерживает. И вот сейчас я размыш- ляю о том прекрасном мгновении, которое испытывают здесь, в этом зале, на этом вечере, и Иосиф, и его друзья, и его родичи. Не было когда-то у Иосифа мысли об этом зале, об этом вечере, и о книге, и о втором и третьем издании этой книги... И вот все это есть. И он добр к людям. А может, нам его выбрать канди- датом в самые верха? Не знаю, не знаю, не уверен, что он этого захочет. Но если захочет, то расскажет анекдотик Лужкову, и тот ему Гостиный двор пожалует...

Пусть у Иосифа будет Царство свободы, а не только необхо- димости!

ИОСИФ РАСКИН — О ГОСТИНОМ ДВОРЕ И О КОНСТРУКТОРЕ ГОСТИНОГО ДВОРА

Иосиф РАСКИН: Я со своими книгами нашел маленький приют в Гостином дворе. Но главное — после того, как вышла моя первая книга, мне каждый день говорят: а ты вот такой анек- дот пропустил, не вставил туда, и вот такой анекдот пропустил... Да я мог бы еще пять томов анекдотов добавить к тем, какие есть в книге, но мне пришлось — прямо с кровью — выбрасывать их оттуда, потому что они не могут уместиться все в одной книге.

За этот год я услышал очень много анекдотов. Но самый вели- кий из них такой, анекдот номер один. Построили строители но- вый дом, сняли с него леса. Через три дня у этого дома обвалилась стена. И старший прораб говорит строителям: «Ну нельзя снимать леса, пока не поклеены обои». (*Смех и аплодисменты зала.*)

Я хотел бы отнести вот эти ваши аплодисменты заместителю начальника строительства Гостиного двора, конструктору, который рассказал мне этот анекдот и которому спасибо за этот анекдот!

**ИОСИФ РАСКИН — О МАХМУДЕ ЭСАМБАЕВЕ,
И МАХМУД ЭСАМБАЕВ — ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ**

Иосиф РАСКИН: Когда я был маленький, я восхищался по телевизору — был такой маленький телевизор КВН — танцями одного человека. И вот прошло много лет. И я уже старый, мне идет седьмой десяток. А этот человек все равно танцует, несмотря ни на что, и несмотря на то, что страшным образом уничтожается его народ, уничтожается его земля, уничтожается ради мирного урегулирования, истребляется, полностью уничтожается его нация, а он танцует! Он оптимист! Махмуд Эсамбаев!

Махмуд ЭСАМБАЕВ: Дорогие друзья, у Соломона было кольцо, там было записано: и это пройдет. Свадьба — и это пройдет. Похороны самых близких людей — это тоже пройдет. Все пройдет. (И чеченская война — тоже.) Ну что делать? Наверное, так было суждено Небом: придет мудака и будет управлять страной, как он хочет для себя. Кому на Руси жить хорошо? Ему и его окружению... Я не называю фамилий, я не люблю фамилий... кроме Раскина семьи... *(Смех в зале.)*

...Я не из тех (людей), которые читают книги. *(Смех в зале.)* Я не вырос в той семье, где были книги и где было важно — читать. А вырос в семье, где кушать — это было важно. Мы жили хуже, чем (герои) у Горького «На дне», у Горького «На дне» (герои) жили лучше, чем мы.

(Лирическое отступление.)

Когда нас (нашу семью) сослали в Казахстан, я был юношей... Моя мама рано умерла... Мой отец женился на женщине, которая стала моей мачехой, я звал ее мама. После этого отец женился еще 9 раз. Последний раз он женился на женщине, которой было 27 лет, а мне было 29. А ему было 96 (а умер он в 106 лет). Я говорил ей: «Что ж ты вышла замуж за старика?» — А она отвечала: «Лучше мужчин, чем он, я не видела...».

Так что я вырос в такой семье, в таком доме, где ничего не было. И никаких книг не было. И, если сказать правду, я прочел в жизни только вот одну книгу — Иосифа Раскина! Он близок мне по своему состоянию. *(Смех в зале.)* Я не очень ругаюсь матом, но мат страшно люблю, без мата я жить не могу. *(Смех в зале.)* Помню, в 1958 году я первый раз съездил в Америку, где мог бы и остаться, и вот я возвращаюсь оттуда, а все спрашивают меня: «Ну, что такое Америка? И что там, в Америке?» — А я отвечаю: «Там кризис, там все плохо, и лучше жить, ... твою мать, в Магадане, чем в этой Америке». А жена потом говорила мне: «Вот если бы ты остался в Америке, как бы мы жили там...» — А я говорил ей: «Мы и так живем...». И если в самые худшие дни взять в руки книгу Иосифа, дождь на улице не идет — (то есть) идет дождь, а кажется, что светит солнце, а если метет пурга — нет пурги. Читаю я эту книгу с утра до вечера. И знаю ее всю наизусть. Я «Войну и мир» Толстого не читал. Она вот такая толстая. Ну кто будет ее читать? *(Смех в зале.)* Я учился идеально плохо. У меня есть справка: отчислен из шестого класса за неуспеваемость. *(Смех в зале.)* Хуже меня никто не учился в школе, а я вообще не учился. *(Смех в зале.)* С трех лет я только танцевал. *(Смех в зале.)* Я сам научился всему этому. А одна из жен моего отца, цыганка, показала мне еврейские танцы, и я танцевал их на всех еврейских свадьбах (ни один еврей не станцевал столько еврейских танцев, сколько я). Я танцевал народные танцы и классические. И балетные партии «Раймонды» и «Дон Кихота». И специалисты думали, что у меня ленинградская школа (такие у меня прыжки, такой шаг), и считали, что я вру, когда говорю, что у меня нет никакой школы, что я ничего не кончал, просто вырос такой талантливый. *(Смех в зале.)* Я получил звание народного артиста за классическое искусство, за свои классические длинные ноги, за свои танцы. Я получил все звания, какие сейчас дают. Ну а что мне делать? Если мне их дают, я их и беру. *(Смех в зале.)* 35 лет я был депутатом в Верховном Совете, куда меня избирали, не по моей

вине, а потому что я никому ничем не мешал. Сейчас я — академик двух академий. Академии искусств, Российской академии. И месяца три назад получил звание профессора еще в одной академии. А в Ленинграде открыли школу имени Махмуда. Может быть, и здесь, в Москве, откроют. *(Смех в зале.)*

Ну а книгу я прочел только одну-единственную. Книгу Иосифа Раскина. Я читал ее сто раз. Человек может написать такую книгу — когда у него в душе солнце! Люди, которые пишут и издают такие книги, они плохими быть не могут. Иосиф — не хулиганствующий, а добрый, красивый человек, и главные его качества — это доброта и красота. Я буду ждать его новую книгу, буду читать сто раз!

...Иосиф дал мне две свои книги. И обе их у меня украли. Так хотели прочесть их, выпрашивали у меня, говорили: «Слушай, Махмуд, дай нам прочесть эти книги». А я не дал. И у меня их украли. Но я потом тоже украл их у них... *(Смех в зале.)*

Здесь две пианистки... родственницы Иосифа (его сестра Анна и его племянница Татьяна Рубина) играли Моцарта (открывали вечер). Такая семья... Иметь такую семью — это счастье. Я желаю вам всем здоровья, счастья... Вам, вашим женам и детям, Вашим семьям... И желаю вам читать книги, которые написаны Иосифом! Все будет хорошо, дорогие мои! И дай Бог, чтобы долго жил наш Иосиф!

ИОСИФ РАСКИН О СВОЕЙ КНИГЕ «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО ОРТОДОКСА» И О ЕЕ АВТОРАХ

Я хочу сказать о своей книге «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса». Это — не моя книга. Я — только ее составитель, а не автор. Все, что там написано, я имею в виду анекдоты и стихи, написано не мной, а мной только записано по памяти. И когда я делал эту книгу, то главное мое желание было — сохранить фейерверк юмора, чтобы это все осталось, не пропало. Как можно допустить, чтобы все это пропало?

Автор этой книги — является в первую очередь народ. Он автор анекдотов. Он придумывает анекдоты. А самый великий анекдот из всех, какие я слышал, и какие вы слышали, это анекдот про эволюцию еврейской мысли, это великий анекдот. — Великий Моисей сказал: все дело — в небе. Великий Соломон сказал: все — в голове. Великий Христос сказал: все — в сердце. Маркс сказал: все — в желудке. Фрейд сказал: все — в члене. А Эйнштейн сказал: все относительно.

Только в анекдотах можно получить истинные ответы на любые вопросы, на вопросы политики, философии, быта, культуры, секса, воспитания... даже на такой вопрос: куда девать деньги, куда и во что вкладывать их. С этими темами выступают сотни мыслителей, политологов... Но только анекдот дает точные ответы на все вопросы. Если у вас есть вопросы, задавайте мне их. Я отвечу на все ваши вопросы...

Помимо народа в целом, авторами, настоящими авторами этой книги являются также замечательные люди, прекрасные поэты, писатели-юмористы. Я попрошу их выйти сюда. Это в первую очередь очень мой большой друг, близкий мне, родной человек, гениальный поэт в области экспромта, в области эпиграммы и пародии Борис Брайнин. Это классик, создатель целого жанра (одностиший) Владимир Вишневский. Недавно был международной конкурс его подражателей, последователей, и первое место там заняла его фраза: «Скажи отцу, чтоб впредь предохранялся». (*Смех в зале.*) Это замечательный писатель-сатирик, который очень много лет, гораздо больше, чем ему самому, сотрудничает с 16-й полосой «Литературной газеты», неоднократный лауреат конкурса «Золотой Остап», нет, «Золотой теленок» — Владимир Влади́н. Это и классик нашей современной поэзии Игорь Иртенев. Ну, нет слов, это прекраснейший поэт, вы его читаете. Для меня большая честь, что его стихи есть в моей книге. В зале присутствует также замечательный поэт Игорь Кохановский, меня с ним сблизило то, что он связан с Театром на Таганке, я когда-то любил этот театр, ходил туда, смотрел там «Доброго человека

из Сезуана», был знаком с Владимиром Высоцким и со многими артистами, а Игорь Кохановский — друг Высоцкого. Я попросил бы Игоря Кохановского прочитать несколько своих стихотворений. Кстати сказать, книги Бориса Брайнина, Владимира Вишневского, Игоря Иртеньева, Игоря Кохановского вы можете купить в фестибюле, в фойе ЦДЛда.

Игорь КОХАНОВСКИЙ: Здесь звучит веселая нота. Когда звучит веселая нота, я пишу песни. Одна из последних моих песен называется «Письмо Лёне Голубкову». А стихи я пишу немножко другого плана. Как-то мы разговорились с Юрием Карякиным. Он сказал: «Все мы — Маугли». И я написал стихотворение с посвящением Юрию Карякину. Оно называется «Наша родословная»: «Нас вскормила волчица...». Я прочитаю его. Я давно не был и не выступал здесь. Буду подглядывать в бумагу.
(*Читает стихотворение «Наша родословная».*)

Мы любого привыкли считать нашим кровным врагом,
Кто на нас не похож...
Мы привыкли во всем полагаться лишь на вожака...
Даже если вожак валял дурака...

(*Аплодисменты зала.*)

Игорь ИРТЕНЬЕВ (*читает свои стихи*):

...А ты прийти ко мне не захотела...
Поэт — он кратким должен быть и точным.
Иначе не поэт он, а фуфло.

* * *

Будь я малость помоложе,
Я б с душою дорогой
Человекам трем по роже
Дал как минимум ногой,

И как минимум пяти бы
Дал по рожу бы рукой.
Так скажите мне спасибо,
Что я старенький такой.

(Смех и аплодисменты.)

ВЛАДИМИР ВИШНЕВСКИЙ — ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ

Владимир ВИШНЕВСКИЙ: Я попал в антологию Иосифа Раскина и претендую на то, чтобы попасть и в новую его антологию. И сейчас прочитаю вам кое-что из своего, новое и старое:

Чем дальше живешь, тем яснее
Сто раз убеждаюсь на дню:
Кто-то несет охинею,
А кто-то — просто ху...ню.

(Смех и аплодисменты в зале.)

Я хотел бы выразить свою признательность хорошему человеку и другу Иосифу Раскину, за все. С ним у меня связаны легкие воспоминания о моей московской юности. И анекдот связан у меня с фигурой Раскина.

Когда я вернулся из армии, я в течение 15-ти лет, а может, и больше, работал молодым московским поэтом. Я написал:

15 лет как молодой поэт.
А 37-ти все нет и нет.

Я, конечно, бродил по Москве. Иосиф Раскин был достопримечательностью, частью экзотики Москвы. Он продавал книги в подземных переходах. Человек с таким голосом, с таким рекламным обаянием мог любую книгу продать.

...Мне хотелось бы прочитать вам несколько стихотворений. Стихи с восклицанием «О!». (Владимир Вишневский читает несколько таких стихотворений.)

О! Как нам выбрать лучшее из зол...
О! Как нам обустроить круглый стол...
Действительность дает понять всем видом:
Спасет страну лишь детский понадол,
А не дирил без сахара, с кселитом.

(И т. д.)

О любви:

Всегда бываю не в себе,
Когда бываю не в тебе...

Еще о любви:

Об главном я не умолчу...
Да, я хочу, тебя хочу,
но, знаешь, меньше, чем хотелось бы...

И т. д.

(Иосиф Раскин подходит к Владимиру Вишневскому, говорит, что пора округляться. Владимир Вишневский: «Сейчас, сейчас...».)

Я хотел бы, Иосиф Захарович, завершить свое выступление на ноте радости. И прочитаю несколько своих одностиший. Тут мне из-за занавеса подсказывают одно мое веселое одностишие:

Давно я не лежал в Колонном зале.

Вот еще:

Любимая, да ты и собеседник.

Ты мне роди, а я перезвоню.

Все больше людей нашу тайну хранит.

Такой колоритный человек, как Иосиф Раскин, должен сниматься в рекламе. Я сейчас прочитаю одну свою рекламу, которую хорошо было бы показать с видеорядом:

Мы в глубокой жопе. Оставайтесь с нами!
(Смех и аплодисменты зала.)

ИОСИФ РАСКИН — О ВЛАДИМИРЕ ВЛАДИНЕ, И ВЛАДИМИР ВЛАДИН — ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ

Иосиф РАСКИН: Владимир Владин много-много лет сотрудничает с «Литературной газетой».

Владимир ВЛАДИН: Всем вам известно, что Иосиф Раскин выпустил очень интересную книгу, антологию анекдотов и шуток. Мы живем в очень трудное время, а оно никогда не бывало легким. Любое время — трудное. Но человек с истинным чувством юмора никогда не теряет его, даже во время чумы. Я в связи с этим вспомнил и расскажу историю о том, как умирал Черчилль. Он был в полном сознании. К нему никого не пускали, не пускали никаких политических обозревателей, которые хотели взять у него предсмертное интервью, пустили только одного зятя. В спальню, где лежал Черчилль. Зять спросил: «Сэр, у меня к вам только один вопрос. Вы прожили большую жизнь. Были знакомы с сильными мира сего. Кто был самый умный из них?» — Черчилль приоткрыл глаза и сказал:

«Пожалуй, Муссолини». — «Почему, сэр?» — «Потому что он повесил своего зятя». Леденящая душу история. Через несколько часов он умер. Шутка перед смертью. Она говорит о величии духа Черчилля.

Иосиф привязал меня к клубу «13 стульев» в «Литературной газете», с которым я сотрудничал. Сейчас газета стала хуже, и 16-я страница стала хуже. А раньше там была удивительная атмосфера, самые свежие шутки, анекдоты. Там был клуб. И был у нас такой художник, он и есть, Бахчинян, он сейчас в Америке, он фонтанировал, шутил, устраивал рыцарские турниры с Борей Брайниным: кто кого перекаламбурит. В начале 60-х годов он ходил около кинотеатра и спрашивал шепотом у прохожих: «У вас нет лишнего партбилетика?». Он придумал скороговорку: Карл Либкхнет украл у Клары Цеткин кораллы... Частенько Бахчинян побеждал Борю Брайнина. Бывало, что и Боря побеждал его. Как-то раз, когда Бахчинян положил Борю на лопатки, Боря сказал: типун тебе на великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. И поставил точку в турнире.

Был у нас еще такой Виталий Резников, зам. Веселовского, главного редактора. К нему пришел робкий, смешной человек. Принес с собой в оттопыривающемся кармане бутылку французского вина. Переминается с ноги на ногу. Не знает, есть в этой редакции институт взяток или нет. Вытаскивает бутылку. Говорит: «Виталий Борисович, вы меня опубликовали (на 16-й странице была напечатана его фраза, которая стоила 3 рубля). Я хотел бы как-то отметить это». — А тот говорит ему: «Вы понимаете, что вы предлагаете мне взятку? Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Это усугубляет вашу вину». — Человек, как сомнамбула, пошел со своей бутылкой к двери. Мы думали, что мы этого Резникова убьем. А он опомнился и сказал человеку, который уже собирался выйти за порог: «Но ваше счастье, что я — взяточник».

(Смех и аплодисменты зала.)

ИОСИФ РАСКИН — О БОРИСЕ БРАЙНИНЕ

Иосиф РАСКИН: Я долго не мог придумать название для моей книги. Я долго мучился и думал, как мне назвать ее? И вдруг мы идем с Борей, и он так... сходу выдает мне название. Я даже обалдел, насколько он точно подобрал название, и насколько хорошо он знает меня, мерзопакостного.

...Он одно время работал вместе со мной, немножко помогал мне в работе. И вот я как-то опоздал на работу. Прихожу. Смотрю, он сидит на скамеечке возле дверей и что-то пишет. Я говорю: «Что ты пишешь, Боря?» — Он подает мне листочек с таким стихотворением, без единой помарочки, и говорит: «Читай...».

Помню было время,
Время золотое.
Часто путал женщин
С собственной женою.

Но теперь давно уж
Больше не рискую.
Наступил на горло
Собственному ...

(Смех в зале.)

Я считаю, что он человек какого-то определенного таланта, но непревзойденного. С ним была такая история. Он уже давно совсем не пьет, ни грамма. Но у него в жизни был период, когда он немножко пил. Ну, у себя дома почему не выпить? И вот он сидит у себя дома, поддатый. И вдруг раздается звонок. Боре звонит его приятель и говорит: «Боря, я сейчас нахожусь на свадьбе дочери хирурга Браермана. Выдай нам, пожалуйста, какой-нибудь экспромт. Я тебе через полчаса позвоню. А Боря говорит: «Ну зачем же через полчаса?..» — И тут же выдает приятелю свой экспромт, такой, что свадьба после этого, как мне рассказывали, остановилась. А экспромт был такой:

Дочь хирурга Браермана —
Вовсе не звезда экрана.
Ну кому нужна звезда?
Были б деньги и ...

(Смех и аплодисменты зала.)

Борис БРАЙНИН: Иосиф Захарович сам придумал это. *(Смех в зале.)* Я хотел бы начать свое выступление с того, чем кончил Владимир Влади́н. Мы 30 лет сотрудничали клубом «13 стульев». Печатались под рубрикой «Рога и копыта». Сильно хулиганили. Я хочу вспомнить одну историю. Мне попались в нашей почте стихи бурятского поэта... он живет в Улан-Удэ, а зовут его Салбон Дандупович Ангабаев. *(Смех в зале.)* Это, видимо, очень красивый мужчина, потому что в своих стихах он сравнивает себя с Есениным. Он скромно пишет: «Сегодня я словно Есенин...». И дальше пишет о себе: «Я высокий парень, ведь во мне полтора метра...».

Я написал на него пародию *(Борис Брайнин читает пародию, вот строчки оттуда):*

Я хороший парень...
Я красивый парень...
Я — Салдон Есенин...
Вылитый Есенин из Улан-Удэ...
Вот иду деревней...
Я на босу ногу метор двадцать в кепке,
А когда подпрыгну — метор двадцать пять.

Ах, Сергей, Серега, мы ж с тобой двойняшки...

(Смех и аплодисменты зала.)

**ИОСИФ РАСКИН — О МУЖСКОЙ ВОКАЛЬНО-
МУЗЫКАЛЬНОЙ ГРУППЕ, И РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ —
ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ (от лица всей группы)**

РУКОВОДИТЕЛЬ группы: Это не юбилей, а презентация книги Иосифа Раскина «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса». Мы представляем здесь поросль среди корифеев юмора. Нам приятно выступать здесь (в такой компании). Мы воспринимаем это как аванс, который нам выдан. Будем оправдывать ваши надежды.

Иосиф РАСКИН: Ребята этой группы должны были ехать на гастролы, но отменили свои гастролы и бескорыстно пришли сюда, чтобы выступить здесь.

РУКОВОДИТЕЛЬ группы: Нам немного трудно выступать. Мы только осваиваем новое эстрадное искусство — танцы и пение под фонограммное сопровождение. Но мы постараемся развернуться в своих сюжетах и вширь, и вглубь. С пикантным юмором.

(Группа исполняет несколько номеров, с эстрадными песнями советских лет 60-х годов и с эксцентричными танцами и смешными куплетами и с переодеванием в женские наряды.)

Какие дяди на экране —
Сплошные тети, а не дяди.

Иосиф РАСКИН: Я этих ребят как увидел первый раз, так сразу полюбил. Хотя я и не пидарас. *(Смех в зале, аплодисменты.)*

*Материал (с расшифровкой видеозаписи вечера
и литературной обработкой текстов)
подготовила Нина КРАСНОВА*

*10–16 октября 2016 г.,
Москва*

5. ПОЛИТИКИ ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ИОСИФУ РАСКИНУ

От Михаила Горбачева,
Первого и последнего Президента СССР

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (Горбачев — Фонд)**

Дорогой Иосиф!

Примите мои самые искренние поздравления с 70-летним юбилеем! Как человек, уже перешагнувший этот рубеж, могу Вас заверить, что ничего в нем страшного нет. Убежден, что и Вы воспримите эту дату философски, с присущим Вам чувством юмора. К сожалению, не смогу поздравить Вас лично — буду в эти дни в Японии.

От души желаю Вам новых творческих побед, хорошего здоровья и всего самого доброго.

Крепко жму руку,

М. С. Горбачев

11 ноября 2005 года

125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 39, стр. 14.

Приемная, тел.: 945-5999, 945-6999. Факс: 945-7899.

Пресс служба, тел.: 945-5131, 945-5127. Факс: 945-5129.

www.gorbi.ru

НЕКРОЛОГ ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ

Партия ЯБЛОКО

Умер Иосиф Раскин

Соболезнование от Г. Явлинского, 13 июня 2015 г.

Иосиф Захарович Раскин был по-настоящему свободным и потому очень остроумным человеком. Его веселость была проявлением мудрости, когда лучше всего рассказать другу анекдот, чтобы объяснить где-то очень глубоко спрятанный смысл жизни. Кажется, Раскин знал, где его искать.

Это был уникальный человек. Уверен, не бывало в жизни ситуации, которой он бы не нашел остроумное сопровождение. Я рад, что мы были знакомы и понимали друг друга.

Глубоко сочувствую семье и друзьям Иосифа Захаровича.

С уважением,
Григорий Явлинский

КОММЕНТАРИЙ (в интернете)

Комаров Игорь

01.02.15:28

Это был уникальный человек. Можно сказать, что он провел всю жизнь на улице, в хорошем смысле слова. Его вотчина: Китай-город. Там его можно было встретить в любой подворотне, и первые слова всегда были: «Привет! Слышал новый анекдот». Биограф Китай-города. Очень жаль, что он не написал книги о Китай-городе 90-х, она была бы бестселлером в духе Гиляровского. Человек с уникальным чувством юмора. Помню, в компании друзей один человек сказал, в шутку: «А себя в Вашей книге я не нашел, а мы так давно знакомы». В следующем издании его фамилия фигурировала в одном из анекдотов. Сочувствую. Светлая Память. Москва. Комаров И. Н.

6. ВЕЧЕРА ПАМЯТИ ИОСИФА РАСКИНА

Нина Краснова (она же Николай Фонарев)

«... ЕМУ НАЙТИ ЗАМЕНУ НЕВОЗМОЖНО...»

В Малом зале ЦДЛ состоялся вечер памяти Иосифа Раскина, приуроченный к 80-летию со дня рождения этого известного московского книжника, книголюбца, книготорговца, писателя, свободного, остроумного, незаурядного человека, автора уникальной «Энциклопедии Хулиганствующего Ортодокса».

«Позвольте мне по поручению чад и домочадцев нашего Хулиганствующего Ортодокса и по велению своего сердца начать праздник памяти Иосифа Раскина», — сказал ведущий вечера артист и поэт **Борис Свободин (Бурляев)**. И произнес свою эмоциональную речь о нем и прочитал свои стихи, посвященные ему: *«Жизнь без него обыденна, ничтожна.../Ему найти замену невозможно»*. А потом еще и свой перевод стихов Байрона *«В тот миг, когда покинет тело/Твоя бессмертная душа...»*

Священник о. Валентин благословил вечер и сообщил о том, что Иосиф, книга которого кладезь анекдотов, баек, частушек, вошел в историю литературы как *«великий матершинник»*: *«Когда-то он очень хотел, чтобы я явился на его творческий вечер в рясе и с крестом и прочитал лекцию в защиту мата и сказал бы, что использовать мат, три слова со всеми их производными (в литературе, да и в жизни, если без этого*

никак нельзя обойтись), это не грех, потому что ненормативная лексика — часть нашего великого и богатого русского языка, и потому что такой искусной, такой сильной и художественно и выразительной ненормативной лексики нет ни у одного народа в мире, и она не должна исчезнуть, без нее наш язык будет намного беднее. Иосиф владел ею виртуозно, и она звучала в его устах не грубо, не грязно, не сально, не вульгарно, а интеллигентно и внутренне обоснованно. Об этом я и говорю сегодня. Правда, я пришел сюда не в рясе и без креста. Иосиф не был крещен, но он теперь пребывает в лоне Царствия Небесного, там, где Авраам, Исаак, Иаков».

Андрей Яхонтов охарактеризовал Иосифа Раскина как «ярчайшую личность», как человека, который «во многом повлиял на жанр сатиры и юмора»: «А «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса» — это ЭХО нашей жизни», отражающее нашу жизнь через анекдоты, а в анекдотах можно найти самые честные ответы на все существующие вопросы, и по культуре, и по политике, и по экономике, и по сексу... Спасибо сыну Иосифа Михаилу, который блюдет память о своем отце и собрал нас всех на этом вечере и присутствует здесь вместе с нами. Наверное, было бы хорошо составить и издать коллективную книгу воспоминаний об Иосифе, но если она будет лишена вольностей в духе Иосифа, то она будет фальшивая, лживая и неинтересная, и нужна ли будет такая книга?» Андрей Яхонтов подал идею, «конструктивное предложение» — собираться в ЦДЛе каждый год в день рождения Иосифа, «сделать день памяти Иосифа традиционным», можно даже проводить здесь «фестиваль юмора», «приходить сюда не с пустыми руками, а с новыми анекдотами, историями, притчами, частушками, с чем-то новым»...

Евгений Марченко, артист, певец, в экстравагантном белом костюме оригинального покроя, с золотыми звездами по всему фону, спел приятным вокальным голосом две песни из репертуара Элвиса Пресли, с веселым куражом и дурачеством танцую рок-н-ролл, как когда-то делал это в присутствии Иосифа, что

тому очень нравилось: «Я мечтал выступить на творческом вечере Иосифа, но не успел... — признался певец. — И вот сегодня выступаю здесь».

Татьяна Рубина, племянница Иосифа, его любимица, пианистка, народная артистка России, сыграла два сочинения Шопена...

Илья Шадур, поэт, муж Татьяны Рубиной, прочитал свои посвященные ему стихи: «Раз его читает Дума,/Значит, нужен он стране...»

Нина Краснова сказала, что Иосиф Раскин уникален, и ему в самом деле нельзя найти замену, он хранитель юмора и в форме анекдотов, и в форме баек, и афоризмов, и частушек: «Я познакомилась с Иосифом в 1998 году, в ЦДЛе, благодаря своему другу, певцу и композитору Анатолию Шамардину, в судьбе которого Иосиф сыграл очень большую важную роль, познакомил его в 1970 году с популярным певцом Николаем Никитским, а тот познакомил его с Леонидом Утесовым, и Утесов взял его в свой оркестр. Мы с Толей бывали у Иосифа дома, в гостях, и бывали на его вечерах, и Толя выступал на его юбилейном вечере в Большом зале ЦДЛ. Иосиф сыграл и в моей судьбе большую и хорошую роль, напечатал мои частушки в своей Энциклопедии...» Мы дружили втроем, и потом подружился и с его племянницей, чудесной пианисткой Татьяной Рубиной, и со всей его разветвленной семьей. В память о нем я прочитаю свои куплеты, посвященные Иосифу, которые ему самому очень нравились. «Я сочиню частушки Раскину./Найду для них такие краски, ну-у./С себя смущенье резко скину,/Объятья Раскину расКину!»

Евгений Валов, который когда-то познакомился с Иосифом Раскиным в Ленинской библиотеке, вышел к микрофону и озвучил стихи Наума Коржавина в духе парадоксов Иосифа, о том, что «... декабристы разбудили Герцена./Он недоспал. Отсюда все пошло.../Нельзя в России никого будить».

На экране были продемонстрированы фото-видео-киноматериалы Иосифа, интервью Дмитрия Деброва с ним.

Завершился вечер мелодией песни Арно Бабаджаняна «Твои следы», которую сыграла на рояле Татьяна Рубина. Иосифу очень нравилась эта песня, и он всегда просил Татьяну сыграть ее: «*Ведь нет следов, / Что исчезают без следа*»*.

14–15 ноября 2015 г.,

Москва

Поэтоград № 49 (201), 2015

НОВЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР — ЭТО И НОВЫЙ ВЕЧЕР ПАМЯТИ

(Отрывок из стенограммы творческого вечера Нины Красновой, который стал вечером памяти Анатолия Шамардина и Иосифа Раскина, 30 сентября 2015 г., Малый зал ЦДЛ)

Вели вечер поэт и издатель Евгений Степанов, поэт, заместитель главного редактора журнала «Дети Ра» Александр Карпенко и Нина Краснова.

(...)

(В зал входит Татьяна Рубина, в концертном черном платье с полупрозрачными рукавами.)

Нина КРАСНОВА: О! К нам пришла Татьяна Рубина, прекрасная пианистка, наша с Анатолием Шамардиным подруга, племянница Иосифа Раскина. Иосиф Раскин очень известный человек в мире литературы и искусства. Он собиратель анекдотов, автор и составитель книги «Хулиганствующий ортодокс», вернее «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», историческая книжка, раритет. Она издавалась и переиздавалась много раз. Там есть и мои стихи и частушки. Иосиф, как и Анатолий, недав-

* Эта статья Нины Красновой — под псевдонимом Николай Фонарёв и под заглавием «Жизнь без него обыденна...» — была в слегка подсокращённом виде напечатана в Экслибрисе «Независимой газеты» 19 ноября 2015 года.

но ушел из жизни. Он сыграл большую, неопределимую роль в моей судьбе и в судьбе Анатолия. В советское время Иосиф продавал книги в подземках Москвы, в метро, и делал это бесподобно! Он один выполнял планы всех центральных магазинов по реализации книг. Он стоял за прилавком и зазывал к себе людей такими словами: «Здесь у меня самые лучшие книги во всей Москве!» Толя купил у него какую-то книгу и разговорился с ним. Иосиф узнал, что Толя певец, и познакомил его с очень популярным тогда певцом Николаем Никитским. Толя явился к Никитскому домой, спел ему под гитару несколько песен, и Никитский, весь восхищенный им, познакомил его с Леонидом Утёсовым и сказал Утёсову: «Леонид Осипович! Это ценнейший певец! Это верняк (он будет приносить успех оркестру)!» Утёсов прослушал Толю и тут же взял его к себе в оркестр. И даже разрешил Толе, у которого был в основном иностранный репертуар, петь иностранные песни. Посмотрел на Толю, на его греческий нос и сказал с юмором: «Какие же песни ему еще петь с таким носом? Пусть в порядке исключения поет иностранные, но и русские тоже». И Толя стал работать в оркестре Утёсова. Пел песни на разных языках. Правда, он проработал там недолго, но главное, что он попал туда. Утёсов брал в свой оркестр не просто хороших, а уникальных певцов, с уникальными голосами. Сейчас двое писателей, отец и сын, Борис и Эдуард Амчиславские, утёсоведы, которые живут в Америке, выпустили трехтомник об Утёсове «Я родился в Одессе...». И там есть золотой список солистов вокалистов оркестра Утёсова, и в этом списке значится имя Анатолия Шамардина, и в этом же трехтомнике есть стенограмма первого и последнего выступления Анатолия Шамардина по первому каналу ТВ, 21 марта 2014 года, в телепередаче об Утёсове «Сердце поет».

Иосиф очень любил Татьяну Рубину, и Анатолий... Они вместе участвовали в концертах. Например, в юбилейном вечере Иосифа Раскина в Большом зале ЦДЛ. И я очень люблю Танечку. У нас сложился свой круг, в который входит родня Иосифа и Татьяны. И сейчас я попрошу Татьяну сыграть нам что-нибудь. Шопена? Шопен!

Народная артистка Татьяна Рубина!

Татьяна РУБИНА: Я знакома с Ниной и с Толей достаточно давно. Мы встречались и на концертах, и в других местах. Толя и Нина приходили ко мне в музей Скрябина. Толя, действительно, замечательный совершенно певец! И Нина — талантливейшая поэтесса! И мы ее всей нашей семьей очень любим, мы ее обожаем, как и Толю. Они были потрясающая, органичная пара! Мы познакомились с ними через моего дядю, Иосифа Раскина, который любил их обоих и всегда вспоминал, говорил о них. И через него прошли все их жизненные перипетии, их жизнь прошла сообща с его жизнью. К сожалению, Иосифа и Толи нет, их обоих уже нет. Но мы с Ниной продолжаем встречаться и будем продолжать встречаться и будем помнить об Иосифе и о Толе, об этих замечательных, талантливых людях.

Сейчас я сыграю вам два вальса Шопена. Один — поминальный, очень лиричный вальс, совершенно изумительный, позднешопеновский. А потом — и второй, веселый, блестящий, чтобы поднять тонус вечера.

(Татьяна Рубина играет на рояле два вальса Шопена. Крики «Браво!». Аплодисменты!)

(...)

Валерий ЛОБАНОВ: В этом зале был вечер Нины (в 2005 году). Я тогда сидел с правой стороны, у меня было стихотворение, посвященное Нине Красновой, но там было много абсценной лексики, и я не мог прочитать его вслух. А со мной рядом сидел Иосиф Раскин. И я не преминул показать ему это стихотворение. Он встал и прочитал его целиком! Полностью, дословно... *(Обращается к Нине Красновой.)* Было это?

Нина КРАСНОВА: Было! Про «корабля» и прочее (и про «бля»)?»

Валерий ЛОБАНОВ: Да.

Нина КРАСНОВА: Да. Иосиф не был бы Иосифом, если бы не прочитал это стихотворение во всеуслышание».

(Смех в зале.)

(...)

30 сентября 2015 г.

Нина Краснова (Николай Фонарев)

ПРИНЦИП СВОБОДЫ

**Иосиф Раскин был бы доволен посиделками
в честь его памяти**

На годовщину со дня кончины Иосифа Раскина, автора национального бестселлера «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», экстраординарной книги анекдотов, частушек, забавных случаев из жизни знаменитых людей, пришли в молотенное место, в Пестрое кафе Центрального Дома литераторов родственники «хулиганствующего ортодокса», его друзья и собратья по перу. И его сын Михаил Раскин со своей женой и со своей мамой, который и вел эти «посиделки»: *«Мой отец был очень принципиальный человек, со своими принципами, которым он следовал всю свою жизнь. И одним из главных был для него принцип свободного проявления личности, что и отразилось в его книге. Она выдержала несколько переизданий и не удовлетворила читательского спроса»,* — сказал он.

«Книга эта написана свободным человеком и тем самым русским языком, "великим, могучим, правдивым и свободным", который был "опорой" Тургеневу "во дни сомнений, во дни тягостных раздумий...", причем написана она без купюр, и заняла достойное место в литературе. Есть книги, которые не хочется читать, а тем более перечитывать. А есть такие, которые все время перечитываешь, они помогают тебе жить и не впадать "в отчаяние при виде всего, что совершается дома". И "Энциклопедия..." Иосифа Раскина — такая книга», — заявил писатель, драматург **Андрей Яхонтов**.

Говорилось на вечере и о том, что Иосиф Раскин был очень эрудированным в литературе и искусстве человеком, книжником, выполнявшим роль просветителя, который нес книгу в массы, и что он был потрясающим книготорговцем, он еще в советское время продавал книги в подземных переходах в центре

Москвы и умел делать это, как никто, он один выполнял планы десятков магазинов, и умел так разрекламировать книгу, даже и какую-нибудь завалящую техническую брошюру на английском языке, что очередь за нею выстраивалась, так сказать, от Лубянки и «Детского мира» до Охотного ряда и от Охотного ряда до «Детского мира» и Лубянки. Говорилось и о том, что он был тончайшим психологом и чувствовал людей с первого взгляда на них и понимал, кто есть кто, и никогда ни в ком не ошибался. И если с кем дружил, то дружил до конца, независимо оттого, кем был человек, знаменитой медийной фигурой или простым дворником и слесарем. Говорилось и о том, что у Иосифа был собачий нюх на талантливых людей, и что Иосиф любил помогать им.

Поэтесса **Нина Краснова** подтвердила это историей о том, как Иосиф в 70-е годы помог певцу и композитору **Анатолию Шамардину**, которого судьба свела с ним у прилавка в подземном переходе, попасть в оркестр Леонида Утесова... и как Иосиф напечатал хулиганские стихи и частушки Нины в одном из изданий своей «Энциклопедии...» и как Анатолий и Нина дружили с Иосифом...

Поэт **Илья Шадур** озвучил с бумажного листочка свой веселый экспромт в стихах, связанный с темой вечера.

Пианистка **Татьяна Рубина**, народная артистка России, племянница Иосифа, к которой тот относился с особой нежностью, сказала, что Иосиф был очень музыкальным и любил классическую музыку, и сыграла на пианино этюд Шопена.

Священник **о. Валентин** рассказал несколько смешных сюжетов об Иосифе и персонажах из его окружения, и спел присутствующим «Многая лета». Сама собой возникла в воздухе идея подготовить и выпустить книгу памяти об Иосифе. Иосифу эта идея понравилась, как и сами «посиделки» в его честь. Он улыбался с черно-белого фотопортрета на треножнике в углу зала*.

9 июля 2016 г.

* Эта статья Нины Красновой — под псевдонимом Николай Фонарёв — была напечатана в Экслибрисе «Независимой газеты» 21 июля 2016 г., № 27 (848).

Нина Краснова (Николай Фонарев)

«СМЕЮЩИЙСЯ ХУЛИГАН»

«Хулиган, который смеется» — так назывался вечер памяти Иосифа Раскина, автора суперпопулярной книги «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», приуроченный ко дню рождения этого виновника торжества, 11 ноября, и задуманный и проведенный в Большом зале ЦДЛ как вечер юмора, без похоронных нот.

Заведующая литературно-творческим отделом ЦДЛ **Наталья Познанская** поприветствовала всех присутствующих. Ведущий вечера артист эстрады, куплетист, пародист, писатель-сатирик **Вадим Дабужский** сообщил, что «*Иосиф очень любил дарить людям подарки*», и участники вечера будут дарить свои подарки Иосифу и зрителям, свои воспоминания о нем, свои номера программы, свое душевное тепло. Племянница Иосифа, пианистка, народная артистка России **Татьяна Рубина**, которая принимала участие во всех вечерах своего дяди, сыграла на рояле сочинение Моцарта.

Писатель и драматург **Андрей Яхонтов** сказал о том, как Иосиф торговал книгами в подземных переходах, один покрывал планы двадцати московских магазинов, и как старался помочь людям, которые нуждались в его помощи, и как через свои книги отвечал на самые сложные вопросы.

Поэт **Илья Шадур** прочитал свои веселые стихи о том, как Иосиф «хранил» в «*памяти своей*» анекдоты «*От Ромула до наших дней*» и печатал их в своей «*Энциклопедии...*», которую «*читает Дума*» и по которой «*профессор*» изучает «*субкультуру, постигая русский мат*».

Поэтесса **Нина Краснова** рассказала о своей дружбе с Иосифом и солистом оркестра Утесова **Анатолием Шамардиным**, который когда-то попал в этот оркестр с легкой руки Иосифа, и акапельно спела частушки, которые любил Иосиф, и сделала ему и всему залу музыкальное приношение — ролик

с фоторядом, со своими «Озорными попевками» в исполнении Анатолия, и подпела певцу, слегка пританцовывая: *«Сашка ростом выше Нинки./Он по пояс — в облаках./Нинка Сашке до ширинки/Достает на каблуках».*

Поэт Евгений Степанов, которому когда-то повезло встретиться с Иосифом Раскиным в Булгаковском доме, отметил, что Иосиф был *«вежливым и доброжелательным человеком»*, а его главная книга *«Энциклопедия хулиганствующего ортодокса»*, в которой *«жизнь со всеми ее разнообразными проявлениями»*, не канет в Лету — *«останется»*. И прочитал свои пародии на стихи современных поэтов, в том числе на Евгения Евтушенко: *«Я, конечно, не простак./Я пишу о многом./Что тут скажешь? Это так —/Я отмечен Богом».*

Писатель и телеведущий Лев Новожёнов связал свое выступление с телевидением, со «Старым телевизором», где Дмитрий Дибров брал у Иосифа Раскина интервью, после чего у Дмитрия возникли проблемы с работой на этом телеканале, потому что интервью получилось очень острым. Тут же зрители смогли посмотреть на экране два фрагмента беседы обоих, послушать анекдоты от Иосифа. Кроме того на экране был воспроизведен фотоальбом с фотографиями Иосифа и его близкого окружения и видеозапись, где Иосиф, который был мастер читать стихи, читает стихотворение Константина Симонова «Сын артиллериста».

Поэт Владимир Вишневский, который есть во всех «энциклопедиях» Иосифа, подарил ему и залу свои грустные стихи про то, что *«... ведь придется ж как-то умирать»*, и про раков, которые зимуют *«на Родине — там, где мы»*, и попадают в «меню» ресторана, на обед к Раскину. Рассказал интересные истории об Иосифе.

Поэт Евгений Вал приехал со своим подарком, прочитал стихотворение *«Нельзя в России никого будить»* (ни Герцена с его «Колоколом», ни террориста Халтурина). Иосиф был очень равнодушен к социально-политическим темам.

Вадим Дабужский спел политические куплеты, начиная с куплетов о победителе американских выборов в президенты — о Трампе, на мотив песни из репертуара Эдиты Пьехи «Как теперь не веселиться», с немного измененным припевом «*Трам-Трам, трам-па-па-па, Трам-Трам...*» А завершила концертную часть вечера, кольцевым приемом, **Татьяна Рубина**. Она сыграла мелодию Арно Бабаджаняна «Твои следы», эту мелодию очень любил Иосиф Раскин, который оставил свой светлый след в литературе и в нашей памяти.

Вечер получился прекрасным! За что спасибо и его участникам, и его организаторам, и дирекции ЦДЛ^а, и сыну Иосифа **Михаилу Раскину**, главному инициатору и куратору этого праздника. ...В Пестром кафе состоялся фуршет, на котором все могли пообщаться друг с другом, поднять рюмки и фужеры в честь Иосифа, выпить и закусить...

А через день на Востряковском кладбище произошло не менее экстраординарное событие — открытие памятника этому «хулиганствующему ортодоксу». В присутствии близких родственников и друзей Иосифа.

Памятник сделан по эскизу художника **Алексея Дьякова** — скульптором **Николаем Кузнецовым**. Бронзовый Иосиф с книгой в руках и с ньюфаунлендом у своих ног, сидит на лавочке и ждет гостей, чтобы рассказать им новый анекдот и услышать от них что-то новое и всем своим видом показывал нам, что он доволен памятником и церемонией открытия памятника, как доволен и концертом в свою честь, праздником юмора, без похоронных нот, который состоялся в Большом зале ЦДЛ^{*}.

24 ноября 2016 г.

* Слегка сокращенный вариант этой статьи — под псевдонимом Николай Фонарёв и под названием «Смеющийся хулиган» — напечатан в Эклибрисе «Независимой газеты» 15 декабря 2016 года. — *Прим. Н. К.*

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА «ХУЛИГАНСТВУЮЩЕМУ ОРТОДОКСУ» ИОСИФУ РАСКИНУ

11 ноября 2016 года в Большом зале ЦДЛ, при аншлаге, где яблоку негде упасть, состоялся большой вечер памяти Иосифа Раскина, автора знаменитой «Энциклопедии хулиганствующего ортодокса», прямо в его день рождения. А через день, 13 ноября, на Востряковском кладбище произошло не менее экстраординарное событие — открытие памятника этому «хулиганствующему ортодоксу». В присутствии близких родственников и друзей Иосифа, среди которых его любимая племянница, пианистка **Татьяна Рубина**, ее муж, поэт **Илья Шадур**, поэтесса **Нина Краснова**, редактор документальных фильмов **Раиса Симонова**, садовод **Абдумалик Бердиев** и сын Иосифа **Михаил Раскин**...

Погодка, слава Богу, выдалась тихая, безветренная и не холодная для предзимней поры, минус два градуса, с легким снегом, под которым земля пусть будет пухом для всех, кто покоится в ней, и для самого Иосифа.

Памятник нам понравился. В нем нет никакой помпезности, он соответствует натуре Иосифа. Сделан по эскизу художника **Алексея Дьякова** — скульптором **Николаем Кузнецовым**. И представляет из себя такую композицию: бронзовый горельеф Иосифа в контррельефе, в светлом углублении, на фоне черной мраморной плиты-стеночки, на которой белым прямым шрифтом написаны даты физической жизни Иосифа на земле: 11.11.1935–11.06.2015. Иосиф, в летней рубашке, с короткими рукавами и с расстегнутым воротом, сидит на лавочке и держит в руках книгу, а у его ног — с левой стороны от него, перед цветником, — на горизонтальной черной мраморной плите — лежит большой пес, тоже бронзовый, но выкрашенный черной краской, и преданно смотрит на своего хозяина, ему в глаза.

— Иосиф не одинок. Он со своим «другом человека», — прокомментировали мы эту композицию.

В фотоархиве Раскиных есть такая фотография — Иосиф сидит около своего дома, во дворе, на лавочке, а около него — его любимый ньюфаунленд, женского рода, которого зовут Валентина.

— С этой фотографии и сделан эскиз памятника, — пояснил Михаил Раскин, который и заказал этот памятник и волновался о том, чтобы все получилось по высшему классу.

У Иосифа здесь присущее ему выражение лица, умное, с улыбочкой и с некоторой хитринкой... И характерная для него свободная поза... И пышная шевелюра, точно такая, какая у него и была... И ноги и ботинки на ногах у него точно такие, какие были. И пальцы рук, в которых он держит книгу, не растопырены, а соединены друг с другом, что тоже характерно для Иосифа... И весь он такой, какой и был. Хотя это художественное произведение искусства, а не копия оригинала. А светлый контррельеф служит ему нимбом. Иосиф сидит здесь в своем уютном уголке и ждет гостей, чтобы рассказать им новый анекдот и услышать от них что-то новое.

Мы сказали ему каждый от себя свои добрые слова — никто не произносил официозных, заранее заготовленных речей по бумажке — и украсили его цветник своими цветами. Розами и хризантемами. Причем оказалось, что у всех у нас с собой цветы одного и того же вишневого цвета, хотя покупали мы их не в одном и том же киоске и не в одном и том же месте. Нет, зря говорится, что на вкус на цвет товарищей нет. Есть. А Раиса Симонова положила рядом с портретом Иосифа большое красное яблоко.

*15 ноября 2016 г.,
Москва*

«ХУЛИГАН, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ...»

*(Вечер памяти Иосифа Раскина,
Большой зал ЦДЛ, 11 ноября 2016 г.)*

Участники вечера:

Наталья ПОЗНАНСКАЯ, зав. Литературно-творческой частью ЦДЛ;

Вадим ДАБУЖСКИЙ (ведущий вечера), артист, куплетист, писатель-сатирик;

Татьяна РУБИНА, пианистка, народная артистка России, племянница Иосифа Раскина;

Андрей ЯХОНТОВ, писатель, драматург, журналист, ведущий постоянной рубрики в «Московском комсомольце»;

Илья ШАДУР, поэт, муж Татьяны Рубиной;

Нина КРАСНОВА, поэт, эссеист, Принцесса Поэзии «Московского комсомольца»;

Евгений СТЕПАНОВ, поэт, прозаик, издатель, главный редактор журнала «Дети Ра», газеты «Литературные известия», Президент Союза писателей XXI века;

Лев НОВОЖЁНОВ, писатель-сатирик, телеведущий нескольких программ;

Владимир ВИШНЕВСКИЙ, поэт, шоумен;

Евгений ВАЛОВ, литератор, приятель и родственник Иосифа Раскина.

(На большом экране в течение шести минут под музыкальное сопровождение идет фоторяд с фотографиями Иосифа Раскина разных периодов жизни и круга его друзей и знакомых, среди которых Иракий Андронников, Эльдар Рязанов, Генрих Боровик, Эммануил Виторган, Левон Оганезов, Андрей Яхонтов, Андрей Вознесенский, Татьяна Бек, Станислав Ростропович, Марк Розовский, Дмитрий Певцов, Михаил Горбачев, Юрий Никулин,

Владимир Вишневский, Татьяна Рубина, Анатолий Шамардин, Нина Краснова, Махмуд Эсамбаев, Станислав Говорухин, Зураб Церетели и т. д.)

1.

Наталия ПОЗНАНСКАЯ: Здравствуйте. Начинаем вечер, посвященный творчеству Иосифа Раскина. Вечер будет вести писатель-сатирик Вадим Дабужский. Вот что написал о Вадиме Дабужском Дмитрий Быков: «Вадим Дабужский проснулся знаменитым, когда его шансонами стали венчаться выпуски телевизионной программы «Политбюро». Программа была истинно народной, и Вадим Дабужский стал истинно народным певцом. Сегодня это Буба Касторский нашего времени». Вадим Дабужский!

(Аплодисменты!)

2.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — об ИОСИФЕ РАСКИНЕ:

Я посмотрел вместе с вами этого замечательного человека (*фоторяд с его фотографиями на большом экране ЦДЛ. — Н. К.*)... Вы знаете, в такое лицо невозможно не влюбиться. Давайте поаплодируем Иосифу Раскину! (*Аплодисменты зала!*)

Друзья, почему мы сегодня собрались в этом зале? Потому что сегодня родился Иосиф Раскин. Обычно в такой день все задается вопросом: что тебе подарить? Но перед ним такого вопроса не стояло. Он сам делал своим друзьям и себе подарок. — Иосиф устраивал в этот день в этом зале концерт, в котором выступали его любимые артисты, и он получал от этого огромное удовольствие. Мы не хотим нарушать эту традицию и, как сказал поэт, «Как хорошо, что все мы здесь сегодня (с вами) собрались». Давайте поаплодируем!

(Аплодисменты зала!)

А теперь несколько слов о Иосифе. Когда я впервые увидел Иосифа, между прочим, это произошло в Доме литераторов, я вначале не понял, кто это: то ли поэт, то ли прозаик, то ли ученый?.. И только впоследствии, когда мы с ним познакомились, я понял, что познакомился с очень интересным человеком. Иосиф прожил жизнь, делая только добрые дела. Я не знаю людей, которых он когда-либо обидел. От природы он был разносторонне одаренным человеком. Мало кто знает, что в молодые годы он работал на эстраде, исполнял монологи, куплеты. Между прочим, у него была феноменальная память. Я помню, он мне читал эстрадные монологи тридцатилетней или сорокалетней давности. Он обожал дружеское общение, у него была масса друзей, причем совершенно разных. К примеру, его книжная контора находилась в Гостином дворе, рядом с Красной площадью. На машине туда не проехать, вас непременно остановит милиционер. Но было волшебное слово: «Я — к Иосифу». И все. Вам зажигали зеленый свет. Вот тут передо мной книга лежит. Книга называется «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». Да, там есть ненормативная лексика. Но давайте не будем лицемерить. Что лучше: когда наша суперзвезда с медикаментозной кликухой Глюкоза с утра до вечера по ящику поет «Танцуй, Россия, танцуй, Европа! У меня самая красивая попа»? Нет чтобы сказать просто по-русски — жопа!». (Смех в зале.) Мне вспоминаются слова великого знатока русского языка Юрия Владимировича Олеша (*Вадим Дабужский не может сдержать своей улыбки и своего смеха*). Олеша однажды сказал, что он видел много всякого смешного, но никогда не видел ничего смешнее, чем написанное печатными буквами слово «жопа». (Смех в зале!) Я помню, был период, когда мы с Иосифом выступали на Арбате. Выступали мы там вовсе не из-за денег, просто — общение с народом. Нас принимали очень хорошо, но я вспоминаю один эпизод. Мы знаем, из песни слов не выкинешь, но и из этого эпизода — тоже. Однажды во время выступления Иосифа напротив нас открылось

окно, и из окна пожилая женщина крикнула: «Гражданин, перестаньте материться! А то придет мой зять и вас отх.ячит!» *(Смех в зале! Бурные аплодисменты!)*

(Вадим Дабужский смотрит в зал, на зрителей.) К сожалению, я вас не вижу (из-за яркого света софитов), но чувствую.

Голос из-за кулис: Мы все тут!

Вот вы улыбнулись. И мне бы хотелось бы, чтобы сегодняшний вечер прошел без траурных нот. А поскольку слово «нота» связано с музыкой, мне бы хотелось, чтобы открыл наш сегодняшний вечер замечательный музыкант, а главное любимая племянница Иосифа — **Татьяна Рубина**, народная артистка России, лауреат международных конкурсов, профессор, чья творческая деятельность началась в семилетнем возрасте. Итак, у рояля маэстро Татьяна Рубина, которая действительно (заслуживает аплодисментов)! Аплодисменты!

(Аплодисменты! Татьяна Рубина в длинном платье выходит на сцену, садится за рояль, играет сочинение Моцарта.)

(Крики публики: «Браво! Браво!». Аплодисменты! *Вадим Дабужский целует руку Татьяне Рубиной.)*

3.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — об Андрее ЯХОНТОВЕ:

А сейчас мне хочется представить вам Андрея Яхонтова. Слышно меня? Нормально?

Голоса из зала: Да, нормально!

Андрей Яхонтов когда-то сформулировал правила жизни, правила которые называются «Три «б». Будь бедным, бездарным, больным, и все тебя полюбят. Вот так вот. *(Смех зала.)* Че, среди вас есть такие? Нет? Которые следуют этим правилам? Но всей своей жизнью он опроверг эти правила. Во-первых, он не бедный... но и не богатый — как говорится, жить можно. Что касается — быть бездарным, его творчество доказывает обратное.

Автор многочисленных романов, пьес, которые идут во многих наших театрах и за рубежом. А что касается — надо быть больным, чтобы тебя полюбили... сейчас, когда он выйдет на эту сцену, вы увидите, что больным быть не надо, а надо быть Андреем Яхонтовым, «коллекционером жизни» — так называется его колонка в «Московском комсомольце». И я думаю, что наш сегодняшний вечер тоже войдет в коллекцию писателя, драматурга, журналиста и вообще не больного человека, а здорового и энергичного, Андрея Яхонтова!

(Аплодисменты! Андрей Яхонтов выходит на сцену.)

С усами... (Смех в зале.)

Андрей ЯХОНТОВ — об Иосифе РАСКИНЕ:

Трудно после такого представления выступать... О-о-ой... Об Иосифе Раскине зато легко говорить. Выступать трудно, а говорить легко, о-о-ой... но и трудно тоже, потому что мысли путаются, хочется сказать очень многое. Он был простым, как правда, — вот, знаете, абсолютно естественным человеком, и не стеснялся своей естественности. Может быть, это главное его качество. Мы все иногда пытаемся быть лучше, чем мы есть, иногда тщимся предстать хуже, чем мы есть... Вот он был таким, какой есть. Это удивительно! Если вы пролистаете, я даже не говорю — прочитаете, потому что если вы начнете листать, вы потом увлечетесь и прочитаете его книгу «Жизнь...», «Большая жизнь хулиганствующего ортодокса», и... я возьму только одну короткую тему женщины, на самом деле — всеобъемлющую, вы увидите, что вот то, что он рассказал о себе, вряд ли кто-нибудь посмеет, решится, отважится рассказать, да еще так, как он об этом рассказал, я много раз возвращался мыслями к этой по-раскински изложенной теме. Вот, вы понимаете, есть любимая женщина со сложным характером, и он от нее уходит, а потом к ней возвращается... И вот одна фраза Иосифа, которая стоит очень многих фраз... я после Татьяны Рубиной не ри-

скую произносить некоторые слова, просто чтобы чуть-чуть не принизить музыку: «Ну какой же я был чудак на букву «м», что я думал, что женщину когда-нибудь можно исправить». — Понимаете, вот такая фраза. И дальше идут рассказы об изменах (об изменах Раскина), потому что, «когда я от нее уходил, — пишет Раскин, — то, естественно, тут же (у меня) возникала какая-то другая». И на каждую из женщин он тратит по абзацу. Там нет, упаси Бог, никаких пренебрежений, унижений, но рассказы сами по себе, если мы вдумаемся, достаточно страшны и чудовищны, при том, что изложены они с чувством юмора... Вот я вам просто приведу один эпизод... Раскин приезжает торговать книгами на Курский вокзал, ему нравится какая-то смазливенькая девчонка, и он тут же договаривается с дворничихой, которая за два рубля пускает их в свою подсобку. А потом он, испуганный, бежит в вендиспансер, который находится по соседству с домом пионеров, куда он ходил в детстве, и дарит врачу книгу Чуковского, которую он с собой прихватил, и ему делают промывание, потому что он идет к той женщине, которую любит. Но почему происходит измена? Значит, что-то немножко не в порядке, что-то немножко не в порядке, но он к ней должен прийти не замаранным и не запятнанным. Абсолютно простая и естественная история, страшная в своей правдивости. Но Иосиф Захарович не стесняется ее изложить.

Я коснулся сейчас серьезной темы. Раскин знаменит все-таки своим юмором. Он долго шел, мне кажется, от того своего начала, про которое сказал Вадим Дабужский, от исполнителя эстрадных куплетов, скетчей к тому, чтобы выпустить первую книгу. Вот этот период, длиннейший, вмещал в себя торговлю книгами. Раскин в нескольких подземных переходах торговал, делал план одновременно... двадцати... я не помню, скольких... магазинов потому что он так рекламировал свою книгу артистически, то есть не свою книгу, а те книги, которые он продавал, что влет уходил «Евгений Онегин» на английском языке, например, понимаете, который не мог распродаться в магазинах, и журнал

«Без выкровок»... Увлекательно читать обо всем этом! Но параллельно он жил полнейшей насыщенной жизнью, продолжая сохранять чувство юмора, которое вообще-то отмеривается каждому смертному на аптечных весах, и очень экономно, именно поэтому, как правило, юмористические произведения все-таки коротки. Но мы знаем, что и Чехов перешагнул свою юмористику, став драматургом, и Ильф и Петров перешагнули свои короткие фельетоны, написав роман, и Булгаков из фельетониста вырос до «Мастера и Маргариты», и даже юморист Надежда Теффи от коротких писаний пришла к очень глубоким мемуарам. И вот то, что видел и слышал Раскин, учитывая его локаторские возможности, направленности и улавливаемости юмора, это все вылилось в его первую книгу «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». Она вобрала очень многое, и это действительно такая книга, от которой невозможно оторваться. Она выходила в то время, когда ненормативная лексика еще не была под запретом, поэтому вместила очень многое. И сейчас вот удивительно, что эти книги... ну это благодаря стараниям замечательного сына Иосифа Захаровича — Михаила... перевыпущены... и этот вечер сегодня состоялся только потому, что у Иосифа Захаровича такой замечательный сын. Так вот, когда выходила эта книга, она произвела потрясение. Он стал фантастически популярен сразу. Я вчера хотел было полистать ее... Но я боюсь вообще ее открывать, потому что от нее невозможно оторваться, даже если захочешь, действительно невозможно. За что бы ты ни зацепился, ты начинаешь читать, потом думаешь, да, хорошо, но я эту тему лучше пролистну, ну, например, ту самую, которая на букву «ж», так сказать, вот, да, надоела она мне, не хочу я эту тему, я ее лучше чуть-чуть дальше перелистну. Дальше начинается тема еврея, от которой тоже нельзя оторваться... потом, нет, уже не могу больше про евреев... Давайте еще какое-нибудь слово на какую-нибудь другую букву... и опять от другой темы нельзя оторваться... Все возможное, что ходило в обществе, все, что было на слуху и не на слуху, все в этой книге собрано.

Сразу короткий пример, анекдот Иосифа Захаровича из этой книги. Про Рабиновича. Приходит наниматься человек на работу, ему говорят: «Мы не можем вас взять». — «Ну почему?» — «Ну, потому что у вас фамилия — Рабинович». — «Ну и что из этого?» — «Ну вы же уедете». — «Да нет, я никуда не собираюсь уезжать, у меня даже в мыслях такого нет». — «Тогда мы вас тем более не можем взять, потому что глупые люди нам не нужны». Понимаете? (*Смех в зале.*)

А вот про жену. Какая женщина может точно сказать, где находится ее муж? — Вдова. Потрясающе, потрясающе!

И вот еще. Муж с женой накаленно спорит, он уже устал, он говорит жене: «Все, больше не могу, уже устал, будь потвоему!» — А она говорит: «Нет, уже все, невозможно, я передумала!» — Вот в этом весь Иосиф Захарович.

О-о-ой... Я теперь вернусь, ненадолго, буквально, к тому, что сказал Вадим Дабужский. Это не я сформулировал правило «Три «б», надо быть честным человеком. Иосиф Захарович нас этому учит — быть честным, вот. Это сформулировал когда-то Сергей Владимирович Михалков, которого я когда-то спросил: «Сергей Владимирович, почему зла людям не делал, а такое количество зависти, ненависти вокруг?» — Он, заикаясь, ответил: «Андрюша, если хочешь, чтобы все тебя любили, нет ничего проще. Издавай одну книгу раз в двадцать лет, одевайся во что-нибудь рваненькое, появляйся с такими женщинами, чтобы самому противно было, и болей, болей, болей, лучше всего — неизлечимо... Все будут тебя уважать». (*Смех в зале.*) Михалков, кстати говоря, потом все это сформулировал в одной фразе, он сказал: «Пускай лучше завидуют, чем сочувствуют». Что совершенно точно.

Я хочу рассказать немножко, буквально два слова сказать о ЦДЛ, где проходит наш сегодняшний вечер и где Иосиф Захарович был завсегдаем.

Я собирал фольклор ЦДЛа, байки цэдээльские, ну и всякие смешные истории, которые здесь происходили разные. И вот в Пестром зале, представьте себе, сидит такая компания: Васи-

лий Аксёнов, Анатолий Гладилин, Юрий Садовников, который автор сценария фильма «Большая перемена», и Марина Влади. И ходит по Пестрому залу поэт Семён Сорин, чаще всего нетрезвый, в силу жизни, Сорин — фронтовик, у него нелегкая судьба, и вот он ходит кругами. И ему Аксёнов в конце концов говорит: «Ну, Сень, ну подойди к нам, мы тебя представим Марине Влади. Она протягивает ему руку, Сорин, взяв ее руку, высовывает свой язык и лижет ей руку, со всей максимальной эмоциональностью, на которую он способен. Компания замерла, потому что не знает, как реагировать на это. А он невозмутимо достает из своего кармана химический карандаш и пишет номер своего телефона. (Смех в зале.)

И еще одна история. Она произошла в ЦДЛ. Я отчасти знал ее, потому что сам был зрителем и свидетелем ее начала. Это вот здесь было, в Большом зале. Было открытие сезона, которое вел Роберт Рождественский. И на сцену вышел абсолютно голый человек, абсолютно голый человек. И у него на одной половинке ягодицы было написано «СП», а на другой — «СССР». И он внятно объяснил со сцены, что в Союз писателей можно вступить только через задницу, через тот орган, которому Вадим посвятил свое выступление. Ну, тут прибежали охранники и сразу увели этого голого со сцены.

А в ЦДЛ, вы, может быть, помните, а тем, кто не помнит, я напомню, пусть они знают, был очень строгий доступ, только по пропускам, только по спецпропускам. Только писатели и члены Дома писателей получали доступ в ЦДЛ. И вот какая история произошла, в Доме литераторов, в Дубовом зале, на свадьбе замечательного журналиста, первого заместителя главного редактора «Московского комсомольца» Петра Спектора. Мне об этом рассказал Николай Караченцов, который присутствовал там. Я его, кстати, недавно навещал вместе с Петром Спектором, мы съездили к нему, он хорошо себя чувствует. И Караченцов мне рассказывает такую историю, что драматург Иосиф Прут приходит в ЦДЛ, к нему бросаются сразу с нескольких сторон

люди — усиленная проверка после того, как голый человек появился в ЦДЛ, — и кричат ему: «Член дома?» — Понимаете, да? Он на секунду поколебался, потом и сказал: «Нет, со мной».

Такие вот истории. Кстати, многое из того, что я Иосифу Захаровичу рассказывал, вошло, входило в его книги. И они каждый раз при каждом следующем издании обновлялись, становились все полнее. Очень хорошо, что они вновь к нам пришли, и вы их сегодня в вестибюле видели.

Я же хочу сказать, какой был замечательный человек Иосиф Захарович Раскин. Он с нами остается не только на экране, он остается в нашей памяти. Мы вспоминаем его на вечерах, он останется в книгах. Это был очень добрый, очень порядочный человек, еще раз скажу, не боявшийся быть таким, каким он был, очень многим помогавший людям. Он когда видел, что кто-то в беде и нуждается в его помощи, не ждал, что его попросят о помощи, он всегда первый устремлялся навстречу. Светлая ему память, и светлых нам всем о нем воспоминаний! Спасибо большое.

(Аплодисменты! Андрей Яхонтов идет к кулисам. Вадим Дабужский берет Андрея Яхонтова за руку и ведет опять к микрофону).

**Андрей ЯХОНТОВ — о Вадиме ДАБУЖСКОМ,
а Вадим ДАБУЖСКИЙ — об Андрее ЯХОНТОВЕ:**

Андрей ЯХОНТОВ: Вадим Дабужский! Лауреат газеты «Московский комсомолец», юмористической полосы. Это произошло (он стал лауреатом) в то время, когда я этой полосой немножко занимался. Понимаете? Только по благу талантливые люди получают. *(Смех в зале.)*

Вадим ДАБУЖСКИЙ: Сколько бутылок я тебе поставил? *(Смех в зале.)*

Андрей ЯХОНТОВ: Ты мне? До сих пор ни одной! *(Смех в зале.)*

(Вадим Дабужский жмет руку Андрею Яхонтову и не отпускает его. Андрей Яхонтов, шутя, пробует выдернуть свою руку из его рук, но Вадим крепко держит его. Смех в зале.)

Вадим ДАБУЖСКИЙ: Я не из-за этого задержал его, а я просто хочу сказать: вот что значит — замечательный драматург, замечательный писатель и замечательный человек! Такого человека надо поискать, И вот такого человека мы нашли. И он сегодня среди нас — Андрей Яхонтов!

(Аплодисменты!)

4.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — стихи об Иосифе РАСКИНЕ:

А теперь я хочу вам зачитать небольшое восьмистишие, которое я написал, когда вышла эта книжка, «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса»:

Вадим Дабужский

ИОСИФУ РАСКИНУ,

**автору книги «Энциклопедия
хулиганствующего ортодокса»**

Иосифу большой респект
За замечательный проект!
Тираж продаж побил рекорд,
И это все — не анекдот.
Мы говорим ему Виват!
Цензуре он поставил мат!

Вот так вот.

(Смех в зале. Аплодисменты!)

5.

**Вадим ДАБУЖСКИЙ — об Иосифе РАСКИНЕ
и Константине СИМОНОВЕ:**

Иосиф любил стихи. Любимый поэт Иосифа — Константин Симонов. Особенно Иосиф любил его военные стихи, ведь фронтовая поэзия Симонова — это в сущности очерки, написанные стихами.

Читал Иосиф всегда эмоционально, проникновенно... Да что там говорить? Послушайте, и вы сами сейчас в этом убедитесь. Итак, Иосиф Раскин читает стихотворение Константина Симонова «Сын артиллериста».

Это было последнее выступление Иосифа на своем дне рождения 11 ноября 2014 года. Давайте посмотрим и послушаем.

(Иосиф Раскин — в видеозаписи — читает на экране стихотворение Константина Симонова «Сын артиллериста», и сам Константин Симонов — в видеозаписи — читает это стихотворение, они читают его по очереди, дуэтом, то Раскин, то Симонов, то Симонов, то Раскин, один начинает, другой продолжает, две видеозаписи смонтированы в одну.

Константин Симонов

СЫН АРТИЛЛЕРИСТА

Был у майора Деева
Товарищ — майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов

Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.

И т. д.

.....

(Идут символические для каждого человека и в данном случае для Иосифа Раскина строки.)

Держись, мой мальчик, на свете
Два раза не умирать.

Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла. —
Такая вот поговорка
У майора была.

(Аплодисменты!)

Вадим ДАБУЖСКИЙ: Как здорово! Какой замечательный дуэт! Давайте поаплодируем ему. *(Аплодисменты зала!)* Как Иосиф читает стихи! Это ведь он читает их не как чтец и декламатор, а как автор! Это просто как-то изнутри у него льются эти стихи, как будто бы он сам написал их. Он читает это, как читает поэт. Давайте еще раз ему поаплодируем. *(Аплодисменты зала!)* И поаплодируем этому замечательному дуэту. Дуэт — Иосиф Раскин и наш замечательный поэт Константин Симонов! Давайте еще поаплодируем! *(Аплодисменты зала!)* Спасибо.

6.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — об Илье ШАДУРЕ:

А сейчас мне хочется предоставить слово поэту Илье Шадуру. Поэзия — музыка души, и бывают счастливые совпадения, когда поэзия и музыка связаны узами брака. Талантливая жена — такая же редкость, как хорошая поэзия. В его поэзии любви, друзья, ищите се ля ви (или шерше ля фам. — *Н.К.*), а это — замечательный музыкант Татьяна Рубина, которая наполняет каждодневную жизнь поэта звуками Моцарта, Шопена, Шуберта и другими членами союза композиторов. (*Смех в зале.*) Итак, поэт Илья Шадур!

(Аплодисменты!)

Илья ШАДУР — об Иосифе РАСКИНЕ:

Я помню, как в этом зале много раз проходили авторские вечера Иосифа Раскина. Он сам вел эти вечера. И каждый раз на сцене было его много, создавалось впечатление, что он заполняет собой всю сцену, ведь он был таким большим и широким, да еще и громогласным, в прямом и в переносном смысле слова, и при этом с ним никогда не было скучно. Его юмор ассоциируется прежде всего, конечно, с ненормативной лексикой, ну, у большинства людей. Но на самом деле он куда шире и объемнее. Иосифу Раскину нравилось, когда рядом с неприличными куплетами звучали еще и стихи Пушкина. (*Смех в зале.*) И он очень гордился тем, что в его «Энциклопедии хулиганствующего ортодокса» цитаты из Пушкина оказались вполне уместны. И ведь это оправдано. Мы знаем, что Пушкин никогда не забывал, что в русском языке бытует ненормативная лексика, и при случае был не прочь напомнить об этом своим читателям. Ведь он не зря писал:

Я мог бы вам стихи Баркова
Благопристойно перевести,
Но даже имени такого
При вас не в силах произнести.

(Смех в зале.)

Мне много раз приходилось быть свидетелем того, как Иосиф Раскин в общем ожесточенно спорил со своими близкими родственниками, отстаивая свое право жить неправильно, то есть жить не так, как все живут, и при этом в его хулиганских, таких эпатажных, язвительных замечаниях я нередко улавливал интонации вот этих пушкинских строк. И вот сегодня в этом зале впервые проходит вечер памяти Иосифа Раскина. Я подумал, что здесь должна бы прозвучать эпитафия. Но Иосиф Раскин был рыцарем юмора и не любил жаловаться, поэтому эпитафия должна быть веселая. Ну вот, например, такая:

Илья Шадур

ЭПИТАФИЯ

Иосифу Раскину

Нам не забыть его щедроты,
Мы с ним расслабиться могли,
Ведь юмор — тоже соль земли,
А дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

Я сейчас прочту стихотворение свое, написанное лет двадцать тому назад, когда Иосиф Раскин был еще в расцвете сил.

Илья Шадур

**НА ПОЛУЧЕНИЕ КНИГИ ИОСИФА РАСКИНА
«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО
ОРТОДОКСА»**

Я ходил по ресторанам
С ортодоксом-хулиганом,
Возвращался ночью пьяным,
Весь в маслинах и в дыму.
И, сквозь занавес дремоты,
Вспоминая анекдоты,
Матерстопным ямбом оды
Сочинял всю ночь ему.

Было время — устным словом,
Нецензурным жирным пловом,
Острым, сочным и толковым,
Он кормил своих друзей.
А сегодня книга эта
С блеском, с треском, как ракета,
Облетает страны света.
Раскин, твой размер — хорей!

Сборник твой — не фунт изюма,
Он наделал много шума.
Раз его читает Дума,
Значит, нужен он стране.
Он него юнцы балдеют,
У девчонок щеки рдеют,
Петр Первый молодеет
В медных формах Фальконе.

И профессор спьяну, сдуру
Держит, словно партитуру,
Изучая субкультуру,
Постигая русский мат,
Книгу с твердым переплетом
И, читая, как по нотам,
Анекдот за анекдотом,
Удивлен, взволнован, рад.

2002

(Аплодисменты!)

7.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — о Нине КРАСНОВОЙ:

А тепе-е-ерь мне хочется поговорить о российских женщинах. Что мы знаем о российских женщинах? Хрестоматийное, некрасовское «в горящую избу войдет», «коня на скаку остано-вит»... Но я думаю: зачем это делать поэтессе Нине Красновой, когда за нее это прекрасно сделает МЧС?

Конечно, при желании она может войти в горящую избу. Но зачем это, когда она сама по себе женщина веселая, бесшабашная, в общем — женщина-огонь.

Валерий Золотухин сказал: «Без поэзии Нины Красновой невозможно представить себе русскую литературу XX и XXI веков». А мы себе не можем представить вечер, посвященный Иосифу Раскину, без его близкой подруги, самой естественной, самой раскованной поэтессы, Принцессы Поэзии «МК» Нины Красновой!

(Аплодисменты! Нина Краснова в цветастой павловской шали и в легких брюках выходит на сцену, приветствует Вадима Дабужского, дотрагивается до его плеча в знак дружбы и стремительно идет к микрофону.)

Голоса: Вот она!

Вадим ДАБУЖСКИЙ (*зрителям*): Друзья, давайте лучше встретим ее (аплодисментами).

(*Аплодисменты!*)

Нина КРАСНОВА — об Иосифе РАСКИНЕ:

Я познакомилась с Иосифом Раскиным благодаря нашему с ним общему другу, русско-греческому певцу и композитору Анатолию Шамардину, солисту оркестра Утесова. А солистом оркестра Утесова Анатолий Шамардин стал благодаря Иосифу Раскину. Здесь Андрей Яхонтов говорил, что Иосиф любил помогать людям... Вот так он помог Анатолию Шамардину. Анатолий до этого окончил иняз и целых десять лет преподавал иностранные языки в разных вузах страны, окончил аспирантуру при Ленинградском университете. Потом работал в Ленинградской филармонии, куда попал с легкой руки Эдуарда Хиля, который услышал, как Толя поет, и сказал ему: «Толя, с таким голосом, как у тебя, надо не языки преподавать, а петь на большой сцене». В 1970 году Анатолий приехал в Москву и не знал, кому здесь показаться, чтобы его прослушали. И случай свел его с Иосифом Раскиным, в подземном переходе, о котором как раз говорил Андрей Яхонтов. Иосиф продавал там книги и, как говорил мне сам Толя, делал это очень артистично, он громким, хорошо поставленным голосом говорил: «У меня самые лучшие книги в Москве! Их у меня здесь немного, могу дать только по две книги в руки, только по две, не больше двух в руки! И к нему выстраивалась огромная очередь. (*Смех в зале.*) Все брали эти книги нарасхват. Анатолий Шамардин купил у него справочник на немецком языке. (*Смех в зале!*) И немножко разговорился с Иосифом. И вот я хочу сказать, какой человек был Иосиф.

По образованию он ведь педагог, преподаватель русского языка и литературы. И он еще и потрясающий психолог! Ему не надо было общаться, дружить с человеком двадцать лет, что-

бы понять, что это за человек. Вот он увидел человека и сразу, с первого взгляда, определил, кто он, и какой он, талантливый или не талантливый, добрый или не добрый. И вот Анатолия Шамардина он сразу оценил в хорошую сторону и вошел в его положение и захотел помочь ему и свел его с Николаем Никитским, очень популярным тогда певцом, который работал в оркестре Утесова. Толя прослушался у Никитского, и тот рекомендовал его Утесову как певца с очень красивым голосом. И Утесов взял Толю в свой оркестр... Вот такую благородную роль Иосиф сыграл в судьбе Анатолия Шамардина. А ведь Анатолий для него тогда был человек с улицы, которого он не знал. Но какое у Иосифа было потрясающее чутье, какой собачий нюх на талантливых людей и на хороших людей. А потому что Иосиф и сам был такой, хороший и талантливый человек, яркая творческая, артистическая личность. Он, кстати сказать, обладал отличными вокальными данными, он пел в военном ансамбле, когда служил в армии, он читал стихи со сцены, он вообще занимался культурной деятельностью, был очень развитый, очень начитанный, многогранный такой человек. А Анатолий потом работал в разных филармониях страны, ездил от «Росконцерта» по всему Советскому Союзу, выступал в разных городах и весях, а с 90-х годов гастролировал в Европе, и при своей кочевой жизни растерял все свои старые блокноты с телефонами и утратил контакты с Иосифом, и встретился с ним снова почти через 30 лет, в 1998 году, в ЦДЛ. Мы с Анатолием стоим у афиши, и вдруг к нам подходит такой солидный человек с копной седых волос и с такими пронзительными карими глазками и говорит: «О! Толик, это ты?» — А Толик ему: «О! Иосиф! Какая приятная встреча!» — как будто они оба не расставались и как будто не виделись всего один день. И вот так я благодаря Анатолию Шамардину познакомилась с Иосифом Раскиным. И я не могу говорить только об Иосифе и о себе, потому что мы дружили втроем, Иосиф, Анатолий и я. Мы с Анатолием ездили к нему домой. У него была очень скромная — однокомнатная — квартирка: две стены — это стеллажи

с книгами от пола до потолка, Иосиф же книжник был, книгочей такой; одна стена — это окно, и журнальный столик с пишущей машинкой; а одна стена — это диван. Вот и все. Вот такая квартира. И, конечно, он подарил нам свои книги — «ЭХО», «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса». Это потрясающая книга! Таких не было раньше и не будет их и потом, если только не переизданные книги самого Иосифа. Нас очень многое связывало с Иосифом. У него было потрясающее чувство юмора, и такое же потрясающее чувство юмора было и у Анатолия. Ну и я, как говорится, девушка тоже не без юмора. И все мы очень любили литературу, которая в перестроечные времена и в эпоху рыночных отношений стала называться альтернативная литература. И как раз вся книга Иосифа и все книги Иосифа — это и есть альтернативная литература: анекдоты (без купюр), забавные случаи из жизни знаменитых людей, частушки всякие. И у нас с Иосифом, у меня с ним, есть еще нечто общее, это книготорговля. Он продавал свои книги в подземных переходах. А я, когда в 90-х годах переехала из своей Рязани в Москву и не знала, как мне, свободной художнице, жить и выживать здесь, издала книгу своих любовно-эротических стихов «Интим» и бегала по Москве и тоже продавала ее на улицах Москвы, вот так — добегу от одного метро до другого и продам сколько-то экземпляров, 15 или 20, и так продала целый тираж, 3 тысячи экземпляров, и издала другую книжку, «Семейная неидиллия», и ее тоже продавала, но я продавала только свои книги, а не чужие. И Иосифу они очень нравились, потому что это тоже альтернативная литература, у меня во всех моих книгах есть альтернативная линия, а кроме того — тоже и частушки на грани, а иногда и за гранью фола. Иосиф всегда приглашал нас с Анатолием на свои вечера, а мы его — на свои. И здесь, в Большом зале ЦДЛ, в 2005 году был большой юбилейный вечер Иосифа Раскина, где выступали его друзья, знаменитые люди, Марк Розовский, Валентина Толкунова, Левон Оганезов, Татьяна Рубина, и выступал здесь Анатолий Шамардин со своим ансамблем греческой музыки «Ми-

лос». А в Политехническом Музее у Анатолия Шамардина был сольный концерт, который вел Виктор Балашов, и там выступал Иосиф. И на моих вечерах он выступал. Сейчас я делаю такую книгу об Иосифе Раскине, туда войдут разные интервью с ним, воспоминания его родственников и друзей о нем, стенограммы его видеозаписей, которые я расшифровываю и перекладываю на бумагу, и т. д. Надо сказать, что благодаря Иосифу мы с Анатолием попали в очень хороший круг талантливых людей. А поскольку Иосиф любил частушки, и частушки вообще, и мои в частности, и печатал меня с ними в своей «Энциклопедии...», я вам сейчас несколько своих частушек спою. Это лучше, чем читать их. Хотя я не знаю, как я спою (как это у меня получится).

(Нина Краснова поет частушки своего сочинения, акапельно, с легким притоптыванием и с приплясом.)

Я завлечь его решила,
Юбку маковую сшила,
Он меня увидит в юбке,
Поцелует прямо в губки.

Я ли с мылом не полежу?
Ляжу с мылом, полежу,
Нежно нос ему поглажу,
Нежно в глазки погляжу.

Ох, распустил залетка руки,
Снять с меня пытался брюки,
Целый вечер их сымал,
На брюках мне замок сломал.

Ох, у меня залетка был
По имени Женя.
Я гуляла с Женею,
Попала в положение.

В индийском городе Мадрасе
Меня катали на матрасе.
Как увижу я матрас,
Вспоминаю я Мадрас.

(После каждой частушки — смех в зале, аплодисменты!)

Некоторые думают, что все частушки у меня — автобиографические. Но на самом деле — нет. *(Смех в зале!)* Биографическая частушка у меня, например, вот такая. Про Толю:

Я накрою столик
Для нас с тобою, Толик.
И мы с тобою, Толик,
За этот сядем столик.

(Смех в зале.)

Очень скромная частушка. *(Смех в зале.)*

А вот, например, такая частушка... Она очень нравилась Валерию Золотухину. Он когда услышал ее от меня в моем исполнении на моем авторском вечере, крикнул: «Имя! Имя (героя частушки)!» — требовал, чтобы я назвала имя прототипа. Эта частушка тоже скромная, я считаю. Там нет ненормативной лексики, там вместо нее — эвфемизм, художественный заменитель.

Под Егора-тракториста
Я разов ложила триста.
Неискусный он в речах,
Но у него такой рычаг.

(Смех в зале.)

Ну и, конечно, про Иосифа я тоже сочинила куплеты, и они ему нравились. Ну вот, например, такой:

Иосиф Раскин, а не кто-то —
Король прикола, анекдота,
Литературный хулиган,
И носит он в штанах наган!

(Смех в зале!)

А вот эта мне больше нравится она на таких аллитерациях построена:

Я сочиню частушки Раскину,
Найду для них такие краски, ну-у,
С себя смущенье резко скину,
Объятъя Раскину раскину.

(Смех в зале. Аплодисменты!)

Как я уже сказала, я сейчас делаю книгу об Иосифе, туда войдут воспоминания его друзей о нем, интервью, которые я беру у его родственников, и так далее. Но пока я не могу преподнести Иосифу и вам такой подарок, я хочу сделать такое музыкальное приношение от себя и от Анатолия Шамардина, который теперь тоже на Небесах, как и Иосиф, ушел туда на год раньше Иосифа. Они оба теперь встретились там и, наверное, рассказывают друг другу анекдоты и поют песни. В мир иной ушло уже много наших друзей, но все они и там, и все они и здесь сейчас, с нами.

Итак, музыкальное приношение. «Озорные попевки» — это мои частушки в исполнении Анатолия Шамардина. У него такой нежный, нежнейший голос, тенор. Анатолий вообще-то мастер бельканто, и он все песни поет в стиле бельканто, и даже и частушки. Музыка здесь тоже его, такая нежная, красивая мелодия. Ну а я буду стоять и немножко подпевать ему, как это было и раньше. А на экране вы увидите ролик с фоторядом, его помог сделать наш друг Сергей Тарасов, член Московского общества греков, филэллин и член Союза писателей XXI века.

(Звучит аудиозапись «Озорных частушек» Нины Красновой с мелодией Анатолия Шамардина в его исполнении, а на экране идет фоторяд с фотографиями Анатолия Шамардина, Иосифа Раскина, Нины Красновой и их друзей.)

Крики: «Браво! Браво!». *(Аплодисменты!)*

Спасибо! *(Обращается к залу.)* Вот такой музыкальный подарок с фоторядом и Иосифу Раскину, и всем присутствующим в зале, и всем присутствующим за кулисами. А в фоторяде, вы видели, здесь и Андрей Яхонтов, и Татьяна Рубина, и Илья Шадур, которые выступали перед вами, и Лев Новожёнов, и Евгений Степанов, и Владимир Вишневский, которые сейчас будут выступать. И — главное — здесь Иосиф Раскин! Светлая ему память! Мы его любим, и он — с нами!

(Аплодисменты!)

Вадим ДАБУЖСКИЙ — о Нине КРАСНОВОЙ:

Бабкиной и Кадышевой после Нины Красновой делать нечего. У нее такой настоящий русский голос, настоящий русский фольклор. Нина, спасибо тебе большое! Я просто получил настоящее удовольствие! *(Берет ее за руку, ведет к микрофону. Обращается к зрителям.)* Ну давайте еще поаплодируем Нине Красновой! *(Аплодисменты зала.)* Еще! Еще! Нина, спасибо тебе большое!

(Нина Краснова кланяется зрителям, приседает, как балерина. Вадим Дабужский: «О как!». Аплодисменты зала! Нина Краснова быстро идет за кулисы.)

Вадим ДАБУЖСКИЙ — о Евгении СТЕПАНОВЕ:

Сейчас должен выступить Евгений Степанов. Вы знаете, я когда посмотрел там, в википедии, у него масса званий! Он и член каких-то комитетов и т. д. и т. п. Он президент писательской организации, по-моему, XXI века. У нас сейчас какой век? XXI? *(Смех в зале!)* Вот этого века он президент! *(Смех в зале!)* Но не в этом дело. Я не был с ним знаком (раньше). Он оказался обаятельный, замечательный, ну просто молодой человек. Вы знаете, я прочитал его там... замечательные прочитал его стихи, прочитал его записки типа мемуаров, записные книжки... Одна запись мне особенно понравилась. — Он присутствовал на одном поэтическом собрании, где сказали: «Дорогие поэты, поднимитесь все на сцену!». И вы знаете, ВСЕ из зала (все, кто там сидел) поднялись на сцену! *(Смех в зале!)* Единственный зритель, который остался в зале, это замечательный поэт Евгений Степанов, который сегодня будет на сцене, а вы будете, как зрители, в зале. *(Смех в зале!)*

Итак, Евгений Степанов, замечательный человек, остроумный, обаятельный, не злой, не злой!.. несмотря на то, что он президент, а не просто там кто-то такое... Причем его выбрали президентом не выборщики, а народ!.. *(Вадим поворачивается к Евгению Степанову, спрашивает у него.)* Какой народ?

Евгений СТЕПАНОВ: Российский.

Вадим ДАБУЖСКИЙ *(залу):* Российский народ!

(Смех в зале!)

Итак, поаплодируем! Евгений Степанов!

Евгений СТЕПАНОВ — об Иосифе РАСКИНЕ:

Спасибо, дорогой Вадим, дорогие друзья! Вот жизнь так устроена — всю жизнь делаешь карьеру, стремишься наверх, хочешь стать президентом, издаешь журналы, газеты... Потом наступает время выступать, и говорят: «А сейчас выступит стихотворец, пародист Евгений Степанов». И ничего не получается в этой жизни. Карьеру сделать не удастся, поэтому вот приходится смешить народ по мере возможности. (*Смех в зале.*) Но тем не менее я хочу вспомнить замечательного человека Иосифа Раскина, которого я видел однажды в жизни. Меня с ним познакомил мой друг, поэт Юрий Беликов. Дело в том, что Юрий Беликов делает интервью с известными людьми. И вот он сделал интервью с Иосифом Раскиным и предложил мне это интервью в один из моих журналов, в частности, в журнал «Дети Ра», который полностью посвящен поэзии. Юра Беликов, человек такой энергичный, настойчивый, сказал: «Ничего, что твой журнал посвящен поэзии. Интервью с Раскиным ты все равно напечатаешь». Я, как человек слабохарактерный, мягкий, подчиняюсь народу и, естественно, согласился, опубликовал. А потом Юра выступал в Москве в Булгаковском доме и пригласил меня туда, и там я познакомился с Иосифом Раскиным. А нужно сказать, что до этого я, конечно, с большим каким-то пиететом, с восторгом и радостью прочитал книгу Иосифа «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса». И эта книга меня потрясла — и своей ненормативной лексикой, и своей жизненностью, и своей какой-то такой открытостью, непричесанностью, если можно так сказать... И каково же было мое удивление, когда я стал разговаривать с Иосифом Захаровичем. Это оказался супер какой-то интеллигентный, невероятно трогательный, доброжелательный человек. И он меня потряс своими познаниями в области поэзии. Он начал мне читать что-то из Ахматовой, Цветаевой, какие-то стихи, которых я даже не знал, я, который всю жизнь издает поэтов. То есть это оказался доброжелательный, начитанный, культур-

ный человек. И ни разу я от него не услышал ни одного ненормативного слова. И меня это так потрясло, что вот действительно такой человек, и такой талантливый, такой яркий и такой замечательный. Его очень не хватает.

Сейчас, с вашего позволения, я прочту несколько своих пародий.

Цитата из замечательного поэта Владимира Кострова:

«Так надо ли стремиться на Парнас
Или расчету сдаться на поруки.
Туда, куда не долетел Пегас,
Вползет упрямый крокодил науки».

Это написал **Владимир Андреевич Костров**. А пародия называется «**КРОКОДИЛ НАУКИ**» и звучит так:

Они давно забыли страх и стыд,
Ученые, законченные злюки.
Но никогда поэта не схарчит
Зубастый хищник — крокодил науки.

Учебники — вот ереси оплот,
Ученые доводят нас до краха.
Зато как замечательно поет
Поэзии божественная птаха!

(Аплодисменты!)

Другая пародия. Цитата из **Кирилла Владимировича Ковальджи**, тоже прекрасного поэта, моего близкого товарища:

«Поэты вручают друг другу премии,
Потом гурьбою идут на фуршет...
Есть южное море, есть ветер времени,
небо есть,
а читателей нет...»

Пародия называется «ЧИТАТЕЛЬ».

Суть времени стала другою едва ли.
И путь у поэтов, как прежде, тернист.
Но раньше поэтов хотя бы читали.
Теперь же читатель один — пародист.

(Смех в зале! Аплодисменты!)

А вот, прошу прощения, такое политическое стихотворение. Если меня арестуют сегодня в зале, то прошу потом взять меня на поруки. Есть такой замечательный поэт, автор журнала «Знамя», автор многочисленных книг, которые, в частности, выходят в издательстве «Время», по совместительству он — министр в правительстве Дмитрия Медведева. Это поэт **Алексей Улюкаев**. Вот он однажды написал такое стихотворение:

Играй, музыка, во флагштоках,
Пусть музыканты музыкантят,
Когда смываются с урока,
Ни Гегеля не сдав, ни Канта.

Пародия называется «ПУСТЬ»:

Пусть птички певчие белькантят,
Коровы жирные мычат,
Пусть музыканты музыкантят,
Но пусть бездарности молчат.

Пусть экономика в упадке,
В экранах много чепухи,
Но как же тошнотворно гадки
Иных чиновников стихи.

(Смех в зале! Аплодисменты!)

Есть великий поэт. Этому поэту я недавно сделал сайт. Наша фирма, вернее, сделала, которую я возглавляю, сайт персональный. Великий наш поэт **Евгений Александрович Евтушенко**, он однажды написал такие стихи, с присущей ему скромностью:

«Никакой во мне порок
не сказался,
ибо божий ветерок
лба касался»

Пародия называется «СКРОМНОСТЬ»:

Рифмой звонкою звеня,
я иду по жизни.
Нет пороков у меня,
есть любовь к Отчизне.

Никогда я не грешу,
бесов зля треклятых.
И о Родине пишу,
проживая в Штатах.

Я, конечно, не простак.
Я пишу о многом.
Что тут скажешь? Это так —
Я отмечен Богом.

(Смех в зале! Аплодисменты!)

Спасибо, дорогие друзья!

(Аплодисменты!)

9.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — о Льве НОВОЖЁНОВЕ:

Помню, в начале 90-х я пригласил заместителя главного редактора «Московского комсомольца» Льва Новожёнова поехать заработать деньги в Узбекистан, выступить на праздновании корейского Нового года. По дороге на концерт машина, в которой ехал Лёва, попала в ДТП. Говорят, что у людей, которые попадали в такого рода переделки, открывались совершенно неожиданные таланты. Одни люди становились ясновидящими, другие получали дар лечить людей и так далее. Приведу конкретный пример. Композитор Сергей Прокофьев в 9 лет упал на даче со второго этажа. Уже на следующий день он написал две оперы «Великан» и «На пустынных островах». Вы представляете? Мало того, он обнаружил знание всех шахматных фигур и умение успешно играть в шахматы. Лев Новоженев после ДТП не стал писать оперу. А в шахматы он играл и до этого. Просто на следующий день после ДТП ему позвонили из Москвы и пригласили его на телевидение. И тут у Льва Новожёнова открылся талант выдающего телевизионного деятеля. Появились на НТВ «Времечко», «Сегоднячко», «Старый телевизор», да всех передач не перечислишь.

Итак, я хочу представить писателя, журналиста, легенду Российского телевидения — Льва Новожёнова! Пожалуйста, аплодисменты!

(Аплодисменты!)

**Лев НОВОЖЁНОВ — об Иосифе РАСКИНЕ (и в связи с ним
о Юзе АЛЕШКОВСКОМ, Дмитрие ДИБРОВЕ и т. д.):**

Спасибо большое за Ваши аплодисменты, пока еще мной не заслуженные, потому что я ничего еще не сказал.

Меня спрашивают часто, в фейсбуке особенно, ругаюсь ли я матом. И я честно отвечаю, что, конечно, ругаюсь. Тем более,

что и наш президент тоже признался как-то, что он иногда себе это позволяет. Ругаюсь я обычно в стрессовых таких ситуациях, на работе, а телевизионная работа — она несет много стрессов, это как на стройке. Но странная такая вещь. Я не люблю, когда другие ругаются матом. (*Смех в зале! Аплодисменты!*) Вот я сам курю, но ненавижу, когда в комнате накурено. Понимаете? Но сам курю с удовольствием. То же самое относится и к нецензурной лексике. Но есть и исключения, есть исключения. Здесь уже было названо имя знаменитого Баркова. Этих людей не так много. В этом ряду стоит, например, Юз Алешковский. Поминали здесь цэдээловский фольклор. О Юзе Алешковском с его матом, с нецензурной лексикой тоже ходит много всякого рода анекдотов. Ну, приведу только один из них. Приходит вечером в ЦДЛ в тот самый Пестрый зал, где писатели выпивают, курят и, естественно, ругаются матом, но активнее всех это делает, конечно, Юз Алешковский. Приходит туда Борис Ласкин, знаменитый советский поэт, автор многих сценариев, многих песен, в частности, песни, я просто напоминаю, «Три танкиста, три веселых друга», и возмущенно говорит: «Вот целый день работаешь, устанешь, приходишь в свой родной дом, чтобы отдохнуть, а здесь мат-перемат». А Юз Алешковский ему говорит: «А что ты, бл.дь, такого сделал, что ты так устал?» (*Смех в зале!*)

В этом ряду людей, которые делали это виртуозно и просто возводили это в ранг искусства, конечно, входит Иосиф Захарович Раскин. У меня с Иосифом Захаровичем была связана одна профессиональная неприятность. Ну, немножко предыстории, связанной с этой неприятностью. Известный вам Дмитрий Алексаныч Дибров, мой близкий друг, после скитаний по разным телеканалам, пришел на НТВ. Леонид Геннадиевич Парфенов позвонил мне и, к моему удивлению, пригласил меня в ресторан, чего никогда раньше не делал, пригласил в хороший ресторан. Приезжаю я туда, там за столом сидит Дибров и Парфенов, ну, на столе дорогое вино, закуска... У Парфенова корпоративная карточка, которая позволяет ему тратить не свои

деньги, а деньги канала. *(Смех в зале!)* Все очень интеллигентно. *(Смех в зале!)* И Парфенов мне говорит: «Лев Ефимыч, у вас столько программ, да? А у Диброва ни одной программы нет. У вас там и "Сегоднячко", и "Времячко", и, значит, "Старый телевизор". "Сегоднячко" выходит пять раз в день. Уступите свое место в программе "Старый телевизор" Диброву». Ну, я наступил, значит, на горло своей ревности, тем более, что, конечно, Дибров мне близкий друг. Говорю: «Конечно. Пусть Дибров берет себе "Старый телевизор"». Ну вот, идет эта программа, идет она, там, месяц, другой. Я ее не смотрю, потому что у меня нет времени ее смотреть. Дибров — профессиональный ведущий. Вдруг — звонок! Звонит мне секретарь Олега Борисовича Добродеева, Генерального директора канала НТВ, сейчас Добродеев вообще где-то за облаками, руководит практически всем российским телевидением. Секретарь говорит мне: «Вас вызывает к себе Добродеев». А Добродеев очень редко это делает. Наоборот, его нужно искать, а чтобы он тебя искал... это бывает очень редко. Прихожу я к нему и не знаю, чего вообще ожидать... да. И Добродеев мне говорит: «Лев Ефимыч, что там у себя себе позволяет Дибров? Кого он вообще туда к себе пригласил? Передача дневная, ее смотрят домохозяйки, дети, а там какой-то мужик, которого я не знаю, и вообще понятия о нем не имею, ругается матом. *(Смех в зале!)* Вы, — говорит Добродеев, — наведите там порядок. Давайте присмотрите за Дибровым». И я оказался в таком сложном положении... Потому что, во-первых, Дибров — мой друг. Потом — он суперпрофессиональный ведущий, интеллигент в 25-м поколении, декан факультета журналистики... в Ростове... брат у Диброва — тоже там что-то такое (очень ответственное лицо). Ну а что мне делать? Приказ начальства надо выполнять. А у меня такой принцип: я считаю, что искусство руководить заключается в том, чтобы руководить как можно меньше, минимально. Я — не Путин, который всем руководит. *(Смех в зале.)* В общем, я не из поколения типа Трампа... *(Смех в зале.)* Но приказ на-

чальника надо выполнять. Я собрал летучку и сказал: «Дим, я не буду вмешиваться в твои дела. Если у тебя будут вопросы, обращай ко мне». Тем этот инцидент, собственно говоря, и закончился.

А теперь я позволю себе прочитать свое произведение, прозаическое. Я вообще когда его читаю, у меня слезы иногда наворачиваются на глаза. Но вы попробуйте себя сдержать и не плакать.

(Лев Новожёнов читает свое произведение, вот несколько цитат оттуда: «Наши скромные автомобили, неброские, как сама русская природа... Наши плохо одетые менты, которые ни в горящую избу, ни тем более коня на скаку... Родина-мать, мать-героиня, мать-одиночка и та самая мать, к которой тебя постоянно посылают, но к которой ты никогда не идешь... Иван Грозный, убивающий своего сына в Третьяковской галерее... Наши дети, выросшие на алиментах... Наши знаменитые на всю Европу отхожие места... Очереди в травмпункты... Матерок грузчиков у булочкой, привезших хлеб... О Русь моя! О жизнь, любовь моя!»)

(Аплодисменты!)

Но чтобы вы не думали, что я привираю что-то, посмотрите фрагмент интервью Дмитрия Диброва с Иосифом Раскиным. Это для меня сюрприз, который подготовили организаторы вечера. Я думал, что это интервью давно затерялось в старых архивах. Итак, «Старый телевизор», Дмитрий Дибров и Иосиф Захарович Раскин!

(На экране идет фрагмент интервью Иосифа Раскина и Дмитрия Диброва.)

Иосиф Раскин: «Я торговал книгами в подземных переходах 30 лет, больше половины жизни. Если бы этого не было, не было бы и моей «Энциклопедии хулиганствующего ортодокса». Я первый в Москве начал торговать книгами, как никто... Анекдоты были всегда...»)

(Аплодисменты зала!)

10.

**Вадим ДАБУЖСКИЙ — музыкальное приношение Иосифу
РАСКИНУ и всем гостям и участникам вечера.**

(Вадим Дабужский читает свои куплеты, и частушку, которая звучит так.)

Когда были хлеб и щи,
Были мы — товарищи.
Ну а кончилась еда,
Стали все мы — господа.

С чем я вас и поздравляю!

(Аплодисменты зала!)

А вот это никогда не исполнялось.

Вадим Дабужский играет на рояле и исполняет свою песню, перефраз песни из репертуара Эдиты Пьехи «Как теперь не веселиться/ И грустить от разных бед?/ В нашем доме поселился/ Замечательный сосед».)

Как, друзья, не удивиться
От неожиданных нам побед?
В Белом Доме поселился
В среду рыжий президент.

Он имеет небоскребы,
У него капуста есть.
Мы надеемся, сумеем
Вместе с ним пуд соли съесть.

А теперь поем все вместе:

Трамп, Трамп,
Тара-рара, Трамп-пам,
Тара-рара, Трамп-пам,
Тара-рара, ра-а.
Ра-ра, ра-ра,
Трамп, Трамп,
Тара-рара, Трамп-пам,
Тара-рара, ра-а...

И т. д.,

(Смех в зале! Аплодисменты! Крики: «Браво!»)

Вы знаете, я даже подумал, представил себе, что вот ему задали вопрос: «Почему ты хочешь быть президентом? У нас есть черный президент. А че ты полез в президенты?» — А он: «А что, я рыжий, что ли?».

(Смех зала! Аплодисменты!)

Тогда еще одно. У Иосифа есть последователи. Правда, их немного. Среди них — суперпопулярный Шнуров Серега. Сейчас я поудобнее сяду, чтобы вы меня слышали все.

(Вадим Дабужский садится за роялем поудобнее и исполняет свои куплеты про Серегу Шнурова, от его лица.)

Зовут меня Серега. Я шоумен от Бога.
Ученые напишут об этом реферат.
Я со своим джаз-бендом давно являюсь брендом.
На выставке, где тренды, я — главный экспонат.

На сцене и певица у Шнура матерится.
Вот Дума и грозитя: «Закроем твой формат!»
Ну если вам хочется, не буду материться.
Тогда и шахматистам вы запретите мат.

То, что деньги я люблю, не скрою,
А это пресса сразу просекла.
Но на концерте этою весною
Вышел я, в чем мама родила.

И т. д.

(Аплодисменты зала! Смех!)

Вадим Дабужский обращается к зрителям: «Ну так спеть вам такой жестокий романс? Нет?» — Публика: «Да!». Вадим Дабужский поет про телеведущего Соловьева, на мотив романса «Белой акации гроздьга душистые», о том, как «Соловьев пел соловьем», сначала обвиняя Васильеву в воровстве, а потом защищая ее и говоря, что ее просто опорочили.)

Год или два Соловьев нам насвистывал.
Уши развесив, смотрела страна
Про прохиндея товарищ Васильеву,
Сколько бобла своровала она.

...Мы всей страной возмущались неистово,
Пусть наказание получит за все.
Но оказалась белой, пушистою,
Мол, опорочили просто ее.

И т. д.

(Аплодисменты!)

А вот знаете, еще есть такой у нас певец. Я попробую спеть от его лица.

(Вадим Дабужский поет от его лица.)

О боже, мама, я в России знаменит
Гораздо больше, чем в Америке...

Могу собрать на стадионах я аншлаг
Гораздо больше, чем футбольный клуб «Спартак»!

Консерваторий не кончал Егор,
А кто закончил — без работы до сих пор.

(Смех зала! Аплодисменты!)

(Затем Вадим Дабужский исполняет свои куплеты на мотив песни из репертуара Эдиты Пьехи и Анны Герман «А песни довольно одной».)

А песни довольно одной,
И можно пять лет ей кормиться.

(Смех зала! Аплодисменты!)

(Вадим Дабужский обращается к зрителям: «Не надоело вам (меня слушать?» — Крики из зала: «Нет! Не надоело!» — «Тогда вот вам еще такая песенка. Исполняет песенку про то, как он прижал девушку к груди, а у нее там оказался селикон.

Аплодисменты зала! Смех!

Затем Вадим Дабужский исполняет свои куплеты на мотив известной песни «Сердцу хочется ласковой песни/ И хорошей, большой любви».)

С той поры, с как мы ушли с женой с работы,
Жить на пенсию теперь пришла пора...

...Сердцу хочется ласковой пенсии
И хорошей большой еды.

(Аплодисменты! Затем Вадим Дабужский исполняет свои куплеты на мотив известной песни «Черноглазая казачка».)

Черноглаза казачка
Подковала мне коня,
Серебро с меня спросила...

...Как зовут тебя, молодка?
А молодка говорит:
«Я вам вовсе не молодка,
Я Ванюша-трансвестит!»

(Крики из зала: «Браво!» Смех! Аплодисменты!)

А теперь мне хочется вспомнить пародию, которую очень любил Иосиф. И вы знаете, почему я ее вспомнил? Потому что на днях Раймонд Паулс выступал.

(Вадим Дабужский играет на рояле одну из мелодий Раймонда Паулса и смешно пародирует Раймонда Паулса своей мимикой и жестами.)

Аплодисменты зала! Зрительницы дарят Вадим Дабужскому пакеты с подарками, от детского сада, куда ходил Вадим Дабужский, когда был маленьким. И говорят ему: «От всего сердца!»)

Браво, девочки! Спасибо!
(Аплодисменты!)

11.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — о Владимире ВИШНЕВСКОМ:

(Вадим Дабужский заглядывает за кулисы: «Вишневецкий здесь?». Владимир Вишневецкий приехал на вечер памяти Иосифа Раскина издалека, из Подмосковья.)

Ну, дорогие друзья, сейчас вас ждет встреча с изумительным, замечательным человеком. Сейчас перед вами выступит поэт Владимир Вишневецкий! Ну, давайте поаплодируем ему!

(Аплодисменты!)

Владимир Вишневский прославился своими одностиишиями. Что такое одностиишие, Володя? Это рациональное использование бумаги, а рационально используя бумагу, мы сохраняем деревья, бережем природные ресурсы. Сколько лесопарков обязаны своим существованием Владимиру Вишневскому! За что спасибо Владимиру Вишневскому скажут наши потомки! Итак, киноартист, шоумен, самый цитируемый поэт России Владимир Вишневский!

(Аплодисменты!)

Владимир ВИШНЕВСКИЙ — об Иосифе РАСКИНЕ*:

Спасибо, друзья. Поскольку здесь уже много хорошего было и еще много хорошего вас ждет, я сокращу свое выступление... всего до 40 минут... (Смех в зале!) Потому что трудно не сказать всего, что ты хочешь сказать сегодня. Я вот смотрю и слушаю, какие хорошие и разные люди пришли сюда... И это касается не только зала, но и сцены. Пришли помянуть яркого, колоритного, самобытного человека московского, Иосифа Захаровича Раскина. Это я говорю без всякого юбилейно-панихидного преувеличения... Но, действительно — очень яркий он человек, самобытный... (...)

Пусть такие вечера станут традиционными... (...)

Знаете, мне хочется грустное стихотворение прочитать... О таком же *насущном*, как Жизнь, — о Смерти. Написано оно на сегодняшнем языке, которым уже и мы с вами начали разговаривать... И оно к каждому из нас, как мне наивно кажется, относится...

Итак, это будет не короткий эпитаф:

* По просьбе Владимира Вишневского, стенограмма его выступления на вечере Иосифа Раскина была мною для книги сокращена и дается в сокращенном варианте с уточнениями, внесенными Владимиром Вишневским. — Н. К. 14.07.2017.

Но ведь придется ж как-то умирать...
А что на вырост это проиграть,
На упреждение это проиграть
По-режиссерски чисто, не кошмарясь,
Как если б из реальности изъять

Короткое, понятно, название:

РЕАЛЬНЫЙ СТИШОК

И короткий, не длиннее эпиграфа, текст:

Еще в сознании лежу,
Ага, реально догораю,
Слит жизнью, устарев морально,
И лишь одним себя грузу:
Не тем, что тупо умираю,
А тем, что стольких подвожу.

(Аплодисменты!)

(...)

Я еще не сказал, что у Иосифа Захаровича есть замечательный, толковый и красивый сын! Дай Бог ему удачи! Это тоже наследие Иосифа Захаровича. И это тоже о многом говорит.

(Аплодисменты! Крики: «Браво, браво!»)

12.

(На экране — еще один фрагмент интервью Дмитрия Диброва с Иосифом Раскиным. Здесь же досье Иосифа Раскина. Иосиф Раскин говорит об одной своей читательнице, которая не смеялась, а плакала над его книгой «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса», читательница сказала ему: «Я всю ночь проплакала над вашей книгой. Я поняла, в каком дерьме мы живем».)

(Аплодисменты зала!)

Вадим ДАБУЖСКИЙ — об Иосифе РАСКИНЕ:

Какой удивительный, обаятельный, органичный, остроумный! Давайте поаплодируем еще раз замечательному Иосифу Раскину, блестящему рассказчику, изумительному человеку!

(Аплодисменты!)

13.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — о Евгении ВАЛОВЕ:

А сейчас мне хочется предоставить слово близкому другу Иосифа Раскина Евгению Валову! Под ваши аплодисменты!

(Аплодисменты!)

Евгений ВАЛОВ — об Иосифе РАСКИНЕ:

Добрый вечер. Вадим Анатольевич, конечно, преувеличил, представляя меня, поскольку я — не поэт и, может быть, и не близкий друг Иосифа Захаровича Раскина.

Вадим ДАБУЖСКИЙ (*реплика*): «А как тогда Вы оказались здесь? Вы просто шли мимо и зашли сюда, да?» (*Смех в зале.*)

Но нас с Иосифом Захаровичем связывали хорошие отношения. И, если вы помните фильм «Новые приключения неуловимых»... У Бубы Касторского, о котором уже шла речь сегодня, не оказалось общих родственников с белогвардейским полковником Кудасовым. А вот мы с Иосифом Захаровичем обнаружили, что у нас есть общие родственники. И вот Таня Рубина не даст мне соврать, поскольку это и ее родственники.

Я хотел бы обратить внимание собравшихся на одну из заслуг Иосифа Захаровича. Он впервые опубликовал у себя в «Энциклопедии...» шедевр Наума Коржавина «Баллада об историческом недосыпе». За ней охотились многие, но текст этой баллады в полном объеме был недоступен. До тех пор, пока она не вышла

у Иосифа Захаровича. Я в прошлом году на первом мемориальном вечере Иосифа Захаровича напомнил об этом и исполнил это произведение. Полное наименование — «Памяти Герцена. Баллада об историческом недосыпе по одноименному произведению Владимира Ильича Ленина».

(Евгений Валов читает балладу Наума Коржавина «Памяти Герцена»:

Любовь к добру разбередила сердце им.

А Герцен спал, не ведая про зло.

Но декабристы разбудили Герцена,

Он недоспал. Отсюда все пошло.

.....

Какая с.ка разбудила Ленина?

Кому мешало, что ребенок спит?

.....

Ах, декабристы, не будите Герцена.

Нельзя в России никого будить.)

Спасибо.

(Аплодисменты!)

14.

Вадим ДАБУЖСКИЙ — о Татьяне РУБИНОЙ:

Дорогие друзья! Когда Иосиф бывал в гостях у своей племянницы Татьяны Рубиной, обычно «на посошок» он просил ее исполнить удивительную мелодию Арно Бабаджаняна «Твои следы». И мы попросим Таню, чтобы в завершение вечера прозвучала эта мелодия.

(Татьяна Рубина выходит на сцену и исполняет на рояле мелодию Арно Бабаджаняна «Твои следы». Из зала крики: «Браво! Браво! Браво!». Аплодисменты!)

Какой изумительный музыкант — Татьяна Рубина. Вы обратили внимание, как звучит у Тани рояль? Великолепная пианистка! Это гордость нашей России! Татьяна! Мы тебя все очень любим!

Дорогие друзья! Эта песня называется «Твои следы». Я думаю, что Иосиф оставил свои следы в каждом человеке, который когда-нибудь с ним соприкасался.

Иосиф в памяти у нас!
Он, как живой, здесь и сейчас!
Неизгладимый оптимист,
Гусар по жизни и артист!

Спасибо, что вы провели с нами этот вечер памяти Иосифа Раскина!

(Аплодисменты, овации зала!)

Материал

***(с расшифровкой видеозаписи вечера Иосифа Раскина)
подготовила Нина КРАСНОВА***

11–13, 18–22, 25 декабря 2016 г.,

посл. вычитка 19 июля 2017 г. и 6 августа 2018 г.,

Москва

Нина Краснова (Николай Фонарёв)

ИОСИФ РАСКИН ОСТАНЕТСЯ В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

В Пестром кафе Центрального Дома литераторов состоялся вечер памяти Иосифа Раскина, «хулиганствующего ортодокса», который ушел в мир иной два года назад, но никуда не ушел из нашей жизни, как и его книги. Ведущий вечера, сын Иосифа **Михаил Раскин**, приветствуя всех, кто был в зале, сказал: *«Здесь собрались дорогие Иосифу люди, которые знали его и дружили с ним».*

Писатель, драматург **Андрей Яхонтов** обратился ко всем с такими словами: *«Для нас уже стало традицией собираться здесь раз в год. Это хорошая традиция. И у нас здесь не вечер памяти, а вечер веселых воспоминаний об Иосифе, у которого было потрясающее чувство юмора. Иосифу очень повезло с сыном, который всегда помогал ему во всем, и помогал ему выпускать книги, и который и сейчас помогает ему, заботится об увековечивании его памяти».*

Поэт **Владимир Вишневский**, стихи которого Иосиф печатал в своих «энциклопедиях», охарактеризовал Иосифа как *«человека, полного чудачеств»* и как *«яркую приметку московского колорита»*, без которого нельзя представить себе Москву 70-х — 2000-х годов, как и Пестрое кафе, завсегдатаем которого был Иосиф и которое было для него местом встреч с интересными людьми. И прочитал стихи Леонида Зорина об отцах, которые *«нас так любили»* и без которых мы теперь живем: *«А они когда-то были./ А они нас так любили./ И мы тоже их любили,/ А теперь без них живем».*

Артист, куплетист, пародист, бард **Вадим Дабужский**, отметив, что Иосиф был поклонником прекрасного пола, спел дифирамб родственницам Иосифа — его племяннице Татьяне Рубиной и жене Михаила Раскина Габриэлле, которые укра-

шали собой жизнь Иосифа и украшают вечер воспоминаний об Иосифе.

Татьяна Рубина, пианистка, народная артистка России, затронула тему музыкальных пристрастий Иосифа, своего дяди, сказала, что он был музыкально развитым и музыкально одаренным человеком, у него был хороший слух и хороший вокальный голос, баритон. Иосиф пел в военном ансамбле, когда служил в армии. И всегда любил петь. Он любил эстрадные песни, особенно «Следы» Арно Бабаджаняна, любил и «Мурку», но любил и пьесы Шопена, концерты Рахманинова, Баха и всегда приглашал Татьяну на свои творческие вечера, чтобы она сыграла на рояле серьезные классические сочинения, а также «Следы»...

Поэт **Илья Шадур**, муж Татьяны Рубиной, заявил, что Иосиф был человеком вольного поведения и вольных взглядов и что Татьяна не всегда одобряла его поведение и его взгляды и нередко критиковала его за них и выступала в роли его воспитательницы, и он говорил ей: *«Мне иногда кажется, что не ты моя племянница, а я твой племянник»*. *«Иосиф был очень живым человеком, и он и сейчас остается для всех нас живым, и он сейчас здесь, с нами, и радуется этому»*.

Родственник Раскиных **Вячеслав Филиппов** рассказал смешную историю о том, как Иосиф привел компанию своих друзей в ресторан, занял там столы для них, а администратор сказал ему, что это столы для членов посольства, а Иосиф, не моргнув глазом, сказал: «А мы и есть из посольства». — «Откуда?» — «Из Мозамбика!». — Администратор поверил ему на слово, таква была сила внушения Иосифа, которой он обладал.

Поэт и издатель **Евгений Степанов** сообщил о том, что «Вест-Консалтинг» сделал в интернете персональный сайт Иосифа Раскина: *«Мы уже поместили туда книгу Иосифа "Энциклопедия хулиганствующего ортодокса", сделали страницы юмора с хулиганскими частушками Нины Красновой, с моими пародиями на стихи современных поэтов, с сочинениями классиков нашего отечественного юмора Теффи, Зоценко и Аверченко...»*.

Поэтесса **Нина Краснова** отчиталась о том, как у нее идет работа над книгой об Иосифе Раскине: *«Книга уже почти готова, материалов для нее — уже больше нужного, осталось смонтировать и сверстать ее. Но может быть, перед тем как выпускать книгу, я сделаю тематический номер альманаха "Эолова арфа", посвященный Иосифу Раскину, сокращенный вариант книги».*

Выступили также журналистка **Елена Алексеева**, телередактор **Раиса Симонова** и т. д. Все говорили, что Иосиф умел находить язык с людьми всех социальных слоев, от министров до дворников, и что он — поистине народный писатель, коллекционер фольклора (анекдотов, баек, частушек, афоризмов, крылатых выражений), хранитель всех форм русского языка, в том числе и ненормативной лексики как части «великого, могучего, правдивого и свободного» русского языка, близкий народу и любимый народом. И что он останется в истории литературы. За это все и выпили*.

25 июня 2017 г.,

Москва, Перово

Р. С.

11 ноября 2017 года встретились в ЦДЛе, в родных стенах, и по сложившейся традиции отметили в ресторане день рождения Иосифа Раскина: сын Иосифа **Михаил Раскин** со своей женой **Габи**, **Андрей Яхонтов**, **Евгений Степанов**, **Татьяна Рубина**, **Илья Шадур**, **Борис Свободин** (**Бурляев**), **Раиса Симонова** и я, автор этих строк, **Нина Краснова**. И помянули незабвенного «хулиганствующего ортодокса» и подняли фужеры за книгу о нем, за вот эту самую, которая тогда готовилась для издания и которую теперь можно подержать в руках, полистать и почитать. — *Н. К.* 2018 г.

* Эта статья Нины Красновой — под псевдонимом **Николай Фонарёв** и под названием «Посол из Мозамбика» — была, с маленькими сокращениями, напечатана в Экслибрисе «Независимой газеты» 29 июня 2017 года. А в газете **Евгения Степанова** «Поэтоград» № 28 (285) 2017 года она была напечатана без сокращений, под названием «Иосиф Раскин: новая жизнь».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Андрей ЯХОНТОВ

О ХУЛИГАНСТВУЮЩЕМ ИОСИФЕ РАСКИНЕ, знаменитом
«Клубе «12 стульев» «Литературной газеты», Бенедикте
Сарнове и Марлене Кораллове..... 5

Нина КРАСНОВА

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ..... 23

Часть I.

1. БИОГРАФИЯ

БИОГРАФИЯ ИОСИФА РАСКИНА В ДВУХ СТРОКАХ.. 25

ДОСЬЕ 26

2. БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ИОСИФА РАСКИНА 27

3. ИНТЕРВЬЮ ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ

С РОДСТВЕННИКАМИ И ДРУЗЬЯМИ ИОСИФА

ИОСИФ РАСКИН: «ВОТ ТАКОЕ Я ГОВНО...»

(Интервью Нины Красновой с Татьяной Рубиной и Ильей

Шадуром, на даче в Петелино 15 июля 2016 г.) 29

**ИОСИФ РАСКИН: «МОЙ СЫН МИША — НЕ ПРОСТО
МОЙ СЫН, ОН ЕЩЕ И МОЙ ДРУГ...»**

*(Интервью Нины Красновой с Михаилом Раскиным, сыном
Иосифа Раскина, 22 августа 2016 года, Москва) 67*

**АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН: «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО ОРТОДОКСА» СДЕЛАЕТ
ИОСИФА РАСКИНА БЕССМЕРТНЫМ!..»**

*(Отрывки из интервью Нины Красновой с Анатолием
Шамардиным, 2002, 2007 гг.) 95*

**4. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ ЕГО
ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ**

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

«...ЖИВЫМ И ТОЛЬКО — ДО КОНЦА» 99

Евгений ДАНИЛОВ

А В ЧЕМ СЕКРЕТ ГЛАСНОСТИ? 102

Нина КРАСНОВА

ИОСИФ РАСКИН: «НИНА! НЕ БРОСАЙ ТОЛЮ...» 108

Валерий ЛОБАНОВ

«КАКАЯ ...БЛЯ, БЛЯ!» 135

Евгений СТЕПАНОВ,

ИОСИФ РАСКИН — ЧЕЛОВЕК-КНИГА 136

5. СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИОСИФУ РАСКИНУ

Вадим ДАБУЖСКИЙ

Иосифу Раскину («Иосифу большой респект...») 137

Экспромт («Иосиф в памяти у нас!..») 138

Левон ОГАНЕЗОВ

**Поздравление Иосифу Раскину с 70-летием («Пишет о народе
наш товарищ Раскин...») 138**

<i>Нина КРАСНОВА</i>	
Про Иосифа Раскина (триптих, частушки-куплеты).....	139
Эпитафия Иосифу Раскину	140

<i>Илья ШАДУР</i>	
На получение книги Иосифа Раскина «Энциклопедия хулиганствующего ортодокса»	141
Эпитафия Иосифу Раскину	142

<i>Борис СЛОБОДИН</i>	
Иосифу Раскину («Жизнь без него обыденны, ничтожна...») 142	
Душа (перевод из Дж. Байрона)	143

<i>Неизвестный автор</i>	
На смерть Иосифа Раскина («В такой беде я не могу помочь...»).....	144

6. ИНТЕРВЬЮ С ИОСИФОМ РАСКИНЫМ (пресса)

<i>Григорий ПРУСЛИН</i>	
ИОСИФ РАСКИН: «МАМОЙ КЛЯНУСЬ!» (Газета «Неделя», 1997 г.).....	147

<i>Елена АЛЕКСЕЕВА</i>	
СТОЛИЧНЫЙ ВИТАМИН (Газета «Настоящее время», январь 1999 г.)	156

<i>Елена АЛЕКСЕЕВА,</i>	
ХУЛИГАН (Газета «Настоящее время», январь 1999 г.)	159

**7. ИНТЕРВЬЮ ДМИТРИЯ ДИБРОВА С ИОСИФОМ
РАСКИНЫМ на ТВ, 1999 г.**

Дмитрий ДИБРОВ

**ОТКРОВЕНИЯ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО ОРТОДОКСА
ИОСИФА РАСКИНА**

*(ТВ, «Старый телевизор», 1999 год, расшифровка и
редактирование Нины Красновой с видеодиска, 2016 г.) . . . 168*

**8. ИОСИФ РАСКИН — КНИГОНОША
(Характеристики Иосифу Раскину и приказы,
1961, 1966–1967, 1980 гг.)**

ХАРАКТЕРИСТИКА Иосифа Раскина 1961 г. 188

ПРИКАЗЫ магазинов 1966-1976 гг. 189

ХАРАКТЕРИСТИКА Иосифа Раскина 1980 г. 193

**9. ПРЕДИСЛОВИЕ ИОСИФА РАСКИНА К
«ЭНЦИКЛОПЕДИИ ХУЛИГАНСТВУЮЩЕГО
ОРТОДОКСА»195**

**10. ПРИЕМ ИОСИФА РАСКИНА В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
МОСКВЫ, 2000 г.**

Рекомендация Бориса Сарнова, 25 октября 2000 г. 199

Рекомендация от Марлена Кораллова, 1 ноября 2000 г. . . . 200

Постановление Союза писателей Москвы о принятии
Иосифа Раскина, за подписью Риммы Казаковой,
1 ноября 2000 г. 202

Часть II.

1. ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛИСТОВ С ИОСИФОМ РАСКИНЫМ (радио и пресса)

Андрей МОРОЗОВ

**ОДНИ МАТОМ РУГАЮТСЯ, ДРУГИЕ
РАЗГОВАРИВАЮТ ИМ**

(«Персона», №№ 50, 51, ноябрь 1999 г., «Слово», № 76, 2000 г.;
«Литература», 16 января 2010 г.) 203

Олег КУСОВ, Олег КУШАТЫ

ИОСИФ РАСКИН О ГРУЗИИ

(Радио «Свобода», 4 февраля 2003 г.) 210

Олег КУШАТЫ

ИРОНИЧНЫЙ ИОСИФ РАСКИН

(Радио «Вестник Кавказа», 26 ноября 2009 г.) 220

2. ИОСИФ РАСКИН — О ТОМ О СЕМ (в Интернете)

ИОСИФ РАСКИН — ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ 223

ИОСИФ РАСКИН — О ЮРИИ НИКУЛИНЕ 223

ИОСИФ РАСКИН — О ПОЛЬЗЕ ДИЕТ 224

ИОСИФ РАСКИН — О МОРАЛИ И РЕЛИГИИ 225

3. ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА С УЧАСТИЕМ ИОСИФА РАСКИНА, 2005, 2006, 2009 гг.

(стенографические репортажи Нины Красновой)

**ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР ИОСИФА РАСКИНА в Большом зале
ЦДЛ, 11 ноября 2005 года**

(Стенографический репортаж Нины Красновой)

Вступительная часть вечера 227

Иосиф Раскин и певица Марина Лиела	229
Иосиф Раскин и конференсье Лев Шимелов	230
Иосиф Раскин и руководитель группы «Браво» Евгений Хафтан	232
Иосиф Раскин и скульптор Григорий Потоцкий.	234
Иосиф Раскин и издатели «Энциклопедии хулиганствующего ортодокса».	235
Иосиф Раскин и детский грузинский танцевальный ансамбль «Кавкасион»	236
Иосиф Раскин и певица Валентина Толкунова	237
Иосиф Раскин и журналист-международник Генрих Боровик	239
Иосиф Раскин и пианист Левон Оганезов	241
Иосиф Раскин и пианистка Татьяна Рубина	243
Иосиф Раскин и певец Анатолий Шамардин и поэтесса Нина Краснова.	244
Иосиф Раскин и радиожурналист Марк Дейч	247
Иосиф Раскин и танцовщица Тери Хан.	249
Иосиф Раскин и цыганская певица Галина Эрденко .	250
Иосиф Раскин и художник еврейского театра Юрий Шерлинг со своей дочерью и со своей женой	251
Иосиф Раскин и поэтесса Инна Раздольская.	255
Иосиф Раскин и режиссер Марк Розовский.	256

Нина КРАСНОВА
ИОСИФ РАСКИН: «Валерий ЗОЛОТУХИН, Анатолий ШАМАРДИН и Нина КРАСНОВА — МОИ ДРУЗЬЯ...»
(Отрывки репортажа вечера Нины Красновой в Малом зале ЦДЛ, под флагом журнала «Наша улица», 15 марта 2005 г., с видеодиска) 260

Нина КРАСНОВА
ИОСИФ РАСКИН — ОТКРЫВАТЕЛЬ И ПОКРОВИТЕЛЬ ТАЛАНТОВ
(Выступление Иосифа Раскина в сольном концерте Анатолия Шамардина, в Политехническом Музее, 16 марта 2006 года, во 2-м отделении, вечер вел Виктор Балашов, стенограмма с аудиокассеты) 266

Нина КРАСНОВА
АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР ИОСИФА РАСКИНА В ПЕРЕДЕЛКИНО, В МУЗЕЕ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО, 2009 год
(Стенографический репортаж Нины Красновой) 269

1-я часть вечера

Юная пианистка Наташа на вечере Иосифа Раскина 270

Иосиф Раскин бывал у Чуковского много лет назад . 271

Иосиф Раскин представляет ведущую вечера Аллу Рахманину 272

Иосиф Раскин предстает своего сына Михаила . . . 273

Иосиф Раскин любит частушки с самого детства . . . 273

Иосиф Раскин любит мат как часть русского языка . 274

Иосиф Раскин помнит анекдоты с времен войны . . . 275

Анекдот про Сталина и Левитана 275

Анекдот про внука 275

Как Иосиф Раскин решил написать и издать «Энциклопедию хулиганствующего ортодокса»	276
Иосиф Раскин и его родственники, друзья, жены и московские рестораны	277
Иосиф Раскин никогда не боялся рассказывать анекдоты	281
Анекдот про суфле и салют времен войны	282
Анекдот про ООН и Вышинского	283
Анекдот про лисицу, ворону и выборы президента	283
Анекдот про верблюда	284
Анекдот про уехавшего в Израиль	284
Анекдот про историческую родину	284
Эпиграммы Второго съезда писателей	285
Стихотворение однофамильца Иосифа Раскина про ГУМ	286
Пародия Бориса Брайнина на Гамзатова	286
Автопародия Михаила Дудина	287
2-я часть вечера	
Анекдоты в печати появились с легкой руки Никулина	288
Анекдот — это не просто юмор	288
Анекдот про сорок лет назад	289
Иосиф Раскин и Владимир Максимов	289
Анекдот про доллар	290
Анекдот про карты и самолет	290
Анекдот про деньги во время реформы	290

Иосиф Раскин и Юз Алешковский	291
Иосиф Раскин не сочинил ни одного анекдота	292
Иосиф Раскин и Владимир Солоухин	292
Иосиф Раскин и Илья Глазунов	293
Иосиф Раскин и Вадим Ковда	294
Чуковский, ненормативная лексика и бонтон	295
Иосиф Раскин считает, что нельзя ругаться матом . .	298
Иосиф Раскин советует давать читать «Энциклопедию...» детям	298
Иосиф Раскин и Джигурда	300
Иосиф Раскин и Игорь Губерман	301
Иосиф Раскин и Михаил Ножкин	301
Анекдот про портреты членов Политбюро	303
Иосиф Раскин и Михаил Горбачёв	304
Иосиф Раскин и Григорий Явлинский	305
Иосиф Раскин и Говорухин	306
Иосиф раскин о людях, которые не пьют и не любят мат	306
Анекдот про голосование в Кнессете	307
Анекдот про Стену Плача и про лотерейные билеты	307
Анекдот про чашечку кофе	308
Анекдот про парламент и про жилетку	308
Иосиф Раскин о недокументальности анекдотов, о Советском Союзе и Израиле	309
Анекдот про арабский танк	310
Анекдот про бракованные гранаты	310

Анекдот про одноглазых полководцев	311
Иосиф Раскин никогда не записывал анекдоты	311
Анекдот про ходоков к Ленину и про солому	312
Анекдот про доброго Ленина	313
Анекдот про Сталина и Крупскую	313
Анекдот про дневник партизана	314
Анекдот про высоту	314
Анекдот про поправки вДуме	315
Классификация анекдотов	315
Анекдот про букву «М» в русском алфавите	316
Анекдот про говно на поле	317
Анекдот про мужика на телеге и про американца	317
Анекдот про погром и про Христа	318
Анекдот про сокурсницу Брежнева	318
Анекдот про Брежнева на пляже и собаку	318
Анекдот как литературный жанр	319
Анекдот про Сталина и генерала	319
Анекдот про Сталина, Берию и Кагановича	320
Иосиф Раскин и медаль от Каталикоса всех армян	320
Про приезжего в Грузию и про проспект Руставели	320
Анекдот про билет до Москвы	321
Иосиф Раскин и Грузия и Нита Табидзе	321
Анекдот про большого человека и про портных	323

4. КОРИФЕИ ЮМОРА ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ, И ИОСИФ РАСКИН О НИХ

Аркадий АРКАНОВ

«ИКС», «ИГРЕК», «И» С ПТИЧКОЙ

(«Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», 1998) ... 325

«ОСТАВАЙТЕСЬ С НАМИ...»

(Отрывки вечера Иосифа Раскина, презентация его книги

«Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», Большой зал ЦДЛ, 1999 г., стенограмма, сделанная Ниной Красновой с видеокассеты)

Иосиф Раскин — о своей сестре Анне 328

Иосиф Раскин — о Марлене Кораллове, и Марлен
Кораллов — об Иосифе Раскине 328

Иосиф Раскин — О Гостином дворе и о конструкторе
Гостинного двора 330

Иосиф Раскин — о Махмуде Эсамбаеве, и Махмуд
Эсамбаев — об Иосифе Раскине 331

Иосиф Раскин о своей книге «Энциклопедия
хулиганствующего ортодокса» и о ее авторах, о Борисе
Брайнине, Владимире Вишневском, Владимире Владине,
Игоре Иртенъеве, Игоре Кохановском 333

Владимир Вишневский — об Иосифе Раскине 336

Иосиф Раскин — о Владимире Владине, и Владимир
Владин — об Иосифе Раскине 338

Иосиф Раскин — о Борисе Брайнине 340

Иосиф Раскин — о мужской вокально-музыкальной
группе, и руководитель группы — об Иосифе Раскине .342

5. ПОЛИТИКИ ОБ ИОСИФЕ РАСКИНЕ

Михаил ГОРБАЧЕВ

Поздравления с 70-летием, 11 ноября 2005 г. 343

Григорий ЯВЛИНСКИЙ

Некролог об Иосифе Раскине, 13 июня 2015 г. 344

6. ВЕЧЕРА ПАМЯТИ ИОСИФА РАСКИНА

Нина КРАСНОВА

«... ЕМУ НАЙТИ ЗАМЕНУ НЕВОЗМОЖНО...»,

11 ноября 2015 г.

(«Независимая газета», Экслибрис, 19 ноября 2015 г.) 345

Нина КРАСНОВА

**НОВЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР — ЭТО И НОВЫЙ ВЕЧЕР
ПАМЯТИ**

*(Отрывок из стенограммы творческого вечера Нины Красновой,
который стал вечером памяти Анатолия Шамардина и Иосифа
Раскина, 30 сентября 2015 г., Малый зал ЦДЛ)*

Поэтоград № 49 (201), 2015 348

Нина КРАСНОВА

ПРИНЦИП СВОБОДЫ, 11 июня 2016 г.

(«Независимая газета», Экслибрис, 21 июля 2016 г.) 351

Нина КРАСНОВА

«СМЕЮЩИЙСЯ ХУЛИГАН», 11 ноября 2016 г.

(«Независимая газета», Экслибрис, 15 декабря 2016 г.) 353

Нина КРАСНОВА

**ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА «ХУЛИГАНСТВУЮЩЕМУ
ОРТОДОКСУ» ИОСИФУ РАСКИНУ, 13 ноября 2016 г. .. 356**

Нина КРАСНОВА

«ХУЛИГАН, КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ...»

*(Вечер памяти Иосифа Раскина, Большой зал ЦДЛ, 11 ноября
2016 г.) 358*

Нина КРАСНОВА

**ИОСИФ РАСКИН ОСТАНЕТСЯ В ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ 401**

Литературно-художественное издание

Нина Краснова

**ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ХУЛИГАН
ИОСИФ РАСКИН**

**серия
СУДЬБЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ**

Главный редактор издательства — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка, макет — *Ирина Ракитина*

Корректурa авторская

Формат 140x200
Гарнитура Minion Pro
Печать офсетная
Тираж ### экз.
Сдано в набор 16.07.2018
Подписано в печать ##.##.2018

16 +

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.

Иосиф Захарович (Залкиндович) Раскин, 1935—2015.

*Мама Иосифа Раскина — Белла Генриховна Раскина (Гильман),
1898—1973.*

Иосиф Раскин у моря.

Иосиф Раскин на верблюде.

*Иосиф Раскин у афиши.
11.11.2005. ЦДЛ.
Фото Н. Красновой.*

И. Раскин и Э. Виторган.

*И. Раскин
и С. Садальский.*

И. Раскин и А. Инин.

*Н. Пастернак, И. Раскин и Н. Краснова. 14.05.2010.
Театр П. Фоменко, авторский вечер А. Вознесенского.*

И. Раскин и М. Кораллов.

И. Раскин и В. Дабужский.

И. Раскин и В. Вишневецкий.

*Директор ЦДЛ Галина
Максимова. 5.10.2009.
Фото Н. Красновой.*

И. Раскин и Е. Весник.

И. Раскин и В. Вишневецкий.

*И. Раскин, Н. Краснова, А.Шамардин и И. Раскина. 06.10.2005.
Метро «Кропоткинская».*

Иосиф Раскин с братом Генрихом Гильманом. Озеро Рица, 1991.

Иосиф Раскин с братом Г. Гильманом. Ресторан. Москва. 1991.

*Иосиф Раскин в парке с братом Генрихом Гильманом и другом
Михаилом Левитиным.*

*Иосиф Раскин с Габриэлой Кальво и внучкой Изабеллой Раскиной
Кальво.*

*Иосиф Раскин и его
родственник Вячеслав
Филиппов.*

*Внук Артём Раскин, мама Габриэлы — Асусена Кауэ Гутьерес,
Хавьер Мельгарехо, Иосиф Раскин, сын Михаил Раскин,
Виктор Троценко.*

Иосиф Раскин с внуком Артёмом и Р. Раскиной.

Иосиф Раскин со своими родными и друзьями: стоят — И.Блас Рикардо, снегурочка, внучка Кристина Раскина, внучка Лиза, дед Мороз, внучка Изабелла, Раиса Раскина, внучка Алена Раскина, дочка Ирина Раскина, В. Филиппов, сидят — сын Михаил, невестка Габриэла, внук Максимилиан, Сабина Круз Лопес и И. Раскин.

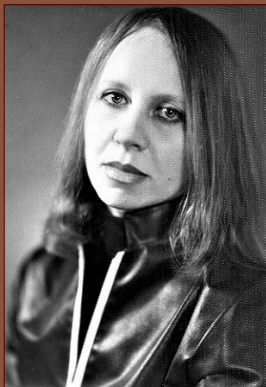

Иосиф Раскин со своей невесткой Габриэлой, со своими внучками Изабеллой Раскиной Кальво, Ханой Елизаветой Раскиной Кальво, и внуком Максимилианом Раскиным Кальво.

А. Яхонтов, Н. Краснова, М. Раскин, о. Валентин, Р. Раскина, И. Шадур, Т. Рубина и Габи. 1916. Пестрое кафе ЦДЛ, вечер памяти И. Раскина.

Эта книга посвящена памяти Иосифа Раскина, знаменитого книжника, собирателя анекдотов, баек, частушек, куплетов, афоризмов и крылатых выражений, автора бестселлера «Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса», защитника «великого, могучего, свободного и правдивого русского языка» и неотъемлемой части этого языка — неподцензурной лексики.

В книгу включены воспоминания об Иосифе его родных и друзей, и стихи о нем, и интервью с ним, и репортажи творческих вечеров с его участием и участием медийных лиц, а также материалы о вечерах памяти главного героя, и много чего еще, в том числе и его любимые анекдоты.

Из всего этого вырисовывается яркий, нестандартный, живой образ Иосифа Раскина, уникального деятеля культуры, который вошёл в историю и занял там свою почётную нишу, пустовавшую до него.

16+

Вест-Консалтинг
Москва
2018

ISBN 978-5-91865-525-2

9 785918 655252